

Андрей Бунич

ОСЕНЬ олигархов

История приХватизации
и будущее России

«Сегодня мы не можем быть
уверены в неизбежности
и обязательности произведенных
преобразований и их печальных
итогов. Наоборот, можно
утверждать, что экономические
реформы должны были привести
к совсем другим результатам...»

ПРОЕКТ

информационно-аналитического
портала

Андрея Бунича

«ПРИВАТИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ»

www.bunich.ru

информационно-
аналитический
портал

Андрей Бунич

ОСЕНЬ ОЛИГАРХОВ

История при~~х~~ватизации
и будущее России

Москва
«Яуза»
«Эксмо»
2005

ББК 67.408

Б 91

Директор проекта *М. Кисличенко*

Оформление художника *А. Рудневой*

Бунич Андрей

Б 91 Осень олигархов. История приватизации и будущее России. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 448 с., ил.

ISBN 5-699-14005-0

В книге известного российского экономиста Андрея Павловича Бунича раскрывается связь между советской партийной и хозяйственной номенклатурой и новыми хозяевами жизни — олигархами.

Анализируется ход приватизации и процесс возникновения современной политэкономической системы России. Показана роль теневой экономики и коррупции в новой системе отношений.

В книге аргументированно утверждается, что был возможен и другой путь развития, отличный от того, по которому пошла Россия.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ББК 67.408

© А. Бунич, 2005

© А. Руднева, художественное оформление, 2005

© ООО «Издательство «Яуза», 2005

© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-14005-0

Посвящаю эту книгу моим дорогим и любимым родителям Павлу Григорьевичу и Людмиле Иосифовне. Они были очень добрыми и честными людьми, искренне сопереживали стране в нелегкое время перемен. Волею судьбы мой отец оказался участником многих исторических событий. Он был делегатом первого Съезда народных депутатов СССР, депутатом Госдумы, советником Горбачева и Ельцина и даже подумывал написать в конце жизни книгу «Советник двух президентов», но, к сожалению, не успел. Много из того, о чем я пишу, основано на его личном опыте и рассказах, т. к. мы постоянно обсуждали все важнейшие события. Конечно, по ряду проблем у него было другое мнение, но это вопрос поколений и восприятия. Что-то из того, что было тогда скрыто, постепенно стало явным, и поэтому мне писать эту книгу было легче. В любом случае я всегда был его помощником во всех делах и считаю себя продолжателем его дела и его идей.

Мои родители, как и многие люди старшего поколения, не смогли пережить потрясений, выпавших на долю нашей страны за эти годы. Милые, наивные — они оказались беззащитными и безоружными перед лицом страшной олигархической системы. Их смерть — еще одно преступление той системы, о которой я пишу в книге.

Но я верю, что высшая справедливость восторжествует и те, кто виновен в смерти моей семьи, получат наказание. Бог им судья. Как сказано в Писании: «Господи, прости им! Ибо не ведают, что творят!»

Андрей Бунин

август 2005 г.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	13
О чем эта книга	13
Точка отсчета	14
Несколько слов о политэкономии	17
Что такое «золото партии»	20
Симбиоз систем	23
Точка осознания	25

Часть 1

«ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ» НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

О ТОМ, ЧТО ЗНАЮТ ВСЕ	33
Большой социалистический тупик	34
От Горбачева до Ельцина	35
Беспримерное самоотречение	36
Рожденные бурей	39
Занимательная геометрия: аксиома Кириенко	40
О ТОМ, ЧТО НЕ ВСЕ ЗНАЮТ	43
Миф первый: борьба Ельцина и демократов с коммунистами ..	45
Миф второй: либерализм, Егор Гайдар, Анатолий Чубайс и их деятельность по проведению экономических реформ и защите демократии	48
Миф третий: происхождение капиталов и бизнеса в России ..	52

Часть 2

«ЗОЛОТО ПАРТИИ»

КОРПОРАЦИЯ «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»	63
Становление жесткой централизованной системы	63
Что такое административно-командная система	64
Корпорация «Советский Союз»	66
Элементы рынка в СССР	69
Теневая экономика на Западе и в России	71
Мифы сталинской экономики	73
Сращивание официальной экономики и теневой	79

Транснациональная административно-командная система	82
Полезные свойства теневой экономики	87
Структура теневой экономики	89
Роль денег в советской системе	91
Неформальные управленческие взаимодействия	93
ДВОЙСТВЕННОСТЬ НОМЕНКЛАТУРЫ	103
Ключ к пониманию эволюции советской системы	103
Вспоминая марксистско-ленинскую классовую теорию	104
Неожиданный поворот: оформление номенклатуры в новый класс	106
Профессиональных революционеров — на свалку истории	108
Литература — о номенклатуре	109
Номенклатурные принципы выдвижения	111
Хомо советикус номенклатурный	112
Дежа вю	113
Аналогия с азиатским способом производства	114
«Становой хребет» советского общества	115
Секрет советских успехов	116
Номенклатура как техноструктура	118
Двойственность советской номенклатуры	121
Раздираемые противоречиями	123
Феодальное нутро социализма	126
ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ В СОБСТВЕННОСТЬ. БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ РЫНОК	129
Законы административно-командной системы	129
Планов громадье	130
Дефицит и неликвид — две стороны одной медали	133
Трансформация власти в собственность: «бюрократический рынок»	134
Плутократическая собственность и ее трансформация	141
Перерождение функций распоряжения и пользования	143
Партии интересов	146
Нарождение частного капитала и новой буржуазии	148
Дисбаланс в инвестиционных процессах	150
Деструктивно-созидательные факторы советской экономики	154
ДОРОГИ, КОТОРЫЕ (НЕ) МЫ ВЫБИРАЕМ	159
Готовность к переменам в рамках социализма. Странники и противники	159
Из коммунистов — в капиталисты, или Биржевые игры на заре реформ	164

Система индивидуальных нормативов как основа бюрократического рынка	166
От чего ушли.....	168
«Сладкий» курс	169
Два пути	170

Часть 3

ПЯТЬ ЭТАПОВ СТАНОВЛЕНИЯ ОЛИГАРХИИ В РОССИИ

ЭТАП ПЕРВЫЙ. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ

НАЧАЛО КОНТРЕФОРМ, ИЛИ Б.Н. ЕЛЬЦИН КАК ЗЕРКАЛО «РУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ»	175
«Ельцин против Горбачева»: игры на федеральном уровне ..	175
«Демократизация» номенклатуры	178
«Секретная миссия» выдвиженцев КПСС	188
«Кролл» и Кремль	192
Еще раз о «золоте партии»	195
«Матрица. Перезагрузка», или как Гайдар на баррикады бегал	199
«ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ»	207
Гайдар и его команда	207
«Да будет шок!»	209
Что необходимо было сделать	224
Финансово-банковский беспредел	229
История о 24 миллиардах и просроченных йогуртах	236

ЭТАП ВТОРОЙ. БОЛЬШОЙ СКАЧОК

ПРИВАТИЗАЦИЯ	243
«В начале славных дел»	243
Отец ваучерной приватизации	245
Экономические реформы: буря и натиск	246
«...Плюс ваучеризация всей страны»	249
«Красные директора» в сговоре с Госкомимущества	252
Появление Черномырдина. Хотели как лучше?	254
Корпорация «Приватизация»	256
Четыре составляющих провала	261
Девяносто третий год. Война компроматов	268
Конституционное закрепление «завоеваний демократии» ..	276

ЭТАП ТРЕТИЙ. ПЕРЕГРУППИРОВКА

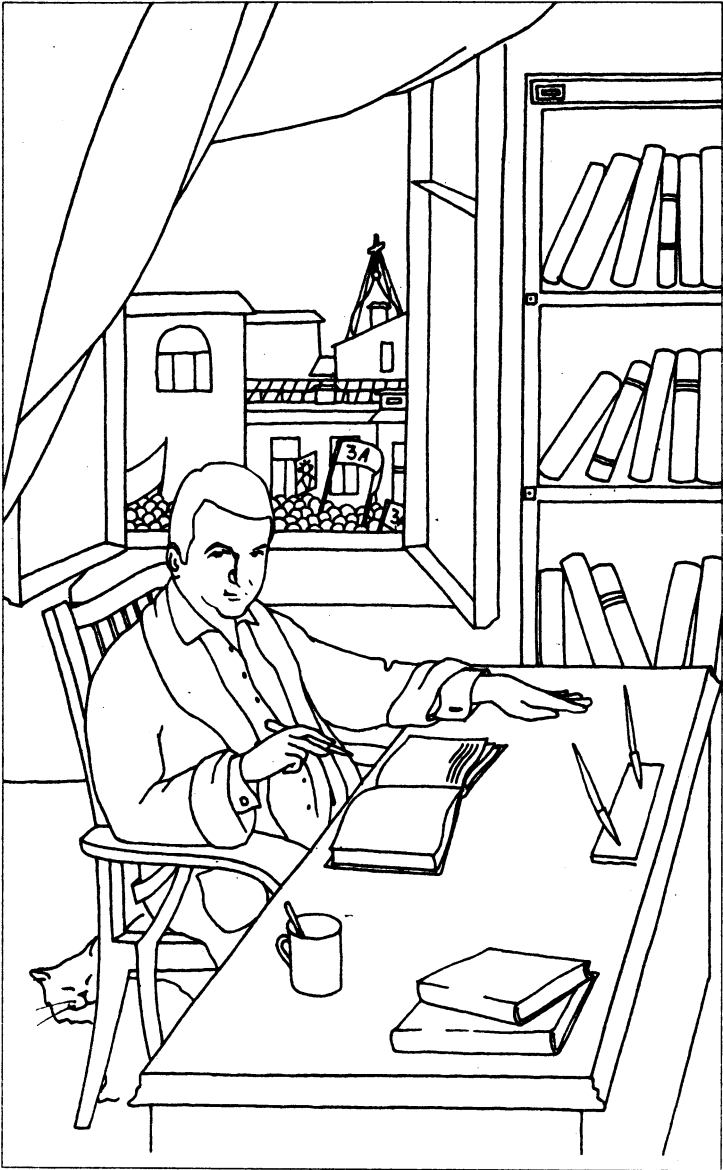
Экономика неплатежей	279
----------------------------	-----

«Дворцовая кухня»	281
Коммерческая деятельность некоммерческих организаций: звенья механизма перераспределения	283
Госструктуры в эстафете «крышевания»	284
Перераспределение через банки	285
Пирамидостроение	287
Экономика чеченской войны	289
«Выходят на арену силачи...»	290
Сообщающиеся сосуды	292
Бизнес-сообщество	294
Стоящие у трона...	295

ЭТАП ЧЕТВЕРТЫЙ. ЗАКРЕПЛЕНИЕ НА ПОЗИЦИЯХ

ВЛАСТЬ ОЛИГАРХОВ	297
Двойная конвертация: власть — собственность — власть ...	297
Залоговые аукционы: аппетит приходит во время еды	298
Даешь приватизацию любой ценой!	302
В преддверии выборов 1996 года: «Все на борьбу с коммунистической угрозой! Демократия в опасности!»	303
Как «съели» Коржакова	305
НЕСЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ ОЛИГАРХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	317
«Семибанкирщина»	317
Не дальше собственного носа	318
КПД паровоза	319
Мысль несозвучная есть ложь	321
Высшая каста, или Вещь в себе	321
Экспортеры капиталов	322
В долгах, как в шелках	323
«Нам скрывать нечего!»	323
Рокфеллеры, поезда и начальники станций	325
Рынок должностей	329
Патриотизм не в моде	330
Смирно! Равнение на Запад!	331
«Облик морале», или По закону джунглей	333
Хорошее государство — слабое государство	334
Олигархическая «кухня»: слоеный пирог	336
ОЛИГАРХИ И ПАРТИЙНАЯ НОМЕНКЛАТУРА. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ ..	339
В ответе за судьбы страны и народа, или Кузнецы собственного счастья	339
Коррупция по-коммунистически и по-олигархически	341

Достойные наследники	345
Назад в будущее, или Пирог по дедушкиному рецепту	347
К каждому — индивидуальный подход, или «Чего изволите?»	348
Ученики, превзошедшие учителей	348
Элитариат как могильщик	349
ЭТАП ПЯТЫЙ. ПОЛНАЯ И ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА ОЛИГАРХИИ	
ПОКОЙ И БЛАГОДАТЬ	353
Покой нам только снится	354
«Кому я должен — всем прощаю»	355
Отнимаем и умножаем	357
Две музы: любовь к телеискусству и дело писателей	358
Госимущество как стабилизатор	362
В думах о судьбах страны	363
Несостоявшиеся президенты. Три карты, три карты, три карты... ..	364
Проводы Черномырдина	367
Премьер-комсорг и лечение дефолтом	369
Пробы на роль премьера продолжаются	375
Часть 4	
ПАРАДОКС ПУТИНА	
НАКАНУНЕ, ИЛИ «СЕМЬЯ» НА РАСПУТЬЕ	385
Лебедь, рак и щуки... ..	386
Парадоксы кузницы кадров	388
...И парадокс Путина	392
Поздний Ельцин в вакууме	392
САМООТРИЦАНИЕ СИСТЕМЫ	395
В начале	395
Исход	396
Без «семьи»	397
Терапия или хирургия	399
Олигархи-правозащитники	401
Саботажники и провокаторы	403
ПЕРЕПИСЫВАЯ ЗАНОВО	409
Приложение	
Иллюзии и реальность	419
Новый курс или бархатная революция	427
С двоемыслием наперевес	430

ВВЕДЕНИЕ

О чем эта книга

Почему я решил написать эту книгу именно сейчас? Мне показалось, что сегодня очень многие люди и в нашей стране, и за рубежом не могут разобраться в том, что же произошло в России в последние годы. Понятно, что речь идет о тех мощных преобразованиях, «тектонических сдвигах» поистине международного и исторического значения, которые в значительной мере изменили ситуацию не только в стране, но и в мире. Эти изменения, возможно, явились одними из важнейших событий в истории XX века. По крайней мере, важнейшими событиями его последних десятилетий.

Я понял, что очень многие не осознают, что же реально произошло в нашей стране. Выросло целое поколение, которое практически не представляет себе ситуации, в которой страна находилась в 80-х годах — перед началом этих преобразований, и совершенно запуталось в том, что происходило в последующие, 90-е годы. Люди, чья молодость пришлась на время перемен, фактически потеряли все ориентиры, впали в пессимистические настроения, потеряли смысл жизни. Разочарование, ощущение безысходности, апатия — знаковые явления для сегодняшней России.

Мне кажется, это произошло по нескольким причинам. Во-первых, преобразования были столь масштабны и глобальны, что даже сегодня мы еще не можем их оценить. Когда спустя 250 лет после Великой французской революции

Чжоу Энь-лай¹ попросили оценить ее итоги, он ответил, что еще рано об этом говорить. Действительно, масштабные исторические события могут быть правильно оценены и до конца осознаны лишь по прошествии значительного периода времени.

Во-вторых, те, кто начинал эти преобразования, предвосхищал их или настойчиво работал для того, чтобы они в конечном счете осуществились, впоследствии оказались в стороне от управления политическими и экономическими процессами в стране. На место людей, являвшихся идеологами и главными движущими силами реформ, людей, борющихся за их осуществление, пришли совсем другие. И эти представители «новой волны» реформаторов вообще не заинтересованы в том, чтобы правда о тех годах, о тех событиях когда-нибудь стала известна широкой публике.

Третья причина — в международной ситуации. Мало кто в мире хотел бы, чтобы события новейшей российской истории наконец-то получили правильную оценку. Влиятельные силы, в том числе и на Западе, заинтересованы в том, чтобы происходило как раз то, что и имело место во второй половине 90-х годов. Поэтому распространение любых мнений, отличных от официальной версии, любой правдивой информации о том, что реально произошло в стране, наталкивается на серьезные препятствия.

Точка отсчета

Я хотел бы отметить, что границы временного отрезка, о котором идет речь, весьма нечетки. Мы не можем точно

¹ Джоу Энь-лай (1898–1976) — китайский государственный и политический деятель

сказать, когда все началось. Может быть, в 1991 году — после августовского путча или Беловежской Пуши. Или, быть может, в 1989 году, когда впервые после долгого перерыва были проведены в какой-то степени свободные выборы в Верховный Совет СССР и люди вышли на улицы с энтузиазмом, с надеждой на то, что настала пора перемен. Это был поистине мощный прилив энергии, народный порыв, который впоследствии иссяк. Но и это не может считаться отправной точкой: глубинные процессы, приведшие к переменам, начались еще раньше.

Тогда, может быть, все началось с перестройки, то есть с момента прихода Горбачева к власти весной 1985 года? Такой вопрос тоже имеет право на существование, ведь именно при Горбачеве были проведены некоторые реформы, которые в конечном итоге подорвали советскую номенклатурную тоталитарную систему. Еще при абсолютном господстве КПСС, в рамках так называемой борьбы бульдогов под ковром, постепенно, кирпичик за кирпичиком закладывался фундамент для будущей демократической революции, хотя внешне все выглядело, как раньше: принимались различные постановления, собирались партийные пленумы, отстранялись партийные чиновники...

Однако такой ответ тоже будет неточным, поскольку некоторые явления, очень важные для понимания прошлого нашей страны и ее нынешнего состояния, датируются еще более ранним периодом. В какой-то степени, мне кажется, символической датой начала новой эпохи можно было бы считать, как ни странно, Олимпиаду 1980 года в Москве. Я помню, как заканчивалась Олимпиада и вся страна наблюдала по телевизору церемонию ее закрытия. Мы все видели трогательный прощальный полет олимпийского Мишки под прекрасную, вошедшую в историю песню в исполнении Льва Лещенко и Татьяны Анциферовой. В этот момент у миллионов людей разом заняло сердце, многие заплакали. Моя ма-

ма, сентиментальная женщина, тоже заплакала. И у меня самого в груди, я помню точно, что-то защемило.

Как мне теперь кажется, это было смутное предчувствие того, что в стране происходят какие-то необратимые сдвиги, что мы просто обречены на изменения. Было понимание того, что старая имперская система больше не сможет обеспечивать нашу жизнь так, как она обеспечивала ее десятилетиями до этого. В тот момент, мне кажется, весь народ инстинктивно почувствовал, что закончилась эпоха. Исчерпавшая себя старая советская система в последний раз из последних сил выплеснула мощный заряд энергии. На подготовку к Олимпиаде, на ее проведение были истрачены огромные деньги. Были подключены огромные внутривнутриполитические и международные возможности Советского Союза — было сделано все, чтобы провести Олимпиаду на должном уровне. И все получилось, все прошло успешно.

Но, как оказалось — и, по-моему, на сегодняшний день это очевидно, — Олимпиада стала последним мощным рывком и последним успехом советской системы, причем не только в области спорта или общественной деятельности, но и в области экономики. Ведь если посмотреть внимательно, многие объекты в стране, в Москве были построены как раз в период подготовки к Олимпиаде — 80. Некоторые из них до недавнего времени являлись лучшим, что у нас есть. А кое-что и сейчас является...

После Олимпиады наша страна и вступила, наверное, в эпоху перемен. Я подчеркиваю: это лишь символическая дата, она конечно же не играла никакой политической роли. Ее нельзя ставить в ряд ни с горбачевской перестройкой 1985 года, ни со Съездом народных депутатов 1989 года, ни, естественно, с августом или декабрем 1991 года (Беловежской Пущей). Это просто символическое событие, которое ярко продемонстрировало и на инстинктивном уровне затронуло эмоциональные струны всего народа и показало,

что в стране что-то изменится. И действительно, вскоре после Олимпийских игр начались изменения в высшем руководстве страны. Один за другим умирали высшие руководители: Брежнев, Андропов, Черненко — люди одного поколения, практически так уходила старая политическая элита.

Так что можно сказать, что речь в данной книге пойдет о новейшей политической истории России — о 80–90-х годах XX века и, соответственно, о системе политических и экономических отношений, сложившейся в России к началу третьего тысячелетия и существующей в данный момент.

Несколько слов о политэкономии

В силу своей биографии и личной истории все эти годы я находился достаточно близко к центру принятия экономических и политических решений. Поэтому я в значительной степени располагаю достоверной информацией о политических процессах, которые происходили все эти годы, об идеологии реформ, о том, какие подходы и методы предлагались и как они осуществлялись на практике. Я имел возможность наблюдать и из первых рук получать информацию о происхождении капиталов в России, о становлении современных финансово-промышленных групп и, главное, о том, как происходила глубинная трансформация отношений власти и собственности, конвертация власти в собственность при переходе от административно-командной системы к рыночной.

Также я могу с достаточной долей достоверности предполагать о наличии той или иной политической подоплеки и личного характера принимаемых на высшем уровне решений. Но хочу подчеркнуть, что меня ни в коей мере не

интересуют личностные взаимоотношения на вершине власти и интриги на политическом Олимпе в этот период — как бы интересны они ни были сами по себе. Вовсе не это является предметом моего исследования.

Конечно, для кого-то перипетии политической борьбы, интриги, заговоры, какие-то события личного характера наиболее интересны. Но, на мой взгляд, гораздо важнее сейчас понять политико-экономическую сущность произошедших изменений. Поэтому в основу этой книги лег как раз политико-экономический подход.

К сожалению, слово «политэкономический» в последнее время исчезло из специальной литературы. Произошло это в силу того, что идеологи рыночных реформ из так называемых старореформаторов применяли спекулятивный, умозрительный, чисто экономический, даже эконометрический подход к изучению экономических явлений, забывая про политэкономическую сущность происходящей трансформации. При этом они отвергли учение Карла Маркса, которое строится именно на политико-экономической платформе, а именно на анализе производственных отношений (то есть отношений людей в процессе производства, потребления и распределения материальных благ) и возникающих в связи с этим явлений. Все это реформаторы не поняли, а может быть, и не захотели понять, и начали рассуждать на экономические темы, исходя из одной только голой экономики. Но, как сказал Георг Кристоф Лихтенберг, кто не знает ничего, кроме химии, тот и ее знает недостаточно. Такие горе-экономисты тоже не в состоянии понять экономическую систему, исходя из нее самой. Экономика не может объяснить саму себя, для этого нужен политэкономический подход.

Я конечно же буду приводить примеры из нашей политической реальности. Более того, часто конкретные факты и события, произошедшие в ходе реформ, могут проиллюстри-

ровать те или иные политические и экономические отношения, складывающиеся в нашей системе. Но это не более чем иллюстрации, которые просто помогают понять, что происходит. Они не являются целью сами по себе.

Этим данное исследование, по моему мнению, должно отличаться от различного рода политологических (а зачастую, скорее, литературных) произведений, где акцент делается на «жареные» факты, какую-то эксклюзивную информацию о жизни высших политических деятелей или же на анализ их личных взаимоотношений. Личные взаимоотношения политических лидеров и группировок за этот период интересуют меня лишь постольку, поскольку это может дать представление о глубинных политических и экономических процессах, которые манифестируются в разного рода интригах и конфликтах. И именно такой подход я считаю базовым и наиболее важным при подготовке этой книги.

Я имел возможность лично общаться со многими политическими лидерами этого периода, в том числе и в неформальной обстановке, поэтому иногда я буду использовать и свои личные впечатления о тех или иных людях. В значительной степени мои выводы будут базироваться на взглядах и мнениях моего отца — Павла Бунича, который в свое время подумывал о написании мемуаров. Отец хотел рассказать о своих личных контактах с высшими руководителями страны: он в свое время был советником и Михаила Сергеевича Горбачева, и Бориса Николаевича Ельцина. Он так и не успел осуществить этот план из-за своей кончины в 2001 году. Мое исследование в какой-то степени восполняет этот пробел, реализует то неосуществленное желание отца и выражает отчасти и его точку зрения на многие явления последнего двадцатилетия. Еще и поэтому я буду стараться избегать личностных оценок и в большей степени концентрироваться на политэкономической сущности процессов, происходящих в стране.

Что такое «золото партии»

В своей книге я хотел наглядно продемонстрировать, каким образом властные механизмы (экономические и политические) советского периода трансформировались в аналогичные механизмы современной российской системы. Это и есть, на мой взгляд, пресловутая проблема «золота партии».

Ведь на самом деле так называемое золото партии — вовсе не сокровища, хранившиеся в сундуках, а потом вывезенные из страны в процессе перестройки. И не миллионы долларов в швейцарских банках, оказавшиеся там до, во время или после перестройки. На самом деле это система политико-экономической власти бюрократической номенклатурной элиты, которая в результате экономических демократических реформ трансформировалась в нечто другое. Именно эта новая система и является предметом моего исследования.

Я попытался проследить, как происходившее в экономике в те годы, в момент крушения советской системы, привело к тому, что мы имеем в экономике сейчас; как трансформировалась экономическая и политическая власть; как на неформальном уровне изменились механизмы влияния, как они перешли по наследству в новую систему и проявились на нынешнем этапе развития российской экономики. Именно это я считаю наиболее важной целью данной работы.

Таким образом, употребляя в своей книге выражение «золото партии», я подразумеваю политико-экономическую власть, которая за последние двадцать лет дважды переходила из рук в руки: сначала от одной группы советской номенклатуры к другой — демократическим политическим лидерам, затем к третьей группе — олигархам.

Основной причиной непонимания современных политико-экономических процессов стало затушевывание реального

состояния как бывшей административно-командной системы регулирования экономики, так и нынешней «рыночной» системы, в которой далеко не все элементы являются рыночными.

Общепринятая трактовка такова: в Советском Союзе существовала административно-командная система, которая была основана на жестком планировании, централизации всех управленческих функций, тоталитарном политическом режиме и, естественно, на монополизме во всех его формах. В результате реформ должна была сформироваться некая идеальная рыночная система, в которой, по замыслу реформаторов, разом заработали бы все рыночные механизмы. Она должна была бы полностью соответствовать либеральной идее, то есть включать в себя свободную конкуренцию и свободное перемещение капитала из отрасли в отрасль — в зависимости от прибыльности вложения в тот или иной сектор. Предприятия и фирмы при подобной системе должны быть заинтересованы в снижении издержек производства и, соответственно, в снижении цен, предложение должно определяться исключительно спросом, а государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным и ограничиваться финансовой сферой — регулированием процентных ставок, валютного курса и системы налогообложения. Это и называется монетаризмом.

В действительности все произошло совсем по-другому и не могло произойти иначе. Дело в том, что исходное состояние нашей экономики не было исключительно планово-централизованным и административно-командным. Даже тогда существовали скрытые рыночные механизмы, а именно неформальное влияние и теневая экономика. Поэтому все исследования экономической системы без учета скрытых факторов централизованной экономики, невидимых механизмов распределения, потребления, инвестиций, контроля над собственностью являются заведомо неполноценными.

В конце 80-х годов стали появляться материалы исследований, в которых много говорилось о теневой экономике и назывались характерные черты административно-бюрократической системы, совершенно несвойственные капитализму: неформальные управленческие взаимодействия, «административная валюта», «телефонное право», номенклатура, аппарат, группы влияния, «бюрократический бартер», теневая экономика, существование возвращенного товарообмена («ты — мне, я — тебе») на всех уровнях, противоречие натурально-вещественных и стоимостных показателей статистической экономики.

Все эти явления впоследствии трансформировались, изменились по форме, но продолжают оставаться содержательной частью экономических процессов. В своей нынешней форме, адаптированные к новым экономическим реалиям, они продолжают не только присутствовать в экономике, но и фактически определять ее качество. Поэтому сегодня принципиально важно выделить эти явления, посмотреть, как они преломляются в современной экономической системе.

Все эти явления можно объединить под одним понятием — система экономического и политического контроля над экономикой, который осуществляла номенклатура в годы советской власти. Именно через систему политического контроля партия господствовала в экономике и, соответственно, осуществляла прямой контроль над всеми отраслями через систему назначения на должности, через правоохранительные органы. Но существовал еще и косвенный контроль.

Этот механизм формального и неформального контроля номенклатуры над экономикой СССР и есть так называемое золото партии: ЦК КПСС являлся гигантским холдингом, супермонополией, державшей в своих руках контрольные пакеты бюджетобразующих предприятий и целых отраслей, то есть каркас экономики. Таким образом, в советское вре-

мя 70—80% доходов контролировалось просто через систему назначения. Остальные же сектора экономики находились под непрямым контролем, в них допускалось некоторое подобие конкуренции, дозволялись экономические эксперименты.

Симбиоз систем

Прямой контроль номенклатуры над экономикой можно назвать номенклатурным капиталом. В действительности право собственности у номенклатуры, естественно, не возникало, но номенклатурное управление госсобственностью фактически означало владение номенклатурным капиталом.

Я не исключаю — скорее всего, так и было — существования номенклатурного капитала и в денежной форме в западных банках. Это так называемый советский капитал, который вывозился из СССР и до развала Союза. Просто в начале 90-х годов, после развала Советского Союза, этот процесс интенсифицировался.

Номенклатурный капитал — очень важное понятие для характеристики современных экономических процессов в России. Именно напуганная экономическими реформами номенклатура, руководимая реакционной частью политбюро, в какой-то момент почувствовала угрозу своему положению, поскольку перемены вытолкнули на поверхность массу инициативных энергичных людей по всей стране. Номенклатура понимала, что должна будет постепенно уступить им власть — сначала экономическую, а затем и политическую. Именно поэтому начали происходить те политические явления, которые впоследствии привели к развалу СССР.

Конвертация власти в собственность происходила прежде всего в моменты «шоковой терапии» и приватизации, а впоследствии — через создание так называемых олигархов. Это очень важное направление, которое имеет смысл проследить от момента его зарождения до сегодняшнего дня. Без понимания этого процесса все рассуждения об экономических реформах оказываются несостоятельными. Если мы не узнаем, что же в реальности скрывалось за экономической политикой, которая проводилась в годы реформ, мы не сможем и сегодня двигаться в направлении удвоения ВВП (а именно такую задачу поставил Владимир Владимирович Путин) и не сможем осуществить никакие изменения в базовых секторах экономики.

Часто приходится слышать: «Какой смысл копать в прошлом, это непродуктивно» или «Важно не кто виноват, а что делать». Хотелось бы ответить на подобные возражения. В условиях современной России ответ на вопрос «Кто виноват?» почти на 100% определяет ответ на вопрос «Что делать?». Мы не сможем выяснить, что делать, если всерьез не разберемся, кто виноват. Для того чтобы что-то делать, надо, как минимум, понимать, что произошло и как обстоит дело на сегодняшний день, какая экономическая система сложилась в России сегодня.

А сложилась у нас уникальная экономическая система, которой не было ни в одной стране мира. Она имеет массу специфических черт, ее трудно подвести и под западный шаблон — американский или европейский, и под восточный — китайский или японский. Нужно обязательно разобраться, что происходило в последние два десятилетия — хотя бы для того, чтобы четко описать нынешнюю ситуацию. И уж затем можно будет решать, как изменить эту уже давно сложившуюся систему.

Очевидно, что результат экономических реформ у нас в стране не имеет ничего общего с либеральной рыночной

экономикой, но в то же время это уже и не прежний административно-командный уклад. Скорее, это какой-то гибрид, основанный на симбиозе систем. Сегодня мы имеем дело с абсолютно сложившейся, даже можно сказать, косной и инерционной системой, с большим трудом поддающейся реформированию, что легко может подтвердить любой человек, реально вовлеченный в процессы экономической и административной реформы. Данная система уже не трансформируется, она живет своей жизнью, и надо думать, что делать с этой странной оригинальной конструкцией, основанной на симбиозе противоположных, противоречащих друг другу, элементов и тенденций. Некоторые сугубо рыночные элементы были впитаны бывшей административно-командной системой, другие — были отторгнуты. При этом часть ключевых элементов административно-командной экономики, в частности монополизм, не только не исчезли, а наоборот, развились, что и создает ту самую уникальную ситуацию в экономике России.

Точка осознания

Почему все это происходило, какие политические силы нас к этому привели и зачем, делали ли они это по глупости или с умыслом — все это имеет очень большое значение. Не ответив на эти вопросы, невозможно разобраться в существующем положении дел. Понятно, что если эти политические силы, и сейчас наделенные властью, действительно преследовали определенные цели, то теперь они стараются всевозможными способами отвлечь внимание общественности от выяснения тех или иных обстоятельств своей деятельности. Это очевидно прежде всего в области приватизации государственной собственности.

Именно поэтому мы обязаны разобраться в нашем прошлом, посмотреть, кто же на самом деле виноват, и уже на этой платформе выработать рекомендации, что делать. Никто не говорит о том, что все нужно свести лишь к обвинениям в адрес людей, которые осуществляли перестройку экономики на начальном этапе, или других, в какой-то момент перехвативших «знамя экономических и политических реформ» и извративших их суть. Естественно, речь не идет ни о каких карательных мерах, ни о каких аналогиях с 1937 годом. Речь идет о необходимости вскрыть язву и показать, каким образом она зародилась и как ее лечить теперь.

Фактически нам требуется некая социальная психотерапия. Из индивидуальной психологии известно, что целью психоанализа или других психотерапевтических подходов является вскрытие негативных паттернов поведения человека, его бессознательного, которое сковывает его, определяя его поведение. Такие же методы могут быть применимы и к обществу в целом, поскольку общество наше тоже болеет. У нашего общества коллективный невроз или, по выражению Абрахама Маслоу, метапатология, когда огромное число людей живет с ощущением бессмысленности и безысходности. Этот социальный невроз также можно вылечить лишь методом вскрытия негативных паттернов, поскольку только через осознание можно начать менять систему реагирования общества на те или иные болезненные невротические явления.

Хочу подчеркнуть, что целью нашего общества сейчас должно быть вовсе не вытаскивание на поверхность и привлечение к ответственности конкретных лиц, а осознание негативных механизмов и конструкций внутри самого общества. А также понимание того, что эти механизмы и конструкции появились в результате сознательных действий тех или иных политических сил. Важно понимать также, что они продолжают существовать и по сей день, благодаря заинтересованности этих сил в определенном сценарии развития событий.

Чем быстрее мы достигнем этой точки осознания, сможем полностью прочувствовать, что же мешает нам двигаться вперед, тем быстрее определим, что нам делать в экономической политике.

И сегодня это кажется еще более актуальным, поскольку мы все видим, как старая олигархическая система, выстроенная в эпоху позднего Ельцина, рушится, а олигархи уходят с политической арены. Мы видим, что та конструкция экономики, которая была предложена и, к сожалению, долгое время доминировала, сейчас уже не соответствует реальности и должна быть демонтирована.

В любом случае необходимо попробовать оценить, насколько исторически безальтернативен был этот сценарий развития событий. Это один из важнейших вопросов, мучающих современную политическую и интеллектуальную элиту; молодежь, выросшую за годы перемен; людей старшего возраста, получивших надежду в конце 80-х, а затем потерявших ее. Была растоптана не только надежда людей на перемены к лучшему, но сами эти люди были втоптаны в грязь в результате тех безобразий и беспредела, который был допущен в начале 90-х.

Именно это хотят знать все эти люди, получившие мощный плевок в лицо в начале 90-х. Именно поэтому они сейчас ностальгируют по прошлому, по коммунистической мечте. Эти люди просто не понимают, что не коммунистическая идеология являлась залогом их более или менее сносной жизни, а неправильные и плохо проведенные экономические и политические преобразования в России скомпрометировали саму идею экономических реформ и приватизации.

Все эти четыре группы мучительно ищут ответ на вопрос, было ли это исторически предопределено либо же все, что с ними случилось, было исторической случайностью. Мы сейчас должны ответить на этот вопрос, потому что от него зависит будущее.

Если то, что сделали реформаторы, было единственным возможным путем развития страны в той ситуации, тогда должен быть один подход к дальнейшим преобразованиям. Но если в какой-то момент по вине (или по глупости) определенных лиц или же по замыслу определенных политических группировок реформы политические и экономические были направлены совершенно в другое русло и привели к совершенно иным последствиям, нежели планировали авторы и идеологи реформ, — это совсем другое дело.

Неужели академик Сахаров находился в ссылке в Горьком и боролся десятки лет с советским тоталитаризмом для того, чтобы сегодня Роман Абрамович покупал самые дорогие футбольные клубы, самые дорогие яхты, особняки и самолеты?! Я не думаю, что академик Сахаров мог предположить, что в результате его деятельности и деятельности опекаемого им политического крыла в конечном счете возникнет олигархическая система, «семибанкирщина», а мы каждый день будем слышать в новостях о зарубежных приобретениях наших олигархов.

Очень важно сейчас отделить то, что было исторически необходимо, от того, что было навязано, что носило конъюнктурный характер, что было специально сделано определенными группами с целью завладеть политической и экономической властью.

Сегодня мы не можем быть уверены в неизбежности и обязательности произведенных преобразований и их печальных итогов. Наоборот, можно утверждать, что экономические реформы должны были привести совсем к другим результатам. А в итоге мы имеем крах либерализма, развал демократического движения и отсутствие надежд на демократию.

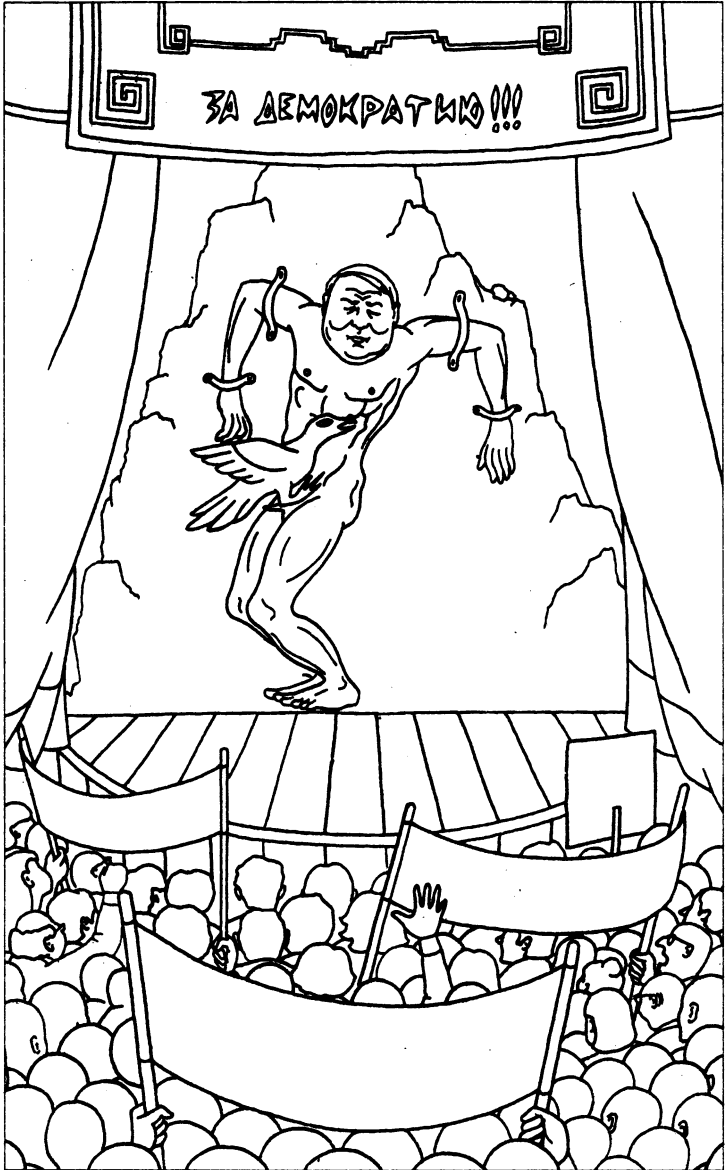
Слова «приватизация», «экономическая реформа», «демократия» скомпрометированы, они вызывают страх, тревогу, нервное напряжение. Они стали своего рода ругатель-

ными словами — произносящий их человек заведомо настраивает общество против себя. Именно с этим связан провал демократических партий на выборах. Для того, чтобы реабилитировать либерализм и демократию в глазах наших соотечественников, необходимо четко определить и показать в историческом разрезе, как все было в реальности.

Подчеркиваю в заключение, что данная работа — не историческое исследование и некоторая хронология сохранена лишь для лучшего понимания происходивших процессов. Это, скорее, исследование сегодняшнего состояния российской экономики с учетом нашей истории за последние двадцать лет. Хронология просто помогает ощутить те проблемы, которые сегодня являются ключевыми для нашей страны.

Берясь за написание этой книги, я надеялся, что смогу в какой-то мере если не ответить на эти болезненные для нашего общества вопросы, то хотя бы привлечь к ним внимание, чтобы впоследствии и другие специалисты смогли высказать свое мнение по данному вопросу и все вместе мы попытались бы разобраться в происходившем и происходящем.

**«ЛЕГЕНДЫ
И МИФЫ»
НОВЕЙШЕЙ
ИСТОРИИ**

О ТОМ, ЧТО ЗНАЮТ ВСЕ

Существует некий набор идеологических клише, стереотипов восприятия, догм, которые описывают нашу новейшую политическую историю. Это означает, что определенный подход ко всем политическим проблемам на протяжении долгого времени насаждался через средства массовой информации — прежде всего через телевидение, а также поддерживался разного рода публицистами, политологами, экономистами, общественными деятелями.

И люди привыкли воспринимать эту идеологизированную конструкцию как некое приближение к реальности, хотя у многих по-прежнему существуют свои воззрения на этот счет. Однако зачастую люди, придерживающиеся диаметрально противоположных взглядов на происходящее, сами, не замечая этого, отталкиваются от того самого идеологического клише, которое красной нитью пронизывает всю пропаганду 90-х годов. Получается, что даже полемизируя с официальной версией, человек незаметно подхватывает те или иные конструкции своих оппонентов.

Многие просто не чувствуют доминирующего подхода в пропаганде — до них доносятся лишь обрывки, отдельные фразы, может быть, отдельные комментарии по поводу тех или иных событий. У этих людей чаще всего

восприятие просто спутано, и им трудно в нем разобраться. Но если они попытаются выделять те или иные аспекты своего восприятия, то заметят эту идеологическую линию, которая так долго вбивалась в головы (прежде всего, благодаря телевидению), что создала в их сознании матрицу, программирующую все, что проникает туда из средств массовой информации, из общения с другими людьми, из личного опыта. Таким образом, мы в любом случае имеем дело с четко очерченной идеологической догмой, неким коллективным мифом, который присутствует в общественном сознании и уже развивается, живет своей жизнью.

Большой социалистический тупик

Что же входит в основу этого коллективного мифа? Прежде всего миф базируется — и в значительной степени это оправдано — на констатации крайнего кризиса советской политической и экономической системы. В конце 80-х годов эта система подверглась разрушительной критике со стороны многих специалистов: стало очевидно, что она не в состоянии обеспечить дальнейшее развитие страны. В связи с этим идеологическая конструкция 90-х годов в основном строится на разрушении всех основных положений марксистско-ленинской теории, понятий «социализм», «коммунизм», «тоталитаризм».

Далее, согласно бытующему мнению, происходит следующее. Существовавшая на протяжении 70 лет система заводит общество в тупик, возникают кризисные явления, хаос. Советская система не может конкурировать на международной арене с развитыми капиталистическими странами, прежде всего с США. Она уже не может поддерживать им-

перское величие страны и ее притязания на роль сверхдержавы за счет влияния на многие страны на всех континентах, ослабевает военный, политический и международный потенциал Советского Союза.

От Горбачева до Ельцина

В результате в Политбюро ЦК КПСС осуществляются некоторые изменения: там появляются люди, осознающие опасность, которая угрожает советской системе. Генеральным секретарем ЦК КПСС становится Михаил Сергеевич Горбачев. Затем происходят всем известные события — перестройка, гласность, открываются границы, страна постепенно интегрируется в мировую экономику. Начинаются внутренние экономические реформы, поначалу достаточно вялые — принятие законов о кооперации, об аренде, создаются совместные предприятия. Затем реформы приобретают более решительный характер.

Начиная с этого момента, трактовка деятельности Горбачева становится весьма противоречивой. По мнению части населения, он осуществил мощный прорыв в будущее, позволил Советскому Союзу преобразоваться в нормальное демократическое государство, основанное на рыночной экономике. Но людей, оценивающих деятельность Горбачева подобным образом, становится все меньше и меньше. Другая, более многочисленная, группа россиян оценивает действия Горбачева как предательство, как разрушение нашей страны, катастрофу. Но обе группы сходятся в одном: деятельность Горбачева была противоречивой, а сам он нерешительным: не смог удержать управление страной, СССР распался на новые независимые государства и в итоге Горбачев был отстранен от власти.

Одновременно с конца 80-х годов начало развиваться демократическое движение, которое изначально возглавляли такие люди, как академик Сахаров. Затем к нему примкнули люди из более официальных структур — административных и бюрократических. Это прежде всего те, кто был отторгнут бюрократическим аппаратом, как, например, Борис Николаевич Ельцин, который впоследствии это движение и возглавил. Эти силы повели борьбу за более радикальный вариант реформ. При этом они боролись не только за экономические реформы, но и за политические преобразования, а именно почему-то за «укрепление российской государственности», то есть за какую-то непонятную независимость России от СССР.

На тот момент ведомые Борисом Николаевичем Ельциным демократические силы воспринимались общественным сознанием как единственное спасение. Во время августовского путча 1991 года, когда группа высших руководителей государства в лице ГКЧП попыталась отстранить Горбачева от власти, заперев его в Форосе, Борис Николаевич Ельцин и демократические силы, обороняя Белый дом, спасли демократию. Затем, в процессе дальнейшего спасения демократии, они — точнее, Ельцин единолично — в Беловежской Пуще в декабре 1991 года упразднили Советский Союз. И мы перешли в новую историческую эпоху, в которой и по сей день пребываем.

Беспримерное самоотречение

Приблизительно в это же самое время появились некие молодые реформаторы, которые, по версии официальной пропаганды, задолго до экономических реформ уже высказывали какие-то новаторские идеи и чуть ли не за 10 лет до

описываемых событий уже имели свои воззрения на судьбы страны. В этот момент эти в большинстве своем малоизвестные почему-то люди оказались на высших постах в государстве. Фактически преимущественно из них состояло первое российское правительство. Именно они осуществили необходимые, как нас уверяли, единственно возможные в данном случае перемены, без которых страна не могла обойтись и альтернативы которым не было. По сути реформы были «шоковой терапией», которая свелась к обесцениванию накоплений населения в Сберегательном банке, к стократному падению курса рубля и почти такому же повышению цен. А далее последовала массовая приватизация.

Реформаторы называли себя камикадзе и говорили о своем долге перед страной, о том, что они должны спасти ее в тяжелый момент, пожертвовав своей политической карьерой и, возможно, личными благами. Идеологическим лидером этого крыла был Егор Гайдар, впоследствии фактическим лидером стал Анатолий Борисович Чубайс, который продолжал «спасать» страну еще много-много лет, при этом, естественно, «страдаая» на различных постах. Сначала он «страдал» на посту председателя Госкомимущества и вице-премьера, затем — на посту руководителя администрации президента. На протяжении последних 5–6 лет он «страдает» на должности руководителя РАО «ЕЭС».

Анатолий Чубайс — этакий великомученик нашей новейшей истории, который, очевидно, пришел пострадать за весь народ. Очевидно, его миссия заключается в том, чтобы спасти нас ценой своего страдания. Вообще-то японский термин «камикадзе» означает людей, которые идут на верную смерть и фактически самоликвидируются. Но ни Чубайс, ни другие наши «камикадзе» почему-то не самоликвидировались, а продолжали работать на различных постах, занимать высокие должности в государственном аппарате. А те, кто не занимал должностей в государственном аппара-

те, стали очень преуспевающими бизнесменами, некоторые даже олигархами — такие интересные «камикадзе»!

Конечно, деятельность реформаторов также оценивалась обществом по-разному. Некоторые — их уже совсем мало — считают, что это действительно были носители либеральных идей и прогрессивно настроенные люди. Однако большинство давно уже решило, что эти люди — преступники, которые должны когда-нибудь понести наказание. Мы воздержимся от эмоциональных оценок. Главное, что, по мнению всех политологов и исследователей, в 1991 году и позже происходила борьба между молодыми реформаторами, либералами, демократами, с одной стороны, и коммунистической системой — бюрократами и сторонниками тоталитаризма, опиравшимися на советские партийные, государственные органы и на деловые структуры, — с другой. Это никем не оспаривается, именно такой конфликт признается базовым в новейшей историографии.

Кроме этого, есть еще несколько политических аксиом, на которых базируется понимание новейшей истории. В частности, борьба Ельцина с консервативным Верховным Советом России и впоследствии с коммунистами на выборах. Длительное время эта борьба являлась доминантой политической жизни. Люди воспринимали все происходящие события через призму этого бесконечного противостояния. Сначала противостояние Ельцина и Верховного Совета России во главе с Хасбулатовым и примкнувшим к нему вице-президентом Руцким. После разгона Верховного Совета это опять-таки длительная борьба с коммунистами, которая продолжалась до второй половины 90-х годов и фактически являлась основной миссией Бориса Николаевича Ельцина. Это тоже никем не оспаривается. Поэтому основной заслугой Ельцина и молодых реформаторов считается разгром тоталитаризма, номенклатурно-бюрократической системы, победа над коммунизмом и, соответственно, торжество демократии и капитализма в России.

Рожденные бурей

Из других значимых событий этих лет прежде всего надо отметить появление так называемых олигархов. Олигархи, олигархические группы сформировались в России примерно в середине 90-х годов. При всей неприязни населения к неизвестно откуда взявшимся супермиллиардерам все-таки основной идеологической линией, объясняющей их происхождение, было некое сравнение с диким Западом. Была попытка провести аналогию с первоначальным накоплением капитала в XIX веке, сравнить это со временами, хорошо знакомыми нашим людям по американским вестернам, демонстрирующим нравы времен «золотой лихорадки» и поисков Эльдорадо.

Описание происхождения всех наших олигархов тоже в значительной степени мифологизировано. Настойчиво внушалось, и в общем-то, люди в это поверили, что без пальбы и драки капитализм невозможен, что первоначальное накопление не может быть другим, что всегда кто-то является более напористым, настойчивым, удачливым. Естественно, в такой борьбе все средства хороши, и тот, кто оказался наверху, стал олигархом, просто был сильнее. Можно подумать, что наши олигархи, подобно ковбоям в Америке, скакали на лошадях, стреляли друг в друга, захватывали поезда — в общем, рисковали жизнью.

Эта сомнительная трактовка доминирует в общественном сознании и сегодня. Упрощенно ее можно выразить так: «Да, конечно, это нехорошо, это нечестно, но иначе быть не могло, всегда это происходит таким образом. Более оборотистые, естественно, получают огромные капиталы в качестве платы за риск». Это в какой-то степени смягчает в общественном сознании неестественность появления финансовых олигархических групп. Получается, что

олигархи и в целом класс богатых людей в России также имеют некую мифологизированную историю. Этот миф подкрепляется тем, что большинство олигархов действительно, казалось бы, не были выходцами из бюрократических или советских коммунистических структур. В какой-то степени они по своим биографическим данным могут претендовать на роль самостоятельно сделавших себя миллиардеров. В какой-то степени общество в это поверило.

Занимательная геометрия: аксиома Кириенко

Другим важным явлением, сильно сказавшимся на жизни нашей страны, были, на мой взгляд, пирамиды. Это и частные пирамиды, волна которых прошла по стране в середине 90-х годов, и государственная пирамида ГКО, обвал которой мы помним как дефолт августа 1998 года. По странному стечению обстоятельств дефолт опять-таки совпал с четырехмесячным пребыванием на посту премьера очередного молодого реформатора — Сергея Кириенко.

Сам по себе процесс создания и крушения пирамид также официально объяснялся различного рода неизбежными сложностями переходного периода. Основная версия заключалась в том, что экономические реформы не могут проходить безболезненно, они всегда должны сопровождаться какого-то рода шоковыми явлениями (начиная с «шоковой терапии» 1992 года и заканчивая дефолтом). По пропагандистской версии, такую плату мы должны заплатить за построение капитализма, развитие финансовой системы, создание развитой экономики. Нас все вре-

мя пытались убедить, что таким образом мы постепенно, хотя и через серьезные испытания, продвигаемся к новому счастливому капиталистическому будущему. Вот как выглядит наша история, если посмотреть на нее с высоты сегодняшнего положения.

О ТОМ, ЧТО НЕ ВСЕ ЗНАЮТ

Попытаемся теперь разобраться со всей этой современной мифологией и выяснить, имеют ли под собой основание те конструкции, идеологемы, которые сформировались за долгие годы.

Миф первый: борьба Ельцина и демократов с коммунистами

Несмотря на то, что этот миф имеет наиболее мощную поддержку и на первый взгляд не вызывает никаких сомнений, в нем есть множество внутренних противоречий. Для начала вспомним, каким образом Ельцин стал Председателем Верховного Совета России в 1990 году и в какой политической обстановке это происходило.

Прежде всего, к этому моменту существовал уже ярко выраженный конфликт Михаила Сергеевича Горбачева с реакционной частью политбюро, которое противилось его преобразованиям. Особенно острым этот конфликт стал после созыва Верховного Совета СССР в 1989 году, когда стало возможным создание широкого демократического

движения, межрегиональной депутатской группы. Именно тогда у многих политических лидеров, ставших впоследствии известными, появилась возможность заявить о себе.

Кроме того, на этот момент существовали уже значительные сдвиги в экономике. Через развитие кооперативов, совместных предприятий и, в первую очередь, арендных предприятий экономика постепенно начала меняться. В ней реально создавались рыночные механизмы, внедрялось материальное стимулирование, принципы хозрасчета, то есть шло постепенное создание здоровой экономической среды.

Все это не нравилось той части политбюро, которая опиралась на традиционные, тоталитарные методы руководства и не хотела никаких изменений. При этом во главу угла эти люди ставили, естественно, не коммунистическую идеологию, а сохранение своего положения в новой исторической ситуации, когда появились новые оппонирующие политические структуры (а именно Верховный Совет СССР) и целая плеяда ярких политических деятелей, появилась гласность. Создавалась ситуация, при которой стало трудно управлять страной примитивными методами, привычными для старых номенклатурщиков, требовались более тонкие и гибкие управленческие методы. Почва уходила у них из-под ног и в области экономики, поскольку господствовать с помощью приказов становилось все труднее и труднее.

Естественно, партийная номенклатура стала думать о необходимости что-либо противопоставить набирающему силы процессу. Прежде всего это было сделано в виде активной кампании по выборам в Верховный Совет России, который изначально задумывался как ответ реакционной части бюрократического аппарата и номенклатуры, высших чинов политбюро на действия Горбачева. Верховный Совет России, по мысли номенклатурных идеологов, должен был перехватить инициативу у Верховного Совета СССР.

Это знают далеко не все, поскольку победивший впоследствии Верховный Совет России, естественно, приложил много сил для того, чтобы скрыть этот факт.

Активное избрание делегатов в Верховный Совет России шло под аккомпанемент смещения многих первых секретарей областных и краевых комитетов КПСС и озлобления многих других, которые начали открыто выступать против Горбачева. Проведение выборов в тот момент просто не могло быть свободным от этого конфликта. Уходящая номенклатурная элита на местах, естественно, выталкивала в депутаты своих людей, стараясь обеспечить свое большинство в Верховном Совете — другого пути остаться в политике хотя бы косвенно у них не было.

Приблизительно в это же время происходила подготовка XXVII съезда КПСС, ставшего последним для этой партии. Уже при избрании его делегатов было видно, что Горбачев пытается очистить КПСС от представителей реакционной номенклатуры, обновить ее и превратить в некую социал-демократическую партию. Это заставило партаппаратчиков на местах еще больше активизироваться, попытаться перенести центр тяжести в другое место, чтобы ударить по Горбачеву с какой-то другой стороны. В качестве такого «тарана» и задумывался Верховный Совет России.

Верховный Совет России конечно же включал в себя и представителей демократически ориентированной общественности, то есть она также участвовала в выборах и набрала какой-то процент голосов. Это были силы в какой-то мере близкие к демократическому движению, проявившемуся годом ранее в Верховном Совете СССР, но эти силы не набрали большинства в Верховном Совете России. Этот факт долгое время замалчивался, потому что находящимся у власти невыгодно было признавать, что в реальности большинства у демократов в Верховном Совете России не было.

И тем не менее Борис Николаевич Ельцин стал Председателем Верховного Совета России, что дало мощнейший импульс дальнейшим политическим событиям. Можно предположить, что он мог занять эту должность только в результате определенного сговора — как с реакционными коммунистами, так и с Горбачевым, в противном случае он просто не мог бы так легко победить на выборах. Практически одновременно с этим была принята Декларация о независимости России, которая тоже сыграла зловещую роль в дальнейших событиях.

Таким образом, тезис о противостоянии Ельцина и коммунистов не более чем миф: Борис Николаевич пришел к власти не как оппонент коммунистов, а как человек, воспользовавшийся демократическим движением в своих политических целях. С помощью неких интриг он фактически лишь возвратился в то политическое поле, из которого был за несколько лет до этого выбит Горбачевым. Я имею в виду Пленум ЦК КПСС 1987 года, когда Ельцин неудачно выступил против Горбачева, и затем партийную конференцию 1988 года, где Ельцин столь же неудачно каялся.

Имея все это в виду, трудно предположить, что Ельцин был таким уж лютым врагом коммунистов. У него оставались в этой среде и связи, и знакомые, и друзья, он провел в этой системе очень много лет и чувствовал себя совсем неплохо. Впоследствии, кстати, это четко проявилось. Это первое, что хотелось бы отметить.

Второе. Бесконечная борьба с коммунистами, с коммунистическим Верховным Советом позволяла Ельцину долгое время находиться в центре внимания общественности — фактически отвлекать внимание от других проблем. Если мы сопоставим исторические даты, то увидим, что пик борьбы с коммунистами приходился на самые зверские экономические реформы, на «шоковую терапию» Гайдара, на приватизацию Чубайса. Чем острее и беспредельнее были экономические действия — отъем собственности (в том числе

сбережений) у граждан и последующая поспешная раздача ее «своим» — тем острее на поверхности проявлялась так называемая борьба с коммунистами, тем сильнее поднималась шумиха в прессе и на телевидении по поводу предполагаемого захвата власти коммунистами. Проводились какие-то референдумы, разгонялись верховные советы, то есть внимание отвлекалось всеми возможными средствами.

Возникает резонный вопрос, а не было ли это спланированной акцией, ведь очевидно, что борьба с коммунизмом могла быть использована Ельциным, Гайдаром, Чубайсом и иже с ними как прикрытие для осуществления разного рода, как они выражались, «непопулярных действий». В реальности эти действия были непопулярными для одних, но очень прибыльными для других, прежде всего для сформировавшейся впоследствии прослойки олигархов. Получается, что обострение борьбы Ельцина с коммунистами, одновременное ужесточение экономической политики, проведение реформ Чубайсом и Гайдаром и чуть позже появление олигархов — звенья одной цепи.

При этом официальная оппозиция, возглавляемая после разгрома Верховного Совета России Геннадием Зюгановым (а до него — Русланом Хасбулатовым и Александром Руцким, которые формально не являлись коммунистами, но, по сути, придерживались почти той же самой великодержавной, шовинистической, коммунистической идеологии), впоследствии также неплохо существовала. Оно и понятно: коммунисты всегда обеспечивали Ельцину гарантированную победу на выборах. Трудно ведь предположить, что Ельцин сумел бы победить на выборах 1996 года, не будь его оппонентом Зюганов. Стоило бы коммунистам выдвинуть более презентабельного и приятного лидера, я думаю, победа наверняка была бы за ними. Но коммунисты этого не сделали и не могут заменить Зюганова до сих пор, несмотря на то, что он проигрывает выборы раз за разом.

Никакого противоречия между Ельциным и Зюгановым, на мой взгляд, не было, так как Ельцину было очень удобно бороться с таким лидером коммунистов. Ему вообще было удобно бороться с коммунистами и особенно удобно бороться с Зюгановым. Кроме того, существует множество доказательств скрытых контактов администрации Ельцина с коммунистами на протяжении всего его правления, а некоторое время пост главы его администрации даже занимал Юрий Петров, который представлял достаточно традиционное крыло коммунистической бюрократии. Уже этот факт говорит о том, что контакты с коммунистами у Ельцина сохранялись всегда и, более того, они были залогом его успеха все эти годы.

Исходя из всего этого, можно с уверенностью утверждать, что один из самых распространенных мифов — миф о противостоянии, о бескомпромиссной борьбе Ельцина с коммунизмом, о сокрушении им коммунизма в России — на самом деле лишь прикрытие. Этот миф призван затушевать создание некой новой политэкономической системы контроля над экономикой, над финансовыми потоками, над собственностью, которая позволила бы в значительной степени сохранить и передать ту политическую и экономическую власть, которая была у номенклатуры до рыночных реформ. Именно это и было сделано.

Миф второй:

**либерализм, Егор Гайдар, Анатолий Чубайс
и их деятельность по проведению экономических реформ и защите демократии**

Все это также не выдерживает никакой критики. Егор Гайдар был весьма далек от демократического движения прак-

тически до самого назначения на пост главы правительства в 1991 году. Я имею в виду начало его фактического премьерства, поскольку номинально он некоторое время эту должность не занимал.

Лишь за несколько дней до своего назначения Гайдар появился где-то на съезде «Демократической России» и быстро был выдвинут специально собравшимися для этого демократами в лидеры демократического движения. До этого вся его карьера была связана исключительно с партийной деятельностью — только коммунистической. Он приобрел известность в качестве одного из авторов и редакторов журнала ЦК КПСС «Коммунист», главного органа коммунистов страны, полного идеологических штампов. Впоследствии Гайдар перешел в газету «Правда», которая также являлась идеологическим рупором ЦК КПСС, главной газетой страны. И лишь уже где-то в конце 1990 года, когда стало очевидно, что крушение советской системы не за горами, Гайдар уходит из партийных органов печати, ненадолго организует небольшой институт и затем — буквально через несколько месяцев — объявляется демократом и возносится на самую вершину политической власти.

Согласитесь, это о многом говорит. Почему так произошло? Почему человек, который до этого выступал с совершенно других позиций, вдруг оказался ярким реформатором? Очевидно, и здесь не обошлось без партийной номенклатуры, которая конечно же не могла не думать о том, что произойдет, если ее отстранят от власти. Похоже на то, что коммунистическая верхушка заранее позаботилась о том, чтобы передать политическую власть людям, которые в наименьшей степени будут опасны для прежних лидеров. Эти люди должны были заранее привлечь к себе внимание бурной общественной деятельностью, чтобы в момент, когда они окажутся у руля, свя-

зывающая их с коммунистической номенклатурой пуповина уже не была бы столь заметной. В силу этого уже заранее, наверное, готовились люди, которые могли бы возглавить правительство в случае краха Советского Союза. Неудивительно, что эти люди нашлись прямо-таки в сердце ЦК КПСС, а именно в журнале «Коммунист» и в газете «Правда».

Еще один яркий штрих к портрету реформаторов. Когда правительство реформаторов только появилось, актуальной была проблема исчезновения золотого запаса страны, наличие огромных долгов предшествующего, советского, правительства, краха «Внешэкономбанка». Кроме того, было очевидно, что крупные суммы незадолго до смены правительства были переведены за рубеж. Не случайно в это время было много статей по поводу так называемого золота партии и тайного перевода средств за рубеж партийной номенклатурой в преддверии неминуемого краха советской системы.

Интересно, что правительство реформаторов, прежде всего Гайдар, не сделали ничего, чтобы разобраться в этом вопросе. Они только лишь констатировали, что казна пуста, никаких денег нет, а есть одни долги. На этом основании было объявлено, что сбережения россиян не имеют под собой материальной основы, что за ними ничего нет, что они превращены в бумагу.

Но ведь был и другой путь: разобраться, куда пропало все то, чем должны быть обеспечены эти сбережения, а именно золотой запас страны, определяющий финансовое положение России в мире. Это опять-таки связано с деятельностью «Внешэкономбанка», с западными кредитами. Нужно было проверить все факты перевода средств государственными организациями, прежде всего внешне-торговыми, поскольку валютная выручка контролировалась тогда очень жестко. Можно было проверить и опера-

ции Центробанка, в том числе по эмиссии. Можно было разобраться прежде всего с тем, что же являлось обеспечением столь быстро ликвидированных сбережений граждан.

Однако Гайдар выбрал другой — простой и быстрый — путь. Он просто уничтожил годами копившиеся средства россиян, а разбираться, по какой причине они оказались обесцененными, просто не стал. Эта тема потихоньку сошла со страниц газет. Нанятая Гайдаром какая-то фирма, якобы искавшая «золото партии», так его и не нашла. А вскоре в премьерском кресле не стало и самого Гайдара, он отступил в тень, в руководство правительства пришли другие люди.

Совершенно очевидно, что Гайдар принципиально не хотел разбираться в том наследии, которое ему досталось от советского правительства, а именно — от последнего советского премьера Валентина Павлова и тех сил, которые управляли страной в последние годы перед крушением СССР. Хотя, на мой взгляд, это было возможно, да и, наверное, стоило бы сделать. Ситуацию облегчало то, что Валентин Павлов был одним из членов ГКЧП и в тот момент находился в тюрьме по обвинению в заговоре с целью захвата власти. Ему можно было бы, наверное, задать кое-какие вопросы, но никто, по-моему, этого даже не попытался сделать. Это тоже о многом говорит.

Итак, миф о противоборстве демократов с номенклатурой и об их конфликте с советской партийной и правительственной верхушкой тоже не подтверждается. Естественно, под демократами я вовсе не хочу понимать всех деятелей этого направления, речь идет о так называемых реформаторах, о группе «чикагских мальчиков», монетаристов, которые неожиданно возникли в руководстве страны осенью 1991 года и волею Ельцина были поставлены проводить экономические реформы.

Миф третий: происхождение капиталов и бизнеса в России

В какой-то момент в обществе началась мощная кампания по вбиванию в коллективное сознание нового образа «героя нашего времени» — предпринимателя, бизнесмена. Этот образ заимствован у США: у нас насаждалась так называемая великая американская мечта — история о том, как некто начинает бизнес со ста долларов, а затем становится миллионером. Этот западный идеологический штамп был взят на вооружение новой российской пропагандой и активно раскручивался.

И никто не обратил внимания на то, что независимые бизнесмены и предприниматели, которые и должны были стать нашими героями, возникали в экономике как раз в период 1989—1991 годов, а впоследствии их становилось почему-то все меньше и меньше. Хотя на самом деле это неудивительно: у большинства появившихся в начале перестройки частных предпринимателей просто не было денег, чтобы успешно вести свой бизнес.

В то же самое время старые административные структуры спешно «перелицовывались», меняли название, внедрялись в рыночную экономику. Фактически все они просто сменили вывеску: были государственными, стали — коммерческими. Именно так происходило формирование бизнеса после 1991 года. Никаких новых бизнесменов и коммерсантов уже не появлялось, да и не могло появиться.

Вообще российский бизнес зарождался несколькими путями. Первый — это легализация теневой экономики. Процесс шел через создание кооперативов после принятия соответствующего закона, а также через создание первых совместных предприятий. Новые правила игры позволили официально вкладывать деньги в российскую экономику бывшим

советским гражданам, эмигрантам, уехавшим из СССР в предшествующие годы. А они зачастую также были связаны с «теневиками» внутри страны.

Второй путь — это так называемая комсомольская экономика, базирующаяся на системе центров научно-технического творчества молодежи. Эти многочисленные центры получили определенные льготы, поскольку они задумывались как площадки для внедрения научно-технических достижений, для развития технической мысли, для поощрения активности молодежи именно в этом, достаточно инерционном, процессе. И действительно, в эти центры хлынул поток молодых, инициативных, социально активных мужчин, в том числе из технической интеллигенции — людей, которые до этого были лишены возможности, да и просто боялись применить свои способности в частном предпринимательстве. До этого момента они в основном сидели в научно-исследовательских институтах и не помышляли о том, чтобы что-то предпринимать. Появление «комсомольской» экономики, центров научно-технического творчества молодежи дало возможность лучшим, наиболее активным представителям интеллигенции начать коммерческую деятельность. И эти бывшие лаборанты, научные сотрудники на первых порах зачастую очень преуспевали, у них появилась легальная возможность зарабатывать большие деньги.

Наконец, третьим, наиболее важным, отрядом нового класса предпринимателей на первом этапе были арендные предприятия. Закон об аренде, который был принят в 1989 году, позволил коллективам очень многих государственных предприятий перейти на аренду и таким образом постепенно накапливать средства на предстоящий выкуп своего предприятия. Этот закон резко активизировал их работу, поскольку предусматривал и заинтересованность руководства предприятия в результатах работы, и материаль-

ное стимулирование работников. Арендаторы постепенно становились достаточно влиятельной силой в бизнесе. И главное, это были производственники, которые как раз и определяют развитие экономики, так что этот отряд внес мощную живую струю в формирование бизнеса.

Но затем высшей политической номенклатуре стало ясно, что, допуская молодых и инициативных к бизнесу, она может утратить часть своей экономической власти; что может возникнуть ситуация, когда изменения в экономической системе станут необратимыми, и она, номенклатура, не сможет больше удерживать ключевые экономические позиции и контролировать экономику страны. Такая перспектива сильно напугала ЦК КПСС и тех, кто в тот момент руководил высшими государственными органами в стране, и они стали думать, каким образом все-таки противостоять этому нарождающемуся классу производственников, предпринимателей, промышленников, которые все более активно заявляли о себе.

Именно с этого момента и начался процесс создания номенклатурного капитала. Он осуществлялся путем передачи собственности «своим» фирмам и структурам, путем конвертации власти в собственность высшими и местными руководителями, путем формального изменения статуса некоторых государственных предприятий, которые объявлялись либо частными предприятиями, либо акционерными обществами, фактически сохраняя все другие атрибуты.

Пик создания номенклатурного капитала пришелся как раз на 1990–1992 годы, на переломный момент нашей истории. Партийно-правительственная верхушка, всерьез озабоченная обеспечением своего будущего, начала активно создавать разного рода структуры для сохранения своей власти. В какой-то момент это было замечено обществом, начались скандалы, связанные с так называемыми партийными фирмами, с «золотом партии», с номенклатурным

влиянием на бизнес. Но остановить этот процесс было невозможно...

Получается, как это ни странно, что именно во времена либеральных реформаторов как раз и произошло первичное формирование пресловутой олигархической верхушки — той группы бизнесменов, которая и по сей день доминирует в экономике.

Основы олигархического капитализма были заложены в тот самый момент, и это несложно проследить по персоналиям. Позже — через манипуляции с чековой приватизацией и залоговые аукционы — сложившееся положение вещей только закреплялось, влияние сформировавшейся еще в 1991–1992 годах группы бизнесменов все усиливалось. Окончательно она получила статус олигархов в 1995 году, после проведения залоговых аукционов, которые были уже очевидным для всех непосредственным разделом собственности между внешне конкурирующими, а на деле тесно сотрудничающими кланами, созданными в первые годы реформ.

В основе этого процесса мы видим правительственные, партийные решения, то есть и коммунистическая верхушка, и первые демократические правительства, казалось бы, сделали все для того, чтобы стимулировать создание предпринимательства. На самом деле цель была совсем иная — продолжать практику «назначенства» и уполномочивать доверенных лиц на то, чтобы стать миллиардерами.

Фактически самые крупные бизнесмены превратились в приказчиков, распорядителей крупных финансовых «кусков», «кусков» собственности в интересах нескольких наиболее мощных политических кланов. Естественно, все это не имело ничего общего с предпринимательством и бизнесом. Практически все, что происходило в этой сфере, можно трактовать как чисто чиновничью, аппаратную, бюрократическую, я бы даже сказал, дворцово-интриганскую

деятельность, поскольку никакого предпринимательства не было, да и не требовалось. Речь шла только о том, какие возможности «при дворе» имеет такой-то клан и как он сможет влиять на высших лиц государства для того, чтобы волюнтаристским путем получить контроль над теми или иными финансовыми потоками, теми или иными предприятиями.

Повторюсь, в этом процессе не было ничего, кроме политики, даже, скорее, не политики, а дворцовых интриг. На мой взгляд, бывших партийных или комсомольских руководителей, занимающихся интригами «при дворе» и разделом собственности без всякой конкуренции, а только лишь на основе личной унии, ни в коей мере нельзя рассматривать как предпринимателей. Если мы посмотрим на них трезвым взглядом, отказавшись брать за основу рассуждений пропагандистские «агитки», то увидим, что официальная теория о происхождении капитала в России также базируется на мифической платформе, так как никакой реальной борьбы и никакого накопления первоначального капитала в общем-то и не было. Собственность (в том числе и финансы) была передана одними людьми (высшими партийными руководителями) другим людям (бизнесменам). Последние были уполномочены управлять ею в прямом сговоре с теми, кто им эту собственность (и финансы) передал.

Конечно, у них могли происходить впоследствии какие-то внутренние конфликты. Да и не всегда взаимосвязь бывших чиновников и нуворишей-бизнесменов так очевидна. Хотя иногда ее можно проследить по ключевым назначениям в высший менеджмент различных компаний, поскольку там была и семейная, и личная уния. Но факт остается фактом: все это было сделано исключительно дворцово-интриганским способом, и вовсе не предпринимателями. Происходила передача капиталов (в денежном или натуральном выражении) от одной группы бюрократов другой — группе

скрытых чиновников-бюрократов. Юридически они имели статус бизнесменов, предпринимателей, что позволяло им лучше контролировать собственность и финансы. В такой ситуации становилось труднее отстранить их от полученной собственности и финансов в случае изменения политической конъюнктуры в стране, которое всегда возможно в номенклатурной системе.

Несколько затуманивало этот факт передачи собственности, экономической власти и финансов то, что неожиданно обогатившиеся «новые чиновники» по своей биографии и статусу, на первый взгляд, никак не были связаны с номенклатурой и бюрократией. Кроме того, многих из олигархов в силу их национальной принадлежности трудно было заподозрить в связях с бывшими партийными бонзами — в силу одного лишь господства антисемитизма среди руководителей страны советского периода! Все это могло затушевать сам факт прямой передачи экономической власти, наличия, я бы сказал, пуповины, связывавшей появившихся нуворишей с бывшими партийными руководителями. И не только с бывшими, но и с продолжающими функционировать в рамках системы. Таким образом и возник этот уродливый бюрократически-капиталистический монстр, с которым мы имеем дело сегодня.

Становится понятно, что говорить о каком-либо первоначальном накоплении в терминах «дикого» капитализма применительно к нашей стране не имеет смысла, поскольку такого перехода от системы к системе, как в нашей экономике, просто никогда раньше не было в истории капитализма. Дело в том, что до нас никто никогда не осуществлял полномасштабной операции по изъятию собственности у целого государства, у целого народа — причем, заметьте, своего народа. Ведь у нас собственность изымалась не у каких-либо полудиких аборигенов, живших просто в другом измерении и вообще не понимавших, что происходит.

В России речь шла о присвоении и передаче из рук в руки так называемой общенародной собственности, существовавшей в такой форме десятки лет. При этом все население не просто присутствовало, оно полностью понимало и осознавало, что происходит, и мыслило в той же системе координат, что и, так сказать, экспроприаторы. Это явление само по себе, наверное, беспрецедентное, и, как мы теперь видим, к тому же оно очень сильно мифологизировано. Так что можем считать, что это еще один, третий, миф, на котором базируется современная политэкономия.

Итак, мы имеем в виду три главных мифа. Миф номер один: Ельцин — могильщик коммунизма и тоталитарной системы. Миф номер два: реформаторы — отцы демократии и борцы за экономическую реформу, либерализм — единственный путь развития страны. И наконец, бизнесмены, олигархи, предприниматели — основа нашего общества, основная надежда и «локомотив» нашей экономики, те, на кого мы должны опираться, а первоначальное накопление капитала не могло быть другим, оно такое во всех странах — это миф номер три.

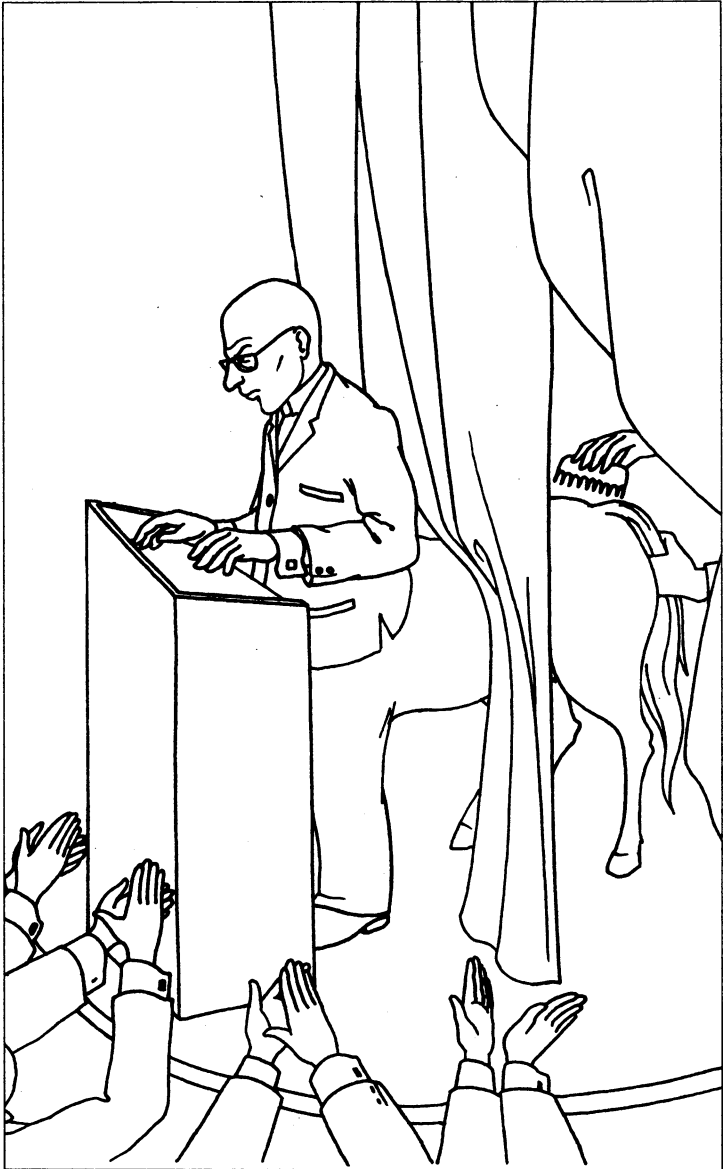
Эти три мифа находятся в основе всех дальнейших более сложных и, я бы сказал, более изощренных конструкций, которые впоследствии я хотел бы разобрать. Каждое из этих более сложных построений, в свою очередь, заимствует кое-что из трех базовых мифов. Характерно, что в эту мифологию изящно вплетается некая известная всем информация. Это своего рода осевые линии, по которым очень легко проследить те события, которые происходили в нашей стране. В результате мы можем сравнить то, что известно всем, что активно вбивалось официальной пропагандой на протяжении стольких лет и поддерживается в значительной степени до сих пор, и те аспекты, на которые можно обратить внимание лишь после внимательного анализа различ-

ных событий нашей истории и явлений нашей экономической действительности.

Именно такое кропотливое отслеживание всевозможных особенностей и штрихов является главной целью нашего исследования. Только таким путем, путем вылавливания на первый взгляд несущественных деталей, на которые другие люди и не подумали обращать внимание, поскольку их все время отвлекали с помощью различных пропагандистских приемов, акцентируя внимание на отдельных аспектах, мы сможем показать ту истинную реальность, в которой мы жили, живем и, надеюсь, жить больше не будем. Мы должны показать истинную экономическую реальность, в результате чего мы сможем понять истинную суть, и конкретные механизмы, и причины политических явлений тех лет, поскольку в основе любой политики все-таки лежит экономика. И наша новейшая история эту гипотезу Маркса полностью подтверждает. Таким образом, мы будем концентрироваться на исследовании каждого отдельного интересного события в нашей политической истории, а также на выделении различного рода нюансов, неожиданных деталей и незамеченных штрихов, с помощью которых мы можем попытаться изменить восприятие всех политических и экономических процессов.

«ЗОЛОТО ПАРТИИ»*

Термин «золото партии» применялся на протяжении достаточно долгого времени различными авторами, которые вкладывали в него различный смысл — каждый подразумевал что-то свое. Кому-то мерещились сундуки с деньгами, кто-то представлял себе зарубежные счета высших руководителей партии и государства, но никто подробно не рассматривал тот реальный механизм, который стоял за этим понятием. Для того чтобы понять, что такое «золото партии», существует ли оно в наши дни, следует обратиться к истории возникновения советского государства.

КОРПОРАЦИЯ «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»

Становление жесткой централизованной системы

Когда большевики взяли власть, одним из первых их действий была национализация промышленности, банков, а впоследствии также присвоение земли и установление полного государственного контроля над экономикой. Одновременно большевики активно создавали свою финансовую базу для «экспорта революции» в другие страны через деятельность Коминтерна. В итоге сформировалась достаточно жесткая система управления экономикой.

Сначала жесткость и централизация управления экономикой диктовалась Гражданской войной, эта система известна как военный коммунизм. Впоследствии произошло несколько трансформаций, главной из которых была попытка использования рыночных механизмов — так называемая новая экономическая политика (НЭП) и затем сворачивание НЭПа к концу 20-х годов. В этот момент полностью утвердилась система управления экономикой, при которой все рычаги находились в Кремле и вся хозяйственная деятельность страны жестко регламентировалась.

Получается, что уже с момента становления советской власти существовала четкая увязка контроля над экономи-

кой и политической властью. Коммунистические руководители изначально знали, что они будут осуществлять руководство именно таким образом — через концентрацию всей экономической власти в центре и предельную регламентацию экономической деятельности на местах на всех предприятиях в различных отраслях промышленности.

В дальнейшем эта структура только укреплялась: начались сталинские массовые репрессии и, естественно, в обстановке тоталитарного государства централизация и регламентация лишь усиливались. Наличие ГУЛАГа, оперировавшего огромными трудовыми и финансовыми ресурсами, позволяло предельно жестко контролировать все экономические процессы.

Во время Второй мировой войны контроль, как теперь говорят, силовых органов над экономикой еще больше усилился, что имело и позитивный результат. Только благодаря этому Советскому Союзу удалось в сжатые сроки организовать сопротивление немецко-фашистским захватчикам и в конечном результате победить во Второй мировой войне. Именно таким образом, в несколько этапов, в стране была создана система, которую впоследствии окрестили административно-командной.

Что такое административно-командная система

Название это придумал первый демократический мэр Москвы Гавриил Харитонович Попов, хорошо описавший эту систему. Административно-командная система подразумевает прежде всего централизацию всех управленческих функций и подчинение всех хозяйственных единиц единому центру. Центр осуществляет долгосрочное планирование, определяет приоритеты развития, распределяет ресурсы и

«спускает» плановые задания всем производственным звеньям и предприятиям на местах. Тотальный текущий контроль над деятельностью предприятий осуществляется через систему отчетности, через систему контролирующих органов, а также через подчиненность всех предприятий местным — районным и городским — комитетам партии. И естественно, через кадровую политику.

В этой системе нет места рыночным элементам, инициативе, нет понятия конкуренции, нет свободных цен, и поскольку все параметры рассчитываются в центре, они должны лишь подтверждаться всеми участниками экономического процесса. Предполагалось, что при идеальном планировании можно создать такую систему, в которой все действия участников экономического процесса будут заранее просчитаны, а сама экономика превратится в гигантскую машину. Считалось, что если на сегодняшний день и существуют какие-то противоречия, то причина — в недостаточно хорошем планировании, в недостаточном учете факторов, которые действуют в экономике. А при надлежащем их учете и контроле все можно предусмотреть, запланировать и организовать таким образом, чтобы все звенья действовали по этому предельно детализированному плану.

Для управления такой экономикой были созданы специальные ведомства — государственные комитеты по планированию, снабжению, ценообразованию (Госплан, Госснаб, Госкомцен). Они обеспечивали жесткую иерархическую вертикаль, в которой решение вышестоящего органа являлось непреложным законом для нижестоящих звеньев, и все действия не могли отклоняться от того плана, который утверждался раз в пять лет и конкретизировался каждый год.

Эта система являлась основой экономической и политической власти в стране в советские годы, она обеспечивала экономический фундамент тоталитаризма, то есть безусловной политической власти коммунистической партии

(а точнее, ее верхушки, номенклатуры) над страной. Она же гарантировала невозможность каких-либо изменений.

Подразумевалось, что в такой системе будет незначительное количество отклонений и не будет необходимости уделять много внимания факторам мотивации. Согласно коммунистической идеологии мотивация к труду в перспективе будет совершенно иной, нежели в условиях капитализма, а работники будут выполнять свою роль вне зависимости от достигнутых ими результатов и, наоборот, осуждать и искоренять возможное расслоение и дифференциацию в оплате рабочей силы. Естественно, это не касалось узкой верхушки — номенклатуры. Но считалось, что блага, получаемые участниками корпорации под названием «номенклатура», не столь уж масштабны — партия лишь обеспечивала их всем необходимым.

Корпорация «Советский Союз»

Стоит отметить, что при советской власти контроль над финансами и экономикой был деперсонифицирован, лишен личностной окраски. Коммунистическая партия в целом (а не конкретные лица, стоящие у кормила) являлась организатором и распорядителем экономических процессов: контролировала все финансовые потоки, управляла огромными капиталами, инвестициями.

Отсутствие личного контроля над экономикой подчеркивалось термином «золото партии». Под этим понятием подразумевалось некое абстрактное богатство, причем богатство огромное, несравнимое по масштабам с финансовыми ресурсами самых крупных корпораций мира. Это богатство, значительно превосходящее все мыслимые капиталы, на самом деле было поставлено на службу некой корпорации,

некой группе лиц. Но при этом ни один из участников этой группы не мог быть уверен, что он является главным, руководит или хотя бы контролирует это богатство, этот финансовый и промышленный капитал. А возможности у тех людей, которые управляли этим капиталом, были действительно огромные.

Капитал этот, учитывая высокую степень его централизации, позволял решать очень серьезные вопросы, так как в нужный момент не требовалась мобилизация ресурсов — все ресурсы и так были под контролем. В отличие от крупнейших западных корпораций корпорация под названием «Советский Союз» могла мобильно перебрасывать средства с одного участка на другой, могла мобилизовать любые, даже очень большие средства под какие-либо проекты, и, конечно, это позволяло зачастую даже побеждать в конкуренции в эпоху холодной войны. Таким образом, нельзя однозначно оценивать административно-командную систему, утверждая, что она была заведомо неэффективной. У нее были как свои плюсы, так и свои минусы.

Основным отличием административно-командной системы и лежащего в ее основе принципа «золота партии» является то, что все-таки ни один из руководителей ЦК КПСС и политбюро не владел единолично всеми этими огромными богатствами. Фактически руководство осуществлялось всем политбюро и Центральным комитетом, и любой из руководителей партии мог быть отстранен от власти в результате интриг, заговора, в результате простого голосования товарищей по партии. То есть каждый из партийных лидеров являлся как бы временным руководителем стоящей у власти группы.

Получалось, что гигантским капиталом корпорации «Советский Союз» управляла группа лиц, каждое из которых не было ни в чем уверено — ни в том, что оно и дальше будет распоряжаться этими средствами, ни даже в том, что

оно доживет до завтрашнего дня и останется на свободе, как это было в эпоху Сталина.

Таким образом, понятие «золото партии» подчеркивало два базовых принципа: предельную централизацию управленческих функций и возможность мобилизации любых финансовых средств для грандиозных проектов, с одной стороны, и некий безличный характер капитала — с другой. Именно отсутствие привязки по большому счету к конкретным личностям и подчеркивалось термином «золото партии» — имелось в виду, что это достояние партии, а не конкретных лиц.

А что такое партия? Это нечто, подверженное изменениям, поскольку в один период партия руководилась одними людьми, в другой период — другими. Руководство партии менялось в результате различного рода политических событий, однако «золото партии» продолжало существовать. Капитал был реально вложен, он реально приносил доходы, реально существовал. Но в то же время у этого термина был и другой смысл — непосредственный контроль над экономикой, причем не только в СССР, но и на половине земного шара, на которую распространялось влияние Советского Союза.

Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, есть система экономического влияния, которая развивается сама по себе, живет своей жизнью и приносит доходы: предприятия выпускают продукцию, идет строительство объектов, купля-продажа товаров, экспорт энергоносителей. Это все обслуживается через соответствующую финансовую систему, подчиненную опять же единому центру. А параллельно существует система политического влияния, в которой любой человек, даже находящийся на самом вершине, совершенно не уверен в том, что будет с ним завтра.

После смерти Сталина ситуация стала чуть более стабильной, поскольку высших руководителей уже не расстреливали, однако их могли в любой момент снять, сместить с

должности, и они превращались в простых смертных, о которых просто забывали. В результате людям, еще недавно управлявшим самым большим, самым концентрированным капиталом в мире, приходилось коротать оставшиеся годы в качестве пенсионеров, о которых уже никто не вспомнит. Это было еще одной характерной чертой так называемой административно-командной системы и соответствующей ей системы политического руководства.

Элементы рынка в СССР

Однако было и одно серьезное противоречие, которое постепенно стало выходить на поверхность. Не вся экономика страны все же оказалась жестко регламентированной, не все находилось под контролем центральной власти, не все можно было запланировать и, тем более, не все можно было проконтролировать. Однако исследователи по разным причинам не обращают на это внимания, причем как российские экономисты, так и зарубежные.

Причины подобной «слепоты» российских исследователей более или менее понятны — здесь очевидно действие идеологических факторов. Подвергать сомнению возможность тотального контроля над экономикой было просто небезопасно. Говорили лишь о необходимости материального стимулирования, внедрения некоторых элементов хозрасчета, то есть о некой «смазке» механического каркаса этой мощной бюрократической машины, необходимой для ее бесперебойного функционирования. Но доминанта — планово-централизованный характер экономики — не подвергалась сомнению. Считалось, что экономика является абсолютно жестко централизованной и проблема лишь в том, чтобы улучшить планирование.

Некоторые экономисты вообще стояли на позициях полного отрицания товарного производства и денежного обращения в стране. Подобная теория являлась предельным выражением централизации и контроля, когда вся экономика базируется на натуральных вещественных показателях, на разнарядке, и вместо денег существуют какие-либо учетные документы, к примеру карточки.

И лишь часть экономистов все-таки говорила о необходимости хотя бы элементов мотивации к труду у работников, поскольку они еще не достигли того уровня высокой сознательности, которая будет при коммунизме, когда каждый будет отдавать обществу по способностям, а получать по потребностям.

Таким образом, призывала эта группа экономистов, нужно использовать некую реформу материального стимулирования и отдельных работников, и предприятий, но лишь только для того, чтобы улучшить функционирование отдельных звеньев экономики в рамках той жесткой иерархической централизованной плановой системы, которая выстраивалась в течение многих лет. Так что сам факт существования административно-командной системы не подвергался сомнению российскими экономистами практически до конца 80-х годов. При анализе ситуации они исходили из того, что эта система обладает именно тем набором черт, о котором говорилось выше.

Самое удивительное, что и западные исследователи-экономисты почему-то долгое время точно так же трактовали административно-командную систему. Возможно, здесь сыграла роль их недостаточная информированность о реальной жизни в СССР. А может быть, им было просто удобно полностью отрицать наличие элементов рынка и в советской системе. Идеологическая борьба Запада во времена холодной войны строилась на подчеркивании преимуществ капитализма перед социализмом: считалось, что рыночная

либеральная экономика, конкуренция, свободное ценообразование — якобы типично капиталистические явления.

На самом деле в отличие от таких стран, как, скажем, Китай или Северная Корея, где действительно были реализованы предельно социалистические системы, в СССР ситуация обстояла не совсем так. Это явление очень долго не замечали западные исследователи, продолжая говорить о советской экономике исключительно как об административно-командной. В отличие от Северной Кореи, где подобная система существует до сих пор, в Советском Союзе задолго до его распада начались процессы, совершенно не совместимые с существованием социализма и планово-централизованной экономики и распределения.

Теневая экономика на Западе и в России

Проникновение капиталистических, рыночных элементов в советскую систему выразилось прежде всего в таких явлениях, как теневая экономика, связанное с ней имущественное расслоение, появление понятия «нетрудовые доходы». Возникла система так называемых неформальных управленческих взаимодействий, в которой существовали разного рода скрытые договоренности между субъектами хозяйствования, которые никак не отражались в утвержденных на высшем уровне планах. Эта система включала в себя такие понятия, как «бюрократический бартер», «административная валюта», «группы влияния», «лоббизм», «неформальная структура в экономике»; она базировалась на принципе натурального товарообмена «ты — мне, я — тебе».

Все это начало зарождаться довольно давно, поэтому затруднительно сказать, в какой момент в жестко централизованной плановой системе возникли все эти явления. Неко-

торые исследователи говорят, что это произошло в эпоху Брежнева: после сталинской предельной централизации власти возникла обратная тенденция, и партия начала мириться с разного рода «негативными явлениями». Фактически эти явления были своего рода рыночным механизмом, только очень уродливым рыночным механизмом, который выполнял компенсаторную функцию. Он дополнял административно-командную систему, действительно являясь ее тенью, и в этом смысле советская система была в той же степени административно-командной, в какой она была и теневой.

Почему западные исследователи не обратили на это внимание? Этому может быть как идеологическое объяснение, так и другое — непонимание сущности отношений внутри советской системы. Когда западные исследователи обращались к своей собственной теневой экономике, они видели лишь некий сектор, который просто «сожительствоует» с официальной экономикой. В этом небольшом по объему секторе сосредоточена различного рода нерегистрируемая деятельность, с которой не платятся налоги. А объем теневого сектора, в свою очередь, зависит от того, насколько силен контроль налоговых органов и насколько развита экономика данной страны. Понятно, что чем больше информационная прозрачность и чем лучше организована налоговая служба, тем меньше масштабы теневой экономики. В развитых капиталистических странах она, как правило, не играет такой важной роли, как у нас в советские годы. На Западе речь идет просто о нарушении законов определенной группой лиц, причем все понимают, что какая-то часть доходов всегда будет скрываться от налогообложения и невозможно достичь ситуации, когда вся экономическая деятельность будет полностью под контролем государства.

Это является допущением, своего рода платой капитализма за существование в целом свободного рынка — в либе-

ральных экономических условиях всегда кто-то будет недоплачивать налоги и пытаться манипулировать рынком. Просто в какой-то момент это оказывается либо опасным, либо невыгодным.

Совсем другое дело было в СССР. В Советском Союзе теневая экономика вовсе не соседствовала с официальной экономикой, а вживалась в нее, становилась ее кровеносной системой, мозгом, ядром. В какой-то момент теневые явления в экономике России стали определяющими для ее дальнейшей эволюции. Это произошло именно потому, что номенклатура в какой-то момент почувствовала, что так называемое золото партии, которое находится у нее под постоянным контролем, может приносить реальную прибыль. С начала репрессий 30-х годов и до 50-х годов, до самой смерти Сталина, высшие чиновники жили в постоянном страхе. Но с началом хрущевской оттепели они стали понимать, что пока «золото партии» у них в руках, нужно использовать свою власть над этой гигантской корпорацией, чтобы потом не быть простыми пенсионерами. Наверное, именно в этот момент они начали пытаться каким-то образом присваивать часть капитала.

Мифы сталинской экономики

Но все же, когда появилась в СССР теневая экономика? Согласно распространенной точке зрения, она возникла в 50-х годах, а при Брежневе расцвела пышным цветом. Говорят, когда Хрущеву в первый раз доложили о хищениях и коррупции, он очень удивился, сначала даже не мог поверить, а потом повел с ними решительную борьбу. Борьба эта заключалась в жестких административных санкциях, уголовном преследовании и т.п.

Догадывался ли Хрущев о том, что уже творилось за фасадом устремленной к коммунизму экономики, имел ли представление о масштабах некоторых явлений, не укладывавшихся в экономическую схему марксистско-ленинского социализма? Если действительно даже не догадывался и действительно был поражен, когда узнал, то можно лишь удивляться близорукости этого политического лидера либо излишней заботливости его окружения, оберегавшего главу государства от нервных потрясений.

Однако вопрос этот не праздный. Если сталинский социализм избежал коррупции и хищений, а хрущевский — нет, то не кроется ли здесь парадокс? Ведь очень важно ответить на вопрос, действительно ли военный коммунизм, уравниловка, командный стиль и идеи страны-фабрики исключают теневые явления? Может быть, сталинизм был просто реакцией на бесконтрольную экономику и средством борьбы с ней, причем борьбы успешной?..

Особенно это важно сегодня, потому что сейчас в нашей стране снова возникает вопрос, в какой степени государство должно вмешиваться в экономику и контролировать деятельность субъектов хозяйствования, главных участников экономического процесса. Очень важно сейчас избежать перекоса и повторения прежней ситуации, не дать возможности снова установить тот самый тоталитарный режим или воспроизвести административно-командную систему.

Тезис, что сталинизм дает возможность бороться с бесконтрольностью в экономике, может повлиять и на сегодняшнюю оценку экономической ситуации. Этот тезис может использоваться некими силами в политической борьбе, в пропаганде значительного усиления влияния на экономику государства и контролирующих органов. Именно поэтому очень важно посмотреть, что же было на самом деле в это время в советской системе.

При ближайшем рассмотрении сталинская уравниловка оказывается всего лишь фикцией. На самом деле в те годы

наблюдалась весьма значительная дифференциация доходов. Сталинская система держалась не только на расстрелах, но еще и на подкупе конкретных людей, блоков, социальных групп, иначе бы она вообще не смогла существовать. Волюнтаристическая оценка человека по социальному статусу, а не результатам труда позволяла номенклатуре получать нетрудовые доходы. Раз существовали официальные нетрудовые доходы, то вполне могли существовать и механизмы компенсации, то есть доходы трудовые, но не официальные. Были деформированы закон стоимости, народно-хозяйственные пропорции, аппараты и инструментарии планирования, нарушены системы информации, учета и контроля.

Экономическая модель сталинизма с виду была тоталитарной (в политике) и административно-командной (в экономике), а на деле могла не являться таковой. Мы не можем исключить существование теневых явлений и в тот период — при тотальном извращении информации нельзя ничего с уверенностью утверждать. Центральные экономические органы (статистические прежде всего) вследствие искажения отчетности уже с конца 20-х годов не имели представления о реальных хозяйственных проблемах. По расчетам многих экономистов, оценки национального дохода были завышены в несколько раз. Искажение информации рассматривалось как агитационно-пропагандистское средство, то есть носило идеологический характер.

Впоследствии началось открытое инфляционное финансирование народного хозяйства. Деньги в централизованной экономике являются не аналогом денег в капиталистической экономике, а лишь учетным средством, это позволяет с помощью любых объемов эмиссий менять финансовые пропорции в экономике. Поэтому масса денег в обращении, например, с 1929 по 1932 год увеличилась в 4,2 раза, а произведенный национальный доход — в 1,6 раза. Этот фикс-

тивный денежный оборот уже тогда набирал силу, а впоследствии, во времена Хрущева и Брежнева, он превратился в огромного монстра, который в значительной степени преопределил крах советской системы.

Вряд ли возможно сейчас сделать точный анализ действительного положения дел в экономике в те годы. Однако очевидно, что можно поверить данным некоторых экономистов, что национальный доход, скажем, за 1929–1985 годы реально вырос всего лишь в 6,6 раза. Другое дело, что финансовые показатели в экономике были деформированы. В.И. Ленин много писал о системе учета и контроля, но советский учет и контроль — скорее всего, один из мифов краткой истории КПСС.

Если все суммировать, получается, что мы уже при Сталине имели мнимую уравнительную систему, мнимый сверхконтроль, извращение стоимости и отсутствие информации об экономике в целом и об экономической преступности в частности. Позволяет ли все это говорить о казарменном социализме, о справедливом уравнительном социализме? Ведь существовало явное перераспределение доходов для подкупа целых социальных групп (иногда это была часть интеллигенции, иногда — военные, работники НКВД и прочие). В результате нужные Сталину группы извлекали законные, но нетрудовые доходы.

С точки зрения даже марксистской теории эти явления есть прямое нарушение закона стоимости — сталинские законы находились в противоречии с настоящими, объективными законами. Доходы известной части общества при такой постановке вопроса незаконны. Уравнительность выглядит мифом, и говорить о социальной справедливости не приходится.

Кроме этих процессов, шли и другие, например непосредственные хищения материально ответственными сотрудниками ГУЛАГа социалистического имущества, существовали и вовсе невидимые аферы. Для скрытой экономической ак-

тивности имелись все условия. Жесткое администрирование, полувоенный метод руководства экономикой отнюдь не отрицают существования всего этого. Наоборот, иногда строгая иерархическая подчиненность и бесконтрольность высших руководителей дает дополнительный простор для «операций».

Дочь Сталина Светлана Аллилуева в своих воспоминаниях так описывает быт Сталина: «Вся его зарплата ежемесячно складывалась в пакетах у него на столе. Я не знаю, была ли у него сберегательная книжка, наверное, нет. Денег он сам не тратил, их некуда и не на что было ему тратить. Весь его быт — дача, дома, прислуга, питание, одежда, — все это оплачивало государство, для чего существовало специальное управление где-то в системе МГБ, а там своя бухгалтерия, и неизвестно, сколько они тратили. Он и сам этого не знал.

Иногда он набрасывался на своих комендантов и генералов из охраны, на Власика, начальника охраны с бранью: «Дармоеды, наживаетесь здесь, знаю я, сколько денег у вас сквозь сито протекает!» Но он ничего не знал, только интуитивно чувствовал, что улетают огромные средства. Он пытался как-то провести ревизию своему хозяйству, но из этого ничего не вышло: ему подсунили какие-то выдуманные цифры. Он пришел в ярость, но так ничего и не смог узнать.

При своем всевластии он был бессилен, беспомощен против ужасающей системы. Он не мог ни сломать, ни хотя бы проконтролировать ее... Власик распоряжался миллионами от его имени: на строительство, на поездки огромных специальных поездов, но отец даже не мог толком выяснить, где, сколько, кому»¹.

Вполне возможно, что лидеры режима жили скромно и без роскоши. Люди верхнего круга управления действительно

¹ Аллилуева С. Двадцать писем к другу. — М.: Известия, 1990. С. 158.

могли не участвовать в конкретных махинациях, но создавали для этого необходимые условия. Люди же среднего эшелона, так сказать, управленцы средней руки, не гнушались преступным промыслом. Почему же так вышло? Таким образом происходил дополнительный подкуп прихлебателей режима, они получали не только официальные нетрудовые доходы в виде дач, особняков, премий, но и возможность украсть, то есть извлечь неофициальные дополнительные нетрудовые доходы.

С другой стороны, верхи вообще не были способны контролировать экономику, направить ее в верное русло. Это не входило в их планы, да и к тому же, как оказывается, им просто некогда было этим заниматься. Борис Бажанов, секретарь Сталина, в своих мемуарах¹ описывает, как тот морщился, был недоволен, стоило лишь его отвлечь на хозяйственные дела, попросить решить какую-нибудь проблему организации и управления экономикой. Характерная деталь — дни напролет Сталин проводил с телефонной трубкой, подслушивая разговоры подчиненных. Есть основания думать, полагает Бажанов, что тем же занимались Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие.

Кто же контролировал экономику, кто реально вершил судьбы миллионов и великой страны? Кучка «помощников» — грязных расхитителей, всяких власкивов, фамилий которых никто и никогда уже не вспомнит? Чтобы доказать тезис об изначальной порочности административно-командной системы, а также ее внутренней связи с теневой экономикой, приведем еще один пример. Во время военного коммунизма, который считается олицетворением командных методов, отнюдь не наблюдалось особого порядка, процветали бандитизм, спекуляция, мародерство. Несмотря на репрессии, сомнительные личности из числа ответственных за снабже-

¹ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. — СПб.: Всемирное слово, 1992.

ние хорошо нажились в этот период. Многие, по-видимому, бежали затем за границу. Троцкий разъезжал по фронтам на собственном бронепоезде. Кстати, уехав из СССР в 1927 году, Троцкий далеко не бедствовал в эмиграции. Аферисты и махинаторы преуспели даже во время Великой Отечественной войны. Одна воинская часть вообще пропала без вести, а уж о деятельности руководителей хозяйственных подразделений армии, ответственных за продовольствие и дефицитные товары, вообще ходили легенды.

Сращивание официальной экономики и теневой

Исходя из всего вышесказанного, утверждение, что административно-командная система находится в противоречии с теневой экономикой, кажется абсурдным. Более того, эти две системы не только мирно уживаются, подчас даже происходит еще большая деформация. Теневая экономическая система становится сердцем административно-командной системы. Ключевые политико-экономические решения принимаются исходя из потребностей теневой экономики, а выглядит это как деятельность административно-командной системы. Я имею в виду прежде всего регулирование ключевых экономических пропорций, определение плановых заданий, выделение финансирования, распределение бюджета, кредитов, определение натуральных показателей. В условиях, когда административно-командная система не просто срослась с теневой экономикой, а они стали единым целым, в какой-то момент вся деятельность по централизованному планированию подчиняется запросам и интересам прежде всего теневой экономики.

Это очень хорошо видно на примере так называемого узбекского дела, которое было знаковым в 80-х годах прошлого

века. На примере узбекского дела стал прежде всего ясен характер тесной связи теневой экономики и административно-командной системы. Основной доход теневой экономики складывался из заведомо искаженного планирования, так называемых потерь, завышения всевозможных затрат, приписок, финансирования несуществующих проектов. В результате образуется фиктивный оборот, в какой-то степени это напоминает фиктивный капитал в западной интерпретации. За такого рода фиктивным оборотом не существует уже реальных потребительских благ и натурального продукта. Это просто нарастающая, как снежный ком, фиктивная стоимостная масса, которая позволяет открыть различные каналы личного обогащения, как то: кредитно-денежный, финансово-налоговый, ценовой, снабженческий, торговораспределительный, строительный или агропромышленный.

Практически в любом секторе экономики одновременно функционирует бумажный оборот и реальная круговерть материальных благ. Например, в сельском хозяйстве учитывалось не реально заготовленное количество мяса, молока и так далее, а значительно большее. Куда же девались «бумажные» мясо, молоко, яйца, пшеница? Ведь в конечном счете пропорции соответствовали показателям централизованного планирования. Здесь на помощь приходили хранение, переработка, транспортировка и прочие фазы производства. С помощью графы «потери» осуществлялась подгонка натуральных и стоимостных параметров.

Вот что пишет один из следователей по «хлопковому делу» Константин Майданюк: «Ограничиться взятками, не раскрыв механизм хищений, означало бы снять пену. Было ясно, что хищения совершают не изъятием из натурального количества, как, скажем, кусок от пирога. Чтобы увидеть, где, предстояло вскрыть изнутри весь технологический процесс от поля до волокна. И вот — динамические ряды, неизбежное нарастание диспропорций. Ведь если отходы сбывают,

скажем, в перерабатывающие предприятия и там их подбавляют, как воду в вино, то в хлопкоочистке их все же надо было как-то списать — за счет фиктивного увеличения технологических потерь, на корм скоту и так далее. Механизм хитрый, достаточно сказать, что процент естественной убыли оставался неизменным. Пирамида приписок начиналась с поля, с бригады, потом — хозяйство, район».

Другой следователь по этому делу — Владимир Калинин пишет: «Инициатива приписок, примерно миллион тонн в год, исходила от Брежнева. Да, от первого тогда лица в государстве, но приписку надо было камуфлировать. На перерабатывающие предприятия России, Узбекистана, Казахстана под видом хлопка шестого сорта шли поставки его отходов, причем не безвозмездно. Вагон «бестоварки» стоил 10 тысяч рублей. У нас стали возникать крупнейшие дела по искажениям отчетности, когда в производство запускались отходы вместо хлопка, по Рязанской области, по Чебоксарам, Чувашии, Воронежу. Аналогичная картина и в других регионах — Казахстане, Туркмении, Азербайджане». Далее следователь пишет: «И ЦК, и Совмин просто обязаны были видеть эту проблему, приписки хлопка составляли не меньше 5 миллионов тонн. За этот «воздух» из госбюджета выдано минимум 3 миллиарда рублей. Из них украдено 1,5 миллиарда. Все это можно было видеть невооруженным глазом. Как могли хлопкоперерабатывающие фабрики, получая отходы вместо сырья, внешне нормально функционировать и быть прибыльными?!»

Такая же картина была и в других отраслях: автотранспорте, в бывшем Госкомнефтепродукте, Агропроме, в строительстве, в Минводхозе. Везде одна и та же система. Главный принцип — отрыв оборота от так называемой стоимости (на самом деле это фиктивная стоимость), от оборота натуральных благ, а точнее, от обращения потребительских стоимостей. Именно разница между фиктивной

и потребительской стоимостью лежит в основе многих теневых процессов. Затем идет перерасчет и перераспределение. Именно это и называется системой неформальных управленческих взаимодействий.

Действия большей части участников этого процесса не носят уголовно наказуемого характера, это является своего рода «честной преступностью» — чиновники просто принимают те или иные решения. В результате политического влияния тех или иных лоббистских группировок в план вносятся те или иные параметры, причем как конкретизирующие цели экономической системы, так и характеризующие ресурсную базу. В зависимости от действий различного рода чиновников эти параметры подгоняются таким образом, чтобы обеспечить функционирование теневых процессов.

Транснациональная административно-командная система

Здесь необходимо сделать еще одно очень важное отступление. Командно-административная система в совокупности с теневой экономикой представляла собой единый политико-экономический комплекс властных взаимоотношений, который впоследствии стали называть «золотом партии». Однако необходимо также отметить, что «золото партии», советский финансовый капитал, контролируемый из Москвы, за долгое время существования СССР был вложен в различных странах мира и фактически представлял собой международную систему, поскольку Советский Союз являлся одной из двух мировых сверхдержав. Исходя из этого, мы должны говорить о перераспределительных механизмах и о механизмах искажения отчетности даже не в масштабе СССР, а в масштабе всей «Советской империи» — социа-

листического блока, прежде всего Восточной Европы, а также стран-союзников на всех континентах.

Дело в том, что стоимостные пропорции, которые фактически являлись учетными (то есть были не реальными стоимостными пропорциями, а лишь использовались для учета и контроля), были деформированы в международном масштабе. Советский Союз еще в эпоху Коминтерна имел возможность воздействовать на политические и экономические процессы во всем мире. Впоследствии, после Второй мировой войны, сложилась мощная система, советский блок, который противопоставлялся НАТО. И естественно, все это происходило и на экономическом уровне. Необходимо отметить прежде всего помощь развивающимся странам, так как строились объекты, делались инвестиции, осуществлялись всевозможные работы, давались кредиты, в том числе и товарные. В числе предоставленных Советским Союзом займов был и кредит на закупку вооружений. Осуществлялось даже прямое участие советских организаций в экономике развивающихся стран, не говоря уже о Совете экономической взаимопомощи (СЭВ), в который входили страны Восточной Европы. В рамках СЭВ все пропорции деформировались уже в транснациональном масштабе. Таким образом, через систему политического и экономического влияния СССР в мире осуществлялось перераспределение национального богатства и искажение пропорций, шло отклонение финансовых показателей от реального положения дел в экономике.

Деятельность КПСС на международной арене была, естественно, секретной. Практически невозможно было осуществить какой-либо контроль в этой сфере, потому что все это было связано с деятельностью внешней разведки. Есть основания предполагать, что в «экспорте революции» на самом деле слились два процесса: наращивание политического и экономического влияния в различных регионах мира

и, что сейчас становится более очевидным, перекачка «народных» средств в различные страны — хищение этих средств, использование их нецелевым образом и перевод их за границу, где они и концентрировались.

Кроме прямого субсидирования развивающихся стран и так называемой кооперации в масштабах СЭВ, со своими внутренними ценами, тарифами, расчетными показателями, была также сильно монополизирована вообще вся внешняя торговля СССР. Причем процесс этот был двусторонним — и со стороны Советского Союза, и, как ни странно, со стороны западных стран.

Казалось бы, можно создать 50 крупных внешнеторговых объединений, которые выступали бы на мировом рынке в качестве представителей советских товаропроизводителей. С ними должны были бы, по логике, работать десятки, сотни, даже тысячи независимых потребителей или партнеров за рубежом, которые, конкурируя с нашим внешнеторговым объединением, могли бы извлекать сверхприбыль за счет эксклюзивных отношений с советскими производителями.

Однако внешняя торговля СССР почему-то быстро оказалась монополизированной узким кругом посредников, в том числе и со стороны Запада. По сути, несколько посреднических группировок в Нью-Йорке, Лондоне и Париже вели все дела и крупнейшие контракты со всеми внешнеторговыми объединениями. В результате сложилась система, при которой реальной конкуренции в этой сфере тоже не было, что позволяло в значительной степени устанавливать искусственные цены. Кроме того, такая система легко поддавалась контролю со стороны центральной бюрократии. В какой-то степени это тоже служило общей идеологии СССР, в том числе идее мировой экспансии.

Традиционно считалось, что мы работаем с так называемыми фирмами друзей, прежде всего в странах, где коммунист-

тические партии были очень сильны (Франция, Италия). Но в то же время СССР работал и с дружественными финансистами всего мира, например с известным Арманом Хаммером. Через этот механизм осуществлялось влияние на экономику и политику Запада — уже через манипулирование ценами и товарной номенклатурой. Советская корпорация, таким образом, позволяла своим сателлитам или дружественным финансово-промышленным группам получать дополнительные конкурентные преимущества на мировом рынке.

Все это создавало исключительно благоприятную почву для теневых явлений и злоупотреблений, впоследствии даже и для роста организованной преступности. Наличие мощной теневой составляющей, контролируемой чиновниками, требовало развития соответствующей инфраструктуры в виде организованных преступных группировок, причем в транснациональном масштабе.

Почему так происходило? Получается, что и через внешнюю торговлю, и через прямую помощь (инвестиции и подряды в развивающихся странах), и через товарные кредиты или кредиты на закупку нашего вооружения, и через международную кооперацию в рамках СЭВ (так называемые прямые связи) происходила дополнительная деформация всех пропорций. Все параметры как внутри страны — в рублях, так и вне ее — в валюте формировались директивно, волюнтаристическим путем, безо всякого рыночного механизма. И естественно, в таких условиях можно было легко — если возникала заинтересованность со стороны соответствующих структур — манипулировать всеми этими процессами в корыстных целях, что и делалось.

Таким образом, деформации, приведшие к симбиозу административно-командной и теневой экономики, имели место не только внутри страны. Административно-командная система не существовала самодостаточно: она была адми-

нистративно-командной по форме и теневой — по содержанию. Причем этот симбиоз существовал, как я уже подчеркивал, не только в масштабах всех отраслей народного хозяйства и всех регионов. Он в значительной степени базировался и на кооперации в СЭВ, и на системе контроля над внешней торговлей, и на прямом субсидировании различного рода дружественных политических режимов и группировок за рубежом — в различных формах. Все это вместе обслуживало не только стратегические интересы страны в целом, но и интересы теневых бюрократических кланов.

Однако нельзя смешивать все в одну кучу. В какой-то степени международная деятельность КПСС и ее помощь другим странам была оправдана, поэтому те авторы, которые впоследствии обвиняли КПСС в финансовых операциях за рубежом и доказывали, что перевод средств для помощи коммунистическим партиям в других странах являлся чуть ли не кражей, ошибаются. В какой-то степени действительно существовал механизм экономической и политической экспансии. Этот механизм аналогичен вывозу капитала в условиях развитого капитализма, когда избыточные средства вкладываются в экономику различных стран для усиления политических и экономических позиций страны — экспортера капитала.

Ничего сверхъестественного в том факте, что ЦК КПСС руководил этим процессом в СССР, в общем-то, не было — в нашем случае ЦК КПСС играл роль гигантской корпорации. Ее функции были в чем-то аналогичны функциям, допустим, «Дженерал Моторс» или «Дженерал Электрик» в США. Через эту экспансию советское государство действовало на мировом рынке, но в отличие от «Дженерал Моторс» ЦК КПСС управлялся людьми, не уверенными в том, что они впоследствии будут иметь, если можно так сказать, долю от прибыли. Именно поэтому люди, управлявшие со-

ветской корпорацией в то время, могли постепенно начать использовать те или иные объективные процессы, полезные в каком-то смысле явления для того, чтобы, прикрываясь ими, решать свои сугубо частные, корыстные задачи — извлекать прибыль и переводить ее на личные счета. Все это и расцвело пышным цветом в эпоху позднего застоя.

Полезные свойства теневой экономики

Таким образом, мы подходим к базовому противоречию функционирования административно-командной системы и теневой экономики, а именно к проблеме смысла теневых явлений в социалистической экономике, к пониманию того, насколько эти явления были полезны и в какой степени с ними надо бороться.

Дело в том, что если на Западе теневая экономика является очевидно ненужной, а сопутствующие ей процессы — объективно вредными (это прежде всего наркомания, мафия, насилие, неуплата налогов), поэтому с ними ведется решительная борьба, то в СССР в теневом секторе скрывалось очень много противоречивых явлений, и не все эти процессы можно назвать однозначно вредными. Конечно, они были вредны, но вредны совсем по-другому, поэтому противодействовать этому процессу с помощью правоохранительных органов было бессмысленно.

Основной смысл теневых явлений в капиталистической экономике — это изъятие определенных сумм из официального оборота, так что они не учитываются в совокупном продукте общества. Если бы эти средства учитывались официальной статистикой, были бы легализованы, то они увеличили бы доход общества, уплату налогов и т.д. В СССР работал совершенно иной механизм.

Главный доход теневой экономики в СССР возникал не от какой-то незарегистрированной деятельности, хотя такая тоже имела место и об этом тоже можно сказать несколько слов при анализе теневых явлений. Основной же доход действительных воротил складывался, как уже было показано, из заведомо искаженного планирования: фиктивных потерь, завышения затрат, приписок, финансирования несуществующих инвестиционных проектов. Получается, что доход возникал из разрыва между «бумажным» оборотом, скажем так, «бумажными» натуральными и стоимостными показателями, с одной стороны, и реальным оборотом материальных благ, в основном в натурально-вещественной форме, — с другой. Этот разрыв и есть источник доходов теневой экономики.

Однако можно ли считать эти явления однозначно вредными? В советской теневой экономике произошло смешение скрытой нелегальной и неучтенной деятельности, полностью незаконной, и объективно полезных рыночных явлений, которые фактически являлись компенсаторными, создавая уродливую форму рынка при его номинальном отсутствии. И нельзя сказать, что в теневую экономику включалось только все незаконное, только то, что противоречило законам. Дело в том, что в теневой экономике действительно многое шло в обход законов, но основные манипуляции совершались в соответствии с действовавшими тогда правовыми актами. Выпуск низкокачественной продукции, навязывание ее потребителю через механизмы планирования и обязательного потребления, когда предприятию по разнарядке спускали поставщиков и потребителей, — все это происходило на вполне законных основаниях, хотя в результате создавало почву для теневых явлений. Таким образом, нельзя сказать, что в теневую экономику входило лишь то, что было незаконно.

Говоря о теневой экономике в СССР, нужно учитывать огромное количество явлений, полезных для общества (вне

связи с критерием законности). Дело в том, что именно в теневом секторе возникли механизмы компенсации отсутствия и деформации товарно-денежных отношений, то есть там, где товарно-денежные отношения подвергались деформации, искажению, создавалась возможность для теневых явлений. Возникшие там теневые явления в какой-то степени закрывали ту брешь, которая порождалась деформацией. Таким образом, теневая экономика — это, в значительной степени, механизм компенсации искажения и деформации товарно-денежных отношений и закона стоимости в социалистической экономике, своего рода реакция системы на эту деформацию. В этом смысле теневая экономика является зародышем нормальной рыночной экономики, поскольку в той степени, в какой возникают эти компенсаторные механизмы, в той же степени возникают и рыночные механизмы, пускай и в извращенной форме. Однако даже эти извращенные формы рыночной экономики закладывают фундамент для очень серьезной трансформации экономической системы в целом.

Структура теневой экономики

Можно сказать, что теневая экономика — это не просто явление, которое не было замечено исследователями, исходившими из того, что мы живем в каком-то там тоталитарном государстве, где все централизованно планируется, исходившими из концепции, которая, как мы уже показали, не выдерживает критики. Никакой такой суперцентрализованной системы в том виде, в котором ее описывали и у нас, и на Западе, как мы видим, не было. В рамках этой системы все время существовали незарегистрированные, неучтенные, неконтролируемые сферы деятельности, которые можно поделить на несколько секторов.

В первую очередь, это то, что подходит под понятие незарегистрированной деятельности — всевозможного рода услуги, кустарное производство каких-то товаров. Все это реально производилось, реально продавалось, но не было учтено в официальной статистике, начиная от продажи пирожков бабушками и заканчивая водительской «халтурой». Сюда же входит и продукция, выращенная на садовых участках, которая могла потом продаваться, кустарно-ремесленные промыслы и прочее, связанное с незарегистрированной деятельностью.

Второе направление — явно противозаконная деятельность, которая по определению не может быть легализована: проституция, наркомафия, торговля оружием и другие формы преступности.

И то, и другое явление в принципе аналогично подобным явлениям на Западе.

Но в наших условиях, как уже не раз подчеркивалось, теневая экономика базировалась совсем на другом: на искажении ценностных и натуральных пропорций, на возможности манипулировать экономическими показателями и создавать двойную отчетность, двойную бухгалтерию и так далее. Речь идет о том, что существовало две экономики: одна — легальная, функционировавшая с учетом определенного рода параметров, и совсем другая, скрытая, где действовали совершенно иные механизмы. В этом смысле теневая экономика, можно сказать, является сердцем административно-командной системы.

Чиновники, получавшие теневые доходы, относились к ним совсем по-другому, чем просто к показателям экономики контролируемых ими отраслей. Естественно, для них намного важнее были живые и реальные деньги и блага, получаемые в результате деятельности теневой экономики, сотрудничества с теневыми дельцами, чем, возможно, гораздо более крупные суммы — может быть, несравнимые в цен-

ностном отношении, — которыми эти чиновники руководили в подотчетных им отраслях и регионах, за которые они были ответственны в соответствии со своим должностным положением и полномочиями, утвержденными ЦК КПСС.

Совершенно несравнима их заинтересованность в том и в другом случае и, соответственно, эффект от их управленческой деятельности. Они могли распоряжаться огромными суммами, которые их практически могли не интересовать, и в основном их мотивация была обусловлена теми доходами, которые они — не все, а некоторая часть коррумпированного чиновничества — получали от оборотов теневой экономики в данном регионе или в данной отрасли. Именно теневой оборот и те доходы, которые они получали от подпольных производств, цехов или просто от хищений, именно этот оборот полностью определял их экономическое поведение. Мотивация всех экономических действий, таким образом, перешла под контроль теневой экономики, и это было очень важно.

Именно поэтому можно утверждать, что теневые процессы — это сердце административно-командной системы. Процессы, которые происходили в этом секторе, может, и уступали по стоимости процессам, существовавшим на бумаге, но они были гораздо живее и ближе сердцу чиновников и участников этих группировок. Поэтому теневые действия имели совершенно другую цену.

Роль денег в советской системе

Необходимо также отметить следующее: деньги в условиях советской системы играли несколько иную роль, чем в условиях капитализма. Номинально, или, точнее, законно, обладать большими деньгами было невозможно: существо-

вал определенный предел легализации средств, что исключало возможность оправдать сумму, превышающую, скажем, миллион рублей. Это создавало ситуацию, при которой все, что можно было купить в условиях советской системы, стоило значительно меньше, чем аналогичные вещи на Западе. Несмотря на номинальное соотношение 4 рубля за 1 доллар в конце 80-х годов, реальное соотношение было совсем другим.

На эквивалент 1000 долларов можно было купить квартиру в Москве или машину, что было верхом благосостояния, подчеркиваю, верхом благосостояния в советском обществе, и сразу же ставило человека в социальной иерархии приблизительно на уровень высшей части среднего класса на Западе. Одну-две тысячи долларов могла стоить дача недалеко от Москвы. Человек, имевший все это, являлся уже очень обеспеченным по советским меркам. Так что нельзя сопоставлять рубли и доллары вне той роли, которую деньги играли в советском и в западном обществе.

В советской системе, к примеру, человек, располагавший миллионом долларов или контролировавший миллион долларов, мог рассматриваться фактически как олигарх. На эти деньги он мог подкупить практически весь Совет министров, и, естественно, его влияние было неизмеримо большим, чем, допустим, влияние человека, имевшего 5, 10 и даже 100 миллионов долларов на Западе, — это совсем разные вещи.

Естественно, при анализе теневой экономики разная роль денег имеет ключевое значение. В теневой экономике все имели дело с живыми деньгами. Именно живые деньги, реальные деньги возникали в результате разного рода комбинаций, сговора чиновников-бюрократов, лоббистских усилий, того, что называлось системой неформальных управленческих взаимодействий.

Неформальные управленческие взаимодействия

Можно вкратце охарактеризовать эти взаимодействия. Одновременно можно посмотреть, как те или иные явления, существовавшие в советской административно-командной системе, трансформировались в экономике России и как они присутствуют сегодня. Многое из того, что было в те годы, поменяло окраску — произошла своего рода социальная мимикрия, и адаптированные к новым экономическим реалиям явления продолжают не только присутствовать в экономике, но и фактически определять ее качество. Все эти явления трансформировались, изменились по форме, но продолжают оставаться содержательной частью экономических процессов. Так что при их анализе можно сравнить, как они проявлялись тогда и что представляют собой сейчас.

Итак, система неформальных управленческих взаимодействий. Под этим понимается определенного рода система отношений государственных чиновников, руководителей предприятий, отраслей, регионов, руководителей внешней торговли по поводу распределения производственных фондов, кредитов, бюджета; определения плановых нормативов, отчислений в бюджет различных уровней и других экономических показателей; а также взаимодействие всех этих лиц в процессе производства, то есть текущий обмен информацией и услугами, различного рода одолжениями, которые имели место в социалистической экономике.

Важнейшими компонентами этой системы являлись такие понятия, как «административная валюта», «телефонное право», «бюрократический бартер». Эти три явления, по сути, представляют собой формы извращенного товарообмена — такого невидимого товарообмена, который в условиях фактического отсутствия рынка заменял собой реаль-

ные рыночные отношения. Это система отношений по принципу «ты — мне, я — тебе» на всех уровнях. И в то же время эти явления тесно связаны с одним из базовых противоречий социалистической экономики, а именно — противоречием натурально-вещественных и стоимостных показателей в социалистической экономике.

В связи с этим велась даже долгое время дискуссия о наличии товарного производства и товарно-денежных отношений при социализме. Некоторые ученые доказывали, что товарно-денежные отношения отмирают в эпоху социализма, некоторые даже договорились до того, что и деньги со временем отомрут. Да, действительно, деньги в социалистической экономике играли подчиненную роль, выполняя функцию своего рода учетных чеков, не более чем расчетной единицы для определения плановых показателей. Они не выполняли всех своих функций, каковыми наделены деньги в капиталистической системе, поэтому некоторым экономистам казалось, что натурально-вещественные пропорции будут доминировать и стоимостные показатели могут быть вообще не нужны. В связи с этим у них возникал вопрос, зачем тогда вообще нужны деньги, если все можно учесть, запланировать, распланировать, в дальнейшем вести текущий учет на основе различного рода карточек и чеков. Такое было представление о социалистической экономике у этих экономистов — некий аналог северокорейской модели экономики.

Другие экономисты доказывали, что стоимостные показатели не только существуют, но должны доминировать, и делали упор на необходимости материального стимулирования работников и предприятий, для того чтобы они достигали лучших показателей в работе, получая при этом некоторую долю от прибыли.

Но в целом даже в условиях, когда никакого материального стимулирования и внедрения хозрасчета не происходило, в

условиях отсутствия развитой рыночной инфраструктуры все равно существовали все эти механизмы компенсации, а именно, «бюрократическая валюта», «телефонное право», «бюрократический бартер», система взаимоотношений «ты — мне, я — тебе».

Что это означало? Если и не было реального рыночного обмена, тем не менее очень сложно было исключить сговор конкретных лиц и работу групп влияния внутри аппарата. А такие группы влияния в аппарате были, поскольку номенклатура сама по себе была неоднородной, она делилась на различного рода финансовые и политические группировки. Это чем-то напоминает сегодняшние олигархические группы, которые были заинтересованы в продвижении своих людей, связанных с теми или иными теневыми дельцами и, соответственно, действовавших для обеспечения интересов всей этой группы.

В результате взаимодействия всех этих групп влияния, бюрократических кланов, скрытых лоббистских групп происходила подгонка показателей и фактически осуществлялось планирование на государственном уровне, а впоследствии и весь производственный процесс, а также его финансовое обеспечение и распределение материальных благ. Чиновники могли «обмениваться» своим политическим влиянием для решения того или иного вопроса. К примеру, чиновник, руководивший строительной отраслью, оказывал услуги в области строительства, а тот чиновник, который руководил, скажем, торговлей, мог оказать услуги в области торговли. Практически они могли осуществлять те или иные действия в зависимости от тайных договоренностей. По сути это было рыночным механизмом, скрытым рыночным механизмом, пускай и извращенным, поскольку товарообмен все-таки происходил.

Телефонное право — это возможность тех или иных лиц тайно и опосредованно влиять на принятие каких-либо го-

сударственных решений, а также на экономические процессы. Сами по себе эти люди не участвовали в принятии решений. Таким образом действовали обычно партийные чиновники, которые редко отвечали за что-то сами. Они осуществляли свои планы через назначения руководителей предприятий, а также через органы исполнительной власти на местах. Чиновник мог всегда позвонить, к примеру, в райисполком и сказать, что есть мнение, что надо сделать так-то и так-то. В результате все понимали, что, если они сделают по-другому, у них могут возникнуть неприятности, поэтому они следовали намеку этого руководителя. Таким образом, возникала ситуация, в которой этот руководитель мог обменивать свое телефонное право на различного рода услуги. В каком-то случае он мог позвонить, а в каком-то случае он мог и не позвонить.

Каждый руководитель, как и сейчас, был представителем определенного бюрократического клана, определенной группировки. Можно предположить, что такого рода «административная валюта» предоставляла возможность продавать свое влияние, а «телефонное право» — скрыто указывать тем или иным субъектам хозяйствования, что делать; вынуждать их принимать те или иные решения, зачастую по сбыту или, наоборот, по приобретению тех или иных товаров.

Под «бюрократическим бартером» понимался непосредственный обмен услугами в случае, если чиновники действовали в смежных или разнородных секторах экономики и им требовалось что-то из той сферы, к которой они непосредственно не принадлежали.

Все эти явления были отражением деятельности бюрократических кланов и лоббистских групп, групп влияния внутри аппарата, которые очень сильно напоминают сегодняшние олигархические группы. Интересно, что явления эти сохранились до сегодняшнего дня. Сегодня мы тоже видим, как чиновники обмениваются «административной валю-

той», а именно своими возможностями, услугами. Более того, общеизвестно, что «административная валюта» стала конвертироваться непосредственно в деньги, поскольку при учете тех или иных операций дельцы приблизительно учитывают, сколько может стоить та или иная услуга. Это является частью процесса.

Приблизительно такая же система существовала при советской власти. Принятие важнейших решений (кадровые назначения, выделение кредитов, распределение инвестиций, определение размеров и приоритетов бюджета, а также различного рода источников финансирования, плановых нормативов и показателей) осуществлялось в точном соответствии с объемом как денежных средств того или иного бюрократического клана, так и с учетом «административной валюты», которой располагали эти кланы. Все это учитывалось и оказывало свое влияние.

Как мы видим, в данной области изменения минимальны. Некоторые изменения, может быть, произошли в области прямого «бюрократического бартера», поскольку сейчас этот процесс зачастую не требуется (бартер осуществляется в несколько иной форме). Но мы видим, что телефонное право продолжает действовать, те или иные экономические решения все так же определяются не в соответствии с законом спроса и предложения, а очень часто — по разнарядке сверху, в зависимости от тех или иных договоренностей руководителей различных уровней.

При этом мы видим, что «административная валюта» используется таким же образом, как и раньше, причем достаточно открыто, что в принципе ничем не отличает нынешнюю ситуацию от ситуации советского периода. Может быть, единственным отличием является то, что тогда бывали случаи, когда ответственный работник мог сделать что-то за бесценку. Например, за бутылку коньяка подписать очень выгодный для теневого дельца договор или же за не-

большую услугу (организация отдыха на юге или ужин в ресторане) позвонить и решить вопрос, который мог «стоять» в десятки или в сотни раз дороже.

Единственным изменением является то, что сегодня все эти услуги стоят значительно дороже и сейчас уже никто за бутылку коньяка или за ужин в ресторане не будет оказывать столь серьезных услуг. «Административная валюта» сейчас ценится точно так же, как и настоящие деньги. А существовавшие в советское время диспропорции позволяли в значительной степени манипулировать и извлекать сверхприбыль некоторым участникам процесса. Сейчас они устранены и практически уже нет никакой разницы, как вы будете рассчитываться — услугами, деньгами или в натурально-вещественной форме. Фактически это единственное отличие — то, что цены на услуги чиновников поднялись и стали соответствовать реальному уровню этих услуг.

Когда мы говорим об особенностях принятия управленческих, кадровых, плановых, бюджетных, финансовых решений в номенклатурной системе, мы всегда должны иметь в виду и систему неформальных управленческих взаимодействий, и наличие разнородных групп влияния номенклатуры. Это не была единая корпорация, как ее пытались представить некоторые исследователи, как она выступает в теории. ЦК КПСС — это было то же самое сообщество совершенно разных людей со своими противоречивыми интересами, что и нынешняя властная верхушка.

Группы влияния внутри ЦК, подобно нынешним олигархическим группам, расставляли своих людей на ключевых постах. Те и обеспечивали своим покровителям прикрытие, и решали какие-то вопросы в их пользу, и осуществляли производственную и финансовую деятельность в их интересах. Все это было частью скрытой политической жизни, и нынешние олигархи являются просто иным способом проявления того же феномена, это иная форма одного и того же

явления. Сегодня просто все те же процессы происходят через олигархическую систему.

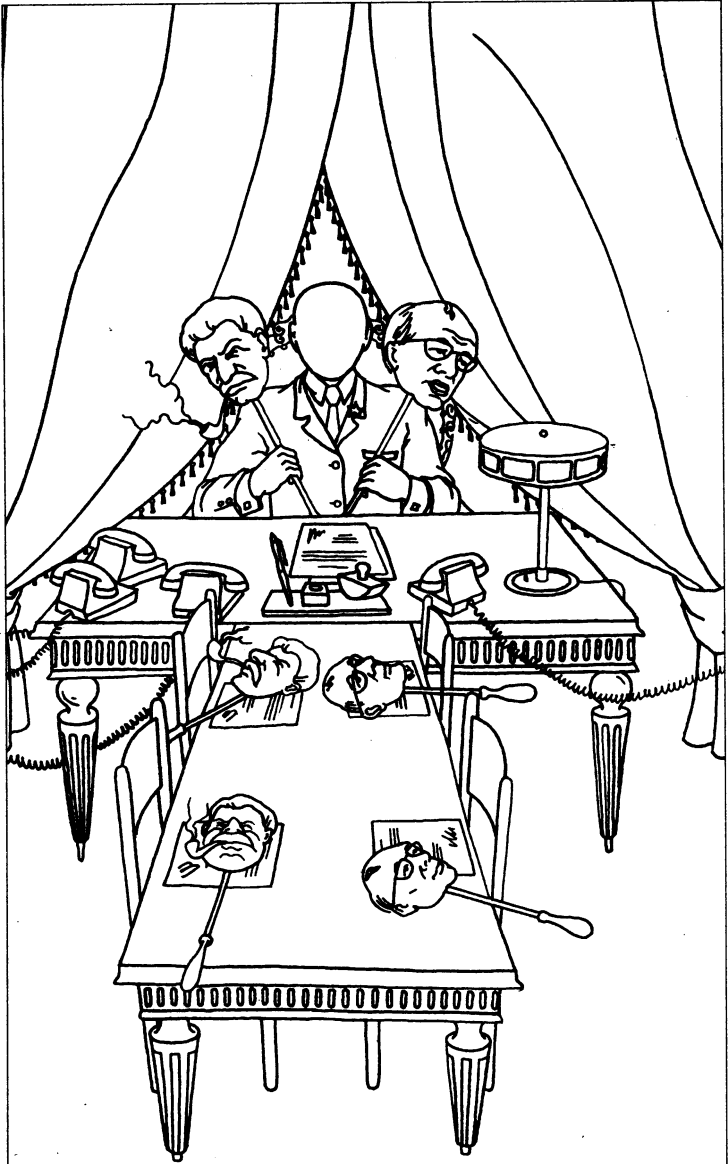
Мы видим, таким образом, что теневая экономика и связанные с ней явления представляют собой зародыш рыночной экономики и невозможно однозначно сказать, что теневая экономика — явление негативное. Мы видим, что рыночные механизмы скрыто существовали в извращенной форме в условиях административно-командной системы и реализовывались через теневую экономику. Таким образом, сказать, играла теневая экономика положительную или отрицательную роль, однозначно просто невозможно, поскольку в нее входит не только сугубо противозаконная и даже криминальная деятельность — прежде всего незарегистрированная деятельность и неуплата налогов, а также проституция, торговля наркотиками и оружием.

В наших условиях речь идет о появлении извращенных компенсаторных механизмов рыночного типа, которые развивались и видоизменялись, трансформировались. Мы не можем осуждать эти процессы как таковые: отчасти они были полезны и, оказывается, в значительной степени сохранились и по сей день. И сегодня мы имеем дело с теми же явлениями, которые существовали тогда.

Эта двойственность, с одной стороны, отрицательный характер теневой экономики, с другой — положительный, приводит нас ко многим выводам. В первую очередь, мы видим, что в советской экономике были не только явления, которые мы описали выше, но также огромного рода мелкая незарегистрированная деятельность всех типов. Было и воровство на производстве, и всем известные махинации продавцов, и просто кустарные какие-то промыслы, и различного рода незаконные услуги — все так же являлось способом существования системы. Если, скажем, компенсаторным механизмом на уровне страны в целом были явления «административной валюты» и «бюрократического

бартера», то компенсаторный механизм на низовом уровне включался через элементарную систему «ты — мне, я — тебе», которая всем хорошо известна, а также через возможности получить какие-то доходы, которые не были учтены.

При этом тот факт, что почти все население в условиях советской системы также вовлекалось в какие-то мелкие правонарушения, приветствовался руководством советской страны, так как в какой-то степени делал всех заложниками одной системы. Получалось, что понемножку воруют все: и мелкие «несуны», и даже бабушки, торгующие пирожками, совершают преступление. При тоталитарных режимах властям иногда выгодно, чтобы граждане были вовлечены в какую-то мелкую преступную деятельность — так их легче держать в страхе. Пока народ ворует по мелочи, можно осуществлять свою деятельность на более высоком уровне. Деятельность мелких «несунов» скрывала масштабные манипуляции в области планирования и распределения материальных благ, бюджетов, инвестиций, кредитов, фондов и так далее.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ НОМЕНКЛАТУРЫ

Ключ к пониманию эволюции советской системы

Чтобы уяснить сущность советской экономической и политической системы, необходимо разобраться в том, что являла собой ее основа, называемая номенклатурой.

Это особенно важно для людей, молодость которых пришла на 90-е годы, поскольку они представляют себе советское общество несколько упрощенно. Они знают, что существовало некое тоталитарное государство, подавлявшее основную массу населения, но не понимают, как был устроен и как действовал механизм экономической и политической власти. Многие из них считают, что это прошлое совершенно неинтересно, поскольку коммунизм и тоталитаризм побеждены. Отсюда и непонимание очень многих явлений сегодняшнего дня: ведь на самом деле реальных реформ не произошло, старая система политического и экономического влияния просто трансформировалась и под новыми вывесками функционирует в современном российском государстве.

Разобраться в сущности номенклатуры важно и для людей старшего поколения. Ведь большинство наших граждан, 90% населения, восприняв лишь какие-то идеологические штампы, клише, не знает сути этой системы.

Система тоталитарного господства как раз и строилась таким образом, чтобы основная масса населения не была в курсе ее экономических, политических механизмов. Человек в этой системе доводился до уровня автомата, полностью отчуждался от власти, от собственности и оболванивался с помощью средств массовой информации, превращался, по выражению Александра Зиновьева, в «хomo советикуса». Такой человек и не помышлял разбираться в системе политико-экономического влияния, господствовавшей в обществе. Он был бесконечно далек от этого и о власти знал только то, что говорили иногда по телевизору. Когда в политбюро происходили совершенно непонятные перестановки и вместо одного человека неожиданно вводился другой, простым людям это ничего не говорило, и они даже не пытались разобраться, что за этим скрывается.

Между тем, как уже отмечалось, понимание сути номенклатуры — это ключ к пониманию дальнейшей эволюции нашего общества.

Вспоминая марксистско-ленинскую классовую теорию

Как известно, у Маркса основной теорией была теория классов. Теория классов базировалась на предпосылке о существовании различных отношений людей в процессе производства и распределения материальных благ (производственные отношения), которые лежат в основе всех других отношений. Они обусловлены местом, которое та или иная группа людей занимает в процессе общественного производства.

Деление общества на классы было подмечено и до Маркса, но тем не менее именно Маркс сделал его основой своей те-

ории, открыл так называемую классовую борьбу и, главное, раскрыл экономическую сущность классов. Он показал, что существование классов связано с определенными историческими фазами развития производства; далее, что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; и, третье, что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов. В то же время в основе деления общества на классы, по мнению Маркса и Энгельса, лежало разделение труда. Однако классы — это вовсе не профессии, то есть нельзя смешивать классы, скажем, с группами людей, занимающихся определенным родом деятельностью.

Ленин определял классы как большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению, в большей части закрепленному и оформленному в законах, к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства. На мой взгляд, это очень четкое и исчерпывающее определение классов. Классы являются антагонистами, то есть классовые интересы противоположны и абсолютно несовместимы.

В рамках своей теории классики марксизма-ленинизма пришли к тому, что необходимо создавать бесклассовое общество. Создание в перспективе такого общества и было целью социалистической революции. Насколько утопична эта цель, мы судить не можем, этот вопрос требует специального исследования. Мы можем лишь констатировать, что это было заложено в идеологии социализма и коммунизма.

Неожиданный поворот: оформление номенклатуры в новый класс

Однако в реальности произошло совершенно противоположное тому, на что рассчитывали классики марксизма-ленинизма. Общество, которое сначала казалось бесклассовым, неожиданно стало быстро расслаиваться. Происходило это из-за необходимости элементарного управления обществом. Если бы этого расслоения не произошло, в обществе начались бы анархия, хаос. И это общество, скорее всего, было бы разгромлено и подчинилось бы другим каким-то политическим режимам, поскольку просто не могло бы себя оборонять и защищать.

Поэтому не вполне ясно, на самом ли деле классики марксизма-ленинизма собирались построить бесклассовое общество или же предполагалось (по крайней мере, Лениным) взять под этими лозунгами власть в свои руки, а затем, сохранив государство как аппарат насилия, продолжить функционировать в условиях существования классов, пусть видоизмененных. Бесспорно одно: как только идеи социализма-коммунизма стали реализовываться, начались противоречия в стане победивших. Разного рода анархистские, анархо-синдикалистские группы и иные течения крайнего толка начали бороться против сохранения государства, механизма государственного правления.

Но они быстро были оттеснены на обочину: в условиях Гражданской войны и последующей интервенции Антанты потребовалась организация для защиты нового строя. Возникла некая иерархия, бюрократия, структура власти, которая уже с самого начала стояла над остальными гражданами. Она, эта структура, в значительной степени сформировалась из той самой организации «профессиональных революционеров», которую привел к власти Владимир Ильич Ленин, и в значительной степени она вынуж-

дена была интегрировать и кооптировать в свои ряды представителей старых бюрократических структур из всех сфер деятельности — «буржуазных специалистов». И они составили значительную часть этого «сословия», которое должно было взять на себя функции государственного управления.

Но тогда еще не было понятно, что зарождается новое классовое деление. Поскольку собственность на средства производства считалась общенародной и формально в отношении нее все были равны, то казалось, что никакого реального деления на классы не происходит, а различие в положении граждан в обществе объясняется необходимостью сохранения иерархического принципа для действенного государственного управления.

Но оказалось, что некоторые люди все-таки начали становиться «равнее». И начал зарождаться так называемый новый класс. Этот термин в свое время ввел один из лидеров коммунистов бывшей Югославии, ученый и писатель Милован Джилас. Этот человек прошел путь до члена Политбюро ЦК Югославской компартии и знал изнутри тот механизм, который позволял осуществлять контроль над массой в коммунистическом обществе. Суть его теории проста. Аппарат государственного управления необходим и после социалистической революции, и как только коммунистическая партия берет власть в свои руки, сразу начинается процесс отделения фактической власти от компартии в целом и уж тем более от всего общества в целом. Власть переходит к аппарату коммунистической партии, к сообществу партийных бюрократов, которое становится главной управляющей силой в обществе и начинает распоряжаться общенародной собственностью. Не весь народ как «ассоциация свободных тружеников», а этот класс бюрократов, партийный аппарат становится фактическим распорядителем всех орудий и средств производства. Таким образом, че-

рез некоторое время он реально начинает эксплуатировать всех остальных членов общества и поддерживает свою диктатуру с помощью террора и тотального идеологического контроля в стиле Оруэлла.

Профессиональных революционеров — на свалку истории

По мере становления нового бюрократического аппарата профессиональные, идейные революционеры, которые осуществляли социалистическую революцию, после ее победы либо постепенно смещаются с руководящих постов, либо перерождаются. Те из революционеров, кто не в состоянии приспособиться к работе в таком аппарате, из него вытесняются, их заслуги забываются, а оставшиеся становятся сообществом реакционеров-душителей и, не обращая внимания на ранее провозглашенные принципы, подавляют сопротивление обманутых масс, которые в свое время поддерживали революционеров, а теперь фактически отстранены от управления государством. Таким образом, всем народом, «ассоциацией тружеников», теми, кто «независимо создает общественное богатство, общенародную собственность», руководит «передовой отряд всего народа» — коммунистическая партия.

Коммунистическая партия сама по себе неоднородна, реальным хозяином всей страны является ее аппарат в виде Политбюро ЦК, Секретариата ЦК и партийных комитетов на местах, которые также функционируют по определенной схеме. Контроль в обществе осуществляется исключительно централизованно и административно, зачастую скатываясь до террора, политические свободы ограничиваются, отсутствует свободная передача информации, господствует идеологическая пропаганда.

Литература — о номенклатуре

Таков механизм перерождения всех коммунистических режимов. Причем Югославия еще стояла некоторым особняком. Советское руководство считало ее страной, которая находится ближе к капитализму, чем другие социалистические страны. Поэтому советская система в значительной степени отличалась от той, которую описал Джилас в своих книгах «Новый класс» и «Несовершенное общество». Главная его идея тем не менее правильна и применима к советской системе: в социалистических странах правящая элита — это новый господствующий класс партийной бюрократии. Впоследствии за свои идеи Джилас был заключен в тюрьму, но его теория приобрела мировую известность и на сегодняшний день является одним из фундаментальных представлений в исследованиях различного рода социалистических, коммунистических режимов.

Работа властных структур в нашей стране неплохо проанализирована одним из бывших партийных функционеров сталинского периода Абдурахманом Авторхановым в книге «Технология власти». Кроме того, это важнейшее для понимания экономической и политической ситуации в России, а ранее в СССР, явление осмыслил Михаил Восленский в своей блестящей книге «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза», которая была на протяжении десятилетий лучшим исследованием по этой теме. Восленский сам работал в различного рода государственных структурах, поэтому в своей книге очень точно, со знанием дела передал все штрихи, все нюансы и оттенки этого явления.

Кроме того, можно отметить романы и рассказы Оруэлла, такие, как «1984» и «Скотный двор», где вкратце написано, как на одной ферме животные устроили революцию против господства людей и стали сами хозяйничать, но республика освободившихся животных быстро оказалась под

властью свиней и их охранников — сторожевых псов. Уделом остальных животных хутора стал беспросветный труд по выполнению составляющегося свиньями плана, сдобриваемого демагогическими заявлениями о том, что отныне животные работают не на людей, а на самих себя. И под шумок этих разговоров свиньи стали владельцами фермы. В романе «1984» изображаемое Оруэллом общество делилось на три слоя: это внутренняя партия, то есть партийно-полицейский аппарат, который превращается в господствующий класс; внешняя партия — подчиненная этому классу интеллигенция и просто пролетариат — низший класс общества.

О перерождении высшего слоя нового «сословия», появившегося в СССР, его обуржуазивании, трансформации, об отстранении рабочего класса от власти было много написано не только «буржуазными критиками», такими, как Оруэлл. Интересно, что ту же идею развивали даже горячие сторонники мировой пролетарской революции. Прежде всего это Троцкий, который с самого начала в своей борьбе со Сталиным сделал ставку на критику этого явления перерождения. Он вынужден был это сделать, поскольку в противном случае ему просто не к чему было бы апеллировать, когда он стал проигрывать в своей политической борьбе. Троцкий указывал, что бюрократизация партийного аппарата фактически создает не диктатуру пролетариата, а, как он выражался, диктатуру над пролетариатом. По мнению Троцкого и троцкистов, фактически в 20-е годы бюрократия «политически экспроприровала» рабочий класс и сделалась привилегированным общественным слоем, что вызывало необходимость антибюрократической революции, революции всего народа против бюрократии, чтобы действительно построить социализм. Это очень близко к идеям Джиласа, Оруэлла, Восленского и других авторов.

Номенклатурные принципы выдвижения

Мы не можем подробно разбирать, как возник этот класс, как он укреплял свое господство. Отметим лишь, что этот механизм действительно хорошо исследован в работах Авторханова; в своей книге «Технология власти» он объясняет, каким образом Сталин забирал власть в стране, а опора Сталина — прослойка бюрократов, причем определенного толка, готовых ради своего политического выживания на все, — становилась все больше и больше.

Авторханов показал, как Сталин освобождался от наиболее самостоятельных, талантливых, принципиальных, активных людей, что даже со своей женой он вступил в конфликт, поскольку она была из семьи настоящих революционеров. Окружал себя серыми и невзрачными людьми, выдвигая их по принципу исключительно личной преданности. А личной преданности можно было ожидать прежде всего от безынициативных, без каких-либо способностей и вообще положительных качеств людей, которые в случае их выдвижения понимали бы, что они выдвинуты только благодаря своему сюзерену, и ни на минуту не задумывались бы о том, что сами чего-то достигли.

При полном отсутствии каких-либо достоинств это были лица с определенными моральными качествами, не гнушающиеся ничем, готовые подличать, лизоблюдствовать, хлуйствовать, совершать разного рода аморальные деяния, с помощью которых вышестоящие в этой системе могли повязать их, сделать полностью зависимыми. В 1937 году выдвижение было сопряжено с участием в доносах, репрессиях. Это было крайней формой; но и ранее, и позже все равно практиковалось выдвижение самых аморальных людей путем вовлечения их в какую-либо грязную, незаконную деятельность, чтобы впоследствии держать их на крючке. Таким образом, выдвиненцы должны были абсолютно

не соответствовать той роли, на которую выдвигались; поэтому они часто перебрасывались с места на место и руководили то идеологией, то сельским хозяйством, то культурой, то машиностроением. Им было все равно, чем руководить. Сформировался класс профессиональных руководителей-неважно-чем, абсолютно не представляющих, чем они руководят, не уверенных в своем соответствии этому статусу, с аморальным прошлым, служившим залогом круговой поруки, зависимости от вышестоящего.

Так эта система складывалась, работала и развивалась с 20-х до 50—60-х годов. Эволюция номенклатуры во времена Сталина была крайне суровой: была повержена вся «ленинская гвардия», в номенклатуру пришли совершенно другие люди. В этой борьбе было очень много жертв, было вычищено очень много генофонда, изменились даже моральные и этические импринты. У рожденных в этой системе людей исходные принципы функционирования, правила игры закладывались с детства, с молоком матери, чуть ли не на генетическом уровне. Дети, которые выросли в этой обстановке, очень рано впитывали все эти правила выживания, которые фактически стали уже частью человеческой природы в советской действительности. Советская система вырастила, таким образом, определенного человека; как уже говорилось, в какой-то степени этот факт зафиксировал Зиновьев в своем романе «Хомо советикус».

Хомо советикус номенклатурный

Номенклатурные хомо советикус несколько отличались от хомо советикус вообще, это была как бы элита, передовой отряд, в котором, как я уже говорил, очень важным принципом выдвижения было несоответствие занимаемой долж-

ности: чем меньше человек ей соответствовал, тем больше он зависел от вышестоящего руководства. Таким образом, базовым принципом, законом номенклатуры был закон максимального несоответствия занимаемой должности. И второй принцип номенклатуры — участие в неблагоприятных делах, дававшее возможность держать человека на крючке. Если человек по этим двум ключевым принципам не подходил, вряд ли он мог сделать карьеру в номенклатуре.

Итак, мы видим, что изначально существовала классовая теория, основанная на том, что развитие производственных отношений обязательно ведет к возникновению различных групп в обществе — классов с антагонистическими целями. Затем возникла ситуация, когда казалось, что классов, по крайней мере теоретически, не должно было быть, однако в реальности в течение длительного времени происходил отрыв определенной группы населения, а именно бюрократического партийного аппарата, от всей основной массы. Эта группа постепенно захватывала рычаги политического и экономического влияния, рычаги управления общенародной собственностью, превращаясь по сути в новый правящий класс.

Дежа вю

В результате появилась абсолютно новая система, требующая специального изучения, которое очень важно для понимания дальнейших событий уже в новейшей российской истории, после «демократической» революции, когда этих явлений уже не должно было быть в принципе, они должны были бы остаться в прошлом. Но эти явления не исчезли, а только видоизменились. И чтобы понять их, неплохо взглянуть на них в их натуральной, естественной форме.

Когда мы читаем «Скотный двор» Оруэлла, перед нами возникает знакомая картина. Свиньи захватили хутор; все животные под охраной сторожевых псов работают на этих свиней, и им внушают, что они должны быть счастливы, работая на свиней, а не на людей — это выдается за главное достижение; при этом постепенно свиньи становятся еще и владельцами хутора, приватизируют его, сдабривая все это свинской демагогией (животные работают на животных, то есть на самих себя).

Практически то же самое происходило во время так называемой демократической революции и приватизации: опять свиньи приватизировали хутор и долгое время рассказывали животным о том, что теперь они работают вовсе не на людей (то есть не на ненавистную коммунистическую партию — такой жупел был запущен в обращение как раз бывшими партаппаратчиками), а на животных (предпринимателей и бизнесменов), то есть все равно что на себя.

Тут мы сталкиваемся с повторением истории, феноменом дежа вю. Можно сказать, что номенклатура — это достаточно специфическое для советской системы явление, хотя и не единственное в мировой истории.

Аналогия с азиатским способом производства

Ситуация, когда какая-то группа лиц или каста фактически владеет и распоряжается всей собственностью, однако юридически не закрепляет это и при этом нет ни рабов, ни крепостных, люди формально свободны, характерна для так называемого азиатского способа производства. В восточных деспотиях зачастую государство — единая структура, которая фактически владела собственностью, могла указы-

вать гражданам, что им делать, руководила их жизнью. Формально люди были свободными, но тем не менее они существовали как единый организм, а внутри этого организма имелась определенная группа, которая фактически представляла собой элиту, распоряжавшуюся абсолютно всем, эволюционирующую по своим законам. Правда, в восточных странах государство обычно было тесно связано с религиозными институтами, с верой в небесное происхождение власти.

У номенклатуры XX века отсутствовало какое-либо наследственное или религиозное обоснование, хотя учение Маркса-Энгельса-Ленина превратилось в советской системе в аналог религии. Специфичным здесь было то, что эта группа людей образовалась прямо на глазах, и механизм ее эволюции можно проследить непосредственно, так как прошло всего два-три поколения с момента образования этой касты до ее формального краха в конце 80-х — начале 90-х годов.

«Становой хребет» советского общества

Однако, как уже говорилось, номенклатура не была лишь паразитическим элементом. Это был не просто класс в марксистском понимании: группа людей, объединенных едиными политическими целями и целями сохранения экономического господства, имеющих определенные интересы в рамках общественного разделения труда и отношения к средствам производства и отличающихся особым характером присвоения общественного богатства. Номенклатура выполняла с самого начала функции государственного управления и управления обществом в целом. Таким образом, она фактически являлась тем каркасом, «становым хребтом» советского общества, который вообще позволял ему

развиваться. Иной системы управления в обществе не было, иных механизмов не существовало, и, несмотря на все сказанное о номенклатуре, об этом новом классе, многие вопросы государственного управления были решены, и некоторые достаточно успешно.

Секрет советских успехов

Прежде всего надо отметить, что номенклатура обеспечила победу в Гражданской войне, обеспечила своей стране победу над иностранными интервентами. Тогда еще, правда, это не была чистая номенклатура, тогда это еще была организация профессиональных революционеров, не потерявшая своей романтики, энергетики и определенной пассионарности.

Но за этим последовали индустриализация с ее великими стройками, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление советского народного хозяйства, создание атомного оружия, организация космических исследований, первый полет в космос и дальнейшие успехи в этом направлении, а также другие прорывы. Нельзя сказать, что функции государственного управления не выполнялись. С какими-то издержками, но они выполнялись. Конечно, нельзя назвать репрессии 1937 года просто издержками, здесь должна идти речь о качественном и серьезнейшем противоречии основам существования человеческого общества вообще. Но факт остается фактом: определенные резервы жизнестойкости у этого способа управления государством были, и эта самовоспроизводящаяся безликая каста, фактически оторванная от остальной массы населения и якобы по поручению этой массы населения осуществляющая управление всей общенародной собственностью и «строи-

тельство коммунизма», эта группа тем не менее обеспечила и свою выживаемость, и выживаемость системы в целом и довольно долгое время успешно конкурировала с мировой капиталистической системой, иногда, на определенных участках, даже переигрывая ее.

Что же было причиной этого, почему так происходило? Конечно, некоторые авторы могут сказать, что причина кроется в исключительной власти номенклатуры над народом, отсутствии стеснения в средствах, возможности мобилизовать огромные массы населения на любые действия, в неограниченности трудовых ресурсов, нестесненности какими-либо социальными вопросами и ограничениями (например, правами работника) и возможностью тотального контроля. Иногда все это действительно давало дополнительные резервы, особенно в критических ситуациях, когда надо было сосредоточиться на выполнении какой-то исключительной задачи. Тогда эти полувоенные методы и даже методы внеэкономического принуждения, прямые репрессии в отношении населения позволяли решать очень серьезные вопросы, то есть иногда страх помогал. Например, с помощью устрашения можно было мобилизовать огромные трудовые ресурсы, решить какую-то очень мощную стратегическую задачу.

Страх не может быть основой серьезной творческой мотивации, он подавляет творческую инициативу и не дает возможности осуществлять какие-то серьезные прорывы, но и тут номенклатура приспособилась. Она выделяла из общей массы населения небольшую группу людей — творческую интеллигенцию, ученых, специалистов и создавала им моральные и материальные стимулы к труду, прежде всего моральные, с учетом потребности творческих людей в признании, в социальном одобрении. Это дало возможность эффективно использовать их энергию. Поскольку эти люди в общем-то способны работать в любой системе, они долж-

- ны реализоваться и работают во имя идеи, а в условиях признания их заслуг, да еще и материального поощрения, они могли решать очень серьезные задачи. И не надо списывать со счетов работу идеологической машины, оболванивавшей не только основную массу населения, но и интеллигенцию, сумевшей убедить в том, что все идет по плану и страна движется к коммунизму.

Номенклатура как техноструктура

Таким образом, утверждение об эффективности тоталитарных режимов в критических ситуациях за счет возможности применения страха и внеэкономического принуждения в определенной степени верно, но оно не объясняет многих явлений того периода. Объяснением, наверное, может служить понимание номенклатуры как техноструктуры. Это понятие ввел Дж. Гелбрейт в 60-е годы в западной социологии и экономике. В представлении Гелбрейта техноструктура — это сообщество людей, прежде всего профессионалов в различных областях, высших менеджеров, управляющих в различных корпорациях, специалистов, ученых, которые за счет владения специальными знаниями, уникальным опытом, исключительной и одним им доступной информацией, благодаря взаимосвязи, которая между ними устанавливается, по сути дела управляют капиталистическим обществом в отличие от собственников, которые им уже не управляют.

Согласно теории Гелбрейта собственники лишь номинально являются главными в капиталистической системе, а реальной движущей силой общества, его направляющей силой, его системой управления является техноструктура. Начались эти явления в капиталистическом обществе еще

в 30-е годы, когда некоторые исследователи заговорили о так называемой революции управляющих. Действительно, возникали ситуации, когда собственники, особенно собственники-рантье, то есть те, кто не умел или не хотел непосредственно заниматься управлением своими предприятиями, постепенно теряли над ними контроль. Одновременно усиливалось влияние управляющих в корпорациях, создавалась некая инфраструктура, в которой те начинали действовать фактически в отрыве от собственников, поскольку собственники контролировали только финансовый капитал, только акции и могли оказывать лишь косвенное воздействие на производственно-финансовую деятельность.

Другим фактором, действовавшим в этом направлении, была так называемая диффузия собственности, поскольку для финансирования сверхмасштабных инвестиций капиталистическое общество постепенно пошло по пути размывания пакетов акций, привлечения мелких акционеров. В таких случаях очень трудно было установить реального собственника крупнейших корпораций.

Ситуация, характерная для XIX века, когда капиталист являлся собственником, серьезно изменилась. Контрольные пакеты акций неуклонно размывались, фактор управления играл все более важную роль. Революция управляющих дала основания Гелбрейту провозгласить именно техноструктуру управляющей силой капиталистического общества.

В наших советских условиях техноструктура, по сути, входила в номенклатуру. Если разобраться, то номенклатура являлась не только новым классом, самовоспроизводящейся паразитической кастой, «внутренней партией» (по Оруэллу), партийным полицейским аппаратом, который с помощью насилия и внеэкономического принуждения обеспечивал свое господство; одновременно номенклатура включала в себя и значительный технократический эле-

мент. Туда входили управленцы, специалисты, профессионалы, ученые, лица, владеющие специальными навыками, знаниями, информацией, то есть интеллектуальная и управленческая элита. Она как бы была включена в номенклатуру, причем включена не в том смысле, что часть номенклатуры представляла собой эту интеллектуальную управленческую элиту, всё было гораздо тоньше. Речь шла о том, что вся номенклатура в какой-то степени несла в себе и это второе начало, поскольку она же должна была осуществлять функции государственного управления в целом, управления обществом, что шире, чем просто государственное управление, и подразумевает то, что можно назвать социальным управлением. Такое социальное управление осуществлялось номенклатурой не только как кастой или «внутренней партией», но еще и как интеллектуальной и управленческой элитой. И эти два элемента — технократический и паразитический — в номенклатуре были теснейшим образом переплетены.

Напрашивается аналогия между паразитизмом советской номенклатуры и рантье на Западе. Казалось бы, собственники-рантье не нужны для функционирования капиталистического общества, поскольку они выполняют паразитические функции; но благодаря номинальному обладанию собственностью они могут стабильно получать свои доходы. В отличие от паразитического элемента номенклатуры паразитический элемент рантье не должен постоянно подкрепляться насилием, интригами и заговорами, так как собственники-рантье в значительной степени уверены в том, что они будут и в дальнейшем получать свои доходы. И если западный рантье — этакий трутень, паразит вялый, то советский номенклатурный паразит как раз очень активен. Он изворотлив, отлично приспособлен к жизни, порой даже гораздо лучше технократов и специалистов. В специфической советской среде он вынужден все время защищать свой статус, свое монопольное право распоряжаться собствен-

ностью, править от имени народа, которое невозможно передать по наследству. И тот факт, что все это можно в любой момент потерять, поскольку ни один человек не может быть уверен, что он завтра будет занимать ту же должность, на которой он находился вчера, придает этому паразитизму совсем другой характер, непохожий на мягкий, вялый паразитизм западных собственников. Это был злобный, агрессивный паразитизм. При этом агрессия, как это всегда бывает, смешивалась со страхом. Агрессия вообще является чаще всего порождением страха, и страх и агрессия дополняют друг друга. Для паразитизма советской номенклатуры, параноидального и агрессивного, было характерно постоянное приспособление, постоянная боязнь утраты незаконно полученного, пожалованного случайно свыше, «заработанного» неблагоприятными делами статуса, который можно было утратить в одночасье. Агрессивный, злобный и в то же время боязливый и беспокойный паразитизм отличал советскую номенклатуру.

Двойственность советской номенклатуры

На Западе внутри элиты постепенно произошло разделение. Техноструктура даже формально в значительной степени отделилась от класса аристократии, который по мере развития буржуазного капиталистического общества постепенно отходил на второй план. Так, сначала от государственного, точнее, от социального управления отошла родовая аристократия, затем практически отстранились собственники как таковые. Они, конечно, иногда формально тоже участвовали в принятии решения, но реально сформировался отдельный класс, отдельное сообщество людей, занимающихся государственным и социальным управлением, обеспечивающих существование общества, работу всех

его механизмов, а именно — техноструктура. У нас же техноструктура в значительной степени входила в номенклатуру, то есть она не была отдельным элементом. Номенклатура одновременно являлась и техноструктурой.

Наша номенклатура сочетала два элемента — паразитический и технократический. Она была двойственной. Двойственность номенклатуры как нового класса, той силы, которая обеспечивала функционирование советского общества, выражалась в наличии двух взаимоисключающих тенденций, двух взаимоисключающих явлений: номенклатура одновременно являлась и техноструктурой. Практически это выражалось не только в том, что каждый отдельный человек мог быть причислен либо к той, либо к другой части, но в том, что даже иногда в конкретном человеке можно было выделить доминирование либо того, либо другого элемента.

Действительно, в партийных руководителях чаще доминировал паразитический, интриганский элемент, а в советских хозяйственных руководителях чаще проявлялись технократические черты. Объяснялось это, наверное, тем, что последним просто необходимо было сближать хозяйственные и государственные задачи, а партийные руководители отдалялись от решения этих задач и в большей степени сосредоточивались на проблемах исключительно выживания в этой системе и сохранения своего статуса. Они были натренированы в деле личного политического выживания, а от задач, которые должно было решать общество, абстрагировались.

Но как раз более важно не то, что отдельные люди тяготели либо к одному, либо к другому типу — чисто номенклатурному, то есть паразитическому, или к технократическому, а то, что эти два типа могли проявляться в одном человеке. Практически так и происходило, почти каждый руководитель в этой системе сочетал в себе оба типа. Он в какой-то степени обязан был являться частью номенклатуры, то есть партийной системы, он был обязательно выдвиженцем

КПСС и назначенцем КПСС, и где бы он ни работал, он все равно таковым оставался, это накладывало определенный отпечаток. Если бы у него не было этого паразитического «выживательного» элемента, он, наверное, просто не сумел бы существовать в этой системе, добиваться в ней успеха. Но тем не менее у него зачастую были и навыки, умения, профессионализм и способности для решения реальных задач. Поэтому происходила внутренняя борьба между одним и другим началами.

Раздираемые противоречиями

Эти основные полюса номенклатуры были взаимоисключающими полюсами. Номенклатурно-паразитический тип должен был иметь определенные черты характера, определенный склад ума, развивать в себе определенные качества: для выживания в этой системе, как уже говорилось, требовалось как раз отсутствие всяческих выдающихся качеств, отсутствие индивидуальности, отсутствие явных заслуг и одновременно участие в каких-то неблагоприятных делах: интригах, заговорах, разного рода подлостях. Для этого требовался один склад характера, один вид мышления. Но одновременно в том же человеке могли присутствовать технократические качества, которые подразумевали совсем другое: инициативность, индивидуальность, ответственность, концентрацию на реальных проблемах. Так что здесь шла постоянная борьба, которая могла раздирать каждого отдельного человека, поскольку каждый отдельный руководитель мог быть сегодня вовлечен больше в одну сторону, а завтра — в другую. Это придавало его деятельности противоречивый характер, что, кстати, неоднократно подмечали писатели и драматурги, показывавшие в своих произведениях конфликты, которые возникали по ходу решения об-

ществленных, социальных, государственных проблем, конфликты не только внутренние, личностные, но имеющие и внешние социальные проявления.

Естественным отражением этой двойственности номенклатуры явилась постепенная эволюция партийных и государственных органов и те процессы, которые начались уже в более поздний исторический период. Дело в том, что уже где-то после Сталина, во времена Хрущева и позже началась некая скрытая политическая деятельность уже внутри партии. Даже внутри политбюро появились реакционеры и либералы. Это стало происходить уже в 60-е годы и продолжалось вплоть до начала перестройки, когда в политбюро окончательно оформилось реакционное крыло во главе с Егором Кузьмичем Лигачевым и демократическое крыло во главе с Александром Николаевичем Яковлевым. В конечном счете конфликт этих двух групп в политбюро и привел к перестройке, фактически именно он лежал в основе всех процессов в перестроечный период. Но реально либералы и реакционеры, «ястребы» и «голуби» появились в политбюро гораздо раньше. И в какой-то степени это было отражением того же самого фундаментального духа противоречия, двойственности номенклатуры.

Реакционеры в политбюро были всегда той опорой номенклатуры, которая консервировала ситуацию. Они обеспечивали передачу, преемственность властных полномочий, они в большей степени были озабочены выживанием и поддержанием системы, чем реальным повышением эффективности ее работы, развитием.

Они, эти реакционеры, которые, естественно, чаще всего были носителями определенных человеческих качеств, подбирались по определенному принципу. Они представляли первое — паразитическое лицо номенклатуры.

Напротив, либералы и реформаторы в политбюро, пытавшиеся осуществить какие-то новации, являлись предста-

вителями технократического крыла, поскольку лучше понимали, более трезво оценивали положение дел в экономике, а также в международной политике. Естественно, они не могли быть приверженцами идеи сохранения власти любой ценой, невзирая ни на что. Они просто понимали, что необходимо адаптироваться к внешним условиям и для этого требуется изменить систему. А для того, чтобы менять систему, необходимы были другие люди и другие подходы.

Таким образом, уже к началу 90-х годов это был давний конфликт, и он реально проявился в перестройке, когда Горбачев колебался и никак не мог примкнуть ни к тому, ни к другому крылу, хотя, конечно, в значительной степени он принадлежал к технократическому, либеральному крылу политбюро.

Но в то же время, кстати, носителями технократического элемента в значительной степени были те, кто имел дело с экономикой вообще, те, кто участвовал в так называемой скрытой экономической активности, в тех стихийных рыночных отношениях, которые складывались в виде теневой экономики и сопутствующих ей явлений, той теневой экономики, которая фактически оказалась, как мы увидим, ядром административно-командной системы. Именно здесь, где пусть извращенно, но существовали уже какие-то рыночные механизмы, в большей степени требовалась склонность к новизне, к изменениям. Поэтому, конечно, все те, кто был вовлечен в это, значительно больше тяготел к технократизму и профессионализму, чем те, кто был дальше, кто защищал именно систему как таковую.

Система же как таковая держалась в значительной степени на запретах и на бюрократических процедурах — важнейшем элементе номенклатурной системы.

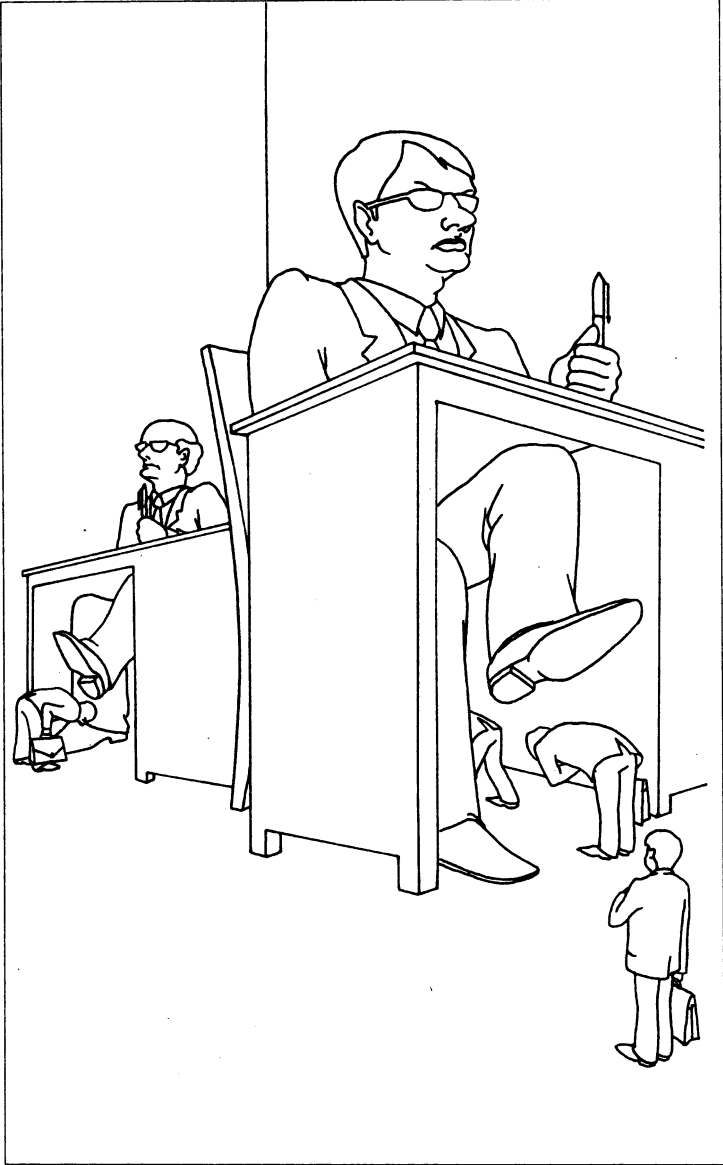
Запреты — это вовсе не случайность, не условность; это инструмент правящей структуры, инструмент партийной

бюрократии, охраны существующих государственных порядков. Запреты должны обеспечить номенклатуре ее господство. С помощью запретов номенклатура правит. И исследование всех этих запретов и ограничений является очень важным для понимания того, как функционирует общество при этой системе. Фактически запреты порождают впоследствии черный рынок.

Феодальное нутро социализма

Таким образом, номенклатура как новый класс, как каркас политической и экономической системы представляла собой двойственное явление. С одной стороны, она являлась паразитической, то есть тормозом развития общества и фактически лишь структурой, направленной на поддержание власти путем насилия и репрессий. С другой стороны, она выполняла функции государственного управления, являясь движущей силой системы, сочетая технократические, технологические и управленческие функции. При этом, если рассматривать социалистическую систему как формацию, можно увидеть, что социализм сам по себе имеет очень много общих черт с так называемым азиатским способом производства, с государственным феодализмом и в какой-то степени может рассматриваться как реакция части феодальных структур на развитие капиталистических отношений. То есть можно предположить, что развитие капитализма в мире в какой-то момент натолкнулось на неравномерность этого процесса, поскольку, допустим, в России были сильны феодальные помещичьи землевладения и абсолютизм, деспотия, в отличие от других стран, где уже существовали буржуазные республики. Таким образом, возможно, что социализм и впоследствии появление номенклатуры могли быть своеобразной реакцией фео-

дальной системы на наступление капитализма. Произошла своего рода реставрация феодальных порядков, то есть установление государственного монополистического феодализма путем тотального огосударствления. И возможно, именно это являлось сутью так называемого реального социализма.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ В СОБСТВЕННОСТЬ. БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ РЫНОК

Законы административно-командной системы

Вполне возможно, что представленная трактовка социализма и номенклатуры является наиболее правильной. Как бы то ни было, сформировалась определенная система экономической и политической власти. Эта система, если рассматривать ее с управленческой точки зрения (а номенклатура выполняла функции и фактического собственника, и фактического управляющего), характеризуется прежде всего как административно-командная — термин, примененный Гавриилом Харитоновичем Поповым в 1990—1992 гг. Попов много писал о сущности административно-командной системы, о роли аппарата, аппаратных связях, о том, как функционируют все механизмы управления в этой системе. Он отмечал, что основными законами, которые движут административно-командной системой, являются такие, как централизованное распределение ресурсов — государственный заказ и регламентация хозяйствен-

ной деятельности, планирование, доведенное до абсурда, стремление все регламентировать. Это, в общем-то, основные характеристики административно-командной системы. Одновременно можно отметить, что административно-командная система держалась на большом количестве прямых запретов, поскольку именно запреты и усложнение бюрократических процедур играли роль средства контроля. Для того чтобы обходить все эти запреты, нужно было иметь изрядную сноровку и умение. Таким образом, те, кто все-таки пытался что-то сделать, были в полной зависимости от аппарата, который на своей вершине был представлен номенклатурой.

Планов громадьё...

Таким образом, мы видим, что запреты и ограничения являлись сущностной характеристикой административно-командной системы, так же, как и гигантский распределительный механизм, доведенное до крайности планирование, предельная регламентация, бюрократизация всех процедур и отсутствие заинтересованности хозяйствующих субъектов в результатах своей деятельности. Предприятия, выполнявшие плановые задания лучше, в этой системе не были в выигрышном положении, так как фактически вся прибыль у них изымалась, а плановые задания на следующий год увеличивались. В то же время те предприятия, которые работали хуже, фактически ничего не теряли, у них нечего было забирать. А с другой стороны, на следующий год они получали меньшее задание, поскольку при учете показателей было видно, что это предприятие не может выполнять свой план, и планирующие органы занижали его показатели на следующий период. Поскольку планы являлись основой административно-командной системы, фактически все бази-

ровалось на занижении плановых показателей. Чем сильнее были занижены плановые показатели относительно реально имеющихся ресурсов и возможностей предприятия, тем в более выгодном положении оказывалось это предприятие, поскольку оно могло, во-первых, особо не напрягаться при выполнении такого заниженного плана, а во-вторых, если было видно, что оно его недовыполняет, план и дальше мог занижаться. Так что в этой системе совершенно было невыгодно во всяком случае сильно перевыполнять плановые задания, поскольку это могло привести к их увеличению.

Хотя, конечно, совсем не выполнять плановое задание было невозможно, поскольку тогда применялись различного рода административные санкции. Партийные органы могли наказать такого руководителя. Поэтому обычно планы выполнялись на 102–103%, то есть с небольшим приростом, однако не таким, который мог бы навести на мысль о необходимости корректировки плана в сторону его повышения.

Получалась странная картина — все предприятия по всей стране реально заинтересованы в занижении показателей и нормативов. В результате возникает искаженная база для планирования, поскольку только лишь сверху директивными методами можно было каким-то образом обеспечить некий экономический рост. Фактически надо было принудительно заставлять те или иные предприятия показывать те или иные ресурсы.

В такой системе все зависело от того, как сами планирующие органы и их руководители относятся к руководству предприятия, каковы его позиции в номенклатуре. Если они были хорошими, руководство предприятия могло позволить себе создать исключительно выгодные условия для своей деятельности, так как имело возможность занижать план и при этом получать лучшие ресурсы. Кроме этой проблемы, существовала проблема распределителя, поскольку все рас-

пределялось, и для выполнения планов также требовалось предусмотреть механизм распределения ресурсов, прежде всего ресурсов снабжения, а именно сырья, материалов.

Кроме того, естественно, централизованно определялись и инвестиционные параметры: какое оборудование будет поставлено, какие строительные и монтажные работы будут проведены на предприятии, каковы будут условия для его работы. Все это также регламентировалось и распределялось. И конечно, как только включался этот механизм распределения, начиналась борьба за то реальное качество материалов, сырья и оборудования, которое предприятия должны были получить, поскольку если руководитель имел более высокий статус, он мог под теми же самыми названиями получать значительно лучшее сырье, лучшие материалы, лучшее оборудование, и конечно, это облегчало его деятельность.

В то же время не было свободы сбыта продукции. Сбыт продукции также был централизован. Предприятию указывалось, кому поставлять продукцию, когда и по какой цене. Таким образом, если даже продукция была хорошей, ее нельзя было продать дороже. Однако, если она была плохой, все равно получатель обязан был ее принять. Процедура отказа от продукции была очень сложной и нарушала определенный кодекс чести, соблюдавшийся в номенклатурной среде руководителей. Поэтому продукция почти всегда принималась. Конечно, такая система абсолютно не стимулировала ни снижение издержек, ни эффективность работы, ни повышение производительности труда, ни качество товаров и услуг, ни экономический рост. В условиях, когда и снабжение, и инвестиции, и сбыт были централизованы, все зависело от конкретной индивидуальной схемы деятельности данного предприятия. Если ему давалось хорошее сырье, материалы, оборудование и позволялось сбывать свою продукцию по достаточно хорошим ценам, показатели предприятия были успешными, и наоборот.

Дефицит и неликвид — две стороны одной медали

Естественно, при управлении такими административно-командными методами стали возникать многие проблемы. Первейшая — проблема дефицита, о которой говорил еще Аркадий Райкин в своем бессмертном монологе о дефиците, писал венгерский экономист Янош Корнай в своей книге «Экономика дефицита». Главная идея заключалась в том, что при социализме в условиях административно-командной системы и планового распределения пропорции были извращены настолько, что потребительский спрос абсолютно не отражал реальное предложение товаров, и предложение товаров было оторвано от спроса по определению.

Прежде всего оно было оторвано и по товарной номенклатуре в целом, и по отдельным товарным группам, и по качеству этих товаров и товарных групп, потому что в пределах одной товарной группы продукция могла быть совершенно разного качества, и мы это хорошо знаем. Очень сложно было учесть элемент качества товара, различного рода комиссии типа ОТК уследить за качеством не могли. Внутренних стимулов у системы для повышения качества не было, в результате в розничной торговле скапливалось огромное количество некачественной продукции и продукции, заведомо не имеющей сбыта, изначально производившейся на основе распоряжений плановых органов и командно-директивных методов и не привязанной к спросу.

По различным параметрам высчитывалось, сколько потребительских товаров должно быть, и эти параметры закладывались в пятилетних планах. Впоследствии, когда товары выпускались, никто как бы не обращал внимания на то, что они совсем не того качества или не соответствуют потребностям людей, поскольку считалось, что все равно пропорции должны сходиться. В результате появлялись сверхнормативные

запасы ненужного сырья и нереализованной готовой продукции, происходило перенасыщение разного рода неликвидом. Однако как раз качественной и нужной продукции остро не хватало, оборотной стороной огромного количества разношерстного неликвида, этой нереализованной продукции, товарных запасов был тотальный дефицит всего, поскольку то, что требовалось, как раз найти было крайне сложно.

А поскольку то, что нужно, стоило столько же, сколько то, что никому не было нужно, то возникала проблема — как получить нужное? И здесь включался лишь один механизм, а именно механизм неформального влияния. Этот механизм, система неформальных управленческих взаимодействий иными авторами назывались скрытой экономической активностью, черным рынком, но не всегда это был именно черный рынок, иногда это были некоторые договоренности между участниками хозяйственного процесса, которые были оформлены в виде таких явлений, как «бюрократический бартер», «административная валюта» или же «телефонное право». Все эти явления фактически были следствием экономики дефицита и господства в результате черного рынка.

Трансформация власти в собственность: «бюрократический рынок»

Нарушение пропорций в конечном счете порождало извращенную систему компенсации. И тут мы подходим к тому, что должна была возникать обслуживающая эту административно-командную систему дополнительная система отношений, которые не были, по сути, прямыми бюрократическими отношениями, а проявлялись как некая реакция системы, потому что нужно было устранить возникающие в результате функционирования административно-командной системы диспропорции. Конечно те, кто жил в те годы,

прекрасно помнят, что аппарат и номенклатурная система, административно-командная система с самого начала были дополнены механизмами компенсации, то есть они, скорее всего, с самого начала, уже даже со сталинских времен или даже со времен военного коммунизма, не существовали в той полнейшей чистоте, как предполагалось. Действительно, довольно быстро после образования номенклатуры возникли извращенные рыночные обменные принципы распределения, дележа власти, системы различного рода взаимосвязей. Возник так называемый бюрократический рынок, некая система взаимных обязательств, чем-то напоминающих круговую поруку. Это был не совсем черный рынок, поскольку большая часть отношений участников этого процесса носила легальный характер. Лишь некоторая часть была нелегальной, и то она появилась несколько позже, начала развиваться уже скорее в эпоху Брежнева.

Что важно в этом процессе? Появление черного рынка, бюрократического рынка, извращенных рыночных компенсационных механизмов было отражением нарушения главных, принципиальных экономических законов административно-командной системы. Таким образом, теневые отношения и отношения черного рынка не были уголовными в обычном смысле, поскольку опирались на неприятие советских экономических законов всем народом. Это было неприятие, по сути, самих принципов, на которых основана советская система. Естественно, что в этих условиях весь народ, и в том числе его наиболее социально активная часть, пытался каким-то образом найти выход из создавшегося положения и находил его частично с помощью скрытой экономической активности, системы неформальных управленческих взаимодействий, в том числе и теневой экономики и разного рода другой «незарегистрированной деятельности». Оказалось, что политическая власть, которая пытается запретить частную собственность и рыночные отношения, фактически через какое-то время сама превраща-

ется в искаженную форму собственности, предмет купли-продажи. Это и есть суть бюрократического рынка.

Существовал, как мы знаем, рынок должностей, привилегий, все это было не просто разрешено руководителями номенклатуры, но с самого начала поощрялось. При этом высшие чиновники могли быть связаны с криминальными структурами (зачастую так и было), а могли действовать и в полном отрыве от криминальных дельцов, для сути процесса это было не так уж и важно. Просто сама по себе их деятельность вела к созданию той или иной системы, а лично они могли быть абсолютно честными и скромными до аскетизма. Среди лидеров номенклатуры были и такие, как Суслов, о котором рассказывали, что он постоянно ходил в одном и том же пальто и ботинках и что Брежнев даже смеялся, подшучивал над ним в связи с этим. Да и Сталин в общем-то не имел особо никаких счетов и финансовых благ, просто ему это не нужно было, он и так распоряжался всей страной. Поэтому лидеры номенклатуры не всегда вступали в прямые отношения с дельцами. Даже в эпоху позднего Брежнева некоторая часть номенклатуры, люди, которые просто самозабвенно любили власть, из осторожности делали карьеру таким образом, чтобы не вступать в прямые отношения с теневыми дельцами, чтобы не быть у них на крючке. Но своими действиями они все равно так или иначе помогали тем или иным группам, или уже другие деятели все равно входили в какие-то отношения с теневыми дельцами, которые, в свою очередь, блокировались с ними. Поэтому не надо понимать систему черного рынка, систему теневой экономики, систему бюрократического рынка таким образом, что все аппаратчики или же все номенклатурщики непременно связаны с теневыми дельцами.

Еще раз повторим: некоторые, причем даже высшие руководители, которые как раз были самозабвенно влюблены во власть, просто из осторожности не вступали в эти связи.

Можно было делать карьеру и таким образом, чтобы лишь косвенно касаться этих процессов; но в общей аппаратной борьбе все это учитывалось, и все равно сама система принятия решений, в том числе и кадровых, выталкивала на поверхность тех, кто в максимальной степени выражал равнодействующие интересы как политических и лоббистских групп влияния, так и теневых дельцов. Такие связи неверно считать криминальными, это обычные аппаратные связи, которые в значительной степени не выходили за пределы номенклатуры, аппаратной структуры.

Основой номенклатурной системы являлось распоряжение общенародной собственностью, поскольку именно общенародная собственность была главной опорой номенклатуры. Фактически номенклатура как бы по поручению всего народа выполняла функции по управлению общенародной собственностью. Но само это управление происходило следующим образом: каждый член номенклатуры, каждый партийный, советский, профсоюзный или другой руководитель, то есть аппаратчик, как бы получал в свое распоряжение какую-то часть собственности. Это мог быть завод, колхоз, институт, театр, больница, стадион. Это могло быть все, что угодно, и вот эта часть собственности или часть власти превращалась в определенный сегмент, сектор влияния, и представитель номенклатуры получал свое место на бюрократическом рынке.

В принципе все это было частью совокупной системы взаимных обязательств всех членов номенклатуры по отношению друг к другу. Нарушение этих взаимных обязательств влекло за собой исключение из номенклатуры или попросту приводило к тому, что нарушитель понижался в занимаемой должности, и лишь после того, как он исправлялся, он снова включался в эту систему аппаратных связей. То есть это была довольно жесткая каста, поведение которой основывалось на своеобразном неписаном кодексе, своей специ-

фической морали, которая жестоко расправлялась с инакомыслящими и наказывала ошибающихся и тем самым поддерживала тот порядок аппаратных связей и неформальных правил управленческих взаимодействий, который являлся для нее приемлемым. Лишь иногда возникали судебные дела — в случае, если вдруг какая-то группировка в результате политической борьбы на высшем уровне оказывалась проигравшей и ее членов обвиняли во всем том, что делали и члены всех других группировок, поскольку они по-другому просто не могли функционировать, но просто в этот момент все, что делалось ими, начинало восприниматься с уголовным оттенком, трактовалось как преступление, приобретало ярко выраженную криминальную окраску. Это означало, что политическая группировка где-то наверху проиграла аппаратную борьбу, возможно, слишком далеко зайдя в борьбе за власть, и таким образом происходила «зачистка» проигравших. В качестве примера можно привести известное «узбекское дело».

Причем система, существовавшая в Узбекистане, очень ярко показывает механизм функционирования теневой экономики: тотальное господство номенклатуры, распределение и покупку должностей, приписки, хищения. В крайней форме она свидетельствует о том, что происходило по всей стране. Просто, конечно, в Узбекистане в условиях полнейшего господства Рашидова и Адылова было значительно легче работать, эти механизмы меньше скрывались. А так, я думаю, аналогичные механизмы использовались в любой области России и других республиках Советского Союза, может быть, просто не столь нагло и демонстративно. То же касается ситуации в Грузии после ухода Шеварднадзе на повышение министром иностранных дел, когда в борьбе за власть сошлись клан Патиашвили, бывшего тогда первым секретарем грузинской коммунистической партии, и Хабиашвили. Хабиашвили, который считался изначально главным претендентом на пост лидера, проиграл в этой борьбе,

поэтому весь его клан немедленно был обвинен в хозяйственных преступлениях, взятках, коррупции, и тысячи людей были арестованы. А клан Патиашвили пришел к власти во всей Грузии и некоторое время правил. Вот типичный пример придания криминальной окраски всем до той поры вполне легальным действиям аппаратчиков, которые покровительствовали тем или иным дельцам, цеховикам, различного рода запрещенным тогда частным предпринимателям. Похожие дела были в Краснодарском крае, также можно отметить пушное (меховое) дело в Казахстане, дело «Океан», касающееся Министерства рыбного хозяйства.

Было также дело, касающееся Госкомнефтепродукта, дело зам. министра внешней торговли В.Н. Сушкова. Все эти дела носили, я бы сказал, либо местный, либо отраслевой характер, то есть во всех случаях оказывалось, что участники процессов действуют в одной отрасли, в одной области, в одной сфере. Вдруг оказывалось, что именно здесь существует коррупция, а в целом в нашей стране ее не должно быть. Но тем не менее анализ этих явлений очень полезен, так как он на самом деле раскрывает реальный механизм, который существовал во всей стране. То есть можно сказать, что «узбекское дело» иллюстрирует механизм хищений и приписок, а, скажем, дело Сушкова показывает методы махинаций в системе внешней торговли, которые обязательно дополняли механизмы внутри страны, поскольку, как мы дальше увидим, номенклатура действовала не только в масштабе СССР, но и в масштабе Совета экономической взаимопомощи. Здесь просто вступали в действие еще и взаимоотношения с правящими элитами Восточной Европы, а также имелся механизм транснационального влияния во всех регионах мира на развивающиеся страны, а также на дружественные партии во всех капиталистических странах. Сначала этим занимался Коминтерн, впоследствии это делалось по линии международного отдела ЦК. Поэтому махинации в международной сфере также

присутствовали, и они ярко проявились в деле Сушкова, представляющем собой хорошую иллюстрацию существовавшего тогда механизма, который дополнял внутрисоюзный механизм.

Поэтому, если смотреть в целом, эта система аппаратных связей, отношений, обязательств, неформальных управленческих взаимодействий, отношений бюрократического рынка, а именно «бюрократического бартера», «административной валюты» и «телефонного права» опутывает любого вовлеченного в хозяйственную или административную деятельность человека. Почему это так важно? Дело в том, что для осознания происходящего в СССР в эпоху перестройки и перехода к демократическим реформам необходимо понимать, что государственной, общенародной собственности фактически уже не существовало к моменту начала реформ. Просто реформаторы сделали совсем не те выводы, которые надо было сделать. Они посчитали, что раз де-факто государственный собственник, по их мнению, не существует и на каждый кусок общественного пирога уже кто-то заявил права, то есть фактически эти куски были в распоряжении того или иного номенклатурного деятеля, их нельзя просто так отобрать, а надо раздать эту собственность по той же самой схеме, как она была роздана при номенклатуре. И таким образом, мы видим, что вся система экономических отношений, коммерческих операций в бюрократической системе представляла собой определенную систему, основанную на запретах, регламентах, разного рода разрешениях, выдаваемых контролирующими органами, которые, естественно, получали свой доход от разрешения преступить запрет.

И поэтому любое изменение этой системы запретов и ограничений, любое изменение в целом административно-командной системы и дополняющей ее теневой экономики, естественно, должно было учитывать то, что кто-то будет

сопротивляться и прежде всего это будут те, кто использует эти запреты как способ получать доходы, как способ получить свою долю от контроля над экономикой.

Плутократическая собственность и ее трансформация

В связи с вышеизложенным посмотрим, как можно охарактеризовать отношения собственности в тот период. Речь идет о том, что деформация общенародной социалистической собственности не являлась секретом для широкого круга юристов и экономистов еще при советской власти. Эволюция отношений собственности в бюрократической системе неумолимо ведет к деградации самого понятия «общенародная собственность» и соответствующих ему производственных отношений. При этом в процессе саморазвития отношения собственности трансформируются, порождают новые специфические производственные отношения. Говоря о модификации отношений собственности, мы чаще всего фиксируем внимание на том, что некоторые исследователи называли плутократической собственностью. Имеется в виду процесс имущественного расслоения общества, систематическое извлечение нетрудовых доходов и их накопления.

Именно эти процессы накопления денег и ценностей прежде всего привлекают внимание. Трудно дать количественную оценку подобного рода накоплениям, вполне допустимо, что они достигали масштабов, существенных для национального богатства. В плутократической собственности находились дворцы с бассейнами и райскими садами, принадлежащие некоторым руководителям народного хозяйства, а также запасы золота, драгоценностей, произведений искусства, ан-

тиквариата в форме «коллекций» или просто спрятанные в тайниках. Наряду с недвижимостью и предметами роскоши сюда же относится денежная масса, ищущая товарного обеспечения, а точнее — средства, идущие на личное потребление, развлечения, отдых и другие потребности. Их суммарный оборот достаточно велик и делает возможным успешное функционирование гостиниц, ресторанов, а также подпольных притонов, игорных домов и домов терпимости.

Подобные описания удивительным образом напоминают сегодняшние описания олигархической структуры. На наш взгляд, именно плутократическая собственность постепенно трансформировалась в олигархическую. Сама по себе плутократическая собственность была порождением симбиоза командно-административной системы и теневой экономики, результатом трансформации общенародной социалистической собственности. Учитывая сложность реинвестирования нетрудовых доходов, а также возможности эмиграции, контрабанды, можно предположить, что значительная часть национального богатства, превращенная в ценности, перекачивалась на Запад, а там уже приобретала статус частной собственности. Это делалось через каналы внешней торговли, через махинации под видом помощи фирмам друзей, развивающимся странам, в виде различного рода инвестиционных строительных проектов, в ходе реализации которых исчезали значительные суммы.

Также можно привести множество примеров дел о контрабанде, манипуляциях различных спортсменов, артистов, иностранных и советских дипломатов, известных в этот период. А сколько реально было таких дел в этот период, мы просто никогда не узнаем. Если брать теоретическую сторону этой проблемы, то никак нельзя применить существовавший тогда термин «личная собственность» к тем 100 миллионам рублей в золоте, бриллиантах, дензнаках, изъятых лишь только по одному узбекскому делу. Это при-

том, что конфискована была лишь мизерная часть похищенного, на самом деле суммы были гораздо больше. Мы то понимаем, что это уже никак не могло быть личной собственностью, а тогдашняя экономическая теория исходила из того, что существовало лишь две формы собственности — общенародная и личная. Легальной альтернативой общенародной собственности считалась лишь личная собственность граждан. Это отражало общий подход политэкономии социализма к проблеме собственности. Таким образом, скрытые и направленные за рубеж потоки материальных ценностей — это реалии не только сегодняшнего дня, но, на наш взгляд, и времен брежневского застоя.

Категория плутократической собственности позволяет выделить все эти явления, то есть еще раз подчеркнуть симбиоз административно-командной системы и теневой экономики, ведущую роль теневой экономики в этом симбиозе. Через действия агентов теневой экономики и участников системы неформальных управленческих взаимодействий происходят процессы деформации общенародной социалистической собственности. Именно таким образом возникает из общенародной собственности плутократическая собственность, распорядителем и совокупным собственником которой может считаться передовой отряд номенклатуры, а именно — верхушка КПСС. Это и есть те процессы, которые можно назвать общим термином «золото партии».

Перерождение функций распоряжения и пользования

Деформация собственности не ограничивается непосредственным скрытым изъятием и перераспределением нацио-

нального богатства. Более важной составляющей разрушительных тенденций (и гораздо более мощной) выступает видоизменение и полное перерождение на определенном этапе функции распоряжения и пользования в структуре самих отношений общенародной собственности. На первом этапе как исторически, так и теоретически, происходит подмена так называемого совокупного собственника (то есть ассоциации непосредственных тружеников) особым субъектом распоряжения и пользования — исполнительной властью, бюрократией или номенклатурой, у которой почти сразу появляются особые интересы, собственная жизнь.

Поскольку отношения основной массы трудящихся с обществом в целом и с существующим элитарным чиновничьим аппаратом в частности оформились юридически как своего рода общественный договор, то, на первый взгляд, возникает ощущение, что новая элита (новый класс, по Джиласу) не владеет средствами производства, не распоряжается ими. Такое представление отражает внутреннюю лживость того самого общественного договора, по которому государственная аппаратная структура полностью концентрирует функции распоряжения и пользования.

Учитывая социальную динамику и непрерывно возникающие в любом обществе неформальные невидимые структуры и связи, можно постепенно увидеть происходящий до поры до времени незаметно процесс эрозии общественного интереса элиты и появления у нее своего, независимого интереса, прежде всего интереса самосохранения и воспроизведения. Основой процесса самосохранения и воспроизведения являлось накопление собственности как базы, то есть накопление той самой плутократической собственности. В результате отдельное лицо или группа, выполняя определенные действия совокупного собственника на любой ступени, от предприятия до Совета министров, ощущает полную свободу от совокупного производителя. И с каждым

поколением все больше укрепляется «законность» этого монопольного права распоряжаться в любой отрасли материального производства и непроеизводственной сферы.

На определенном этапе развития СССР — в 30-е годы XX века — появилась тенденция абсолютного, предельного отрыва формальных исполнителей народной воли от наделившей их полномочиями основной массы населения. Определенная неформальная структура, постепенно формируясь, утверждает саму себя, консолидирует и централизует все функции управления обществом, включая даже распоряжение жизнью отдельного человека (вспомним хотя бы 1937 год). На этом этапе еще не происходит или, по крайней мере, не доминирует непосредственное изъятие из национального богатства накоплений личной собственности, становящейся на определенном рубеже плутократической.

На этапе становления, укрепления и предельного господства создавшее само себя сообщество не нуждается в подкреплении своего господства прямыми изъятиями из национального богатства. Абсолютная власть верхушки не нуждается в подкреплении экономическом, поскольку неограниченное распоряжение ничьей собственностью делает собственные накопления второстепенными. Однако уже в этот период возникает, но только на низовом уровне, понятие скрытой экономической активности, развиваются теневые процессы.

Начало второго этапа разложения общенародной собственности в СССР пришлось, скорее всего, на послевоенное время. Второй этап разложения общенародной собственности — это уже не только отрыв государственно-управленческого аппарата от ассоциации производителей, но внутреннее разложение самого бюрократического аппарата при одновременном росте бесконтрольных явлений в обществе. С одной стороны, происходит диффузия сверхцентрализованной функции монопольного лжесобственника, а с дру-

гой — растет стихийная экономическая активность, порождающая типичные для любого рыночного механизма отношения.

На низовом уровне это незарегистрированная деятельность, система отношений «ты — мне, я — тебе». На более высоких уровнях — такие деформации, как ведомственная собственность, местничество (местная собственность), переплетение и развитие этих видов собственности. Появляются «бюрократический бартер», «административная валюта» и «телефонное право», группы влияния в аппарате, возникают конфликты между группировками. Некоторые авторы отмечали появление неформальных структур, образованных взаимодействием ведомственных, местных, групповых, родовых, классовых, личных интересов, их соединение в сложную конструкцию. При этом равнодействующая этих интересов всегда оторвана от интересов народно-хозяйственных.

Партии интересов

В свое время один из авторов назвал эти неформальные структуры, тесно связанные с отраслевой, социальной или местной базой, партиями интересов (в отличие от чисто мафиозных групп). Действительно, называть эти структуры мафией было бы неверно. Наши партии интересов отнюдь не закрытые, не конспиративные и не криминальные организации. Все усилия они направляют на рост и расширение своего влияния. Политически они опираются не на немногочисленные вооруженные отряды мафиози, не на террор и насилие, а на трудовые массы, на коллективы внутри своей системы.

Интересно, что и сегодня мы видим существование такого рода структур, как партии интересов в советский период. Это, допустим, газовики или нефтяники. «Газпром» или

нефтяные корпорации объединяют не только олигархов, но и управленческий аппарат этих корпораций, связанных с ним чиновников, а также лиц, заинтересованных в функционировании предприятий. Естественно, они также обслуживают интересы и приносят выгоду работникам этих организаций. Построение таких партий интересов возможно как по ведомственному, так и по территориальному принципу.

Особенно ярко этот феномен проявился после краха советской системы, когда некоторые регионы стали донорами, а некоторые, наоборот, дотационными. У населения регионов-доноров возникает такое же ощущение, как у партии интересов, то есть лидеры этой партии интересов (в данном случае лидеры региона) едины с другими участниками процесса (в данном случае с жителями региона). То же самое происходит на уровне корпораций, например «Газпрома». Его работники так же заинтересованы в усилении «Газпрома» и в повышении, например, цен на газ, как и его руководители.

При этом равнодействующая интересов различных групп влияния, как мы говорили, конечно, оторвана от всенародного хозяйственного интереса в целом. Но отрыв от народно-хозяйственных интересов происходил значительно раньше, в момент той самой предельной централизации, то есть начался еще в эпоху культа личности. Именно тогда были разрушены все системы управления — экономическая, кредитная, денежная, финансовая, статистическая, контрольная, информационная, было унифицировано и превращено в административно-политический диктат управление обществом. Однако еще не было того самого разобщения или сцепления территориально-ведомственных, корпоративных, национальных и других интересов, так как существовал единый субъект управления. Но уже был отрыв от народно-хозяйственных интересов, под которыми подразумеваются общественные интересы совокупного собственника — ассоциации совладельцев.

В дальнейшем происходили деформации только внутри окончательно оторванного, самодовлеющего интереса исполнительной власти. И этот изначально оторванный интерес эволюционировал и всего за неполные два поколения трансформировался в полицентризм — систему центров силы. Этими центрами силы стали образовавшиеся неформальные группы и структуры на территориально-ведомственной и более узкой родовой, клановой основе. При этом возникало соперничество центров силы, экономических и политических, то есть отношения собственности оказались деформированы в квадрате. Таким образом, оторванность народно-хозяйственных интересов от реальных интересов силовых центров была, наверное, и не больше, и не меньше, чем оторванность изначального сюзерена — сталинской верхушки от интересов развития нашего государства.

Создавшиеся в результате распада единой исполнительной власти множественные силовые центры уже нуждались в своем экономическом укреплении, поэтому они, усиленно перераспределяя нетрудовые доходы низовых уровней, все чаще обращались к самостоятельному подпольному бизнесу. Тем временем экономическая система эволюционировала стихийно, она день за днем порождала ту самую теневую экономику, которая сегодня потрясает нас своими объемами. Возник своего рода подпольный частный капитал, появились нувориши, некоронованные короли экономической преступности. Оформившиеся центры силы постепенно требовали политической власти.

Нарождение частного капитала и новой буржуазии

В середине 60-х годов произошла новая качественная деформация отношений собственности. Полицентризм стал

двойким. Наряду с оформившимися кланами распорядителей и пользователей, напоминавшими средневековых феодалов, появились целые стайки и коалиционные союзы подпольных миллионеров, дельцов теневой экономики. По аналогии со средневековьем их можно классифицировать как народившийся и оформившийся параллельно с феодальными поместьями частный капитал. Купец, промышленник, финансист стали все чаще и настойчивее заявлять о себе.

Третий этап разложения общенародной собственности, продолжающийся до сих пор, был ознаменован наступлением буржуазии нового рода, требующей признания ее прав и интересов. Возникла еще более усложненная структура силовых центров, в которой уже пересекались и постепенно сливались, поглощая друг друга, различные неформальные группировки. Стали повсеместным явлением скрытые (а порой и открытые) изъятия из общественной собственности, развились новые взаимоотношения самих центров силы, мафиозных кланов, неформальных группировок. Каждая из таких группировок состояла уже не только из бюрократического аппарата, чиновников-монополистов, но и включала в себя деятелей теневой экономики, игравших все более заметную роль. Появились определенные лобби во всех органах власти разных уровней и возможностей.

Практически это лобби, эти политические кланы, эти центры силы, которые образовались в результате деформации общенародной собственности, и привели к распаду Советского Союза. Многие центры силы, политические кланы имели четко выраженную региональную направленность, к примеру, узбекский клан (и соответствующее «узбекское дело»). Также сформировались мощные подпольные кланы в других среднеазиатских республиках, на Кавказе, своя система центров силы оформилась и на территории России.

В какой-то момент эти группировки вынесли свои противо-

речия в публичную политику, что в результате привело к краху СССР. В дальнейшем все эти явления воспроизвелись уже в экономике России и трансформировались в нынешнюю ситуацию, а именно — в систему олигархических групп, которая очень сильно напоминает ту систему, которую когда-то взяли трансформировать реформаторы.

Дисбаланс в инвестиционных процессах

Особенно интересно действия всех этих сил манифестируются в инвестиционном процессе. Именно дисбаланс инвестирования и реальных направлений развития общества породил в свое время все негативные тенденции и различные проблемы, типичные для нашего общества. Каковы же формы дисбаланса инвестиционного процесса?

В первую очередь, при воздействии на центральные планирующие органы целого комплекса противоречивых групповых интересов текущие потребности обязательно доминируют над стратегическими. Иными словами, воздействие силовых точек приводит к тому, что в первую очередь финансируются выгодные для той или иной группировки объекты. При этом, если в план искусственно продвигается объект, скажем, группировки «А», то группировка «Б» утратит свои усилия, чтобы компенсировать успех соперника продвижением собственных объектов. В результате все капиталовложения оказываются кому-то выгодными, но не с позиций народно-хозяйственной эффективности, а с позиций личной выгоды, которая почти всегда противоречит народно-хозяйственной эффективности.

В условиях действия лоббистских групп практически никогда не будут доминировать стратегические интересы. Лоббисты по самой своей сути не способны решать вопросы

стратегического развития и обеспечения долговременных приоритетов в планировании. Это просто невозможно. И опыт, накопленный в СССР, является очень хорошей иллюстрацией для сегодняшней российской экономики, поскольку даже в условиях доминирующего централизованного планирования и государственного регулирования согласование интересов неформальных групп, регионов, ведомств, предприятий различных уровней приводило к тому, что текущие интересы преобладали над стратегическими. Даже тогда доминировали интересы не пятилетние и десятилетние, а рассчитанные на ближайшую перспективу. Что уж говорить о дне сегодняшнем, когда партии интересов только усилились, неформальные группы превратились в формальные олигархические структуры и, естественно, текущие потребности стали доминировать над стратегическими целиком и полностью.

Особенно ярко это проявлялось в свое время в строительстве. По оценочным показателям так называемый вал оборачивался длительным развитием этой отрасли, которая вообще не имела какой-либо связи с понятиями производительности, эффективности. Строительство являлось на тот момент одним из каналов «выкачивания» живых денег — через завышение сметной стоимости, бесконтрольность затрат, произвол подрядных организаций в сочетании с централизованно расписанными, а точнее, разобранными потоками материальных ценностей. Все это делало инвестиции в этой сфере независимыми от прибыли, рентабельности и фондоотдачи.

Ряд этих явлений можно проследить и сегодня. Если задаться целью проанализировать стоимостную структуру строительного сектора в современной экономике, то можно прийти к выводу, что совокупная стоимость строительных объектов уже давно превышает реальный потребительский спрос. Тем не менее объекты продолжают возводиться, и

мы видим, что опять никакой тенденции к снижению цен или к сокращению издержек нет. Спрос практически тоже не учитывается. Опять идет достаточно мощный инвестиционный процесс, который оторван от реальных потребностей общества. Так что в этой сфере также мы можем провести ряд интересных аналогий.

Инвестиционный дисбаланс проявлялся не только внутри отдельной отрасли как отклонение от оптимальной линии ее развития, но и как заведомо направленный выбор структуры отрасли и занижение темпов роста. Общая оторванность капитальных вложений от их обоснования позволяла в свое время существовать отраслям и ведомствам-паразитам, не вносящим вообще никакого вклада в совокупный общественный продукт. Некоторые отрасли превращались в своеобразный механизм выкачивания средств, либо представляли собой непосредственное поле для хищений (например, бывший Госкомнефтепродукт, транспортные структуры), либо создавали благоприятные возможности для деятельности смежных производств на нелегальной основе. Анализ методики и практики капитальных вложений, динамики инвестиционного процесса приводит к выводу о его неуправляемости. Можно с полной уверенностью констатировать, что главная беда как административно-командной системы, так и встроенной в нее теневой экономики не в том, что они способствуют дифференциации доходов, возникновению паразитирующих элементов, незаконного присвоения. Это было бы полбеда. Основную опасность представляют бесконтрольность хозяйственных процессов и полное игнорирование интересов повышения эффективности общественного производства. Теневая экономика оказывает парализующее действие на народно-хозяйственный комплекс, полностью деформируя структуру производства и распределения, и не дает возможностей для управления. Как можно управлять экономикой, когда существует внутренняя система антистимулов, когда неизвестно, куда

исчезают ресурсы, средства, трудозатраты, когда скрыты интересы реальных участников производства и нельзя поручиться за объективность экономических показателей? Все это абсолютно актуально и сегодня, поскольку теневая экономика с советских времен лишь развилась и сегодня составляет уже не 20%, а более 50%. Все понимают, что финансовые расчеты предприятий и организаций в сегодняшней экономике России в значительной степени являются теневыми и неучтенными. Так что теневые процессы за постсоциалистический период просто приобрели некоторые своеобразные черты.

Интересно провести еще одну аналогию. Мы видим, что хаос необходим теневой экономике для ее существования. Теневая экономика не заинтересована в ликвидации хаоса, беспорядочности, а наоборот, стремится к их сохранению, ведь для того, чтобы расхитить какие-то средства, зачастую надо обеспечить невыгодные вложения государства и невыгодные экономические действия государства на гораздо большие суммы. Это ярко проявлялось во время экономических реформ в России, во время «шоковой терапии» и приватизации. Экономический ущерб от этих действий был гораздо больше, чем реальная прибыль участников процесса, что еще раз доказало старую истину — для того, чтобы украсть миллион, к сожалению, необходимо пустить на ветер 100 миллионов. Этот принцип теневой экономики действовал в советское время, очень ярко проявился в эпоху экономических преобразований начала 90-х годов и впоследствии продолжил существовать в эпоху появления олигархов. В советское время обычной практикой являлось, например, строительство заведомо ненужных объектов; строительство по объективным причинам растягивалось на десятилетия, а неподалеку создавалась сеть цехов, выпускающих из наворованных здесь же материалов дефицитные товары, как правило, потребительские или нового производственно-технического назначения. Чтобы удобнее

было списывать затраты, расхищать ресурсы, запасаться сырьем и занижать планово-экономические показатели, нужно было организовать заведомо невыгодные производства и создать уродливую отраслевую и территориальную структуру. В ситуации, когда были распространены «незавершенка», «долгострой», существовали сверхнормативные запасы и даже целые ведомства, через которые проходило списание денег, наподобие Минводхоза. Невозможно было подсчитать, какая часть денег обеспечена, а какая не обеспечена товарной массой, какое реальное количество ресурсов материализовалось в «стройках века», а какое осело в карманах предприимчивых хозяйственников. Когда надо было списать миллионные потери, заранее подбирались ведомства и регионы, через которые эти миллионные потери должны были быть проведены.

Конечно, сегодня теневые явления приобрели несколько другой характер. Эти процессы трансформировались на западный манер в уход от налогов и в сокрытие реального финансового оборота. Заведомо невыгодные инвестиции уже не столь типичны, скорее уход от уплаты налогов в случаях различных инвестиций и строительства играет роль своего рода насоса, через который исчезают из-под налогообложения огромные суммы.

Деструктивно-созидательные факторы советской экономики

Возвращаясь к двойственной природе административно-командной системы и к теневой экономике — сердцу административно-командной системы, еще раз скажем, что теневая экономика являлась одновременно и деструктивным, и созидющим фактором общего экономического развития

Советского Союза. По оценкам специалистов оказывалось очень часто, что признаками неблагоприятных тенденций, хищений, приписок на предприятии могли выступать внешне положительные показатели его работы. Например, большой объем строительных работ при малых затратах материала, улучшение ассортимента, даже увеличение объема товарооборота. Целая подотрасль хищений, например хищения, совершаемые за счет предварительно созданных искусственным путем резервов, соответствовала, как правило, неучтенному выпуску высококачественной продукции с высокими потребительскими свойствами. На «левых» производствах, в цехах отмечалась высокая степень организации труда, его производительности, и зачастую они давали объемы производства, сравнимые с объемами производств предприятий, где хищений не происходило. При этом за счет сэкономленных различными путями средств выпускалась нужная и дефицитная продукция, которая впоследствии реализовывалась по каналам государственной торговли. Интересно, что ухудшение финансового состояния происходило, как правило, там, где орудовали группы мелких расхитителей, использовавших грубые приемы хищений — недостачи, перерасходы, пересортицы, списание испорченных ценностей и так далее.

Не всякие хищения вели к ухудшению результатов деятельности предприятия и к росту непроизводительных расходов. Наоборот, расхитители высшего класса добивались высоких показателей фондоотдачи, производительности и эффективности и ходили в передовиках. Существовала четкая взаимосвязь показателей с завышением технологических норм расхода сырья и другими типичными для любого предприятия приемами и возможности извлечения сверхдоходов от неучтенного производства. Сам механизм оценочных показателей, практика планирования в то время были сориентированы на заведомое занижение плана и сопутствующие ему действия. Далеко не любое занижение плана

имело целью открытие подпольных цехов или выпуск «левой» партии товаров. Но в целом жизнеспособность теневой экономики заключалась в том, что она опиралась на главные составляющие экономических интересов предприятия, в конечном счете — на затратный механизм производства. Поэтому директора предприятий, занимающиеся махинациями с неучтенным производством, оказывались в одном ряду с теми, кто даже не слышал о подобных хитростях. Эксперты ОБХСС отмечали, что показатели работы предприятия могли не вызывать подозрения, плановые задания могли быть выполнены или перевыполнены, финансовое состояние улучшалось — и при этом мог существовать теневой оборот этого предприятия, дающий миллионные прибыли его руководителям.

Теневая экономика, несмотря на свой якобы вторичный характер, давала образцы организованности, рационализаторства, понимания конъюнктуры рынка. Нельзя не отметить, что обороты подпольных производств позволяли обеспечить неудовлетворенный платежеспособный спрос населения товарной массой. Теневой сектор, таким образом, стал условием воспроизводства самой экономической системы. Официальная экономика советской экономической системы не могла существовать без теневого сектора, стабилизовавшего спрос, устранявшего диспропорции, повышавшего среднее качество товаров и услуг, улучшавшего их ассортимент и даже стимулировавшего производительность труда и научно-технический прогресс. Действия агентов теневой экономики, начиная с рядовых спекулянтов, «несунов», «толкачей» и кончая крупными расхитителями и взяточниками, во многом позволили административно-командной системе решать сугубо экономические и социальные проблемы.

Своеобразная стыковка официальной и неофициальной экономики наблюдалась в денежной сфере. Теневая эконо-

мика оказалась не только одним из инфляционных факторов, но и стабилизатором потребительского спроса. Гигантское перераспределение доходов, накопление огромного богатства в руках немногих заправил теневого бизнеса долгое время обеспечивало подобие сбалансированности спроса и предложения, создавая отток необеспеченных денег из потребительской сферы.

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ (НЕ) МЫ ВЫБИРАЕМ

Готовность к переменам в рамках социализма. Сторонники и противники

Не будем забывать, что в 20-е годы, в период НЭПа, при наличии централизованного планирования, административно-командной системы управления экономикой тем не менее допускались некоторые рыночные элементы и позволялось частное предпринимательство и наличие частной собственности. Затем акцент был сделан на силовые, репрессивные методы управления экономикой, и эти реформы были прекращены.

Но с 60-х годов уже предпринимались попытки каким-то образом обеспечить более эффективное функционирование этой плановой системы, поскольку многие экономисты обращали внимание на возникшие в ней противоречия: на тенденцию тотального занижения плановых показателей; на отсутствие связей между спросом и предложением, а вследствие этого выпуск огромных количеств неликвидной продукции, ненужной конечному потребителю; на тотальный дефицит всего и вся — как сырья, так и оборудования и ресурсов, также являвшийся характерной чертой социалистической экономики. Все эти проблемы уже тогда стояли достаточно остро, и возникавшие в результате диспропорции Советское правительство уже в 60-х годах пыталось выправить.

Это выразилось, во-первых, в так называемой косыгинской реформе 1965 года. Это была очень слабая попытка что-то поменять в экономике, фактически ничем не закончившаяся, но хотя бы были поставлены некоторые вопросы, во всяком случае стало ясно, какие противоречия существуют, и они были преданы гласности и обсуждались специалистами — хозяйственниками и экономистами. Разрабатывались рекомендации практических экономистов, находившие применение в виде различного рода хозяйственных новаций, например, повсеместно было широко налажено внедрение хозяйственного расчета. Концепция хозяйственного расчета была разработана как способ повышения эффективности работы предприятий, обеспечения их заинтересованности в результатах своей деятельности, и хозрасчет внедрялся на социалистических предприятиях уже довольно давно.

Другим направлением эволюции в командно-административной системе стало внедрение более гибких методов управления народным хозяйством, так называемое совершенствование хозяйственного механизма управления социалистической экономикой.

Стали применяться разного рода формы материального стимулирования, поощрения, в которых нуждались и предприятия в целом, и работники, так как уравниловка царилла и при подведении итогов работы предприятия, и в оплате труда. По этому поводу даже снимались фильмы и ставились пьесы в театрах (например, «Премия»).

При этом экономисты давно обратили внимание на наличие явного противоречия между оптимальностью планирования в социалистической экономике и принятием напряженных планов. Оптимальное планирование требовало фактически учета всех ресурсов, и предполагалось, что экономика является некоей программируемой моделью, в которую можно заложить все параметры и на выходе получить некий результат. Но так получалось лишь на бумаге, поскольку ре-

ально интересы предприятий конечно же отклонялись от модели, и это отклонение в конечном счете являлось определяющим, поэтому в результате оптимальные планы не обязательно оказывались планами напряженными. В случае, если предприятия акцентировались на принятии напряженных планов, было труднее выработать критерии оптимальности работы, поскольку критерии оптимальности являлись совсем другими.

Поэтому экономисты того времени пытались даже изобрести некую систему оптимального функционирования экономики, которая предполагала учет всех факторов и подход к единому народно-хозяйственному комплексу как к системе, в которой будут учтены все эти показатели и цели, приоритеты развития, а также возможности достижения этих целей. Но эти попытки не давали желаемого результата, поскольку номенклатура не хотела идти на серьезные новации в этой области. По этим вопросам велась достаточно жесткая борьба среди руководителей партийного и хозяйственного аппарата, так как некоторые понимали, что для эволюции системы необходимо интегрировать рыночные элементы, но при этом конечно же никто не заикался о ликвидации плановой системы управления вообще. Такой мысли, естественно, ни у кого не было. Просто речь шла о том, чтобы вместо планирования исключительно натуральных показателей (штук, метров, тонн) включить денежный механизм рынка, попытаться запустить другой механизм функционирования социалистической экономики, поскольку уже не было сомнений, и в этом убеждали примеры других стран, что рабочая сила действует эффективно только в условиях, когда она мотивирована, когда созданы нормальные стимулы к труду. Только тогда возможен нормальный труд в эпоху научно-технической революции.

Поэтому многие партийно-хозяйственные руководители уже понимали, что необходимо учесть интересы человека,

то есть обеспечить материальное и моральное стимулирование, дать возможность людям найти свое место и увязать личные, коллективные и государственные интересы, при этом сделать так, чтобы личный интерес был на первом месте. Речь шла о том, что сфера государственного регулирования экономики не должна быть всеобъемлющей, а регулирование должно вестись исключительно в рамках товарно-денежных отношений при помощи стоимостных рычагов, а не натуральных показателей.

По вопросу о необходимости перенести акцент с приоритета натуральных показателей на стоимостные критерии было достигнуто взаимопонимание среди почти всех заинтересованных экономических ведомств задолго до того, как появились реформаторы. Работа по внедрению хозрасчета, совершенствованию хозяйственных механизмов, по применению современных форм стимулирования работников велась в рамках экспериментов, которые производились в некоторых секторах экономики, чтобы отработать модель для последующего применения. В этой связи можно выделить известный эксперимент Сумского машиностроительного производственного объединения имени Фрунзе, который широко освещался в «Литературной газете» и других средствах массовой информации. Проводились и другие подобного рода эксперименты.

Иными словами, в номенклатуре уже было четкое понимание, что необходимо что-то менять. Уже допускалась возможность перехода от плановой экономики и от общенародной собственности к элементам рыночной экономики, к частной собственности. Частная собственность, однако, мыслилась как дополнение к государственной, а не как ее замена. И речь шла о том, что предприятия и работники, которые будут добиваться более высоких результатов, должны иметь более высокие доходы и легальную возможность получить частную собственность.

Возникновение такого рода предпринимательства, естественно, должно было повлечь и другие изменения в обществе.

Внедрять предпринимательство предполагалось прежде всего в тех секторах, где это было легче сделать, а именно в сфере торговли, услуг и легкой промышленности. Этот принцип был отражен в законах о кооперации и об аренде. Однако часть номенклатуры (возглавлял ее тогда Егор Кузьмич Лигачев) и в те годы была категорически против какой-либо частной собственности вообще, а особенно против частной собственности на средства производства. И раньше, во время косыгинской реформы, реакционная часть номенклатуры оказывала мощное сопротивление любым изменениям, и позднее, в 70-е и 80-е годы, не хотела вообще признавать рынок, частную собственность и развитие товарно-денежных отношений, закрывая глаза на реалии научно-технической революции и постиндустриального общества. Так что в этом смысле номенклатура была не единой.

Реакционеры стояли на том, чтобы управлять по-старому с помощью запретов, разрешительной системы, прямого давления административных и правоохранительных органов. Они понимали, что другие методы руководства потребуют, возможно, для своего осуществления и других людей. Так что эта паразитическая часть номенклатуры продолжала сопротивляться любым новациям.

Тем не менее, как ни странно, паразитическая часть номенклатуры в целом не очень-то активно боролась против теневой экономики. Наличие теневой экономики ее в принципе устраивало, поскольку она была явно нелегальной, соответственно, полностью подконтрольной: теневых дельцов можно было держать в узде, получать с них определенную долю прибыли. В случае же легализации теневых дельцов, появления возможности легального предпринимательства у других предприятий

такая возможность не сохранится. Утратится политическое влияние, позволяющее иметь привилегии и статус в обществе. Так что новации и реальные реформы уже в самом начале пересеклись с интересами номенклатуры, того ее слоя, который вообще не был заинтересован ни в чем, кроме получения теневых доходов, сохранения своего неформального политико-экономического влияния, позволявшего ему иметь привилегии и распоряжаться общенародной собственностью в своих целях для того, чтобы если и не извлекать теневые доходы, то во всяком случае решать какие-то задачи политического характера.

Из коммунистов — в капиталисты, или биржевые игры на заре реформ

Интересно вспомнить, как эволюционировала позиция этой части номенклатуры в 1990–1991 годах. В этот момент многие из тех, кто ранее считался яркими реакционерами, защитниками запретительно-разрешительной системы, системы централизованного регламентированного обеспечения и распределения, бросились создавать разного рода подставные фирмы и «запасные аэродромы». Это хорошо видно на примере оперативного создания бирж. Именно тогда родилась всем известная биржа «Алиса» Германа Стерлигова, Российская товарно-сырьевая биржа, возглавляемая бизнесменом Боровым. Успех этих бирж пришелся на время с конца 1990-го года по конец 1991-го, а потом их обороты плавно угасли. Видно, что Российская товарно-сырьевая биржа, например, преуспела в момент, когда в Правительстве Союза пребывали реакционеры во главе с Павловым, а страной фактически правило доминировавшее реакционное крыло, возглавляе-

мое людьми, впоследствии вошедшими в ГКЧП. Эта биржа была средством быстро провести первоначальные накопления капитала, так как в этот момент еще существовала система централизованного распределения и материально-технического снабжения, то есть система государственных цен. Поэтому разрешение на бирже продавать все товары по свободным рыночным ценам фактически означало для тех, кто контролировал централизованное распределение, возможность постепенно перегнать все контракты через «независимую» биржу, получив то, что выделялось централизованно, по государственным ценам, и продав по свободным рыночным ценам с баснословной прибылью. Такой механизм, основанный на разрешительно-запретительной системе, на существовании государственных цен и централизованного распределителя, мог успешно использоваться именно тогда, в самом начале реформ, а как только распределителя не стало, биржа практически прекратила существование, перестала кого-либо интересовать.

Поэтому, несмотря на политические противоречия, и та и другая часть партноменклатуры, на какие бы методы она ни ориентировалась, готовилась к переменам. Часть номенклатуры, ориентированная на международные связи, благодаря этому накопившая средства и обзаведшаяся знакомствами и счетами на Западе, была недовольна тем, что социалистические порядки не позволяют ей в полной мере, открыто воспользоваться своими возможностями. Эти представители так называемого советского капитала в общем-то были заинтересованы в повороте экономики СССР к рынку. Однако, как пишет в своей книге¹ бывший премьер Павлов, эти люди, переродившись идейно, будучи в рыночном отношении «внутренне эмансипированны-

¹ Павлов В. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. — М.: ТЕРРА, 1995.

ми», неплохо понимая особенности переходного периода, все-таки не торопили события. Они считали крайне необходимым получше подготовиться к неотвратимому разделу государственной собственности. Многие, утверждает Павлов, в партийных верхах готовились к разделу госсобственности загодя и очень тщательно. Не случайно столь значительное число самых различных коммерческих организаций сегодня возглавляют именно бывшие партийные деятели среднего и высокого ранга, пишет он. Но в 1986—1987 годах они считали открытую постановку вопроса о рынке частной собственности преждевременной и поэтому подыгрывали непримиримости Лигачева. Однако некий спор внутри номенклатуры уже был, и он принял характер спора по поводу нормативов, так называемой проблемы нормативов.

Спор этот был связан с вопросом о том, какой рынок является целью реформ: рынок, где будут главными действующими лицами министерства, ведомства и местные органы власти, руководимые обкомами партии, или же рынок предприятий-производителей.

Система индивидуальных нормативов как основа бюрократического рынка

Налогообложение для всех в союзной экономике было единым. Однако доля средств, оставляемых центром каждой территории, была различной, устанавливалась индивидуально. Некоторым оставляли все 100% от налогов, России и Украине — 50 и 60% соответственно. Такой порядок распространялся и на каждое отдельно взятое предприятие, поэтому ежегодно административным путем определялись индивидуальные нормативы и оставляемая в распоряжении

предприятия часть прибыли. Конфликт между центром и территориями, между отраслевыми министерствами и предприятиями, постоянно возникавший на этой почве, фактически послужил в последующем основой развала Советского Союза. Индивидуальные нормативы превратились для предприятий в способ «индивидуально решать свои вопросы» по принципу «кто как договорится». Нижестоящие выступали в роли просителей, вышестоящие — в роли распорядителей средств. На этом и базировались бюрократический рынок, «бюрократический бартер» и «административная валюта».

Существование всех этих индивидуальных нормативов и отчислений наряду с устанавливаемыми централизованно плановыми заданиями, навязываемыми предприятиям поставщиками и сбытовыми организациями, являлись основой для функционирования номенклатурной системы бюрократического рынка и основой административно-командной системы, а в целом и основой теневых явлений.

Проявлялись, действовали извращенные рыночные компенсаторные механизмы. Формально при определении индивидуальных нормативов и отчислений действие рыночных механизмов не признавалось, но реально, конечно, министерские чиновники, а также ключевые фигуры в различного рода партийных органах имели возможность личного обогащения за счет подношений, взяток или иных договоренностей, то есть происходил «бюрократический бартер».

Естественно, рыночные отношения сломали эту систему. Установление из центра под воздействием партийных органов индивидуальных нормативов для каждой территории, для каждого предприятия было несовместимо с товарно-денежными отношениями. Такой порядок, являвшийся фундаментом бюрократической системы управления, должен был быть уничтожен.

От чего ушли...

Таким образом, постепенно дело шло к установлению единого норматива. Только ряд предприятий заранее успел получить разного рода инвестиции, заранее выбить у государства централизованные капитальные вложения, оборудование и другие ресурсы и подготовиться к предстоявшим акционированию и приватизации. Тогда трудно было предположить, что все дальнейшие экономические реформы будут осуществляться столь стремительно и поэтому позволят одним предприятиям обогатиться за счет других. Нельзя было, конечно, ставить в одинаковые экономические условия богатые предприятия и неперспективные научно-исследовательские институты, которые не имели возможности так легко заработать средства. И если бы отдельный норматив вводился достаточно долго, к примеру, как сначала предполагалось, в течение пяти лет, то можно было бы отработать этот механизм. Однако все произошло гораздо быстрее. Более того, хотя идея состояла как раз в том, чтобы заменить нормативы твердой ставкой налогообложения и исключить возможность получения каких-либо льгот, однако, как и в момент проведения Гайдаром либерализации цен, «шоковой терапии», произошло абсолютно противоположное. Снова появились льготы, которые, по сути, означали возврат к старой бюрократической системе индивидуальных нормативов. Льготы эти продолжали существовать весь период так называемых экономических реформ и в конечном счете существуют до сих пор.

Это льготы по таможенным пошлинам, по налогообложению, по способам расчета с бюджетом более типичны для экономики, основанной на непосредственном государственном регулировании, где применяются натуральные показатели, отсутствует товарное производство, для общества, существовавшего у нас в эпоху глубокого застоя, а теперь существующего в Северной Корее. Однако эти явления у нас почему-то так и не исчезли, а сохранились.

«Сладкий» курс

Интересный пример приводит опять же в своей книге бывший премьер Советского Союза Валентин Павлов: «В тот момент, когда мировые цены на сахар, исходя из тогдашнего валютного курса рубля, держались на уровне 500 рублей, импортный сахарный песок продавался по цене 300–350 рублей за килограмм»¹. Как такое стало возможным? Оказывается, Гайдар подписал двум крупным коммерческим структурам, торговавшим сахаром, льготный валютный курс, и это в ситуации, когда валютный курс менялся за год в 100 раз. Представляете, какие возможности для индивидуальных льгот получали в тот момент чиновники? От задержек платежей и получения кредитов до прямых хищений с помощью фальшивых авизо.

Но даже без всего этого можно было подписать двум коммерческим структурам бумагу о льготном валютном курсе и, имея такую рублевую льготу, они практически приобретали сахар в несколько раз дешевле, а организации, не имевшие такой льготы, покупали валюту за реальную цену и конечно же не могли с ними конкурировать, потому что речь шла о разнице в несколько раз.

Этот пример ярко иллюстрирует, какая система была реформаторами восстановлена, поскольку даже по мнению одного из прародителей старой советской системы, при Гайдаре именно благодаря системе льгот и привилегий реальная власть осталась в руках бюрократов из центра со всеми вытекающими из этого факта негативными явлениями.

Итак, не вызывает никаких сомнений, что де-факто государственной собственности практически не существовало, собственность была разделена между разными группами, кланами номенклатуры, где были поставлены директорами,

¹ Павлов В. Указ. соч. С. 47.

фактическими хозяевами представители тех или иных группировок.

Так что номенклатура уже заранее предполагала, как она будет действовать, если необходимо будет что-то менять, готовилась к этим переменам. Речь шла о том, что она совершенно не собиралась отдавать свое экономическое влияние, сдавать расставленных ею людей и изменять систему взаимоотношений. Она понимала, что надо продумать меры для того, чтобы вся эта система была просто заведена на новом уровне, что и получилось. В чем заключается основная опасность того, что произошло?

Дело в том, что главной целью любой экономической реформы является приход в экономику энергии массы инициативных людей, которые обновили бы систему, дали бы ей новый импульс. Поэтому сохранение ленивых, паразитических и скомпрометировавших себя руководителей, не умевших работать и привыкших достигать всего не экономическими методами, а методами принуждения, вымогательства, «крышевания», было чревато созданием в дальнейшем определенной экономической системы.

Именно поэтому была опасна номенклатурная приватизация. Власть перешла в руки слоя людей, которые были абсолютно неэффективны в прежней системе.

Два пути

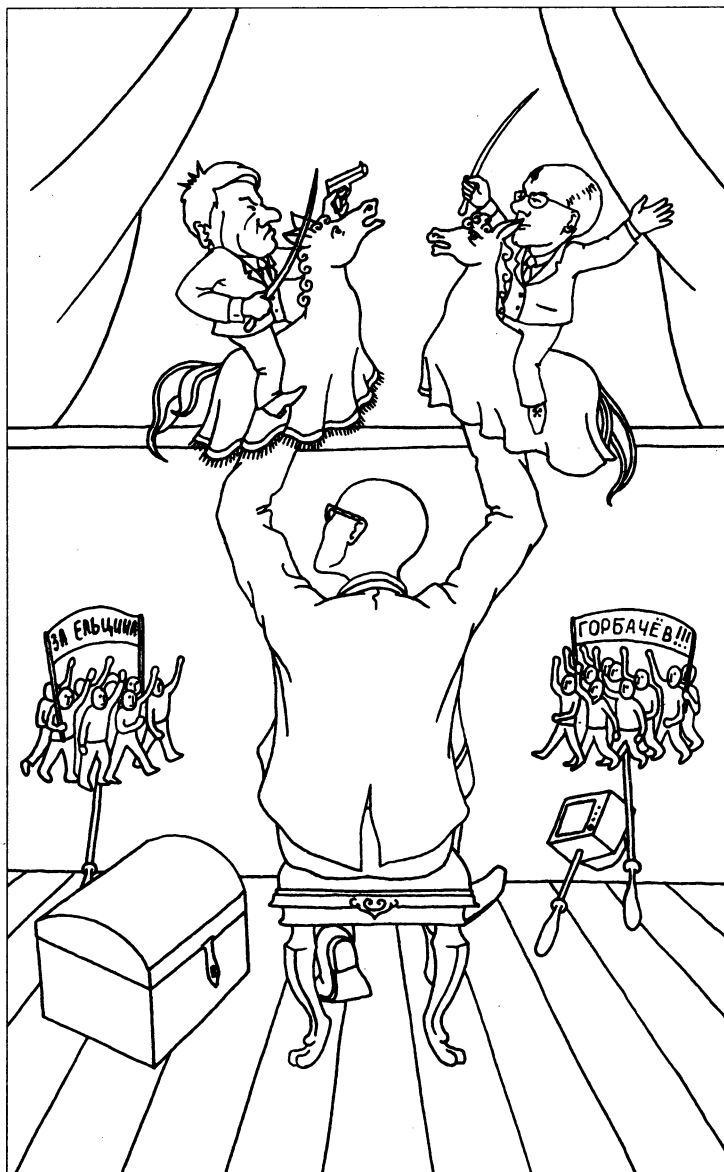
Таким образом, можно было пойти по одному из двух путей: либо по пути признания тех или иных «скрытых прав», фактического контроля над собственностью, над финансовыми потоками, обусловленного наличием неких специальных запретов и разрешений, либо по пути слома этой схемы и организации свободного рынка.

К сожалению, наши реформаторы реально оказались тем отрядом номенклатуры, который фактически обеспечил конвертацию власти в собственность, передачу экономической и политической власти от старой партийной номенклатуры к якобы новым предпринимателям, бизнесменам. Бюрократический рынок и дополняющая его теневая экономика были воспроизведены на новом этапе. А всю систему бюрократического рынка, черного рынка, неформальных управленческих взаимодействий, номенклатурного влияния в экономике и в политике в принципе можно было бы и назвать тем самым «золотом партии», которое подлежало перераспределению. Именно этот невидимый механизм влияния на принятие экономических решений и являлся главным предметом дележа.

К моменту начала реформ это влияние уже выражалось во вполне реальных доходах, социальных и материальных благах, привилегиях, возможностях и, естественно, должно было во что-то трансформироваться. Как можно было осуществить такую трансформацию? Здесь мы подходим к вопросу о том, зачем реформаторам 1991 года потребовалось закрепить этот самый бюрократический рынок, легализовать его, позволить конвертировать власть номенклатуры в собственность через приватизацию.

Почему было заявлено, что никакого другого способа осуществить экономические реформы не было? Дело в том, что реформаторы, появившиеся в 1991 году, были слишком далеки от экономических процессов советского времени. Поэтому они даже не представляли, что все эти вопросы уже обсуждались и во многом даже решались внутри советской системы. Нельзя сказать, что советская система не занималась вопросами обеспечения своей эффективности, и экономические реформы, реальные экономические реформы, пусть небольшие, с большим трудом, но все же осуществлялись в различные периоды советской власти.

**ПЯТЬ ЭТАПОВ
СТАНОВЛЕНИЯ
ОЛИГАРХИИ
В РОССИИ**

ЭТАП ПЕРВЫЙ. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ

НАЧАЛО КОНТРРЕФОРМ, ИЛИ Б.Н. ЕЛЬЦИН КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ «ДЕМОКРАТИИ»

«Ельцин против Горбачева»: игры на федеральном уровне

Вопреки расхожему мнению 1991 год, когда, по версии нынешней официальной историографии, был сокрушен коммунизм, вовсе не являлся годом начала экономических реформ. По нашему мнению, этот год, напротив, был временем, когда реформы или были свернуты или же постепенно приобрели совсем другой характер и ушли не в то русло. Прежде всего это касается событий августа 1991 года, вызывающих очень много вопросов.

До сих пор существуют точки зрения, что это был «опереточный» путч, создавалось впечатление, что члены ГКЧП играли какую-то неудачную роль в дешевой комедии. И действительно, этот путч не производил впечатления реального переворота.

Конечно, оборонявшие в августе 1991 года Белый дом, возможно, и были в большинстве своем искренними сторонниками демократии и действительно верили, что защищают ее. Но было ли это защитой демократии в реальности? Люди же не знают, каковы истинные мотивы участников политического процесса. В их понимании Б. Ельцин на тот момент являлся олицетворением демократии. Потому, когда граждане увидели по телевизору, что Б. Ельцину грозит опасность, они пришли к Белому дому, искренне веря, что тем самым защищают экономические и политические реформы, не подозревая, естественно, о существовании тайных политических пружин.

На деле же в тот момент происходили очень серьезные подвижки в самой номенклатуре, в верхушке правящего класса. Приблизительно к середине 1990 года Б. Ельцина избрали Председателем Верховного Совета России, в июне того же года был провозглашен суверенитет России. Непонятно, правда, что за суверенитет. Суверенитет — значит независимость, но независимость от кого? До сих пор трудно установить, чем же мешало России наличие 14 союзных республик, и означает ли это, что Россия была от них зависима. Скорее всего, Россия оказалась независимой от своего собственного бывшего величия, поскольку реальная территория страны сократилась и политическое влияние уменьшилось. Таким образом, после провозглашения независимости и избрания Б. Ельцина Председателем Верховного Совета начался сильный центробежный процесс. Лидеры республик поняли, что можно совместно расшатывать союзное государство, а скрывающаяся под их руководством номенклатура вкупе с теневыми дельцами, ощутив к тому времени всю прелесть возможной независимости от центра, разумеется, присоединилась к местной политической элите, также вынашивая планы создания независимых государств, что к 1991 году стало очевидным. Местные партийные князьки понимали, что они никогда, кроме как в условиях

так называемой независимости, не получают такой бесконтрольности и возможности наживаться.

В тот период эти процессы совпали с разрушительными интересами Б. Ельцина по развалу Советского Союза, поскольку для Ельцина самым главным было просто оказаться в Кремле — не важно, какими методами. Если бы для этого надо было взорвать весь мир, он бы, наверное, тоже на это пошел. Поэтому Б. Ельцин провозгласил путь к так называемой независимости России, а Верховный Совет России (напомним, в значительной степени состоящий из коммунистов) все это поддержал, что также очень важно. Кроме того, в 1990 году состоялся последний съезд КПСС, который Б. Ельцин демонстративно покинул. К этому времени стало окончательно ясно, что М. Горбачев не способен к каким-либо решительным неординарным действиям и не в состоянии перехватить у Б. Ельцина политическую инициативу, съезд это только подтвердил. Возможно, на тот момент наиболее радикальным вариантом было бы создание на базе КПСС некой социал-демократической партии и М. Горбачев вполне мог заявить об ее организации. Это наверняка вызвало бы поддержку миллионов и в какой-то степени отвлекло бы от Б. Ельцина общественное внимание, а М. Горбачев вновь стал бы центром политических и экономических реформ.

Но, к сожалению, М. Горбачев, несмотря на обращения к нему с такими предложениями некоторых делегатов съезда и ряд публикаций в прессе, не осознал необходимости делать решительные шаги, не понял, что все в общем-то зависело от политической воли первого лица. Он пытался сохранить КПСС в том виде, в котором она существовала, поэтому пытался заменить людей в ЦК КПСС, в том числе внутри политбюро. В принципе сама по себе идея правильная и хорошая, но на этом он терял темп, пытаясь создать либеральный ЦК, превратить Коммунистическую партию

Советского Союза в нормальную социал-демократическую. Он упускал время, поскольку не мог осуществить эти перестановки быстро. В тот момент он, конечно, получил контроль над ключевыми позициями политбюро, Секретариата ЦК, в целом в партии, на местах, но номенклатура, группировавшаяся вокруг Е. Лигачева, которому как раз на этом съезде она отвела роль второго лица в партии, естественно, уже ощущала, что ей угрожает серьезная опасность. М. Горбачев должен был понимать, что реакционная часть номенклатуры будет действовать и она уже перешла в наступление.

«Демократизация» номенклатуры

Прежде всего реакционная партийная номенклатура постаралась после выборов 1989 года в Верховный Совет СССР, куда попало очень много ярких политических деятелей, личностей, ставших на долгое время политическими звездами, провести выборы в Верховный Совет России таким образом, чтобы туда прошло достаточно большое число прямых ставленников партийных секретарей. Зачастую это осуществлялось следующим образом. Поскольку на местах власть была в тот момент еще в руках партийных органов, то партийные секретари, уже знавшие, что они будут смещены по линии ЦК КПСС, но курировавшие подготовку выборов в Верховный Совет России, поняли, что им следует позаботиться о преемниках. Поэтому на выборах они зачастую поддерживали людей, не обязательно проповедовавших коммунистическую идеологию, но непосредственно связанных с ними, чтобы впоследствии они могли надеть любую личину — и демократическую, и коммунистическую. Эти люди организовали в Верховном Совете всевозможные фракции, кто-то назвал себя демократом, кто-то ком-

мунистом, и в конечном итоге они друг с другом договорились. Главной их задачей было политическое выживание, а вовсе не какие-то идеи. Поэтому это разношерстное сообщество и вытолкнуло на пост Председателя Верховного Совета России Бориса Николаевича Ельцина. М. Горбачев устранял из политбюро реакционеров, потому что они противодействовали политическим и экономическим реформам, им не нравилась демократия, рынок, гласность и перестройка. Все это они воспринимали в штыки в связи с тем, что изменение политической системы ставило под вопрос их возможность контроля над ней. Эти люди могли политически выживать лишь в условиях жесткой централизации власти. Они привыкли управлять при помощи директивных административных методов, сохранять свое положение с помощью интриг. Основными качествами для выживания в этой системе были безынициативность, ничемность, склонность подчиняться начальнику в любой ситуации, отсутствие самостоятельного мышления и т.д. Для выживания в новых условиях требовалось совсем другое, и это было еще одним отражением фундаментального противоречия номенклатуры как нового класса, по Джиласу. В этом новом классе соединились качества западной технократической структуры и элемент, в чем-то аналогичный паразитической сущности собственника-рантье, но отражающий нашу специфику, поскольку советская номенклатура паразитировала на государстве. Реакционеры вообще не имели никаких реальных идеологических пристрастий, в общем-то они боролись не за коммунизм, а за систему собственного контроля над экономикой и финансами. Коммунизм использовался этими людьми в основном как лозунг, в большинстве своем они уже давно не были коммунистами.

Кроме того, мы прекрасно понимаем, что коммунистическая партия в Советском Союзе являлась просто формой проявления карьеризма. То есть, по сути дела, любой человек, стремившийся сделать карьеру, использовал комму-

нистическую партию как структуру карьерного роста. Иного способа социально реализовать в советской системе не было. Поскольку номенклатура выполняла и функции государственного управления, и, как техноструктура на Западе, как бы руководила обществом, ей были нужны навыки, профессиональные качества, способности и знания, но в значительной степени все определялось политическими амбициями, интригами и различного рода действиями, не вызывавшими общественного одобрения.

Коммунистические лидеры фактически уже давно были руководителями тех самых кланов, лоббистских групп, групп влияния, входивших в административно-командную систему и с помощью теневой экономики являвшихся своего рода ядром политико-экономической власти. То есть система так называемых неформальных управленческих взаимодействий реализовывалась через Политбюро, ЦК и партийные органы на местах. Поэтому все лидеры стали представителями определенного рода группировок, очень похожих на современные олигархические. В этом смысле мало что изменилось и сейчас. Представители этих группировок, в общественном сознании ассоциирующиеся с реакционной частью политбюро, почувствовали угрозу своему положению и начали искать какие-то другие пути сохранить влияние. Первый найденный ими путь, как мы уже говорили, — путь развала Советского Союза и реализация собственных интересов через местную бюрократию и плутократию.

Другой путь — организация на федеральном уровне интриги «Ельцин против Горбачева», когда на определенном уровне силы, уходившие с политической арены, перетекали от М. Горбачева на сторону его политического оппонента Б. Ельцина, объединялись с ним. Последнему, стремившемуся завоевать власть, было совершенно все равно, кто примыкает к нему по мере его продвижения, поэтому он достаточно легко принимал людей, связанных с реакцион-

ной частью Политбюро ЦК КПСС. В этот же период реакционеры начали новую «демократическую» игру. Пока Горбачев колебался, происходили незримые, совершенно не заметные стороннему наблюдателю перебежки людей из одного лагеря в другой и формировалась та самая политическая система, из которой впоследствии выросло современное руководство — политическое и экономическое. Этот процесс в значительной степени усилился в январе 1991 года после вильнюсских событий.

Деятели реакционного крыла коммунистической партии могли постепенно внедрять своих людей в противоположную политическую группировку. Кроме того, они могли как бы со стороны М. Горбачева организовывать всевозможные провокации и тем самым усиливать влияние демократических политических группировок. Затеяв какую-либо очередную авантюру, они прекрасно понимали, что фактически работают на Ельцина, вокруг которого группировалось все больше представителей бывшей реакционной партийной номенклатуры, не говоря уже о его прямых контактах с коммунистами и Г. Зюгановым, поддерживавшихся на протяжении всех последующих лет. Следовательно, организация таких провокаций, как например, в Вильнюсе, помогала, с одной стороны, подорвать авторитет Горбачева как лидера демократических преобразований, а с другой — создать нового лидера, Б. Ельцина, окруженного людьми, ждавшими своего часа.

В какой-то степени альянс с этой частью номенклатуры был даже формально закреплен путем выдвижения на пост вице-президента России А. Руцкого, до выборов в Верховный Совет выступавшего с совершенно других позиций, идейно близких обществу «Память» и в какой-то момент активно поддерживавшихся реакционной частью политбюро. На выборах Руцкой выступал уже как представитель демократического движения, а через какое-то время организовал

внутри Верховного Совета группу «Коммунисты за демократию» — очень характерное и довольно символичное название. Действительно: коммунисты за демократию! Став ее лидером, он был выдвинут на пост вице-президента, и вот таким образом начало формироваться некое крыло «оборотней», к которому позднее примкнула и команда «шокотерапевтов» Гайдара.

Гайдар, как мы уже говорили, в свое время работал в журнале «Коммунист», затем в газете «Правда» — суперидеологизированных коммунистических средствах массовой информации. Его книга «Экономическая реформа и иерархические структуры», вышедшая в 1990 году, пронизана духом коммунистической риторики. В ней он резко критикует капитализм за «крайнюю жестокость» экономических регуляторов и, соответственно, «резкое снижение уровня жизни трудящихся», что обрекает последних в «развивающихся странах» на нищету и голод.

Однако к 1991 году он осознал, что коммунизм — идеология бесперспективная, поэтому потихоньку перешел на работу в научно-исследовательский институт и через некоторое время вдруг неожиданно-негаданно, как черт из табакерки, вновь появился — уже на посту премьера и лидера демократического движения. В тот момент и до самого августовского путча еще мало кто знал, кто такой Егор Гайдар.

На таком политическом фоне происходили события 1990–1991 года. По мере того как КПСС теряла влияние, поскольку внутри партии все больше брал власть Горбачев и его люди, с одной стороны, на местах под видом борьбы за независимость возникал союз криминальных дельцов и номенклатурных работников, а с другой — последние постепенно переходили в стан демократов и незаметно проникали в демократическое движение по всем каналам. Демократическое движение, таким образом, все время усиливалось.

Вроде бы это положительный процесс, однако суть политического движения менялась, поскольку в нем уже доминировали не демократы, а «коммунисты за демократию», условно говоря. Это были совсем другие люди, фактически внедрившиеся в демократическое движение и использовавшие слова «Россия» и «демократия» как вывеску, а на деле просто решившие устроить передел власти. В результате именно реакционные силы, те самые «оборотни» составили основную массу государственных функционеров, поддерживающих демократическую власть, что, кстати, ярко демонстрирует назначение Ю. Петрова на пост руководителя Администрации Президента в августе 1991 года. Этот партийный функционер, бывший посол СССР на Кубе, всегда отличавшийся крайне реакционными взглядами, являлся представителем «ортодоксального» коммунистического крыла, поэтому его назначение на пост руководителя ельцинской демократической администрации, да еще в августе 1991 года, само по себе символично.

Впоследствии Ю. Петров стал крупным бизнесменом, и на его примере хорошо видно, как трансформировались отношения власти и собственности в современной российской истории. Изменения происходили и на уровне экономической власти, то есть бизнеса. Номенклатура и здесь осуществляла постепенные внутренние трансформации. До начала 1991 года бизнес развивался в основном в сторону легализации теневой экономики, носившей в значительной степени положительный, хотя и извращенно-рыночный характер. Легализация элементов рынка через кооперативы и совместные предприятия уже давала неплохие результаты. К этому добавилось движение центров научно-технического творчества молодежи, также ставших важными площадками для развития начинающего бизнеса, которые позволили многим, прежде всего социально активным людям, молодежи и интеллигенции, начать предпринимательскую деятельность. Это было очень полезное и здоровое явление.

Такие центры создавались по всей стране, и привлечение молодежи и интеллигенции к бизнесу является прямой заслугой М.С. Горбачева и тех, кто помогал этому движению. Значительное число людей было также вовлечено в реформы и в бизнес благодаря закону об аренде, принятому в 1989 году и позволившему государственным предприятиям перейти на арендную форму отношений и таким образом постепенно накапливать средства для последующего выкупа предприятий. Это был один из самых оптимальных путей проведения приватизации или уж, по крайней мере, один из путей, который следовало использовать. Эта форма была крайне полезной, так как позволяла сохранять государственное управление, то есть обеспечивала большую управляемость предприятий, но в то же время давала им возможность получить материальную заинтересованность в результатах своей деятельности и надежду на последующую приватизацию через выкуп предприятия, следовательно, активно стимулировала их деятельность. Этот процесс набирал силу, к началу 1991 года на съезд Союза арендаторов, который проводился в Москве и который посетил М.С. Горбачев, съехались тысячи арендаторов со всей страны.

Это было мощное движение, возможно, в тот момент самое влиятельное из предпринимательских союзов.

Приблизительно в это же время номенклатуре, управлявшей системой, условно называемой «золотом партии», существовавшей как в форме советского капитала на Западе, так и в форме сосредоточения экономической и политической власти, становилось все тяжелее контролировать экономику. Хотя не надо преувеличивать: к началу 1991 года теневая экономика, постепенно легализующаяся через кооперативы, и центры научно-технического творчества молодежи, и арендные предприятия, наверное, охватывала не более 20–25% всей экономики. «Каркас» экономики управлялся по-прежнему из Политбюро и ЦК КПСС. Об этой

экономической власти больше всего и болела душа у реакционеров из политбюро, мешавших Горбачеву проводить реформы. Естественно, они хотели сохранить контроль над экономикой и поэтому начали тоже какую-то активную деятельность. Частичным отражением этой деятельности было прямое противодействие экономическим реформам. Их осуществляли такие организации, как Ассоциация государственных предприятий под руководством Тизякова или Агропромышленный союз, возглавляемый Стародубцевым (оба руководителя впоследствии вошли в состав ГКЧП). Это было прямое противодействие, которое ни к чему хорошему привести не могло.

Однако более прозорливые номенклатурщики и группы влияния, понимавшие, что надо перестраиваться, бюрократические и финансовые кланы, лучше адаптировавшиеся к новой среде, начали готовиться к тому, что в стране будет рыночная экономика и по форме (как, кстати, и демократия). Поэтому они стали уже тогда создавать различного рода фирмы, переводить на их счета деньги, пользуясь своим положением, предоставляли им какие-то льготы, фонды, создавали какие-то биржи. Этот процесс шел очень активно, к примеру, именно в 1991 году была создана Российская товарно-сырьевая биржа. Участвовали в этом руководители правительства, прежде всего премьер Валентин Павлов, впоследствии также вошедший в ГКЧП. Тогда же был создан Научно-промышленный союз во главе с Аркадием Вольским (в январе 1992 года он уже назывался Российский союз промышленников и предпринимателей), объединивший всех, кто в тот момент действовал на экономической арене. Эти явления подразумевали переориентацию хозяйственных руководителей и регистрацию ими подставных фирм, создание им стартовых условий для накопления капитала, помощь кредитами, площадями, привлечение западных подставных партнеров для открытия совместных предприятий. Происходила как бы перестройка самого

класса номенклатуры. Это ни в коей мере нельзя назвать развитием бизнеса, потому что фактически в значительной степени происходила перелицовка. Иногда государственные организации просто назывались коммерческими, меняли вывеску и продолжали работать с тем же самым руководством. В то же время для настоящих предпринимателей (арендаторов, научных работников, пытавшихся самостоятельно начать новое дело в центрах научно-технического творчества молодежи, даже для тех, кто через кооперативы что-то пытался организовать и на первых порах радовался, что получил наконец возможность реализовать свои деловые качества), наоборот, все стало гораздо хуже и сложнее, поскольку номенклатура заведомо не хотела отдавать им какие-либо рычаги управления. Назвав госпредприятия коммерческими, она сохранила все рычаги влияния в своих руках. И мы видим это до сих пор, поскольку естественные монополии сохранились и по сей день. Им даже стало еще лучше, они стали большими монополистами. Но в тот момент как раз речь и шла об изменении статуса отраслевых министерств, и о топливно-энергетическом и военно-промышленном комплексах, и о контроле над недвижимостью и над внешней торговлей, и о доходах от внешней торговли, которые также были жестко монополизированы. Во всех этих сферах и происходили незаметные сдвиги. Часть номенклатуры под видом будущих рыночных реформ собиралась конвертировать свою власть в собственность, в деньги. Эта часть номенклатуры как раз оказалась союзницей Ельцина, поскольку рассчитывала перехватить знамя политических и экономических реформ и, поставив нужных людей, организовать передачу себе той самой собственности, которой она раньше руководила как общенародной, сделать ее таким образом частной и извлечь из нее уже частные доходы, которые впоследствии можно совершенно официально сосредоточить на своих счетах и перевести, допустим, за рубеж, что сейчас и происходит. Поэтому политическое

влияние Ельцина продолжало расти. Еще раз повторим: это были местные «князьки» и республиканские лидеры и их партнеры — теневые дельцы, на федеральном уровне — это так называемые коммунисты за демократию, «оборотни», которых становилось все больше и больше, хватавшие демократический флаг, бежавшие наперегонки, чтобы успеть побыстрее бросить партбилет, выйти из партии и оказаться поближе к новому, «демократическому» руководству. К ним присоединился номенклатурный капитал, рассчитывавший через Ельцина не только сохранить свое господство, которое и так было основой деятельности реакционной части политбюро, но и получить карт-бланш и лучшую позицию для развития. В новых условиях номенклатурные деятели, руководившие этими предприятиями, смогли, не опасаясь чубайсовской приватизации и гайдаровской «шоковой терапии», очень легко и быстро захватить свои предприятия, поставить их под контроль и впоследствии уже руководить ими в качестве частных собственников. Это было гораздо привлекательнее, поскольку позволяло накопить значительные средства уже в личный карман в отличие от плутократической собственности советского периода, которая не была легализована, так как в советской политэкономии была известна только общенародная и личная собственность. Новая же собственность стала олигархической, то есть, по сути, оказалась легализована, и власть высших коммунистических чиновников постепенно переключалась к будущим олигархам. Персоналии тут не так важны, поскольку номенклатура, естественно, позаботилась, чтобы ее не было видно в момент передачи власти и собственности новым дельцам, тесно связанным с «прародителями» из политбюро. В принципе довольно-таки нехитрая комбинация. Если раньше в политбюро сидели Слюньков, Зайков, Воротников и другие, то среди олигархов доминировали лица с фамилиями Березовский, Гусинский, Ходорковский, Смоленский, Фридман, Абрамович. То есть, несмотря на

смену фамилий, на самом деле это были представители тех же самых сил. Добиться, чтобы на политической авансцене оказались именно эти лица, отвлекавшие внимание общественности, было не сложно. Так удалось обмануть людей сказкой о том, что это якобы какие-то новые бизнесмены, которые что-то там «предприняли» и заработали огромные деньги. На самом деле это была хорошо продуманная комбинация, позволившая просто передать властные полномочия, а правильные идеи демократии, экономические реформы были всего лишь ширмой. Чтобы так гнусно поступить с этими правильными идеями, надо было найти соответствующих исполнителей. И они были найдены в лице Егора Гайдара и Анатолия Чубайса, которые, на мой взгляд, являются фактически «оборотнями», причем не менее, а может быть, даже более опасными, чем те, что примкнули к Ельцину вместе с Руцким, Петровым и другими так называемыми демократами, демократами поздней поры, августа 1991 года.

«Секретная миссия» выдвиженцев КПСС

На первый взгляд, Гайдар и Чубайс казались либералами, они говорили вроде бы правильные фразы, читали какие-то американские книжки о демократии и рыночной экономике и поэтому не вызывали никаких подозрений. Однако на деле они просто отвлекли на себя внимание и фактически извратили экономические и политические реформы. Они не просто помешали их провести, они использовали реформы, чтобы превратить их в полную противоположность, то есть, по существу, с помощью этих правильных идей обеспечить варварский захват собственности, отъем средств у населения и создание антидемократического политического режима, опять-таки прикрывающегося демократическими ло-

зунгами. Поэтому абсолютно ясно, что Гайдар и Чубайс выполняли определенного рода «секретную миссию», разработанную еще в политбюро, во времена предшествующие, наверное, даже последнему съезду КПСС. Перед выдвиженцами КПСС была поставлена задача — перехватить идеи истинных демократов, настоящих борцов за свободу, таких, скажем, как академик Сахаров и другие, и возглавить начатое ими движение, не имея, конечно, на это никаких моральных прав, поскольку никогда, никоим образом никто из этих людей не имел отношения к диссидентам. Ни у кого из них не было авторитета в обществе, они никогда не боролись за экономические реформы и вообще до своего неожиданного появления на политической авансцене не предпринимали ничего, что можно было бы поставить им в заслугу. Что касается Гайдара, то была впоследствии выдумана какая-то история о том, что еще за десять лет до начала эпохи реформ он якобы участвовал в каком-то собрании, на котором выдвигали демократические идеи, где-то в каком-то санатории. Сомневаюсь, что высказанные там идеи соответствовали в дальнейшем его позиции. В любом случае остается только пожалеть, что его последующие идеи оказались высказанными на уровне целой страны.

Реализация этих идей привела к столь ужасающим результатам, что даже такой жесткий сторонник монетаризма и «шоковой терапии», как Джеффри Сакс, чьи замыслы якобы воплощались Гайдаром, постарался откреститься от действий гайдаровского правительства и как-то, хоть и с опозданием, оправдаться. Так, в конце 1998 года он заявляет: «Главное, что подвело нас, — это колоссальный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями. В течение первых трех лет российское правительство своими противоречивыми постановлениями привело в действие процесс безудержной гиперинфляции, давшей возможность прикрывать вопиющую коррупцию, масштабы которой, мне думается, не имели аналогов в мире за по-

следние 50 лет. В процессе этих реформ представители крупного бизнеса России присвоили себе природные ресурсы страны на десятки миллиардов долларов. А ведь еще 150 лет назад было метко сказано: собственность — это кража. И как мне кажется, российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства — служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег, и поскорее. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатства в интересах узкого круга людей»¹.

Фактически у Гайдара была определенная миссия — возглавив экономические реформы, он должен был отвлечь внимание от манипуляций номенклатуры с собственностью, позволить ей быстро развалить Советский Союз, разворовать все под трескотню о демократии и реформах и обеспечить создание олигархического криминального капитализма, который существует и трансформируется вот уже более 12 лет. Поэтому мой вывод предельно ясен: реформы были закончены как только появились реформаторы, назначенные Ельциным, в частности Гайдар, и развернулось воровство, грабеж и беспредел.

Важным доказательством того, что Гайдар был сообщником партийных органов и выполнял особое задание, может служить тот факт, что, когда он пришел к руководству, был быстро развален Советский Союз, создан максимальный хаос, исчезли огромные суммы, находившиеся во Внешэкономбанке, да и операции Госбанка этого периода вызывают большие сомнения. Выяснилось, что казна пуста. Причем те, кто должен был бы за это ответить, то есть союзное руководство, оказались в это время в тюрьме по совсем друго-

¹ Независимая газета. 1998. 31 декабря.

му обвинению (а именно — за участие в ГКЧП), а Гайдар начал везде кричать о том, что казна пуста, средств нет, а сбережения людей не обеспечены. И поэтому, мол, накопления граждан в Сбербанке — так сказать, пустая денежная масса, реально никаким золотым запасом не обеспеченная. Вот основная версия Гайдара, которую он в тот момент по всем программам проповедовал. Мол, мы пришли, увидели, что ничего нет, начали выяснять, как же обстоит дело, и оказалось, что денежная масса, которая была якобы на счетах в Сбербанке, — фиктивная. И потому, когда рухнули все параметры экономики и курс доллара взлетел в десятки раз (фактически в 100 раз) за короткий промежуток времени, обесценив полностью все сбережения огромной массы населения, правительство уверяло, что это, мол, неизбежная плата за то, что в предшествующий период произошел отрыв денежной массы от ее товарного покрытия, от национального богатства, от золотого запаса и т.д. Но, если даже принять за правду эти разглагольствования, остается все же вопрос: если Гайдар верно оценил реальное финансовое положение России, понял, что по вине союзного руководства золотой запас исчез, почему в этот момент Ельцин и Гайдар, обладавшие всей полнотой власти, не начали расследование по факту исчезновения этих гигантских сумм? Почему, кроме дурацкого обвинения в организации опереточного заговора ГКЧП, никаких реальных обвинений в том, что в 1991 году были похищены миллиарды долларов и в момент развала Советского Союза исчезли огромные средства, частично переведенные на Запад и оставшиеся там под контролем местных группировок, частично же переданные различного рода коммерческим структурам, всевозможным акционерным обществам, в результате чего монополии получили возможность извлекать сверхдоходы, не было предъявлено никому из тех, кто все это допустил? Почему не было расследования деятельности Государственного банка, Внешэкономбанка, не были выяснены

вопросы с золотым запасом, с долгами СССР и России? Почему Гайдар нисколько не хотел заниматься этим? Была развернута трескотня по поводу некоего «золота партии», но и здесь внимание общественности было в значительной степени отвлечено, поскольку вместо реального изучения тайных операций, проворачиваемых дельцами под руководством КПСС, повсеместно обсуждалось, какую помощь, каким режимам, в какие страны КПСС оказывала на протяжении последних лет, хотя как раз эта деятельность партии тайной не являлась.

«Кролл» и Кремль

В начале 1992 года российские газеты наперебой писали о том, что поисками «золота партии» поручено заняться известному детективному агентству «Кролл интернейшен», которое прославилось тем, что в свое время выследило нелегальные счета бывших президента Филиппин Ф. Маркоса, диктатора Гаити Ж.-К. Дювалье и президента Ирака С. Хусейна. Действительно, в феврале 1992 года с «Кроллом» был заключен конфиденциальный договор, подписанный с российской стороны Гайдаром, в котором первым пунктом предполагаемой деятельности агентства стоял, однако, не поиск партийных денег, а поиск вкладов официальных лиц и организаций бывшего СССР в зарубежных банках¹. На проведение этой работы российское правительство из жалкого стабилизационного фонда тут же выделяет полтора миллиона долларов.

Через несколько месяцев появляются какие-то разговоры о подготовленном «Кроллом» отчете, но никаких официаль-

¹ Известия. 1992. 13 мая.

ных заявлений по этому поводу не делается, кроме отдельных, но решительных высказываний, что, мол, следов массового вывоза партийных средств не обнаружено. Говорят также, что отчет был передан Гайдари, а кто-то заявляет, что «Кролл» потребовал дополнительные средства на проведение дальнейших расследований, в чем ему было отказано. Попытки ряда СМИ узнать подробности ни к чему не приводят: отчет «Кролла» бесследно исчез, а те, кто должен был передать его в спецслужбы или в прокуратуру, «не помнят», куда именно его отправили. «Новая газета» уверяет даже, что располагает официальными письмами от МВД, ФСБ, Генпрокуратуры, и даже правительства о том, что к ним никогда этот документ не поступал¹.

Той же весной 1992 года Верховный Совет, узнав о полуторамилионных расследованиях правительства, формирует парламентскую комиссию для расследования результатов деятельности «Кролла». Но и комиссия, и итоги ее работы успешно почил в бозе.

Никаких объяснений по этому поводу не последовало и в последующие годы и, как саркастически сообщает «Новая газета», основное действующее лицо этой странной истории уже «начинает забывать» ее подробности. Газета цитирует в этой связи письмо секретаря Гайдара, в котором «с прискорбием» сообщается, что «к сожалению, в настоящее (это март 1999 г. — А.Б.) время д-р Гайдар не помнит все технические детали сделки между «Кроллом» и российским правительством»².

Существующие высказывания по поводу отчета, представленного «Кроллом» российскому правительству, явно противоречат друг другу. Так в ряде выступлений в СМИ российские чиновники утверждали, что отчет «Кролла» основывался лишь

¹ Новая газета. 2002. 22 апреля.

² Новая газета. 2002. 10 июня.

на публикациях российской и зарубежной прессы. Это выглядит, по меньшей мере, странно: с трудом можно представить, чтобы солидное международное сыскное агентство в качестве итогов работы, оцененной в полтора миллиона долларов, представило подшивку старых газетных вырезок.

Не так давно Петр Авен, председатель директоров «Альфа-банка», бывший во время гайдаровского правительства министром внешнеэкономических связей, подтвердил, что отчет «Кролла» действительно существовал, но «ничего интересного в нем не было, — так, отдельные счета и проводки, данные о недвижимости, которые нуждались в дальнейшем тщательном изучении, в более подробном разбирательстве и оценке с точки зрения уголовного кодекса...»¹. Не нужно обладать излишней проницательностью, чтобы понимать различие между газетными вырезками и строгими финансовыми документами.

«Московский комсомолец» приводит резкое, но никем до сих пор не оспоренное высказывание Михаила Горбачева по этому вопросу: «Эта фирма выполнила обещания — она нашла тех людей, которые имеют счета за рубежом. Но это оказались сами члены правительства Гайдара...»².

Все эти обстоятельства заставляют задуматься о том, действительно ли история договора российского правительства с «Кроллом» была так проста и незамысловата, как ее хотели бы представить, и сводится к ничего не значащим результатам. Не выступает ли попытка убедить в неудаче поиска партийных денег и последующие легенды о том, что вывоза партийных денег не было, лишь отвлекающим вниманием общества ходом?

Как бы там ни было, судя по всему, американские детективы наткнулись не на «сундуки с золотом», скорее, им пред-

¹ Там же.

² Московский комсомолец. 2000. 11 февраля.

стала система контроля и перераспределения российских финансов, они затронули жизненные интересы тех, кто, возможно, определял в то время российскую политику, кто стоял у истоков российской коррупции и о чем в дальнейшем из «высших» политических соображений предпочитают молчать и в России, и в США.

В свою очередь, президент «Кролл интернейшен» Джулс Кролл назвал работу по заданию российского правительства «самым разочаровывающим делом» за всю 22-х летнюю историю компании. Он прямо заявил, что «российские чиновники, отвечающие за операции с ценными бумагами, утаивали информацию, которая позволила бы агентству выявить и назвать ответственных за нелегальный вывоз капитала на Запад»¹. По словам Кролла, его сотрудники выявили на Западе ряд подозрительных банковских счетов и владений недвижимостью, принадлежавших российским гражданам, но столкнулись с препятствиями. В агентстве говорят, что, ознакомившись с первыми многообещающими результатами розыска, российские власти внезапно решили приостановить дальнейшее расследование².

Еще раз о «золоте партии»

Как я уже говорил, под понятием «золото партии» следует подразумевать вовсе не конкретное золото — имеется в виду вообще система контроля партии над экономическими финансовыми процессами, над экономикой в целом, над финансовыми потоками. Это возможность некой организованной группы лиц, а именно партии, контролировать ог-

¹ Финансовые известия. 1994. 24 ноября.

² Известия. 1994. 25 октября.

ромные финансовые и производственные ресурсы через систему назначения, правоохранительные органы и другие каналы. Поскольку партия осуществляла руководство не только в масштабах СССР, а гораздо шире (речь шла и о Совете экономической взаимопомощи, то есть о Восточной Европе, о деятельности в масштабах всего общества), то, конечно, стоимостные пропорции были извращены и существовали разного рода соглашения о сотрудничестве с фирмами «друзей», контракты, которые привязывались к конкретным людям, фирмам и позволяли помогать определенным политическим группировкам на Западе, в развивающихся странах и т.д., что вовсе не являлось системой хищения и личного обогащения. Средства, направляемые на поддержку дружественных партий и режимов, как раз нельзя считать хищением, это просто обеспечение политического влияния страны. Поэтому истерия по этому поводу только отвлекала от поиска «золота партии» — от выявления реального контроля над экономикой страны, над назначениями, производственным потенциалом и финансовыми потоками. Именно это является «золотом партии», а также его перераспределение в международных масштабах, в масштабах Совета экономической взаимопомощи, развивающихся стран, а также сотрудничество через систему внешней торговли с мировым рынком, со странами Запада. Вот этот механизм не исследовался, на него не обращали никакого внимания, все было посвящено счетам, которые кто-то там открывал для каких-то партий, фирмы выявлялись. В результате сам механизм влияния КПСС на принятие ключевых экономических решений в стране, контроля над финансовыми потоками, системой назначения, контроля через правоохранительные органы абсолютно не был рассмотрен. А ведь эта система трансформировалась не только внутри страны, она была сориентирована на Совет экономической взаимопомощи и развивающиеся страны по линии экономического сотрудничества, а также

через систему внешней торговли была связана с Западом и мировым рынком.

Все это, причем осуществляемое в нескольких дискурсах, было единой системой, завязанной на Центр, на Кремль. И именно раскрытие путей трансформации этой системы давало понимание того, как дорвавшаяся под демократическим флагом до власти номенклатура будет реализовывать свое новое господство, свою возможность теперь уже на полном законном основании присвоить то, чем раньше она вынуждена была распоряжаться как бы по доверенности, говоря, что она делает это, чтобы строить коммунизм, и обещая советскому народу светлое будущее. Если раньше национальное богатство контролировалось как бы временно, то есть номенклатура не могла считать себя собственником, тут у нее вдруг появился шанс обеспечить себе светлое будущее, а именно возможность осуществить все это под флагом демократии, реформ, приватизации и т.д., что впоследствии и было сделано. А санкционировали этот процесс те, кто как раз узурпировал право называться демократами — лжедемократы, «оборотни», отстранившие реальных демократов от власти. Они извратили суть экономических реформ, остановили преобразование страны, по крайней мере, на 12 лет затормозили ее развитие, и только сейчас Владимир Путин снова начинает экономические реформы, потому что до отставки Михаила Касьянова никаких шансов на изменение порочной системы управления, сложившейся после захвата власти псевдодемократами, не было. Все эти годы мы имели дело с самой реакционной, самой паразитической частью номенклатуры. Именно она захватила власть, самая беспринципная, циничная часть партийной номенклатуры, не имевшая ни чести, ни совести, спрятавшаяся за Ельциным, Чубайсом, Гайдаром. Именно она на демократической волне долго дурила людям голову своими баталиями с Верховным Советом России, с Хасбулатовым, Руцким, Зюгановым, сопровождая разрушительную дея-

тельность бесконечной трескотней по всем информационным каналам о противодействии реформам. Именно она, отвлекая внимание от беспредела, успела осуществить «шоковую терапию», приватизацию, затем ограбила всех во время дефолта. Все это делала именно эта беспринципная, подлейшая, гнуснейшая часть бюрократии, которая получила наконец возможность осуществить все то, о чем раньше могла только мечтать. Богатства прежних партийных руководителей, несмотря на их райскую жизнь в советский период, просто меркнут по сравнению с богатством Р. Абрамовича, который является порождением вот этой ельцинско-гайдаровско-чубайсовской системы. До недавнего времени кабинет Касьянова фактически оберегал интересы Абрамовича и других олигархов. Перечислять их нет необходимости, поскольку их все хорошо знают. Сегодня Путин вновь начинает реформы, которые были почти на 13 лет заморожены. И сейчас есть возможность вернуть государству собственность, которая была незаконно захвачена зарвавшимися чиновниками, и начать реальный процесс формирования предпринимательского сословия, охватить миллионы людей, которые могли бы на новом историческом витке себя реализовать, занимались бы конкуренцией, налаживали бы инновационный процесс предпринимателей, изобретателей, рационализаторов. Вот кто нужен для развития страны!

Все эти люди были отодвинуты на второй план на 13 лет, пока продолжалась вакханалия дележа собственности, которая начала уменьшаться с момента прихода Путина к власти. И сейчас есть возможность окончательно избавиться от наследия прошлого, то есть от наиболее циничной части номенклатуры Ельцина, Гайдара и Чубайса, пришедшей к власти в значительной степени потому, что ей перебрехала власть партийная номенклатура, которая уходила и не могла править в новых условиях.

«Матрица. Перезагрузка», или как Гайдар на баррикады бегал

Псевдодемократы, в свою очередь, постепенно создали так называемые олигархические группы, фактически унаследовавшие и политическую, и экономическую власть от своих «прародителей» из политбюро. Что интересно: во время августовского путча, как мы помним, единение Ельцина с ГКЧП было очень наглядным, потому что все действия ГКЧП и события этих трех дней убедительно показали, что структуры, перешедшие на сторону Ельцина, были, в общем-то, близки ГКЧП. И фактически санкционированный реакционерами политбюро захват телецентра в Вильнюсе, подрывавший рейтинг Горбачева, и одновременно переход все большего числа номенклатурщиков в команду Ельцина, были звеньями одной цепи.

О переговорах будущих руководителей ГКЧП с Ельциным накануне августовского путча пишет в своих воспоминаниях Гавриил Попов, входивший в то время в ближайшее окружение российского президента. Попов утверждает, что Ельцину предлагался пост Президента СССР и тот колебался между возможностью обойти Горбачева, пониманием невыгодности уходящего бренда «СССР» и нежеланием расставаться с российской вывеской. Собственно это и было главной причиной отказа Ельцина: он предчувствовал скорый развал Союза, а российская тема только начинала раскручиваться. Но переговоры с ним шли, и это свидетельствует о его внутренней близости с будущими путчистами. Когда наконец в августе 1991 года верхушка реакционной номенклатуры устроила путч, Ельцин и его сотрудники очень легко договорились с теми, кому было поручено этот мятеж подавлять. Прежде всего имеются в виду Грачев и Лебедь, руководившие вводом войск в Москву и ставшие впоследствии видными деятелями ельцинской эпохи. В августовские

дни они являлись особо доверенными людьми Крючкова и Язова — иначе им не поручили бы осуществлять такую миссию. Совершенно ясно, что Крючков и Язов никогда бы не доверили эту операцию посторонним. Значит, Грачев и Лебедь вызывали у путчистов безоговорочное доверие. Забавно, что впоследствии оба сделали блистательную политическую карьеру: Грачев возглавил Министерство обороны, став, по словам Ельцина, лучшим министром обороны, а Лебедь чуть было не стал президентом, а позднее тесно сошелся с таким деятелем, как Борис Абрамович Березовский, на примере которого очень хорошо видно, как вообще создавался олигархический капитал и кто является его идеологом. Так что уже в августе 1991 года матрица дальнейших событий уже была заложена. Произошла передача власти. Не нужно было организовывать никакое ГКЧП, поскольку получается, что оно же и победило, только в другой форме.

А в те дни на баррикады пришли защищать демократию Егор Гайдар и сотрудники его института. Они так осмелели лишь за два-три месяца до назначения руководителями правительства, в результате чего все они стали на 12–13 лет либо политическими звездами, либо олигархами. А ведь до августовского путча никто из них не был замечен в политической деятельности, оппозиционному коммунизму. Только в августе 1991 года их вдруг охватил демократический раж, они бросились на защиту Белого дома и спустя короткое время были вознаграждены высшими государственными должностями. На страже у Белого дома стоял такой демократ, как Юрий Петров, там же были Руцкой, Хасбулатов. Их впоследствии удалось хорошо узнать, когда Ельцин начал борьбу уже с Верховным Советом России. Эти люди показали свое истинное лицо после того, как избавились от Горбачева. Вот почему Ельцин в этой ситуации в 1993 году был прав в своем конфликте, потому что в Верховном Совете России были собраны еще более реакционные силы, чем в ельцинской администрации, еще более гнусные и

беспринципные. Поэтому в 1993 году страна наблюдала за схваткой двух омерзительных группировок — радикально-демократической и как бы умеренно-демократической, внезапно перелицевававшейся в коммунистическую, что, кстати, еще раз показывает, как быстро эти люди меняют свое обличье в зависимости от ситуации.

А тогда, в 1991 году, я впервые узнал, что Гайдар — оказывается, демократ и обороняет Белый дом. Мой отец действительно был демократом, лидером демократического движения и долгие годы боролся с коммунистической партией. И я знаю, что ему было непросто, но у него почему-то не было никакого желания бежать оборонять Белый дом, поскольку он прекрасно понимал, что там происходит, был в курсе событий и в силу своей порядочности полагал, что это не та ситуация, чтобы идти и демонстрировать демократические убеждения. Он полагал, что их надо отстаивать десятки лет. Думаю, что Гайдар и ему подобные в отличие от искренних защитников ни секунды не верили в возможность штурма (они оценивали ее, может быть, процентов в пять). Поэтому они могли спокойно сидеть в кабинетах, звонить, налаживать сопротивление, вводить войска, произносить речи, забравшись на танк, проводить ночи на баррикадах, демонстрируя свою приверженность демократическим идеалам. Тот же Гайдар в своих мемуарах, описывая ожидание штурма Белого дома в ночь с 20 на 21 августа, проговаривается, что в самый, казалось бы, напряженный момент Бурбулис набирает по правительственной связи номер председателя КГБ Крючкова и ведет с ним разговор. «Что-то очень странное, — пишет Гайдар, — вроде вот-вот убивать будут, а они в то же время созвонились, побеседовали...» Но о чем велись эти беседы, с какой целью созванивались, Гайдар почему-то не вспоминает.

Вел телефонные переговоры с Крючковым в ту ночь и Ельцин. По свидетельству того же Крючкова, в ночь на 21 ав-

густа они созванивались два или три раза. «Ему я тоже говорил, — вспоминает Крючков, — что никакого штурма «Белого дома» не намечается. Разговоры были вполне спокойными. Я не почувствовал какого-то раздражения, более того, Ельцин сказал, что надо искать выход из создавшегося положения и хорошо бы ему, Ельцину, слетать вместе со мной в Форос к Горбачеву для того, чтобы отрегулировать ситуацию. Он предложил мне выступить на открывавшейся 21 августа сессии Верховного Совета РСФСР с объяснением обстановки и ответить на возможные вопросы»¹.

Словом, вполне спокойная беседа. И пока вокруг «Белого дома» его защитники строили баррикады и ждали самого страшного, заседавшие внутри российские лидеры, по признанию Александра Коржакова, попивали столь понравившуюся Ельцину «Метаксу» вперемежку с шампанским.

Откуда же брались все эти драматические вести о готовом начаться штурме Белого дома? Анализируя события путча, социолог Леонид Ионин называет источник — это «внутреннее радио Белого дома... Вся информация от Руцкого». И то, что эти сообщения, «мягко говоря, не совсем соответствуют действительности», журналисты, разносившие их, не могли не знать, «ибо из Белого дома постоянно велись переговоры с военными властями разного уровня. Генерал-полковник Кобец, по его собственным словам, “по несколько часов не отрывал трубку от уха”, получая информацию и даже частично регулируя, совместно с командованием МВД, движение военных колонн. Белый дом знал, как мало угрожает ему армия... Нагнеталось напряжение. Люди в ответ на радиопризывы шли и шли к Белому дому... Ельцин совершил контрпереворот в эфире. Утром 22-го ему оставалось лишь подобрать упавшую власть...»²

¹ Крючков В. Личное дело. — М.: Олимп. 1996. С. 197–198.

² Независимая газета. 1991. 12 сентября.

Сейчас уже многие согласятся с выводом политолога Лилии Шевцовой, что «новая российская эпоха начиналась с имитации, а победители имели немало причин желать, чтобы реальная картина тех дней была забыта, и как можно скорее»¹, а в те дни в условиях тотальной пропаганды только такие люди, скажем, как мой отец, могли понять, что происходит, и за это немедленно были наказаны. Большинство конечно же воспринимало итоги августовского путча как реальную победу российской демократии, не видя стоящей за событиями тех дней окончательно перелицевавшейся, подготовившейся к этому времени номенклатуры. Ее полномочным представителям, сомнительным дельцам, уже тогда была дана возможность через Российскую товарно-сырьевую биржу подзаработать на разнице государственных и рыночных цен. А в августовские дни они волочили огромные трехцветные полотнища российского флага (не иначе как заранее запаслись; маловероятно, что при реальной опасности государственного переворота кто-то стал бы заниматься срочным изготовлением полотнища такого размера). Но, поскольку, как говорится, шоу должно продолжаться, никто не стал анализировать эти странные детали, как и мало кто обратил внимание на публикации, последовавшие вскоре после путча, о странных историях некоего полковника Веселовского, утверждавшего, что КПСС создавала специальные фирмы, функционирующие в соответствии с принципами подпольной экономики, которая сейчас работает уже в полном объеме.

В сентябре 1991 года на допросе в Генпрокуратуре по поводу обстоятельств августовского путча полковник Первого главного управления КГБ Леонид Веселовский заявил, что в ноябре 1990 года по просьбе ЦК КПСС (Иванко и Кручины) решением руководства КГБ (Крючков и Бобков) он был

¹ Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. — М.: РОССПЕН, 1999. С. 11.

переведен из ПГУ на работу в Управление делами ЦК КПСС для координации экономической деятельности хозяйственных служб. «Основанием для моего перевода в ЦК, — объяснял Веселовский, — явилась срочная потребность руководства УД ЦК создать подразделение, способное координировать экономическую деятельность хозяйственных структур партии в изменившихся условиях... Выбор пал на меня, поскольку по своему образованию я являюсь экономистом-международником, имею опыт зарубежной работы и был известен большинству руководящих работников ЦК по своей деятельности в ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС. Кроме того, Кручина считал, что такой серьезный вопрос, как организация экономической деятельности, можно было поручить только сотрудникам ведомства, в честности которых он никогда не сомневался... Была достигнута договоренность о периодическом информировании Бобкова о моей деятельности в УД ЦК КПСС...»

Вскоре Л. Веселовский представил Н. Кручине аналитическую записку «О дополнительных мерах по закреплению и эффективному использованию партийной собственности», в ней, в частности, давались следующие рекомендации:

«Денежные ресурсы, отраженные в финансовых документах открыто, могут быть инвестированы только в общественные, социальные или благотворительные фонды, что затруднит их конфискацию в будущем. Средства, поступающие в виде доходов в партийную кассу и не отражаемые в финансовых документах, должны быть использованы для приобретения анонимных акций, фондов отдельных компаний, предприятий и банков, что, с одной стороны, обеспечит стабильный доход независимо от дальнейшего положения партии, а с другой — в любой момент эти акции могут быть реализованы на фондовых биржах с последующим размещением капитала в иных сферах с целью обезличивания партийного участия, но с сохранением контроля... Принятие

данных мер потребует организовать срочный отбор особо доверенных лиц, которым будет поручено выполнение отдельных пунктов программы, не исключается возможность создания категории негласных членов партии, которые будут обеспечивать ее жизнедеятельность в любых условиях чрезвычайного периода»¹.

Дальнейший ход событий свидетельствует, что предложения Л. Веселовского или подобные им были успешно воплощены.

Один из выдвинутых того периода, некто Дмитрий Якубовский, потом долгое время всплывал в различных историях, пока наконец не был арестован. Оказалось, что Якубовский и Веселовский были причастны к деятельности швейцарской корпорации «Сеабеко групп» Бориса Бирнштейна. Но опять-таки в тот момент никто не обращал внимания на заявления полковника Веселовского и, несмотря на то, что пара статей, посвященных этой теме, появилась в «Комсомольской правде», этим так никто заниматься и не стал. А через некоторое время в правительстве уже объявились реформаторы, тут уж стало не до чтения статей, поскольку над страной нависла уже серьезная угроза, реализовавшаяся в виде катастрофы в Беловежской Пуще, когда трое пьяных в стельку людей нанесли нашей стране колоссальный удар, отбросив ее на десятки лет назад. Их дело было продолжено: Е. Гайдаром — через «шоковую терапию» и А. Чубайсом — через приватизацию, окончательно доконавшую нашу страну и низведшую ее на уровень, который, по мнению нынешнего лидера экономических реформ Г. Грефа, по уровню ВВП сопоставим разве что с Португалией.

¹ Газета «Дуэль». 2001. 13 марта.

«ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ»

Гайдар и его команда

Неизвестно, как пришла Гайдару в голову идея «шоковой терапии». Немногочисленные примеры реализации правительствами подобного рода мер известны, главным образом, из практики развивающихся стран, характеризующихся достаточно низким уровнем как производственных потенциалов, так и культуры населения.

Предпосылкой проведения «шоковой терапии» в России, безусловно, явилась централизация и бесконтрольность власти. Интересно, что столь масштабные и фактически бесконтрольные действия были осуществлены как раз тогда, когда к власти пришли силы, называющие себя демократическими.

«Шокотерапевты», разумеется, говорили, что от Ельцина требуется политическая воля и решительность, и сопроводили свою так сказать реформаторскую деятельность мощными пиар-кампаниями, подключив к ним все каналы телевидения и прессу. Однако факт остается фактом: чтобы проводить такую политику, конечно, нужно было обладать не просто всей полнотой власти, а возможностью действовать без оглядки на кого бы то ни было. И если почти до конца 1991 года правительство и иные структуры союзного государства играли роль сдерживающего фактора, не позволяя осуществить так называемые радикальные реформы, то сразу после отстранения Горбачева было не ясно, как будут функционировать все органы власти.

Это был момент хаоса, всеобщей протрации и шока. Состояние шока, возникшее в дни августовского путча, явно усугубилось запретом КПСС, которая была связующей

нитью всех структур власти и своего рода хребтом социалистического общества. Миллионы людей росли, преклоняясь перед коммунистической партией, десятки лет мечтали вступить в нее, только коммунистическая партия являлась средством как-то себя выразить и реализоваться, достичь какого-то положения в советском обществе. Не надо недооценивать и влияние коммунистической идеологии: многие миллионы людей действительно впитали в себя определенные штампы, стереотипы, пропагандистские шаблоны. Многолетняя промывка мозгов все-таки дала некоторые результаты, поэтому, конечно, запрет КПСС в августе 1991 года был не меньшим шоком, чем сам путч ГКЧП.

Если оглянуться назад, то близкое к шоковому состояние было даже немного раньше. Общество уже несколько лет находилось в некотором напряжении, оно было беременно кризисом. Это настроение всеобщей тревоги возникло в конце 80-х — начале 90-х годов, а зародилось еще раньше. Это было конечно же и время надежд, но какая-то внутренняя тревога у населения уже присутствовала.

Следующий, колоссальнейший шок произвела Беловежская Пуща. Она вогнала людей в транс, поскольку они не понимали, как можно упразднить Советский Союз, как можно жить в какой-то «обрезанной» стране, где не будет больше ни Украины, ни Кавказа, ни Прибалтики, ни Средней Азии. Да, для людей это было настоящим шоком!

К тому же воцарился полнейший хозяйственный хаос, и шок охватил экономические структуры: предприятиям не понятно было, как работать, кому подчиняться. Подобное происходило и раньше на протяжении года-полутора, но тут одновременно тысячи предприятий потеряли всяческую ориентацию. Не ясно было, какое законодательство действует, какие и как заключать договоры, чем руководствоваться в вопросах налогообложения, таможенного оформления. Возникла всеобщая паника.

Таким образом, шок в обществе уже наличествовал на момент начала «шоковой терапии». По мысли же Гайдара она называлась шоковой не потому, что начиналась с ситуации шока, а потому, что проводилась с помощью шока. Гайдар хотел лечить с помощью шока, он хотел выжечь каленым железом остатки коммунистического (социалистического) строя и таким образом дать мощный импульс развитию рыночных, капиталистических отношений, нанести сокрушительный удар и по психологии, и по тому, что сохранилось от прежней экономической системы, действуя по принципу «клин клином вышибают».

«Да будет шок!»

Такова была основная теория Гайдара. Шок он предполагал использовать для того, чтобы заставить все общество быстро перестроиться. Это оправдывалось тем, что у России нет времени на раскачку: обстановка тяжелая, надо как можно быстрее произвести кардинальные перемены и сделать возврат назад невозможным, добиться того, чтобы изменения в экономике стали необратимыми. Вообще идеология Гайдара и Чубайса все время была такой: побыстрее все сломать, разрушить, добиться, чтобы советская система не могла снова возродиться.

Это было частью пропагандистской кампании, поскольку Гайдар и Чубайс позиционировали себя как борцы с коммунизмом, страшая людей возвратом к власти коммунистов с последующим неминуемым отъемом собственности. Людей почему-то все время запугивали тем, что у них отберут квартиры, в которых они живут, будет запрещен выезд за рубеж, снова установится тоталитаризм, в конечном счете все будут водворены в концлагерь. Раскручивание этой те-

ории в средствах массовой информации позволяло оправдывать абсурдные действия, потому что, конечно, если коммунисты засели где-то там, рвутся к власти и якобы уже близки к ней, то и правда надо с ними бороться, каким-то образом их быстро разгромить, не дать вернуться к коммунистическим порядкам.

А для этого необходимо действовать быстро, решительно, резко и уничтожить все экономические механизмы, не обращая внимания на то, что это не только механизмы, с помощью которых коммунисты могли бы вернуться к власти, но, в первую очередь, механизмы социальной поддержки и перераспределения национального дохода для обеспечения социальных программ. Однако об этом реформаторы не вспоминали, поскольку были увлечены своей борьбой с коммунизмом, которая давала карт-бланш на любые решительные действия и на полную бесконтрольность в проведении любых реформ.

Кроме того, реформаторы считали, что, опять-таки теоретически, шок позволит людям быстро перестроить свою психологию и начать действовать в новых рыночных условиях. Люди в результате шока поймут, что возврата назад уже нет, никто поддерживать их не будет, и, возможно, либо начнут заниматься бизнесом, либо станут искать себе применение в качестве наемных работников в новом капиталистическом обществе; в общем, это подстегнет их к эволюции. Идея совершенно ошибочная, поскольку далеко не все люди способны адаптироваться сразу к рыночным условиям и найти себе место в чисто рыночной экономике, да и не для всех это, наверное, необходимо. Как мы знаем, даже в развитой капиталистической экономике существует значительный государственный сектор и социальные программы.

Есть люди, которые по своему психологическому складу больше склонны работать в бюджетной сфере, в сфере го-

сударственного управления. У людей разные возможности, способности. У кого-то имеются способности именно в сфере предпринимательства или наемного труда в тех областях, в которых рыночная экономика дает больше возможностей для реализации, но есть и люди, склонные к научному труду, к творческой деятельности, которые не могут, не умеют быстро социально перестраиваться. Да такая социальная адаптация может оказаться и попросту вредной, поскольку, если выдающийся ученый адаптируется и будет торговать пирожками у метро, наверное, это не то, что нужно системе экономической, не здесь он может принести максимум пользы для страны.

Интеллигенция, работники культуры, образования, искусства, ученые в значительной степени являются движущей силой общества. Поэтому в капиталистической экономике вовсе не подразумевается, что у всех психология должна быть настроена полностью на рыночный лад; и там есть люди, склонные получать пусть небольшой, но стабильный доход, их устраивает работа в государственных структурах, во всевозможных общественных корпорациях.

Есть там и люди, которым требуется социальная поддержка. Эти люди всегда находятся на государственном иждивении, о них заботится государство. Пожилым сложнее адаптироваться, чем молодежи, вынуждать их к этому было бы просто кощунственно, они должны быть обеспечены государством, поскольку они это заслужили.

Все эти истины были абсолютно ясны, но тем не менее игнорировались Гайдаром и его сподвижниками, которые выдвинули тезис «С помощью шока все быстро перестроятся», забывая о том, что это нетипично даже для Запада. Таким образом, их теория предусматривала, во-первых, ликвидацию, слом всех остатков советской экономической системы и ее административно-командных функций и разгром (как это преподносилось в прессе) экономической ба-

зы, на которую могут опираться рвущиеся к власти коммунисты (при том, что коммунисты всегда играли лишь ту роль, которая была нужна Ельцину, Чубайсу и Гайдару). Во-вторых, «шокотерапия» была направлена на то, чтобы дать людям импульс, сказать, что у них нет иного пути кроме как адаптироваться к новым рыночным отношениям. Вот таким образом и обосновывалась необходимость шока.

В наших условиях, как уже говорилось, шок уже был, причем мощный. И «шоковые терапевты» его использовали, поскольку в какой-то степени лечение с помощью шока началось еще в Беловежской Пуще, а может быть, даже и несколько раньше. Они использовали уже имеющийся шок и добавили к нему еще новый — проведение своих социально-экономических реформ.

Для проведения этого курса нужна была мощная политическая поддержка, которая резко контрастировала с идеей демократии, поскольку, как мы понимаем, демократическими путями получить такую поддержку было невозможно. Осуществить столь грабительские реформы на основе демократических процедур нереально. В развивающихся странах они проводились при авторитарных или тоталитарных политических режимах, которые творили со своими гражданами все, что хотели. Поэтому утверждение, что Ельцин в этот период представлял собой демократического лидера, не выдерживает никакой критики. С самого начала он проявил себя как сверхтоталитарный, суперавторитарный, безответственный лидер, готовый любыми путями добиваться своих целей, опираясь на поддержку населения, которому задурили голову предшествующей борьбой Ельцина с Горбачевым и победой его в этой схватке, которые шокировали и ввели в транс развалом СССР. Таким образом, Ельцин получил возможность делать то, что ему заблагорассудится, без оглядки на общественное мнение.

Все это доказывает, что уже в январе 1992 года никакой демократией в стране и не пахло: в действительности общественное мнение было полностью проигнорировано. И если бы имелся нормальный механизм обратной связи, конечно же никто не позволил бы все это осуществить.

В этой связи мы подходим к роли Верховного Совета России. Казалось бы, раздавалась настоящая какофония вокруг проводимых реформ, Ельцину и Гайдару мешали: выступали какие-то депутаты, проводились какие-то митинги, шел какой-то процесс борьбы с этими преобразованиями. Но что же происходило на самом деле? Верховный Совет России с самого начала являл собою довольно-таки странное сборище людей с очень сомнительными взглядами и убеждениями, готовых на все ради своих политических целей, а зачастую просто никчемных.

И эти люди, ведомые Хасбулатовым, почему-то очень спокойно воспринимали все бесчинства Ельцина, пока он устраивал развал Союза: лишь несколько депутатов голосовали против так называемой ратификации беловежских соглашений. Кстати, это созвучно и с позицией депутатов российского парламента в июне 1990 года, когда они провозглашали так называемую независимость России неизвестно от кого. Эти же депутаты рукоплескали разгону союзных органов власти и, таким образом, созданию всевозможного хаоса. Как видно, в этом случае их устраивала деятельность Ельцина. И если мы поднимем прессу того периода, то увидим, что, когда Ельцин отдал всю полноту экономической власти Гайдару и его команде, Верховный Совет России достаточно долго проявлял вялость в критике реформаторов.

Несколько позже действительно Руцкой и Хасбулатов начали переходить в отношении реформаторов на пренебрежительный тон и в какой-то степени пытались их критиковать, называя мальчиками в коротких (розовых, по выражению Руцкого) штанишках, и так далее.

Проводились и какие-то митинги на местах, но сказать, что существовала серьезная оппозиция, невозможно. Ведь у Верховного Совета России по действовавшей тогда конституции имелись все полномочия принять соответствующие законы и постановления. Более того по той конституции, как мы помним, парламент мог даже объявлять импичмент президенту, причем достаточно легко. То есть та конституция, по которой якобы действовали тогда Ельцин и лидеры российской власти, предоставляла массу возможностей для вмешательства парламента в экономическую жизнь. Парламент, кстати, в нее вмешивался и при назначении главы Центробанка, и в ряде других случаев, но, к сожалению, почему-то не встал в жесткую оппозицию к проводимому безобразному курсу и не потребовал от Гайдара обосновать его необходимость. То есть парламент фактически допустил его проведение, рассчитывая потом, через полгода-год, когда выявятся его негативные последствия, устранить группу молодых реформаторов и самим перехватить инициативу, то есть уступить молодым реформаторам место для проведения самой непопулярной части реформ, а потом присвоить себе все лавры.

Позиция очень простая — позволить, чтобы все это состоялось. Это наталкивает на мысль о том, что в высших эшелонах власти существовал сговор, план перехвата ключевых постов: группа «оборотней» в парламенте в определенный момент начала бы перехватывать экономическую власть у «оборотней», сконцентрировавшихся в правительстве.

Так что, думается, в конце 1991 года по вопросу проведения всех грабительских реформ и отъема средств у населения во власти наблюдалось полное единство. Эта позиция, по сути дела, никем не подвергалась сомнению. В тот момент я пытался, помнится, опубликовать статью о надвигающейся чуме «шоковой терапии», предостеречь о ее возможных последствиях. Однако никакие газеты не хотели печатать

что-либо, противоречащее идее «мощного прорыва», который готовили Ельцин с Гайдаром. Это лишний раз доказывает, что реформы проводились в условиях сверхцентрализованной власти верхушки (авторитаризм по сравнению с советским периодом вырос многократно).

Итак, налицо было полное единство всех лиц в высших эшелонах власти относительно проведения грабительских мер и тотальный контроль над средствами массовой информации по данному вопросу. Спротивление осуществлялось лишь в той степени, в которой это требовалось для придания деятельности Гайдара характера борьбы с коварным коммунистическим врагом, пытающимся вернуть нас в советское прошлое. Нам говорили, говорят и будут говорить еще десять лет, что этот коварный коммунистический враг собирается повторить 1937 год, забрать всю собственность (в том числе выставить людей из квартир), а после этого всех расстрелять или заставить работать в ГУЛАГе. Между тем уже во времена Брежнева никакого ГУЛАГа не существовало, квартир никто ни у кого не отнимал. Удивительно, что все эти страшилки оказались действенными и достаточно долгое время.

Наличие сговора в высших эшелонах власти подтверждается и тем, что в момент, когда начиналась шоковая терапия, у Гайдара была другая альтернатива — вместо начала шоковых действий он мог поставить вопрос о том, кто виноват, по чьей вине страна оказалась в ситуации, когда ей требуется этот шок. Ведь еще одной предпосылкой шока, по мнению Гайдара, явилось тяжелое финансовое положение страны, доставшееся в наследство от союзных органов власти: несоответствие вкладов населения и денежной массы товарному покрытию, отсутствие золотого запаса, значительный внешний долг.

Но если диспропорции в экономике столь чудовищны, что для их исправления надо на огромную сумму огрابتь

150 миллионов человек, то логично поставить вопрос: кто виноват, где эти деньги, ведь они же еще недавно, всего лишь за полгода до этого были. И, проанализировав структуру экономики, легко было выяснить, где и каким образом исчезали эти огромные суммы, но Гайдар этого не сделал.

Но даже и это не самое удивительное. Допустим, «оборотень» Гайдар, который в нужное время был выдвинут паразитическим отрядом номенклатуры на высокий пост в государстве, чтобы перехватить лозунги, идеи и знамя реформ у действительно демократических деятелей, знал, кто виноват: те силы, которые, в общем-то, и организовали распад Союза, готовили ГКЧП, а до этого — события в Вильнюсе, заранее переводили деньги и разорили казну; и в тот момент они сидят по какому-то глупейшему обвинению в тюрьме в связи с ГКЧП.

Но и сам Гайдар являлся порождением этих сил. Именно поэтому он оказался на своем посту. Именно такой человек и нужен был в тот момент — который не задаст вопросов, будет отвлекать внимание, который уведет не в том направлении. А задачу отвлечения внимания и переадресовки он выполнил блестяще. Действительно, люди так и не смогли понять, что происходит.

Возникает и еще один вопрос. Если и в самом деле у Гайдара были мощные оппоненты, он боролся с коммунистической гидрой, а Верховный Совет России все время пытался ему помешать и на местах было серьезное сопротивление, то почему же это противодействие осуществлялось так вяло? Почему Верховный Совет России не вмешался, когда в 1992 году на счетах населения были в одночасье обнулены огромные суммы (а в принципе товарное обеспечение у них было)?!

Махинации 1991 года редко освещались на страницах газет. Но все-таки однажды общество узнало о каких-то чудовищных трансфертах, это произошло в связи с неудачной мани-

пуляцией российской власти, так называемым делом Фишера. Вполне возможно, что и союзные власти преуспели во всевозможных тайных трансфертных операциях. Есть данные о том, что министр финансов СССР Павлов находился в Швейцарии, велись переговоры о каких-то секретных сделках и так далее.

Информация об этом просачивалась в прессу, но никто не стал ее анализировать. Не было даже попыток создать парламентскую комиссию для расследования деятельности руководителей советского периода, особенно в начале и середине 1991 года, — деятельности, в результате которой российское государство впоследствии оказалось банкротом, приняло на себя все долги Советского Союза при отсутствии золотого запаса и товарного покрытия. Парламент России не занимался этим вопросом, и эта тема постепенно ушла в песок, то есть никто так и не стал с этим разбираться, хотя очевидно, что эти явления взаимосвязаны.

Именно манипуляции советского руководства, многие представители которого впоследствии оказались в числе участников ГКЧП, и послужили причиной опустошения казны. Этим людей спас от ответственности распад Советского Союза. Он был выгоден и местным бюрократическим кланам в республиках. В обмен на допуск к российской власти получившие ее политические авантюристы не стали задавать лишних вопросов.

Таким образом, в возникшем хаосе осталось невыясненным, куда же делся суммарный золотой запас и как обстоят дела в целом с финансовым положением страны и с ее задолженностями на мировом рынке. Оставался единственный способ устранить диспропорции — ограбить население в сберегательных банках, что и было сделано.

Нежелание проводить расследование и выявлять истинные причины отсутствия средств в казне является прямым доказательством общего сговора российской власти, состояв-

шего в том, чтобы отвлечь внимание распадом Советского Союза и началом абсурдных реформ от истинного положения дел и от манипуляций, которые осуществили предшествовавшие руководители страны. Это объясняет и заключение этих руководителей в тюрьму по глупому обвинению. Так, кстати, часто делают опытные уголовники: когда им угрожает очень серьезное наказание, допустим, за убийство, они иногда специально организуют какое-нибудь незначительное дело, совершают какое-нибудь мелкое правонарушение, за которое садятся в тюрьму, чтобы таким образом отбить у милиционеров интерес к своей персоне. Отсидев за незначительный проступок, они вскоре выходят, а серьезное преступление забывается. Может быть, похожая схема была применена и в отношении лидеров ГКЧП.

Итак, мы видим прежде всего что Гайдар пытался отвести, отвлечь внимание от «проделок» союзного правительства и в последний год существования Советского Союза ему это удалось. Гайдар опирался на сильную политическую поддержку Ельцина и действовал фактически в условиях отсутствия демократии, поскольку при демократии такое поведение было бы невозможно. Кроме того, Гайдар действовал в условиях мощного шока, который уже был в стране после Беловежской Пущи и предшествующих событий, таким образом, наслаивал еще один шок на предшествующий.

Наконец, Гайдар делал все это под совершенно недостоверными лозунгами. Идеи о коварном заговоре коммунистов и угрозе реставрации советской власти, о том, что необходимо всех заставить жить в рыночных условиях, были порочны и искусственны, не имели под собой никакого основания.

Таким образом, «шоковая терапия» с самого начала не имела ничего общего с экономической реформой. Это была спецоперация, которая фактически осуществлялась для того, чтобы отвлечь внимание от совершенно других процес-

сов, по сути дела, подогнать макроэкономические параметры, оставшиеся после краха советской системы, к новым реалиям экономической жизни, причем подогнать насильственным путем, не обращая внимания на социальную справедливость, на вопросы морали и чести, в интересах лишь узкой верхушки правящего класса.

Под прикрытием Ельцина к власти пришла самая отстойная номенклатура: не либеральное крыло политбюро, которое представляло технократическую часть номенклатуры, а другое, реакционное, крыло, его паразитическая часть, показавшая себя во времена репрессий 1937 года, всевозможных политических заговоров, интриг и «дворцовых переворотов».

Другая — технократическая линия тоже существовала, поскольку надо же было и управлять государством, и соперничать с другими странами на международной арене. Для поддержания производственного, технического, военного, политического потенциала, конечно, нужны были и другие качества и люди — специалисты, профессионалы. И вот эта часть номенклатуры, которая проявляла себя, когда строили Днепрогэс, когда побеждали в Великой Отечественной войне, когда создавали атомную и водородную бомбу, когда организовывались полеты в космос, к сожалению, была повержена и отстранена на задний план.

Паразитическая же верхушка, пришедшая к власти, не была в этот момент стеснена никакими ограничениями, хотя бы видимостью демократии, и на основе сговора высших лиц могла осуществить все, что угодно: в результате психоза, который тогда обуял общество, на проведение реформ якобы от имени народа был получен некий карт-бланш, которым надо было воспользоваться. Очевидно, что Гайдар являлся представителем не народа, а этой самой верхушки.

Эта верхушка, которая пробралась к власти, захватила ее, да еще и получила полную бесконтрольность и возможность

свою паразитическую власть за 70 лет трансформировать в короткий срок в реальные живые деньги, эта кучка негодяев ворвалась в Кремль и в другие учреждения, которые и раньше были далеки от народа, а теперь стали еще дальше. У них не было абсолютно никаких идей реального социального реформаторства, поскольку они всегда стояли на совершенно других позициях. Просто сейчас у них открылась возможность осуществить давнюю мечту — превратить общенародную собственность в свою частную (никакими коммунистами в свое время они тоже не были; как появилась после революции 1917 года эта негодяйская линия, так она и продолжала существовать наряду, конечно, с технократической).

Гайдар действовал в интересах не просто узкой, а суперузкой группы людей. Речь идет о нескольких сотнях, может быть, тысячах номенклатурщиков, которые в этот момент прикрывались демократическим флагом, объединившись в разного рода организации перелицованных псевдобизнесменов типа Российского союза промышленников и предпринимателей.

Все это были звенья одной цепи. Те, кого должны были отстранить, наоборот, вдруг неожиданно перехватили инициативу и полностью оттеснили честных людей, демократические силы, которые выросли реально из народа, из интеллигенции и впитали в себя все лучшее, всю творчески активную часть населения, — все это было сметено немедленно. Предприимчивые и инициативные люди, проявившие себя за последние годы, были выкинуты на обочину.

Все эти цветки, выросшие на асфальте, были растоптаны, и группа реакционеров снова ворвалась в Кремль, но теперь уже под якобы демократическим флагом, возглавляемая политическим авантюристом-«оборотнем» Ельциным, который воспользовался демократическим движением, а фактически являлся представителем самой реакционной части

номенклатуры. Он был таковым, по сути, с самого начала своего восхождения на политический Олимп, еще с 1987 года и выдвинул на авансцену псевдолибералов, реформаторов, псевдодемократов Гайдара и Чубайса, которые внешне действительно были похожи на ученых, поскольку говорили умные слова и до этого, кажется, прочитали американские книжки.

Таким образом, теперь вся эта компания могла, действуя без оглядки на население, без оглядки на общественное мнение, осуществить свою мечту десятилетий — захватить в частные руки общенародную собственность. Этой собственностью она и раньше управляла исключительно в своих интересах, разворовывая ее и превращая в так называемую плутократическую собственность, но все равно мечтала о том, чтобы трансформировать ее в частную собственность, потому что тогда им можно было вздохнуть спокойно, можно было не волноваться, как раньше, и ложиться спать уже спокойно.

Вот что было мечтой этой группы из нескольких тысяч дорвавшихся к власти негодяев, которые, побросав партбилеты, быстренько перебежали за год до этого к Ельцину и представляли так называемую новую демократическую власть. Они собирались получить долгожданную частную собственность. Другое дело, кому и сколько, по этому поводу у них еще должны были возникнуть противоречия, и они, естественно, возникли и впоследствии, в 1993 году, разрешались стрельбой по Верховному Совету и с помощью других способов.

Но в тот момент они только предвкушали эту огромную дележку, как они будут расхватывать этот пирог. Потом у них появился дополнительный шанс — рыночная идеология, с помощью которой можно было окончательно сбросить с себя бремя заботы о населении. Население же все 70 лет «болталось на шее»: приходилось все-таки его кормить,

одевать, как-то обустроить его быт и отдых — у Маркса это называется воспроизводством рабочей силы. Но в случае проведения так называемых рыночных реформ социальные программы, естественно, должны были быть свернуты, да их и просто не из чего было бы финансировать, и все «завоевания социализма» оказались погребенными.

Подход Гайдара был порочен еще по одной причине. Как известно, в 1960—1980 годы была популярной идея так называемой конвергенции двух систем. По этой теории, которая проповедовалась на Западе, социализм должен был постепенно приобрести капиталистические, а капитализм, наоборот, — социалистические черты, и таким образом они, эти две системы, должны были сближаться и впоследствии интегрироваться.

Это была, в общем-то, разумная идея, которая в принципе могла бы осуществиться, если бы реформы в Советском Союзе пошли так, как надо, поскольку капитализм действительно приобретал социалистические черты, со времен Джона Кейнса государство стало активно вмешиваться в экономику. Начали появляться плановые элементы в экономике. Не случайно именно такие достижения нашего соотечественника Василия Леонтьева, как межотраслевой баланс, были применены и получили Нобелевскую премию как раз на Западе. И элементы планирования активно внедрялись в экономику как крупнейших корпораций, так и государств.

Во всех развитых странах капитализм приобретал совсем новые качества. После революции в России, создания советского государства, последующего революционного движения во всем мире, Великой депрессии 1929—1933 годов капитализм ощутил всю опасность, которая ему угрожает, и понял, что он для своей стабильности нуждается в создании среднего класса и в мощном социальном обеспечении. Все эти процессы усиливались, а после Второй мировой

войны капитализм стал приобретать все больше и больше внешне социалистических черт — вмешательство государства в экономику, элементы плановости и социальное обеспечение.

С другой стороны, и в нашей экономике в советское время постепенно усиливались рыночные черты, то есть уже тогда шла работа по переходу предприятий на хозрасчет, усовершенствованию хозяйственного механизма, внедрению новых форм управления, усилению материального стимулирования работников и предприятий, проводились разного рода эксперименты.

Пускай медленно, вызывая мощное сопротивление, тем не менее этот процесс шел, и он активизировался в последние годы существования Советского Союза, поскольку были приняты нормативные акты о кооперативах, о совместных предприятиях. Мощный толчок дал указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1989 г. «Об аренде и арендных отношениях в СССР». Все больше и больше предприятий переходило на рыночные рельсы, и это могло быть очень хорошей подготовкой к дальнейшей приватизации. Рынок постепенно создавался, но при этом не утрачивалась планомерность, не утрачивалась регулирующая роль государства в экономике и социальное обеспечение, то есть добавлялись, именно добавлялись, капиталистические черты в экономику, постепенно интегрируясь в ней все больше и больше.

Этот процесс шел до самого прихода Гайдара. Именно этот процесс он прекратил, поскольку он, как мы уже видели, являлся представителем совсем других слоев и группировок и начал действовать в диаметрально противоположном направлении. Свободное предпринимательство было полностью парализовано, бизнес стал возможен в тесной связи с бюрократией, под контролем номенклатуры и под ее руководством. Вместо реальных изменений произошла смена

вывесок и фасадов, все вопросы были решены за счет населения — вот подход Гайдара. А тот путь — путь постепенной интеграции, который развивался до самого появления Гайдара на вершине власти, фактически был забыт.

Что необходимо было сделать

Кроме интеграции рыночных элементов, мы должны были интегрировать такие элементы, как демократия, выраженная в свободе политических организаций, в расширении гражданских свобод, а также в гласности и свободе слова, — сопутствующие элементы рыночной системы в развитой капиталистической экономике. Эти элементы мы должны были постепенно интегрировать, устранив как раз худшую часть — тоталитаризм, избыточный централизованный контроль над экономикой, то есть перегибы административно-командной системы.

Получилось все как раз наоборот. К сожалению, конвергенции не вышло. Развитые капиталистические страны реально добавили себе социалистические элементы, о которых уже говорилось. А вот советская система в начале перестройки двигалась в направлении сближения с развитыми странами Запада: постепенно вводили гласность, появлялись гражданские свободы, политические партии, общественные организации, свободные экономические формы деятельности, то есть предпринимательство в различных формах. Но в какой-то момент все это было свернуто, и вместо этого были сохранены почему-то худшие черты, а именно монополизм, тоталитаризм, избыточная централизация и административно-командные методы руководства экономикой и внеэкономическое влияние. И мы видим, что только такими монополистическими, тоталитар-

ными методами можно было творить все, что далее происходило. А из капитализма, наоборот, начали заимствовать совсем другое, не то, что надо было брать.

Что касалось свободы слова, гласности, представительной демократии, гражданских свобод — были взяты только вывески и названия, то есть произошла перелицовка. Что касалось предпринимательства, реальное предпринимательство свернули, повесив новые вывески на отраслевые министерства, на главки, на бывших государственных монстров. Естественных монополистов превратили в якобы акционерные общества и объявили это созданием бизнеса, вытеснив на обочину действительных предпринимателей.

Это было сделано вместо интеграции положительных черт капиталистической экономики (не всего рынка, не стихии рынка, а именно элементов рыночной экономики с сохранением плановой доминанты) с сопутствующими ей институтами — представительной демократией, свободой партий, общественных организаций и гражданскими свободами, гласностью, свободой слова. Однако интеграции не произошло. Так, не было на тот момент никакой свободы слова, поскольку нельзя было даже слова сказать по поводу того, что «шоковая терапия» — это преступление, никто бы не дал это опубликовать.

При этом мощная политическая власть в Кремле была суперавторитарной, авторитарной в квадрате. Сохранился и тоталитаризм, и монополизм, естественный монополизм только усилился, получив возможность взвинчивать цены на все тарифы и услуги, извлекая сверхприбыли и сняв с себя бремя содержания всего населения и обеспечения социальных программ. Рынок же был воспринят совершенно извращенный, которого и на Западе-то уже давно нет. Созданы были уродливые рыночные формы, фактически превратившие экономику в руины. Такой рынок не мог являться целью реформ. Отсутствовал учет макротенденций,

тенденций функционирования мировой экономики, учет производственного, технического, научного, финансового потенциала внутри страны. Допущение бесконтрольного якобы свободного ценообразования приводило к тому, что возникал не рынок, а какой-то уродливый монстр, который, с одной стороны, сохранял все монополистические черты, а с другой — добавлял в эту систему элементы хаоса, бесконтрольности при абсолютном отсутствии здравого смысла.

Возникает вопрос: как сказалась деятельность «шокотерапевтов» на естественных монополиях? Сразу очевидно, что для всех естественных монополий осуществленные Гайдаром так называемые реформы были очень выгодны, поскольку позволили им фактически вырваться на свободу и диктовать свою волю всей экономике страны.

Почему роль естественных монополий в жизни страны так усилилась? Потому, что в советской системе все сектора экономики все-таки были уравновешены.

Во-первых, существовал единый народно-хозяйственный комплекс, поэтому развитие, допустим, топливно-энергетического комплекса было взаимосвязано с развитием и других комплексов, прежде всего военно-промышленного, а также научно-производственных потенциалов, сельского хозяйства и в значительной степени с обеспечением социальных программ, с убыточными или менее прибыльными отраслями народного хозяйства, в том числе с дотационными статьями бюджета, которые обеспечивали социальные программы.

Во-вторых, на мировом рынке Советский Союз функционировал как гигантская монополия и сверхдоходы от экспорта той продукции, которая выходила на мировой рынок, также поступали в распоряжение всего государства и через разницу курсов, разницу цен перераспределялись и также служили в какой-то степени основой для обеспечения расходных

статей бюджета. Что же произошло, когда все цены были отпущены на свободу, а внешнеэкономическая деятельность либерализована?

Это был явный перегиб. Любую здравую идею можно довести до абсурда. Либерализация внешнеэкономической деятельности не могла и не должна была дать каждому предприятию (допустим, нефтедобывающему) возможность самостоятельно выходить на внешний рынок.

Прежде всего потому, что эти предприятия, конкурируя друг с другом на нефтяном рынке, могли сбивать цены. Кроме того, они, получив доступ на внешний рынок, имели возможность продавать продукцию по мировым, а внутри страны финансировать все по российским ценам. Помимо этого, они полностью сняли с себя бремя обеспечения и содержания других отраслей, что, конечно, было прикрыто лозунгами о том, что теперь все зарабатывают сами.

Однако Гайдар забыл о том, что именно должны зарабатывать сами: нельзя назвать заработанными деньги, которые приходили к добывающим предприятиям, к естественным монополиям за счет отсутствия рентных платежей, за счет неправильной системы налогообложения, за счет неправильной системы организации экспорта и таможенных тарифов. Эти деньги нельзя было назвать заработанными, поскольку предприятия-монополисты могли неограниченно повышать цены, и ни в какой степени их доходы не зависели от реальных результатов труда. Им не надо было снижать издержки производства, повышать эффективность, производительность труда. Может быть, относительно мирового рынка эти элементы действовали, хотя и в незначительной степени, поскольку внутренние затраты этих предприятий были несопоставимы с их конкурентами на мировом рынке. Но в целом им не надо было заботиться ни о чем, поскольку они могли в любой момент просто диктовать свои цены всем участни-

кам экономического процесса, что они и делали, поскольку все это называлось свободным ценообразованием. Цена была ограничена только лишь платежеспособным спросом.

Получалось, что отрасли, связанные с естественными монополистами, естественные монополисты, прежде всего добывающие отрасли, могли диктовать свои условия и выкачивать из экономики ровно столько средств, сколько вообще в ней было, потому что как только платежеспособный спрос других субъектов увеличивался, они просто могли повышать цены. И таким образом все остальные отрасли фактически «пристегнулись» к естественным монополистам, и дальнейшее их развитие определялось потребностями группы естественных монополий. Понятно, что, скажем, макроэкономические интересы группы естественных монополий принципиально отличаются от макроэкономических интересов государства в целом: у государства они гораздо шире и цели совсем другие. Поэтому вся экономика приобрела крайне уродливый характер.

Нельзя было с самого начала позволять естественным монополистам существовать в таком режиме. Это первое и очень важное упущение Гайдара, а скорее всего, это сознательное действие, потому что можно предположить, что Гайдар и был как раз ставленником тех сил, которые руководили естественными монополиями и добывающими отраслями ранее. Это был самый сладкий кусок для номенклатуры, которая как раз, постепенно подсоединившись к демократическому движению и окружив Ельцина своими людьми, пришла к власти в конце 1991 — начале 1992 года, обеспечив ход экономических изысков именно в своих интересах.

Следующая проблема — это отношение Гайдара в целом к предпринимательству и влияние «шоковой терапии» на предпринимательство.

Финансово-банковский беспредел

Любой предприниматель той поры может подтвердить, что именно в этот момент возможности для свободного предпринимательства значительно уменьшились, несмотря на разговоры о необходимости помогать малому и среднему бизнесу. Фактически если предприниматель к началу 1992 года не встал крепко на ноги, шансов серьезно организовать что-то, кроме ларька или места на рынке в Лужниках, у него не было. Выше уже невозможно было протолкнуться.

Фактически все другие сферы были быстренько монополизированы и закрыты для чужаков. Именно к этому и свелась реформа. Кроме того, в ситуации, когда курс доллара стремительно рос — в 100 раз, возникли совершенно нелепые формы обогащения для тех, кто был связан с финансовой (банковской) системой.

Фактически люди, руководившие банковской системой, могли обеспечить обогащение любого человека на любую сумму, поскольку достаточно было просто находиться ближе к банковской сфере, чтобы взять кредит в рублях, купить на него доллары, продержать их в течение года и получить стократный доход. Но с предпринимательством такая деятельность ничего общего не имела, поскольку по своей сути предприниматель — это человек, создающий что-то новое, это рискующий человек, вкладывающий деньги в какие-то проекты и предпринимающий что-то.

Те, кто был ближе к финансовым потокам, могли просто эти потоки задерживать; это открывало огромные возможности для обогащения чиновников через переводы денежных средств для банковской системы, которая могла манипулировать кредитами. Не случайно именно в этот момент распространение получили фальшивые авизо.

Открывались широчайшие каналы обогащения вовсе не предпринимательской, а, скорее, криминальной природы.

С нуля из ничего создавались огромные состояния, которые ничего общего с реальной предпринимательской деятельностью конечно же не имели. А все, что связано было с реальным предпринимательством, было подавлено, потому что этим и заниматься-то было невыгодно: зачем заниматься чем-то, если можно купить доллары на валютной бирже, продержать их какое-то время на своем счету, потом точно так же продать в конце года и получить астрономические доходы? И естественно, возник своего рода насос, который отвлекал все финансовые ресурсы.

Кстати, впоследствии таким насосом стала пирамида ГКО. Но насос 1992 года был гораздо более мощным, поскольку позволял получить во много раз большую прибыль и обеспечить первичные накопления дорвавшей до власти номенклатуре в десятки раз более эффективными способами. Более того, это был насос, который кроме денег еще высасывал из экономики энергию. Ведь энергия экономической системы — это предприниматели, а они были отвлечены возможностью обогащаться на изменении курса доллара.

Позволю себе короткое отступление о заинтересованных в этом финансово-банковском беспределе лицах. Почему Верховный Совет России не противодействовал «шоковой терапии?» Во многом это объясняется тем, что он получил контроль над руководством Центробанка и весь 1992 год, когда происходило это колоссальнейшее первичное обогащение с помощью административно-командных рычагов под красивые слова о реформах, Верховный Совет России, управляя банковской системой, мог решать, кому раздавать кредиты, какие финансовые потоки куда направить. Поэтому тогда для него не имело смысла бороться с реформаторами, достаточно было лишь симулировать борьбу в расчете на некие возможные политические виражи, что и произошло.

Яркий пример того, как делались в то время под прикрытием государства миллионные состояния, приводит в своей книге «миллионер» Артем Тарасов. Это всего лишь один из эпизодов деятельности некоего Илюши Медкова, начинающего миллионера, на которого, по его собственному признанию, «работали» 40 бывших членов ЦК КПСС. И это в 1992 году, когда Ельцин уже разогнал КПСС и развалил СССР. Тарасов с нескрываемым восхищением описывает предпринимательский талант Медкова. «Все это было у него уже в 1992 году, когда о приватизации еще только думали Чубайс и остальные! Когда я помог Илюше открыть его первый счет в Англии, он тут же, не глядя, положил туда восемнадцать миллионов долларов. Заодно он переманил к себе на работу представителя России в Европейском банке реконструкции и развития, предложив ему трехкратный по сравнению с прошлым оклад»¹. Медкову было тогда всего 26 лет. По словам Тарасова, это была знаковая фигура, отражающая размах происходящего в России.

Тарасов пишет, что однажды Медков обратился к нему с просьбой помочь с переводом наличной валюты в банк: «Артем Михайлович, вы можете класть наличную валюту в банк? Только мне нужно очень много, около 100 миллионов долларов в день наличными. Я буду их на самолете привозить, я недавно специальный самолет купил». И он стал перевозить...» Медков не скрывал секрет столь успешного бизнеса: «Вы, наверное, слышали, что несколько месяцев назад Внешэкономбанк объявил себя банкротом... На самом деле там на счету оставалось восемь миллиардов долларов. Так вот клиентам банка предлагается — неофициально, разумеется! — заплатить, чтобы вытащить оттуда часть своих денег, иначе они исчезнут совсем... Сначала это стоило десять процентов, потом двадцать, а сейчас доходит

¹ Тарасов А. Миллионер. — М.: Вагнус, 2004. С. 62–63.

и до тридцати. Деятели из Внешэкономбанка наняли множество курьеров, таких, как я, с самолетами... Вот мы и возим наличность за границу, кладем ее в банк и получаем свои проценты... Я понимаю, что делаю что-то неправильное... Но ведь закон, если он есть, должен прежде всего соблюдаться самим государством! Если оно само просит меня делать то, чем я занимаюсь, значит, это государственное поручение! Я ведь прекрасно понимаю, что эта деятельность согласована с Верховным Советом и наверняка с председателем Центробанка...»

«За несколько дней этой грандиозной аферы, — продолжает Тарасов, — наличность Внешэкономбанка была вывезена полностью!»

Но история на этом не заканчивается. «В январе 1993 года, когда денег во Внешэкономбанке-“банкроте” действительно не осталось, а на заграничных счетах аферистов осело около двух с половиной миллиардов долларов, была проведена новая комбинация — вдруг ни с того ни с сего доллар начал бешено падать в цене по отношению к рублю... Люди бросились в обменные пункты и банки сдавать наличность...

А Центробанк играл на понижение... Он просто устанавливал государственный обменный курс. Эти доллары пополняли кассу несуществующего Внешэкономбанка — единственного, кто имел тогда право на операции с валютой. После чего курьеры грузили мешки в самолеты и увозили доллары за границу...

Центробанк вместе с Внешэкономбанком находились в подчинении Верховного Совета. Поэтому, скорее всего, — заключает Тарасов, — эти деньги так и уплывали мимо Ельцина и его окружения — вплоть до осеннего расстрела Верховного Совета и ареста Хасбулатова с Руцким»¹.

¹ Там же. С. 66.

Медкова застрелили за несколько дней до этого, в октябре 1993 года.

История с Медковым, у которого работали, по его словам, 40 бывших членов ЦК, представляется типичной схемой, в которой явно видны механизмы конвертации власти в собственность. Те же самые чиновники выступают под прикрытием молодых отчаянных голов, мнящих себя новым поколением деловых людей, новыми хозяевами жизни, которые на самом деле являлись «расходным материалом» для сколачивания состояний и которых за просто убирали как справившихся с поставленной задачей.

С манипуляциями в финансово-банковской сфере связаны и упомянутые ранее скандалы с фальшивыми авизо: в условиях, когда за год цена денег изменялась в 100 раз, очень трудно было посчитать, сколько денег находится в обращении, отличить настоящие авизо от фальшивых.

Другие скандалы были связаны с существованием рубля во всех странах СНГ, поскольку сохранялась централизованная рублевая эмиссия, с одной стороны, а с другой — рубли могли эмитировать и в других республиках. В результате непонятно было, кто за что отвечает, и только лишь в 1993 году, когда во всех странах СНГ были введены свои валюты и рубль перестал быть расчетной единицей стран СНГ в целом, эта лазейка была закрыта.

В том же 1992 году, когда только что развалился Советский Союз, а в России действовало правительство Гайдара, в масштабах СНГ расчеты, к сожалению, осуществлялись бесконтрольно. Вся страна превратилась в огромную площадку для финансовых махинаций.

При этом, как уже говорилось, вся энергия и деньги были отвлечены, и те, кто хотел заниматься реальной инновацией и предпринимательством, были далеки от перераспреде-

лительных механизмов и не могли, естественно, в них участвовать.

И наконец, еще один момент: теория Гайдара о потребительском рынке, о потребительском спросе, о соответствии спроса и предложения. Гайдар считал, что рынок сам все будет определять и выяснится, какие отрасли имеют возможности для развития, какие предприятия могут развиваться, по принципу «выживает сильнейший». То есть, если предприятие соответствует новым рыночным условиям, оно выживет, если же не соответствует — не выживет.

Часто можно услышать, что благодаря Гайдару и его политике цен и свободы торговли появились ларьки, и мы смогли купить «Сникерсы», «Марсы», жвачку и другие товары, в основном китайского и турецкого производства, на рынках. Это декларировалось как огромное достижение Гайдара. Но единственным достижением в этой области было то, что энергия челночников все-таки помогала развитию экономики, потому что позволила достаточно большой группе людей, лишенных возможности реализоваться в других сферах, хотя бы какой-то деятельностью заниматься и обеспечивать себя.

Конечно, механизмы торговли важны, и они действительно были подключены в этот момент, но, на мой взгляд, никакой заслуги «шокотерапевтов» в этом нет. Активизация торговли и торговой инфраструктуры происходила вовсе не благодаря реформам Гайдара, а как процесс, естественный для любых экономических преобразований. Поэтому если бы даже экономические преобразования проводились разумным путем, то все равно возникли бы мелкие независимые торговцы, все равно оптовая и розничная торговля стала бы быстро развиваться. Просто эта сфера гораздо быстрее других сфер поддается развитию, не надо особых усилий для того, чтобы развить торговлю на низовом уровне. Здесь подгонка спроса и предложения происходит дос-

таточно быстро и действительно, в этой сфере никаких проблем нет.

Другое дело, что как только мы поднимаемся на более высокий уровень (от розничной и даже от оптовой торговли — на рынок средств производства), мы подходим к обороту материалов, оборудования, сырья и видим, что там как раз уже происходят совсем другие процессы и в этой области государственное регулирование становится необходимым, потому что оно выполняет функцию подстраховки от негативных явлений. Скажем, здравая идея о том, что не надо государству вмешиваться в торговлю пончиками, не должна доводиться до абсурдной идеи, что государству не надо вмешиваться в торговлю нефтью и газом, которая является в наших условиях главным доходом бюджета, обеспечивая его более чем на 50%. Естественно, государство не может находиться в стороне от этого.

Кроме того, нефть и газ, или энергоносители, позволяют фактически задавать параметры всей экономике, поэтому государство и по этой причине не вправе не обращать на это внимание. Рынок не может отрегулировать все по определению, он может отрегулировать только определенные ниши, осуществить некоторую подгонку спроса и предложения, прежде всего через каналы розничной и оптовой торговли выявить потребительский спрос и структурировать его, в некоторых случаях перенаправить. Этот механизм конечно же необходимо запустить, но нет никаких оснований предполагать, что только этот механизм разрешит все проблемы и в результате приведет по цепочке к тому, что будет запущена вся система межотраслевой конкуренции, «перелива» капиталов и выживания наиболее приспособленных предприятий. Ничего подобного не происходит, если мы поднимаемся на чуть более высокий уровень, чем рознично-оптовая торговля.

Предоставленные сами себе предприятия, которые ранее были частью единого народно-хозяйственного комплекса, оказываются в совершенно разных позициях. Те предприятия, которые, может быть, и были перспективны и требовали каких-то инвестиций, неожиданно в этот момент остаются в проигрыше. Никаких инвестиций у них не может быть, поскольку собственных источников для финансирования у них нет, а из-за деформации всей экономической системы эти предприятия не могут получить инвестиции в другом месте через финансовую систему, поскольку вся финансовая система вовлечена в валютные спекуляции, прибыльность которых гораздо выше. Невозможно привлечь инвестиции и на Западе, о чем мы будем говорить дальше. И из-за невозможности инвестировать в суперперспективные проекты эти предприятия начинают загнивать; оборудование — разрушаться, ресурсы — истощаться. Постепенно с предприятия уходят работники и происходит остановка производства. В результате выживают вовсе не самые сильные и перспективные с точки зрения народного хозяйства и с точки зрения конкурентоспособности предприятия, о чем пойдет речь дальше.

История о 24 миллиардах и просроченных йогуртах

В апреле 1992 года с трибуны Съезда народных депутатов Гайдар объявил о многомиллиардной помощи новой России, которая вот-вот должна прийти с Запада. Называлась даже цифра — 24 миллиарда долларов. Речь шла о кредите, который якобы собирались предоставить развитые страны в поддержку российских экономических реформ. Газеты того времени пестрели заголовками о том, что если Гайдара от-

правят в отставку, Россия потеряет 24 миллиарда долларов. Создавалось впечатление, что если вдруг во главе правительства не будет Гайдара, то Запад перестанет помогать.

Но деньги, обещанием которых Гайдар буквально спекулировал, стоя на трибуне съезда, так и не были получены ни тогда, ни позже, несмотря на последовавшие заверения Ельцина, о том, что команда Гайдара в отставку не уйдет и будет жить дружно. Многомиллиардные инвестиции оказались лишь пропагандистскими обещаниями.

В то же время суммы, которые были получены Россией от Международного валютного фонда, в который мы поспешили вступить и который нам, по существу, был не нужен, выдавались с огромным количеством обременений и кучей условий. Дело в том, что МВФ дает деньги не с коммерческими целями, а с политическими, для того чтобы страна проводила определенную, выгодную для Запада, политику. Нам дали небольшую по меркам МВФ сумму и заставили полностью согласовывать экономическую политику страны с МВФ. Нужно ясно понимать, что те ценности, которыми так гордится Запад: демократия, рыночные отношения, свобода личности — не являются исключительно западными ценностями. Это итог развития всей мировой цивилизации. Те же представления о западных ценностях, о свободном рынке, которые буквально навязывались МВФ России в результате гайдаровских реформ, были лишь узкой интерпретацией, выгодной определенным силам.

Денег зря не дают. Этого не мог не знать Гайдар, написавший еще в 1989 году, когда еще заведовал отделом журнала ЦК «Коммунист», статью именно с таким названием. В ней он, в частности, предупреждал об опасности путать западные фирмы с благотворительными обществами. «Надо, — писал он, — как можно скорее избавляться от наивной веры, что зарубежные партнеры, заботясь о своей выгоде, не забудут и про нашу, освободят от необходимости самим ду-

мать, самим принимать оптимальные решения. Ведь в любом случае отвечать за них приходится уровнем народного благосостояния»¹. Написал он правильно, а действовал в точности наоборот. Делалось все, чтобы на международной арене Россия привычно занимала униженно просительную позу, с благодарностью, как великую услугу, принимая кредиты, под которые Запад с превеликой выгодой для себя сбывал нам излишки своего продовольствия, поддерживая тем самым за чужой счет свою экономику. Валентин Павлов в этой связи приводит в своих воспоминаниях эпизод с американской гуманитарной помощью в виде армейских пайков, так называемых *brown bags*, оставшихся в Западной Германии после вывода оттуда американских войск. При Гайдаре эти залежалые запасы, эти «просроченные йогурты», нам «навернули» в порядке увеличения нашей общей задолженности. Курьезность ситуации состоит в том, что в свое время то же правительство Павлова вело переговоры о том, чтобы вывезти оставшееся на американских военных складах продовольствие бесплатно. Именно в такой постановке вопроса проявлялся здравый, обоюдовыгодный коммерческий расчет. Дело в том, что везти продукты назад в Америку было невыгодно, а продать на месте — невозможно. Хранение их тоже было бы обременительным. Если бы нам их отдали бесплатно под условие «самовывоза», то это было бы выгодно обеим сторонам.

Трудно отделаться от впечатления, что те обещанные 24 миллиарда были лишь наживкой, на которую с радостью клюнул Гайдар. Западу незачем было даже давать эти деньги, с какой готовностью молодые реформаторы бросились выполнять указания МВФ.

Откуда же возникла эта цифра в 24 миллиарда и в чем действительная причина отказа Запада от выполнения дан-

¹ Коммунист, № 2. 1989.

ных обещаний? Поиски ответа на этот вопрос раскрывают истинное отношение Запада к России, к реформам и реформаторам начала 90-х.

В той же книге Павлова рассказывается о неофициальных переговорах, которые вело советское правительство с бизнесменами и представителями государственного аппарата США при посредничестве президента фонда «Призыв совести» раввина Шнайдера. Основным вопросом переговоров был пакет предложений со стороны Советского Союза об инвестициях в советскую экономику. Речь шла о взвешенном плане перехода советской экономики к рынку, для реализации которого предполагалось осуществить инвестирование экономики за счет зарубежных средств в размере 24 миллиардов долларов. «Цифра эта, — как утверждает Павлов, — родилась в результате тщательнейших анализов всей совокупности рыночных преобразований и подразделялась на три составляющих: треть средств пошла бы на закупку импортных товаров народного потребления, треть — на закупку оборудования для легкой, пищевой и перерабатывающей промышленности, а еще треть — на создание машиностроительной базы для отечественного производства такого оборудования, включая, разумеется, конверсионные расходы... При этом он [план] предусматривал... не только кредиты, но и прямое участие иностранных компаний в структурной перестройке советской промышленности». Далее Павлов заключает: «Конечно, этот план должен был подкрепляться целым комплексом внутренних мер, подготавливающих страну к рынку, — денежно-финансовых, законодательных, налоговых и т.д. Но если говорить о главном, то суть его сводилась к следующему: он так оптимизировал задачу рыночных преобразований, что в 1990—1991 годах для структурной перестройки советской промышленности, экономики в целом требовалось примерно пять лет и всего лишь 25 миллиардов долларов (Павлов по советской

привычке увеличил 24 миллиарда до 25, как он выразился для «круглого счета» — А.Б.)».

Конечно, можно высказывать сомнения, относительно реалистичности подобного проекта, но преимущества его очевидны. По крайней мере, они были несомненны и для американской стороны. Концепция инвестиций в советскую экономику получила положительный отклик среди американских деловых кругов и была взята на «глубокую проработку». В результате были сформулированы и некоторые принципиальные условия. Условие, которое должен был выполнить СССР, состояло в обеспечении политической стабильности и предоставления гарантий необратимого движения к рынку, что на тот момент представлялось, безусловно, выполнимым. Второе условие оказалось гораздо более сложным. Его выполнение зависело на этот раз исключительно от воли правительства США. Дело в том, что окончательное решение американских деловых кругов упиралось в нежелание американского правительства взять линию на поддержку частных инвестиций в экономику СССР. Госдеп волновали исключительно политические аспекты перестройки, а не вопросы партнерского экономического сотрудничества. СССР оставался стратегическим соперником США. В результате в инвестициях Советскому Союзу было отказано, и отказано как серьезному экономическому конкуренту.

Та же самая цифра в 24 миллиарда возникла вновь в 1992 году, уже в качестве обещаний со стороны Запада. Но то были не реальные инвестиции, которых Россия так и не дождалась, эти обещания играли роль пропагандистской приманки, за которую с беззаветной радостью ухватилось гайдаровское правительство, продолжая свой курс «шоковой» терапии под руководством Джеффри Сакса и Ослунда Андерса. Гайдар и его команда оказались столь усердными неофитами свободного рынка и в этом смысле чрезвычайно

удобными с точки зрения Запада, что могли обойтись одними обещаниями западных инвестиций и с радостью оправдать высшими макроэкономическими смыслами любой самый невыгодный для России кредит и согласиться загонять экономику страны под любые условия МВФ для стран третьего мира.

ЭТАП ВТОРОЙ. БОЛЬШОЙ СКАЧОК

ПРИВАТИЗАЦИЯ

«В начале славных дел»

Приватизация формально началась в России в августе-сентябре 1992 года, но споры о том, как ее проводить, велись задолго до этого. Вспомним, что уже в 1990 году Верховный Совет России принял закон о приватизационных чеках, предусматривающий вариант бесплатной раздачи именных приватизационных чеков населению и последующий механизм приватизации предприятий. Но затем в пылу политической борьбы этот закон был забыт.

В этот момент разгорелась схватка между союзным центром, с одной стороны, и Ельциным, его кабинетом, Верховным Советом России — с другой. Вступили в конфликт союзные и российские законы, и было не ясно, какими из них следует руководствоваться. Более того, Ельцин пошел по пути подрыва союзной системы законодательства и налогообложения, декларируя подчиненность предприятий российским органам власти. Это дезорганизовывало экономические процессы, выходя из союзного подчинения,

предприятия не переходили сразу в российское, но зачастую оказывались в «безвоздушном пространстве».

Многие крупные российские предприятия извлекали из конфликта союзной и российской властей немалую выгоду: им удавалось уклоняться как от платежей в бюджет, так и от контроля за их деятельностью, поочередно имитируя подчинение то российскому, то союзному правительству. В союзных республиках этот процесс принял еще более тяжелую форму, поскольку местная бюрократия фактически уже задолго до Беловежской Пуши осуществила прорыв к независимости от федерального центра, прежде всего от налогообложения и иных платежей в бюджет.

Итак, схема приватизации была разработана Верховным Советом России в 1990–1991 годах. Аналогичные планы существовали и на союзном уровне: там также были созданы органы, которые должны были впоследствии проводить приватизацию. Правда, на союзном уровне этот процесс шел не так быстро; предполагалось, что приватизация будет проводиться медленнее и в основном на платной основе. В российских масштабах приватизацию в тот момент курировал Михаил Малей, а в союзных — Ассикритов, возглавлявший недолго существовавшее ведомство по распоряжению имуществом СССР.

Но поскольку Советский Союз приказал долго жить, центр принятия решений в области приватизации переместился на российский уровень. А это был один из важнейших вопросов политики и экономики, поскольку речь шла о святой святых номенклатуры — общенародной собственности. Этой собственностью она давно мечтала распорядиться, и вот теперь благодаря Ельцину наиболее изворотливые из бывших коммунистических лидеров оказались в очень выгодном положении, для того чтобы завладеть общенародной собственностью и распорядиться ею как частной.

Отец ваучерной приватизации

К концу 1991 года Госкомимущества вместо Малеев возглавил Анатолий Борисович Чубайс. Он сразу же приостановил реализацию идеи приватизации по так называемым именованным чекам и почему-то вообще резко выступил против бесплатной раздачи ваучеров. Отец ваучерной приватизации начал с того, что всеми силами боролся против нее и смог на некоторое время заморозить! Этот факт сегодня просто забыт. Думаю, на то было две причины.

Во-первых, по-видимому, к тому моменту как Чубайс оказался у руля Госкомимущества, выдвинувшая его, Гайдара, да и в принципе Ельцина группировка просто была еще не готова к захвату государственной собственности. Ей необходимо было время, чтобы подготовиться, создать соответствующую инфраструктуру, наладить схему мошенничества, накопить средства.

Накопление предполагалось произвести через «шоковую терапию». С ее помощью можно было изъять все средства у населения и обесценить рубль. Когда количество рублей в обращении станет огромным, накопления у тех, кто их имел, просто обесценятся; за это время можно было дать «заработать» значительные капиталы своим структурам. В период «шоковой терапии» при падении курса рубля в 100 раз удавалось извлечь стократный доход, задерживая расчеты или получая кредиты. Но доступно это было только тем, кто в тот момент находился в правительстве и все эти расчеты курировал. В одночасье к середине 1992 года эти люди, фактически ничего не делая, стали богаче в десятки и сотни раз. И этого Чубайс, будучи человеком хитрым, не мог не предвидеть.

С другой стороны, вероятно, Чубайс, как человек амбициозный, хотел возглавить процесс приватизации, присвоить лавры «приватизатора», а если бы все происходило соглас-

но закону, принятому Верховным Советом, то это едва ли удалось бы: до этого вопросами приватизации ведал Малей.

Инфраструктуры для манипуляций процессом приватизации были мастерски созданы Чубайсом с помощью американских советников, некоторые из них у себя на родине впоследствии даже попали под суд: недавний процесс в Бостоне над гарвардскими специалистами Джонатаном Хейем и Андреем Шлейфером тому пример.

Итак, инфраструктура была оперативно создана в 1992 году, дружественные реформаторам организации накопили средства с помощью задержек платежей и получения кредитов. В момент банкротства Внешэкономбанка очень многие заемщики почему-то не вернули кредиты; на эти средства, вероятно, и скупались чеки во время начавшейся приватизации. Другой разновидностью махинаций было получение кредитов с помощью фальшивых авизо. «Корни» многих олигархов и финансистов, банкиров растут именно отсюда.

Экономические реформы: буря и натиск

Финансовая база была создана, личные амбиции Чубайса удовлетворены, и в августе он вдруг неожиданно объявил, что срочно начинает ваучерную приватизацию.

Реформаторы вообще любили делать все быстро, стремительно. Так действовал и Гайдар, и Чубайс, так будет действовать впоследствии Кириенко, организовавший дефолт. Когда действуешь быстро, нет никакого контроля; кроме того, надо просто успеть осуществить задуманное по принципу «куй железо, пока горячо».

Что же касается решительности Чубайса, то она, как всегда, была обоснована с помощью привычных штампов. Есте-

ственно, приватизация должна была создать базу для среднего класса, сделать невозможным возврат коммунизма. Опять стали озвучиваться страшилки о том, что коммунисты только и ждут, чтобы захватить власть и повторить 1937 год. В этом Чубайсу помогали определенные силы в Верховном Совете России, которые как по команде предпринимали наскоки на него, требовали его отставки, швыряли ему в лицо ваучеры, как делал небезызвестный депутат Челноков.

В результате Чубайс выглядел пробивающимся сквозь мощные заслоны героем, борцом с коммунизмом. Внимание общественности концентрировалось на этой борьбе и отвлекалось от сути вопроса: что и как будет делаться.

В своих интервью Чубайс постоянно доказывал, что надо как можно быстрее раздать собственность кому угодно (о том, что на самом деле она раздавалась кому надо, умалчивалось). Чубайсу собственность, по словам героя известного фильма, «жгла карман». Людям объясняли, что, если быстро раздать все, коммунизм будет побежден окончательно, бесповоротно, его реставрация станет невозможной, новые собственники будут защищать свою собственность и, таким образом, образуется широкий класс поддержки президента, реформ, демократии. Не надо быть гением, чтобы понять, что это объяснение не выдерживает никакой критики. Борьбой с коммунизмом и Гайдар в 1991 — 1992 годах прикрывал свои реформы, и впоследствии Чубайс — вакханалию с приватизацией. Этот же козырь использовался на выборах президента в 1996 году. Позже прозвучит известная фраза Чубайса о забивании гвоздей в крышку гроба, непонятно, правда, чьего, потому что в тот момент речь шла о Коржакове, Барсукове и Сосковце, не имевших отношения к коммунизму. Но, очевидно, у Чубайса просто другой терминологии в запасе не было. Так что ссылки на эту борьбу будут использоваться еще долго.

Итак, в 1992 году говорилось о необходимости дать массовую поддержку реформам, демократии и президенту путем быстрой приватизации. Естественно, если бы собственность делилась справедливо, если бы приватизация была проведена умно и правильно, она дала бы огромную поддержку президенту, заложила бы на долгие годы фундамент для развития экономики. Но никакая быстрая раздача собственности «своим» не могла дать президенту действительной поддержки, поскольку вызывала большие сомнения и только подрывала его позиции в долгосрочной перспективе. Обеспечена была лишь поддержка кучки приближенных к президенту людей, заинтересованных лично в его режиме и готовых биться вместе с ним за то, чтобы дальше обворовывать остальной народ.

А с точки зрения закладывания фундамента экономической и политической системы это было принципиальной ошибкой. Такая скоропалительная и не поддерживаемая народом приватизация ставила собственников в двойственное положение. Они уже с самого начала чувствовали себя какими-то мошенниками, к которым собственность попала не вполне законным путем. А если человек осознает, что получил имущество не совсем заслуженно, в результате манипуляций, он чувствует себя неуверенно и не может это имущество полноценно использовать, инвестировать в него.

Надо было не спешить с созданием базы из сомнительных людей и организаций, а формировать фундамент из нормальных собственников, которые получили бы предприятия в результате своей активной деятельности, рационализаторских предложений, изобретательства, внедрения новых форм хозяйствования, эффективного управления, стимулирования инноваций. Такие собственники, накопив капиталы и вкладывая их, постепенно приобретали бы предприятия, и так шел бы процесс, который, наверное, поддерживался бы в обществе, и сами эти люди осознавали бы, что приобрели

свою собственность заслуженно. И таким образом, в стране возникло бы огромное количество людей, уверенных в том, что они на совершенно законном основании владеют своими предприятиями, своим делом, стремящихся его развивать.

«...Плюс ваучеризация всей страны»

Но Чубайсу до всего этого дела не было. У него была другая задача — побыстрее распихать все наиболее ценное по нужным людям. Приватизация остальных объектов — мелких предприятий, магазинчиков и рестораничков, а также массовая приватизация жилого фонда должна была выполнять функцию прикрытия бандитских акций по захвату лучших предприятий, которые за бесценок ускоренными темпами передавались своим людям. Подобным образом чеченские боевики прикрывались детьми и женщинами, чтобы избежать обстрела федеральными войсками.

Итак, стремительная приватизация заведомо не могла дать ничего хорошего. Быстро хорошо не бывает.

Извращена была и сама идея ваучерной приватизации, которую Чубайс вначале, когда ее выдвигали другие, отвергал, а затем, за год развернувшись на 180 градусов, принял и присвоил.

Было сделано все возможное, чтобы ваучеры обесценились, чтобы они могли быть скуплены за копейки разного рода чековыми инвестиционными фондами у людей, не располагавших информацией о том, как их разумно вложить. Население восприняло это как колоссальный, грандиозный обман — ведь Чубайс по телевизору пообещал всем по две «Волги»! И в общем-то, с учетом стоимости национального богатства, если бы приватизация была проведена честно,

так и должно было быть. Действительно, можно было сделать так, чтобы рядовые жители страны получили определенные доходы от приватизации.

Более того, именно такой должна была быть главная цель ваучерной приватизации в отличие от приватизации платной: чтобы каждый человек получил свою гарантированную небольшую долю, даже если он сам не мог участвовать в приватизации в качестве предпринимателя, не имея необходимых способностей, связей, сбережений или возможности взять кредит. Ведь речь шла о собственности, которая создавалась 70 лет всем народом!

На этом этапе общенародная собственность должна была трансформироваться частично в государственную, а частично в частную. То, что подлежало трансформации через раздачу и продажу в частную собственность, должно было быть рассчитано, и часть, причитающаяся каждому человеку, должна была быть ему выдана, потому что люди заслужили эту часть, три поколения их предков и они сами ее заработали. Вот в чем состояла идея чековой, ваучерной приватизации: учесть каждого гражданина страны, дать ему сразу деньги, которые он мог бы либо держать в банке, либо инвестировать, либо использовать по своему усмотрению для приобретения товаров долгосрочного пользования.

Таким образом, действительно создалась бы некая база для стабильности и дальнейшего развития отношений собственности. Но эта хорошая, гениальная идея была извращена, выхолощена, доведена до абсурда, смысл закона и технология его исполнения были фальсифицированы. Люди так и не смогли получить эквивалент своей доли общенародной собственности, поскольку им выдавались на руки какие-то безымянные чеки. Это уже само по себе было неправильно — чеки должны были быть именными.

Кроме того, чеки не имели гарантированной государством стоимости. Заранее предполагалось, что они будут прода-

ваться и покупаться. Государству следовало гарантировать стоимость чеков через государственный банк и позволить людям открывать счета (подлежащие фиксации в твердой валюте и потому не подверженные инфляции), по которым начислялись бы проценты, деньги с которых могли быть использованы только на приобретение акций и таких товаров долгосрочного пользования, как квартиры, дома, дачные участки, машины. Эти счета носили бы именной характер и обеспечивались бы товарной массой. Они не должны были, разумеется, смешиваться с остальными деньгами, обесцененными в результате гайдаровской «шоковой терапии».

Но все произошло совсем по-другому — каждому человеку после заявления Чубайса о двух «Волгах» была выдана филькина грамота, неименной кусочек бумажки, который можно было продавать и покупать. Неудивительно, что организованные при поддержке самого же Чубайса чековые фонды стали, чтобы сбить цену на ваучеры, скупать их за копейки, а потом уже сами вкладывать в акции предприятий. Таким образом, люди, которые должны были получить в результате приватизации, как минимум, по десять тысяч долларов каждый, получили в тысячу раз меньше. А некоторые и вообще не ходили получать ваучеры, поскольку уже заранее понимали, что все, что связано с Чубайсом, не принесет ничего хорошего, а бутылка водки, которую можно было купить на ваучер, их не интересовала.

Эти люди были не просто разочарованы. У них зародилось явное недоверие, они поняли, что их надули, обманули, они были настроены против приватизации и новых собственников. А тысячекратная прибыль осела в чековых инвестиционных фондах, руководимых Чубайсом, тесно связанных с региональными и центральными комитетами по управлению государственным имуществом, которые оказались посредниками между акционирующимися предприятиями и населением. То есть они обобрали население, а потом в сго-

воре с предприятиями, тесно связанными с органами Госкомимущества, определяли порядок и условия их акционирования.

Этот процесс приобрел чисто номенклатурный характер, поскольку основными действующими лицами в нем оказались директора предприятий, а население было отторгнуто, у него не было никакой реальной информации о том, акции каких предприятий можно купить и каким образом это сделать. То есть информация давалась, но в такой форме, что обычные люди не могли ее понять и воспользоваться ею.

И если работники хороших предприятий имели возможность хотя бы вложить ваучеры в свое предприятие, то очень большая группа людей — бюджетники, работники отраслей, где нечего приватизировать, были в полной растерянности. Что можно приватизировать, допустим, в школе или в собесе? То есть работники бюджетных организаций или же учреждений, не подлежащих приватизации, акции которых не продавались, были ущемлены уже тем, что они не имели ни информации, ни возможности непосредственно вложить ваучеры. Снова происходило совершенно ненужное расслоение людей. Этого можно было легко избежать, предусмотрев другую схему, если, кроме того, не торопиться. Как минимум проблема информированности населения в отсутствие спешки была бы решена.

«Красные директора» в сговоре с Госкомимущества

Однако Чубайс в этом заинтересован не был. Именно спешка была выгодна директорам, прежде всего, как ни странно, «красным директорам». Вспомним: Ельцин пришел к власти при поддержке нескольких групп — местных

«князьков», «оборотней»-федералов, «коммунистов за демократию» (перерожденцев, обрядившихся в демократические одежды и оказавшихся вместе с Ельциным на баррикадах) и наконец, номенклатурного капитала «красных директоров».

«Красные директора» к этому моменту переориентировались и оценили преимущества новых условий. Они создали себе «запасные аэродромы», различные подставные фирмы и очень хорошо вписались в эту систему вместе с подконтрольными Чубайсу чековыми инвестиционными фондами: через подставные фирмы они перекупали акции у своих сотрудников, получая контрольные пакеты, и договаривались с чековым инвестиционным фондом, подконтрольным местному органу управления имуществом. Фактически система Госкомимущества превратилась в финансовую группировку, потому что «красные директора», захватывающие предприятия, с ней договаривались, и она так или иначе участвовала на паях в акционировании любого предприятия.

Фактически Госкомимущества преобразовалось в корпорацию по продаже политического влияния от имени Ельцина и его ближайших приспешников. Следовательно, те, кто пришел к власти под вывеской Ельцина, не прогадали. Чубайс помог им осуществить захват предприятий, которыми они ранее управляли, и их положение только упрочилось: если при советской власти директора крупного или среднего предприятия за плохую работу, например, обком партии мог снять с должности, то после такой приватизации директор стал фактически несменяемым. Даже совсем нерадивый руководитель, абсолютно не способный развивать предприятие, когда-либо случайно заброшенный судьбой (точнее, партийными органами) в директорское кресло, имея необходимые связи, мог войти в сговор с чековым инвестиционным фондом и местным органом госимущества, подчинен-

ным чубайсовской вертикали, этой гигантской корпорации по продаже влияния и власти, и стать как бы собственником предприятия. Так формировалась олигархическая система, которую мы сейчас имеем.

Все было сделано очень быстро, и такие «красные директора» к концу 1993 — началу 1994 года полностью захватили лучшие предприятия по всей стране. Может быть, на плохих предприятиях этот процесс не был таким стремительным, потому что там просто нечего было делить.

Таким образом, приватизация прошла в пользу «красных директоров», которые, казалось бы, должны были быть против реформ, против демократии. Они и в самом-то деле были против реформ и демократии. Тут следует опять вспомнить о двойственности номенклатуры. Конечно, среди них встречались и настоящие специалисты, но в основной своей массе «красные директора» — это люди, не умеющие работать, захватившие власть благодаря тому, что выслуживались перед начальством, глумящиеся над страной, которые всегда были и будут против настоящих реформ.

Появление Черномырдина. Хотели как лучше?

В конце 1992 года Гайдар был смещен с поста премьера, и на его место пришел представитель группы «красных директоров» — Виктор Степанович Черномырдин. Факт очень характерный: к этому времени номенклатура уже полностью приспособилась, она уже в совершенстве освоила демократическую фразеологию и лексику, которая еще пару лет назад была ей абсолютно незнакома, и начала активно рядиться в демократические одежды. Эти хозяйственники, немного поколебавшись, кому подчиняться — Союзу или России, уже в 1991 году перестроились и тайно поддер-

живали Ельцина, а потом, создав подставные фирмы, скопив деньги, с помощью разных манипуляций со своими подручными псевдобизнесменами усилили свое влияние еще в 1992 году и начали осуществлять чисто номенклатурную приватизацию.

К этому времени они уже настолько политически освоились и окрепли, что стали гораздо активнее вмешиваться и в процессы государственного управления. Им уже не нужна была ширма в виде Гайдара, и ее пора было убрать; пришел Черномырдин. Он, правда, оставил Чубайса: в отличие от Гайдара, Чубайс был не совсем ширмой, он был реальным человеком, который вел очень серьезное политическое направление (и кстати, был связан с Западом). Фактически им была создана с нуля настоящая корпорация, корпорация «Приватизация» — система органов управления государственным имуществом, превратившаяся в политизированную структуру типа КПСС, определявшую, кому и чем владеть, кому что иметь. Это был своего рода второй Совмин, правительство внутри правительства.

Так что последующие годы были уже годами совместного правления Черномырдина и Чубайса. Дальше эти двое уже идут неразлучно. Черномырдин — руководитель отряда «красных директоров», представитель той самой номенклатуры, которая имела разные обличья, но, в общем и целом, в виде так называемых «коммунистов за демократию» постепенно вошла в окружение Ельцина и стала его главной опорой.

Черномырдин был ярким проявлением двойственности номенклатуры, о которой уже было сказано. Эта двойственность могла наблюдаться даже в одном отдельно взятом представителе номенклатуры, поскольку он одновременно мог быть специалистом и профессионалом и номенклатурщиком в нехорошем смысле этого слова, то есть человеком, который просто удерживает политичес-

кую власть и с помощью разного рода приемов пытается сохранить свое положение, не имея никаких заслуг и не принося пользы обществу. Это все уживалось в Викторе Степановиче Черномырдине как раз очень ярко. И дело не в том, что он лично был чем-то хуже других кандидатов на пост премьер-министра. Просто к этому моменту класс «красных директоров» уже не нуждался в том, чтобы защищать старую советскую систему: он полностью обрядился в демократические одежды.

Корпорация «Приватизация»

Так была ли в результате приватизации создана база для среднего класса, была ли обеспечена необратимость реформ? Действительно, несколько тысяч номенклатурщиков, «красных директоров» оказались бизнесменами, предпринимателями, их организации были перелицованы в акционерные общества, а они через подставные фирмы приобретали контрольный пакет, либо просто государственные организации назывались коммерческими. Этот процесс, давший начало стагнации, остановивший реальное развитие предпринимательства, оставивший экономическую власть в руках этих людей, к сожалению, в 1992 году в значительной мере уже состоялся, и дальнейшие события 1993—1994 годов только закрепили его результаты.

Итак, приватизация была осуществлена не только неправильно, она на долгие годы подорвала возможность развития экономики страны. Она действительно создала определенный класс людей, которые держались за собственность и, казалось бы, являлись опорой режима. Но все они понимали, что получили эту собственность незаслуженно, как это уже произошло однажды 70 лет назад, вцепились в эту

собственность и выкачивают из нее соки, переводя деньги на заграничные счета. Понимали они также, что это не может долго продолжаться, что это процесс неправильный, нечестный. А население чувствовало себя обманутым. Широкой социальной базы проведения реформ не возникло, а номенклатурщики оказались спаяны круговой порукой.

Правда, поскольку собственность была нечестно приобретена с самого начала, пошли процессы перераспределения внутри этого класса по сценарию «вор у вора украл», попытки отобрать друг у друга незаконно захваченное. Отсюда борьба с Верховным Советом России в 1993 году, закончившаяся его расстрелом, залоговые аукционы, формирование олигархов.

Кроме того, подставные или вновь образованные структуры типа чековых инвестиционных фондов, финансовых компаний под руководством ставленников номенклатуры могли иногда даже вступать в конфликт со своими прародителями: вставшие на ноги «приказчики» старались отделаться от своих бывших хозяев, а точнее, старших партнеров в лице «красных директоров». Такое тоже зачастую происходило — не везде «красные директора» смогли удержать ситуацию под контролем. Но от того, что в какой-то ситуации «красный директор» доверялся какому-нибудь более изворотливому финансовому консультанту, тот его обманывал, присваивал предприятие, и «красный директор» извлекал не такую большую выгоду, как мог бы, суть дела не менялась. Все равно предприятие было присвоено, но только не старшим, а младшим партнером, не директором непосредственно, а например, его заместителем по финансам или его партнером из Госкомитета по управлению имуществом. Номенклатурной сути состоявшейся приватизации это никак не меняет: народ в ней абсолютно не участвовал, все осуществлялось на основе прямого сговора, никакие реальные торги — аукционы и конкурсы — не проводились, никакой

рыночной стоимости приватизируемых объектов никто не выяснял. Собственность была поделена, затем кто-то у кого-то что-то украл, кто-то кого-то обманул, а позднее уже на более высоком уровне кланы боролись за контроль над процессом, и все это вылилось в расстрел Белого дома в октябре 1993 года. Вот такой была наша российская приватизация.

Итак, приватизация в 1992 году заложила и фон, и основы функционирования российской экономики на долгие годы. Но решила ли она хоть одну проблему и были ли достигнуты хотя бы какие-то цели из тех, которые декларировались? Нет, эти цели достигнуты не были.

Приватизация должна была демонополизировать экономику, но дело приватизации фактически оказалось в руках «красных директоров» и номенклатурного капитала, то есть самых настоящих монополистов во всех сферах (ведь были не только естественные монополии, монополии существовали и в других отраслях). Естественные монополии получили возможность диктовать любые цены и навязывать всей экономике свои параметры, а другие, приватизированные монополии, тоже получили дополнительный импульс. Приватизированная монополия вдвое опаснее государственной, поскольку государственную монополию хоть как-то можно контролировать. Что уж говорить о естественных монополиях, которые освободились от социальных программ и, прикрываясь псевдолиберальной идеей свободных рыночных цен, просто извлекали неограниченные «частные» доходы, порою забывая даже (как показывает недавняя история с «ЮКОСом») с этих ничем не ограниченных доходов платить в бюджет налоги в размере двух-трех миллиардов долларов в год. Фактически произошла приватизация доходов, притом что все расходы, как и ранее, остались бюджетными, государственными. Естественно, средств государства стало не хватать.

Государство передало новым собственникам монопольные доходы, ограниченные лишь платежеспособным спросом, и отказалось в пользу этих компаний от абсолютной дифференциальной ренты и прибыли от экспортно-импортных операций.

Между тем ограничить монопольные доходы лишь платежеспособным спросом и отказаться от какого-либо воздействия на сверхмонополистов было безумием. Необходимость же абсолютной дифференциальной ренты, отсутствие которой до сегодняшнего дня подрывало развитие страны и не дает осуществить реформы, прежде всего в топливно-энергетическом комплексе, сейчас уже не вызывает сомнения.

Нельзя было приватизировать и прибыль от экспортно-импортных операций. В стране, какой являлся Советский Союз и впоследствии Россия, вся структура экономики была выстроена таким образом, что экспортно-импортные операции в значительной степени должны были регулироваться государством.

Конечно, доходы от экспортно-импортных операций можно было контролировать не только через собственность, но и через другие механизмы, но в целом следовало бы предусмотреть изъятие этих доходов или, во всяком случае, не допустить их приватизацию какими-либо коммерческими структурами. Что же касается налогообложения приватизированных предприятий, то это самая большая проблема, поскольку одной из идей приватизации было как раз повышение уровня налогообложения. Считалось, что в рыночных условиях приватизированные предприятия станут платить больше налогов, так что государство, утратив собственность, выиграет от возросших налоговых поступлений, потому что предприятия-налогоплательщики наладят эффективное управление, привлекут инвестиции, будут заниматься инновациями, обеспечат себе экономический

рост. Но этого не произошло. Ни экономического роста, ни увеличения налогообложения на сегодняшний день не наблюдается. Самое интересное: чем успешнее работает предприятие, тем больше вопросов вызывает его налогообложение. Это касается тех отраслей, где приватизация действительно оказалась полезной, а именно — торговли, сферы обслуживания, недвижимости.

Налогообложение увеличилось, но не в ключевых отраслях, где сосредоточились максимальные доходы. Многочисленные исследования подтверждают, что добывающие компании, в частности «Газпром», после их формальной приватизации не стали платить больше, не говоря уже о компаниях витебского комплекса и некоторых других.

Нельзя не назвать и еще один отрицательный результат приватизации. Несмотря на то, что в названии ведомства государственного имущества фигурировало слово «управление» (например, «Госкомитет по управлению имуществом»), то есть из самого названия следовало, что имуществом надо управлять, управление имуществом, к сожалению, через приватизацию было утеряно. Согласно концепции реформаторов государственную собственность следовало в сжатые сроки передать в частные руки, и затем проблема контроля государства над собственностью снималась. Кстати, интересно проследить эволюцию самого ведомства государственного имущества и его статуса. Если в начале Госкомимущества возглавлял вице-премьер правительства, то после завершения массовой приватизации ранг его главы был понижен до министра, а после недавней реформы — до руководителя федерального агентства. Это соответствовало псевдолиберальной идеологии, согласно которой государство не должно сильно вмешиваться в деятельность частных, приватизированных предприятий.

Как будто государству может быть безразлично, как используется бывшая госсобственность, какова эффективность

состоявшейся приватизации и как приватизированные предприятия пополняют бюджет через налоги, как решаются социальные вопросы. И это притом, что многие предприятия на этапе приватизации давали конкретные инвестиционные и социальные обязательства. Можно ли в таких условиях говорить, что приватизация уже закончена, собственники заплатили деньги, предприятия стали частными, следовательно, государству до них нет дела? Во-первых, как эти деньги были заплачены — это отдельный вопрос. Уже в 1992–1993 годах, на первом этапе приватизации, суммы были достаточно небольшими, не соответствующими производственному потенциалу и возможностям приватизируемых предприятий. Однако впоследствии через залоговые аукционы предприятия-супермонополисты вообще практически бесплатно переходили в руки откуда-то взявшихся олигархов. Так что говорить о заплаченных деньгах не приходится.

Но даже если бы деньги были заплачены, все равно государство не должно было отказываться от управления экономикой. В отношении крупнейших предприятий государство просто обязано было осуществлять контроль, потому что эти предприятия играют слишком важную для страны роль. К сожалению, очень часто нарушались и корректировались в сторону уменьшения всевозможного рода запретительные списки, списки стратегически важных объектов. Так что вопросы безопасности были проигнорированы. Но и это опять-таки не самое главное.

Четыре составляющих провала

Вот четыре составляющих провала приватизации.

Первое. Приватизация крупнейших предприятий была лишь номинально платной, фактически они были переданы

новым собственникам за символическую плату. Более того, зачастую новые собственники не платили вообще ничего: на залоговых аукционах за государственное имущество вообще вносились государственные деньги.

То же самое в значительной степени происходило и на этапе ваучерной приватизации. Руководство предприятия скупало чеки у работников предприятий и, сосредоточив в своих руках практически контрольный пакет акций, вступало в переговоры с чековым инвестиционным фондом и с Госкомимущества или с его отделением на данной территории. Фактически шел торг, и если, допустим, директор уже скупил за бесценок 40% акций, он мог договориться с чековым инвестиционным фондом о том, чтобы в дальнейшем прийти к такой пропорции: 51% — директору, а блокирующий пакет — 25% плюс одна акция — чековому инвестиционному фонду, за которым стояло местное отделение Госкомимущества; оставшиеся акции могли раздать или даже продать на свободном аукционе, они уже были никому не нужны. Схема всегда была индивидуальной, поскольку каждый раз договаривались конкретные люди, общими же чертами были сговор и продажа акций за бесценок.

Второе. Приватизация предприятий-монополистов, особенно сырьевого сектора, не была необходимой. Мировая практика показывает, что они могут оставаться и остаются государственными. Например, нефтяные компании в Италии и во Франции. В развитых странах, причем даже в странах «семерки», газовые компании и компании связи очень часто являются государственными.

И в России отсутствовала необходимость в приватизации таких предприятий; она не достигла своей главной цели, декларировавшейся и пропагандировавшейся реформаторами — повышения эффективности работы и привлечения инвестиций. Считалось, что приватизированные предприятия должны увеличить эффективность работы за счет луч-

шего управления, большей заинтересованности собственника, хорошей организации труда; собственник, уверенный в том, что предприятие принадлежит ему, привлечет инвестиции. Однако именно здесь мы видим чудовищное противоречие. Никаких инвестиций вообще привлечено не было именно в самые лучшие предприятия, а эффективность их работы, наоборот, снизилась.

Усиление монополизма позволило увеличивать прибыль, причем при падении эффективности работы предприятий, нежелании снижать себестоимость, повышать производительность труда, внедрять новые методы управления и заниматься инновациями. С помощью монополистического установления цен и тарифов, их бесконечного повышения обирались другие предприятия, целые отрасли, сектора экономики и регионы. Вот чудовищное противоречие приватизации: не повышение эффективности, не привлечение инвестиций, а просто усиление монополизма и благодаря этому — получение возможности обеспечить любые финансовые показатели, ограниченные лишь платежеспособным спросом и дальше только аппетитами монополистов.

Третье. Приватизация стратегически важных объектов на самом деле всегда осуществлялась волюнтаристическим путем на основе штучных указов и постановлений, очень часто в нарушение законодательства, а тем более — законов конкуренции, часто вообще без каких-либо конкурсов и аукционов. Если проанализировать практику тех лет, мы обнаружим очень много примеров, когда приватизация именно крупных, стратегически важных, интересных с точки зрения развития экономики, с народно-хозяйственных позиций объектов осуществлялась просто по распоряжению президента или правительства.

В каждом случае устанавливались совершенно индивидуальные условия и никакой конкуренции не было. А идея приватизации — это конкуренция: приватизация, во-пер-

вых, должна обеспечивать конкуренцию и, во-вторых, должна проводиться в условиях конкуренции. Если приватизация не проводится в условиях конкуренции, то это не приватизация вообще. Для проведения приватизации необходима конкурентная среда. Только она позволит государству реально выявить наиболее заинтересованных потенциальных собственников и действительно обеспечит передачу предприятия тому, кто сможет им эффективно управлять. Ничего этого не было, никакой конкуренции не было ни до, ни после: приватизацию осуществляли «красные директора» в сговоре с местными комитетами по управлению имуществом. Конкурировать с ними на тот момент просто было некому, а после того как они это осуществили — тем более. Они подавили самые зачатки конкуренции: мелкие предприниматели, которые когда-то родились через кооперативы, аренду или научно-технические центры молодежи, были ими раздавлены в 1992—1994 годах.

И наконец, четвертое. Во многих случаях собственники не просто получали предприятие, а получали его на определенных условиях, прежде всего связанных с решением социальных вопросов.

Но неотъемлемые части приватизационных сделок, включающие эти условия, впоследствии не выполнялись, о них просто тихо забывали. Сейчас эти факты часто всплывают в ходе скандалов вокруг приватизации того времени. Для того чтобы обойти все законы конкуренции, избежать участия в конкурсах и аукционах, предполагаемые собственники готовы были подписывать инвестиционные контракты, соглашения, различного рода обязательства по социальным вопросам, давать обещания решить все проблемы, связанные с социальной сферой целых регионов. Но потом они почему-то просто забывали об этом, и Мингосимущества, которое, к сожалению, впоследствии возглавлялось людьми, мягко говоря, недостаточно честными и

принципиальными, не напомидало им о необходимости выполнения этих обязательств. И сейчас есть возможность это все выяснить. Поэтому на сегодняшний день государство имеет полное моральное и юридическое право спрашивать с этих собственников, что они реально выполнили, какие инвестиции привлекли и сколько дополнительных налогов заплатили, что сделали в социальной сфере. Причем не только в рамках своих предприятий, но и в регионах в случае, если речь идет о монополистах, которые обеспечивали до приватизации решение определенных социальных вопросов данных регионов и областей.

При этом мы уже не говорим о том, что в едином народно-хозяйственном комплексе были взаимоувязаны социальные и бюджетные вопросы не только в масштабе региона, в масштабе всей страны и приватизация некоторых объектов подрывала смежные отрасли производства. Ясно, что если поднимались цены, скажем, на металл, это било сразу же по металлообработке, если поднимались цены на энергию, это меняло условия работы приборостроения, машиностроения — целых отраслей промышленности. Поэтому нельзя было принимать решения о приватизации без учета положения смежных отраслей; если приватизация объекта может подорвать работу смежной отрасли, конечно, от нее надо отказываться. В таких условиях нельзя было продавать предприятие даже за большие деньги; их же продавали за бесценок через подставных лиц, в том числе в интересах иностранных конкурентов с целью остановить работу предприятия, прекратить выпуск конкурентоспособной продукции. Порой это носило явно вредительский характер.

Следует также отметить отсутствие промышленной политики. Нельзя было проводить приватизацию без одновременного проведения промышленной политики. Это должны были быть два взаимодополняющих процесса. Только одновременно проводя активную промышленную политику,

поддерживая определенные регионы, отрасли, применяя программно-целевой подход, выделяя приоритеты, цели, а в необходимых случаях осуществляя специальную реструктуризацию, можно было добиться положительных результатов приватизации. Ничего этого не было сделано. Промышленная политика отсутствовала, не было выработано никаких целей и приоритетов, их просто никто даже не формулировал. Не была проведена и реструктуризация, в ходе которой можно было бы с учетом программно-целевого подхода подобрать предприятию собственника таким образом, чтобы он был заинтересован во всей цепочке, во всех звеньях производственного процесса, чтобы этот комплекс мог развиваться и впоследствии собственник не перепрофилировал бы предприятие, не остановил бы его отдельные звенья, не наносил бы ущерба другим отраслям и регионам, народному хозяйству в целом. Никакой работы по созданию таких производственных комплексов, по их интеграции, по подбору возможных инвесторов и акционеров вообще не проводилось. Речь шла просто о типично политизированном процессе передачи, захвате предприятий «красными директорами», а дальше распоряжались этими предприятиями сообразно своему менталитету, например, просто использовали как склад. Такие случаи имели место, причем в отношении предприятий, обладающих огромным научно-техническим потенциалом, находящихся на передовых рубежах научно-технического прогресса, имеющих прекрасные кадры, где были сосредоточены база, школа, информация.

Но при приватизации все это не принималось во внимание. Учитывались только материальные активы, здания и сооружения, а нематериальные активы, имеющие огромную цену, не учитывались вообще — это еще одна ошибка приватизации. Целый научно-исследовательский институт, который имел научно-технический потенциал, измеряемый миллиардами долларов, целые школы, фундаментальные исследования, мог быть продан как недвижимость и ввос-

ледствии использоваться как склад, как помещение. Это наносило огромный ущерб экономике страны. И наконец, можно отметить абсолютное пренебрежение приватизаторов к использованию других эффективных форм управления государственной собственностью, а именно — использование аренды во всех формах, не только прямой аренды, а главным образом аренды недвижимости, земли, оборудования, лизинга; использование франчайзинга; концессии в сфере недропользования; доверительное (трастовое) управление. Между тем эти формы позволили бы подготовиться к приватизации, создать необходимые условия, присмотреться к деятельности арендатора или доверительного управляющего, при необходимости — заменить их. А приватизации некоторых объектов, используя эти формы, можно было бы и вообще избежать.

Но среди разношерстной публики, которая в конце 1991 года под видом демократов пробралась к власти, происходили схватки, и в течение 1992 года и почти всего 1993-го она пыталась выяснить, кто больший демократ и имеет больше прав на руководство страной; некоторые из уже побывавших и в том и в другом лагере, то есть по несколько раз сменивших ориентацию политических деятелей, к концу 1993 года снова поменяли демократическую фразеологию на коммунистическую.

Это легко проследить по тому, как менялись взгляды защищавших Белый дом в 1993 году — Хасбулатова, бывших министров (демократических министров кабинета Ельцина 1991–1992 годов В. Баранникова и В. Дунаева), Руцкого, который в 1989 году шел на выборы с ультрашовинистическими лозунгами и провалился, в 1990 году шел уже под демократическими лозунгами и победил, в 1991 году создал движение «Коммунисты за демократию», а уже с 1992–1993 года, по-видимому, снова вернулся к коммунистическо-шовинистической идеологии, поскольку движение

«Коммунисты за демократию» победило, и он оказался как раз в той части «коммунистов за демократию», которая могла остаться не у дел при дальнейшей дележке пирога.

Девяносто третий год. Война компроматов

Я не буду вдаваться в детали драматических событий конца октября — начала ноября 1993 года, когда накал противостояния законодательной власти и исполнительной достиг высшей точки и страна реально оказалась под угрозой начала гражданской войны. По официальным данным тогда в результате вооруженных столкновений погибли 147 человек и 372 получили ранения, хотя непосредственные участники событий называют значительно большие цифры. Но итоги официального расследования засекречены и вряд ли в ближайшее время они будут раскрыты.

Что же двигало властными структурами в их нарастающем противостоянии друг другу? Был ли это конфликт между реформаторами и консерваторами, демократами и коммунистами или между разрушителями страны и защитниками народа? Что скрывалось за лозунгами защиты конституции и демократии?

Очевидно правы те, кто считает, что неизбежность конфликта оказалась заложена в сложившейся на тот момент структуре власти¹: с одной стороны высшая власть в России принадлежала парламенту и в свое время это было принципиальным условием введения института президентства в России, а с другой стороны, в результате победы в августе девяносто первого Ельцин смог получить от Съезда народных депутатов дополнительные полномочия, что усиливало взаимные претензии парламента и президента.

¹ Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. — М.: РОССПЭН, 1999.

Но нужно также учитывать, что в Верховный Совет России входила крайне реакционная часть номенклатуры, которая не сошла с политической арены вместе с развалом коммунистической системы. Спасая себя, она вытолкнула на авансцену Ельцина, обеспечив его избрание Президентом РФ и его руками постепенно расправилась с прогрессивными, подлинно демократическими силами. Однако Ельцин начал вести свою игру, и последующие попытки парламента оказывать на него воздействие оказывались малоэффективными, что вело к расколу в высших эшелонах власти. Несомненно, что в основе противостояния властей лежали экономические интересы: в стране шел процесс приватизации, а в деле управления и распределения государственной собственности исполнительная власть обладала значительными преимуществами по сравнению с законодательной.

Поэтому для ответа на вопрос о причинах конфликта стоит затронуть еще один важный аспект тех трагических событий, который получил в свое время широкую огласку, но постепенно ушел в тень после выборов во вновь учрежденную Думу и последовавшей фактической амнистии участников октябрьских событий. Я имею в виду войну компроматов между законодательной и исполнительной властями, которая велась на фоне усиливающегося политического кризиса. Пресса того времени буквально жила новостями с фронтов той войны.

Начало боев ознаменовало выступление вице-президента Руцкого в качестве руководителя межведомственной комиссии по борьбе с преступностью и коррупцией 16 апреля 1993 года. С трибуны Верховного Совета Руцкой обвинил в финансовых махинациях ряд высших чиновников из ближайшего окружения Ельцина, среди которых он назвал: бывшего и.о. премьера Егора Гайдара, бывшего госсекретаря Геннадия Бурбулиса, министра печати и информации Михаила Полторанина, вице-премьеров Владимира Шумейко и Александра Шохина, председателя Госкомимущества Анатолия

Чубайса и министра иностранных дел Андрея Козырева. Страстное выступление генерала получает широкую поддержку депутатского корпуса. До сих пор вспоминаются эмоциональные выкрики Руцкого об имеющихся у него «одинадцати чемоданах компромата» на членов правительства.

В частности, Руцкой обвинил Шумейко в махинациях с закупкой детского питания и оборудования для его производства. По указанию В. Шумейко на счет некой фирмы «Теламон», созданной, как потом выяснилось¹, при участии небезызвестного Дмитрия Якубовского, который являлся фактически советником Шумейко, были переведены 15 млн долларов. Эта фирма, совместно еще с двумя, должна была поставить оборудование на 10,2 млн долларов для завода по производству детского питания. Оборудование, однако, было куплено всего лишь за 1,7 млн долларов. 9,5 млн долларов, по подсчетам экспертов, пропали. Заслушав информацию председателя Межведомственной комиссии по борьбе с коррупцией, парламент постановил направить представленные комиссией материалы в Прокуратуру России и поручить ей проверить их до июня 1993 года.

Вскоре после своего выступления указом президента Александр Руцкой отстраняется от должности руководителя межведомственной комиссии, а на его место назначается адвокат Андрей Макаров. Состав комиссии остается практически без изменений. В марте Шумейко в ответ на обвинения инициирует проверку финансовой деятельности фонда «Возрождение», который находился под опекой Верховного Совета и лично А. Руцкого. Как оказывается, деятельность фонда странным образом пересекается со скандально известной фирмой «Сеабеко групп». Эта фирма была создана в 1980 года бывшим советским гражданином Борисом Бирнштейном и занималась перепродажей сырьевых ресурсов из стран СНГ. Стремитель-

¹ Комсомольская правда. 1995. 1 сент.

ный рост компании пришелся на начало 90-х, когда среди сотрудников представительства фирмы в Цюрихе появляются Дмитрий Якубовский и тот самый полковник Веселовский, составивший аналитическую записку для Кручины о перспективах экономической деятельности КПСС. После августовского путча, когда, по словам Якубовского¹, положение «Сеабеко» несколько пошатнулось, поскольку было известно, что эту фирму поддерживали Янаев, Кручина и другие, Якубовский перебирается в Торонто.

В июле в «Аргументах и фактах»² появится стенограмма телефонного разговора между Бирнштейном и Якубовским. Публикацию, вероятно, инициировал сам Якубовский. Из разговора следовало, что ответным шагом Руцкого на действия Шумейко стало (совместное с Хасбулатовым) обращение к Борису Бирнштейну с просьбой уговорить Якубовского дать компромат на Шумейко.

По словам самого Бирнштейна³, к нему обращается и министр безопасности В. Баранников с просьбой стать посредником процесса урегулирования отношений между Ельциным и Верховным Советом. Баранников был знаком с Бирнштейном уже в 1991 году, когда на личном самолете последнего летал вместе с ним и вице-президентом РФ Руцким в Молдавию для улаживания приднестровского конфликта. Бирнштейн тогда входил в ближайший круг президента Снегура. До грандиозных скандалов, связанных с работой представительств «Сеабеко» в Молдавии, а также в Киргизии, где Бирнштейн был экономическим советником президента Аскара Акаева, оставалась пара лет.

Знакома с Бирнштейном и жена Баранникова. В газетах муссировались сообщения, что по приглашению последнего она

¹ Известия. 1993. 11 августа.

² Аргументы и факты 1993. Июнь.

³ Известия. 1993. 15 сентября.

вместе со своей подругой — женой министра внутренних дел Дунаева еще в июле 1992 года совершила «шоп тур» в Швейцарию, потратив на покупки более 200 тысяч долларов. Все расходы краткосрочного пребывания жен высокопоставленных чиновников, по сведениям газеты «Комсомольская правда»¹, оплатила фирма «Дистал АГ», основанная всего лишь за неделю до их приезда. Владелица фирмы Мадлен Бьери оказалась, по странному стечению обстоятельств, женой Станислава Якубовского, брата Дмитрия Якубовского.

Наконец, в «воскресенье первой недели июня» Бирнштейн «организует»² встречу Ельцина, Хасбулатова и Руцкого, в которой также участвуют некоторые члены Президиума Верховного Совета и министр безопасности. «Все мы на этой встрече решили помириться с президентом и работать вместе с ним при условии, однако, что Ельцин избавится от некоторых людей в своем окружении, всем создающих проблемы» — передают «Известия» слова Бирнштейна.

Одиннадцатого июня по приглашению Генерального прокурора Степанкова, ведущего расследование по поручению Верховного Совета, в Москву вызывают «генерала Диму» — Дмитрия Якубовского. Он дает показания в прокуратуре и 23 июня возвращается в Торонто.

А 24 июня первый заместитель генерального прокурора Николай Макаров уже отчитывается перед парламентом о проверке, проведенной специальной комиссией прокуратуры по материалам, предоставленным вице-президентом³. Комиссия установила, что из высших должностных лиц, названных в докладе Руцкого, первым по уголовному законодательству должен отвечать Михаил Полторанин, и след-

¹ Комсомольская правда. 1993. 20 августа.

² Известия. 1993. 15 сентября.

³ Коммерсантъ-Daily. 1993. 21 августа.

ственным органам было предложено рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела.

На следующий день генеральный прокурор Валентин Степанков попросил Верховный Совет лишить Владимира Шумейко депутатской неприкосновенности и позволить Прокуратуре России возбудить против него уголовное дело, поскольку, по словам Степанкова, «в действиях Шумейко есть признаки должностных преступлений»¹. Большинство голосов просьба прокурора была удовлетворена.

В середине июля в Москву специальным рейсом, с соблюдением строжайшей секретности, в тайне от прокуратуры вновь доставляется Якубовский, на этот раз уже по просьбе Межведомственной комиссии. В аэропорту его встречают министр внутренних дел Ерин и руководитель Межведомственной комиссии А. Макаров. Из Шереметьево-2 Якубовского на президентском бронированном «Мерседесе» объездными путями во избежание встречи с подчиненными Баранникова доставляют прямо в Кремль.

В течение нескольких дней в кабинетах Кремля с ним встречаются Андрей Макаров, члены Межведомственной комиссии и, как утверждает Якубовский, он разговаривает по телефону с Ельциным и получает от него инструкции². Через несколько дней Баранников будет отстранен от занимаемой должности указом президента, как говорили потом члены МВК «по этическим основаниям». Андрею Макарову «генерал Дима» передаст кассету³ с записью своего телефонного разговора с генпрокурором Степанковым, на основании которой Макаров примется раскручивать историю о попытке заговора со стороны Степанкова с целью убийства Макарова, которое Степанков замыслил осуществить с по-

¹ Там же.

² Известия. 1993. 3 ноября.

³ Комсомольская правда. 1993. 21 августа.

мощью Якубовского. Запись разговора публикует «Комсомольская правда». В опубликованном разговоре Степанков назвал Андрея Макарова «слабым и больным человеком», в ответ Якубовский предложил генпрокурору «помочь ему подлечиться». На что Степанков ответил: «Думай сам».

Руцкому комиссия предъявила обвинение в подписании трастового договора с «Сеабеко», из которого можно было заключить, что около 3 млн долларов США были переведены на счет, указанный Руцким. Копию этого документа предоставил комиссии все тот же Дмитрий Якубовский. Информацию о трастовом соглашении комиссия передала огласке без какой-либо проверки.

В то же время комиссия также пришла к выводу, что обвинение Шумейко в недобросовестном использовании валютных средств несостоятельно. В качестве ошибки Шумейко указывалось лишь то, что он подписал бумагу, по которой Якубовский являлся полномочным представителем правительства в правоохранительных органах.

Позднее, уже после разгрома Белого дома, Якубовский будет обвинен в фальсификации трастового договора, якобы подписанного Руцким.

Через несколько месяцев расследования будет заявлено, что Руцкой никакими счетами в Швейцарии не владеет, как и Шумейко никакого трастового соглашения на 600 тыс. долларов с неким Максом Бабадом не заключал. Поскольку не были найдены оригиналы этих трастовых договоров, установить их подлинность оказалось невозможно, поэтому уголовные дела повисли в воздухе. Но вместе с тем сообщалось, что следственные бригады вышли на «совсем других» чиновников, «действительно» замешанных в финансовых аферах и получавших взятки. Но слабо верилось, что кто-нибудь из подлинных преступников сядет (даже в отдаленном будущем) на скамью подсудимых за предъявленные им обвинения в превышении, как тогда говорили, должностных полно-

мочий и «неэффективном» использовании государственных средств. Залпы танковых орудий по Белому дому в октябре 93-го поставили окончательную точку в борьбе за власть, проходившей в том числе и под видом борьбы с коррупцией.

В результате октябрьских вооруженных столкновений основные инициаторы сопротивления окажутся под следствием в Лефортовской тюрьме по обвинению в организации массовых беспорядков, приведших к тяжким последствиям.

В конце февраля они выйдут по амнистии, которая закроет не только вопрос об их виновности, но и вопрос о легитимности действий Ельцина по разгону Верховного Совета во время октябрьских событий.

В всплеске взаимных обвинений в коррупции, захвате государственного имущества, подстрекательстве к убийствам прослеживается линия, которая непосредственно восходит к событиям осени 1991 года, когда были опубликованы откровения полковника Веселовского, стали известны скандалы вокруг швейцарской фирмы «Сеабеко групп» Бориса Бирнштейна, сотрудником которой являлся и Веселовский. В начале 90-х начинается стремительная карьера «генерала Димы» — Дмитрия Якубовского: скандальное участие при поддержке Язова в деятельности по выводу Западной группы войск, затем «бегство» при содействии высокопоставленных чиновников в Цюрих, в «Сеабеко». В 1992 году его приглашает к себе в помощники генерал Константин Кобец. В Москве Якубовский занимает должность заместителя начальника Федерального агентства правительственной связи, знакомится с В. Шумейко и становится его неофициальным советником. Весной 1993 года — снова бегство на Запад, на этот раз с помощью Баранникова и Дунаева¹. А летом вновь он в центре московской политической жизни: на этот раз противоборствующие ветви власти пы-

¹ Известия. 1993. 11 августа.

таются использовать его в своей борьбе с противоположной стороной.

Но если мы посмотрим на эти перепетии 93-го года с позиций того, что последовало потом, то при всем трагизме октябрьских событий нельзя не увидеть в итоге всего лишь перетасовку все тех же фигурантов. «Все эти «непримиримо враждующие» партии демократов, социалистов, коммунистов и т. д., — напишет позднее Андрей Нуйкин, — не больше чем «нанайские мальчишки», отвлекающие внимание народа от самого главного, что происходило в стране, — от раздела гигантского имущества богатейшей державы...»¹.

Говорят, что еще осенью 1993 года в готовящемся к президентской осаде хасбулатовском Верховном Совете на вопрос «как дела?» видный «оппозиционер» Иван Рыбкин ответил: «Наши дивизии на подходе. Скоро возьмем власть»². Высказывание оказалось пророческим, хотя дивизии не потребовались: упорство Рыбкина было по достоинству оценено властью, и в новой Думе его ждало кресло спикера. В одночасье оказалось, что ярый противник ельцинских реформ, в 1991 году вступивший после КПСС в компартию России, а потом еще и в партию аграриев, критик самого президента, не только очень близок ранее ненавистному режиму, но и служит ему верой и правдой.

Лишенный Верховным Советом в июле 1993 года депутатских полномочий В. Шумейко станет спикером Совета Федерации — верхней палаты нового парламента, многие члены которого заявляли в свое время о поддержке позиции Верховного Совета в его противостоянии с президентом.

Даже уволенные в августе министр безопасности Баранников и замминистра внутренних дел Дунаев в скором време-

¹ НГ-Кулиса. — 1998. № 16. Октябрь. Цитируется по Л. Шевцова. Указ. соч. С. 146.

² Профиль. 1998. № 11 (83).

ни получают, правда временно, должности министров соответствующих ведомств в правительстве, сформированном Верховным Советом.

Все говорит о том, что степень противостояния в октябре 1993 года в значительной степени определялась напряжением в перераспределении властных полномочий внутри противоборствующих ветвей власти. И тогда встает вопрос о возможной цене этого перераспределения и цинизме политиков. Отдавал ли, например, себе отчет о возможных последствиях своего выступления Гайдар, призывая граждан выйти на улицы на защиту «демократических реформ»? Это выступление транслировалось по центральным каналам в то время, когда к Останкино направлялись грузовики с вооруженными отрядами оппозиции. Массовый выход людей на улицы, к чему призывал Гайдар, мог привести к огромным жертвам. Как пишет «Общая газета»¹, «Гайдар по его же признаниям рассчитывал на пропагандистский эффект». Внутренние войска были в полном распоряжении правительства и ничто не мешало с их помощью остановить восставших, но «одно дело — когда власть защищается военно-полицейскими средствами, и совсем другое, когда на ее защиту встают “обычные граждане” — заключает “Общая газета”. — Гибель “народного дружинника”, оборонявшего президента, от пули “боевика”, воюющего за Верховный Совет, действует на общественное сознание сильнее, чем смерть милиционера».

Сутью октябрьских событий 1993 года явилось не противостояние двух ветвей власти, а «клановая борьба в социально-однородной среде»², по выражению Афанасьева. Эта среда представляет собой «несоветскую» номенклатуру, которая поглощена исключительно разграблением богатства, принадлежавшего ранее государству.

¹ Общая газета. 1998. 1 октября.

² Литературная газета. 1993. 15 сентября.

ЭТАП ТРЕТИЙ. ПЕРЕГРУППИРОВКА

Экономика неплатежей

В условиях, когда были крайне запутаны платежи предприятий, отсутствовала эффективная налоговая служба, расчеты даже в рамках бюджета трудно было проконтролировать, ведь сама сущность банковских операций такова, что очень сложно в каждый момент отследить, какие деньги и на каких счетах находятся. Все это создало почву для сговора между банкирами, директорами предприятий и руководителями министерств и ведомств о манипуляциях со средствами, наиболее выгодном их вложении. Таким образом, возник независимый финансовый оборот, и те, кто контролировал уполномоченные банки, получили возможность реализовать очень серьезные экономические проекты; в их руках оказались и рычаги политического влияния, поскольку они не были ограничены в средствах (посчитать реальное количество средств было очень сложно).

Взвинчивали цены монополисты, не учитывая при этом какие-либо реальные пропорции, и сразу вызывали серьезные проблемы, деформируя спрос и предложение. Ряд предприятий еще производил какую-то продукцию, другие не могли уже ее оплатить, третьи повышали цены на свою продукцию и по цепочке вызывали повышение цен другими предприятиями. В результате авантюризма реформаторов в

экономике образовался огромный пласт неплатежей. Он давал сказочные возможности для обогащения, поэтому очень сложно было понять, где эти неплатежи вызваны объективными причинами, а где нет.

И в каждом случае возникновения неплатежей речь заходила об индивидуальных нормативах, о возврате к практике принятия по каждому конкретному предприятию специального решения. То же касалось освобождения от налогов, всевозможных платежей, регулируемых Министерством финансов, разного рода зачетов и вексельных схем. Разрабатывались системы освобождений от платежей, системы зачетов, векселей, гарантированных теми или иными банками по указке правительства. В результате денежная масса в стране увеличивалась, а те, кто контролировал этот процесс, обогащались в неслыханных масштабах.

В правительстве даже появились свои специалисты по выдумыванию и реализации подобных схем. Один из них, бывший первый заместитель министра Вавилов, как раз тогда сколотил свое состояние и впоследствии, будучи выведен из состава правительства, в 1996—1997 годах превратился в известного бизнесмена и до сих пор периодически оказывается в центре скандалов.

Были и другие специалисты такого же профиля, которые через системы Министерства финансов и Министерства по налогам и сборам придумывали разного рода способы «развязки» неплатежей. Благодаря этому в руках бюрократии оказывались столь желанные ей рычаги влияния, то есть опять-таки возникала система разрешений и запретов. Поэтому можно предположить, что такие фигуры, как Вавилов, действовали по указке различного рода сил, которые «при дворе» боролись за «близость к телу» — жестко конкурировали за влияние на Бориса Николаевича Ельцина, а следовательно, и за возможность добиваться для себя раз-

личного рода специальных указов или же постановлений правительства. Это превратилось в мощную систему.

«Дворцовая кухня»

Для примера приведем лишь один эпизод, правда, относящийся к концу 1992 года, но ярко характеризующий стиль принятия решений в высших эшелонах власти в то время. Случай, который описывает бывший шеф службы безопасности и главный охранник президента Александр Васильевич Коржаков, касается деятельности бывшего руководителя Администрации президента РФ Ю. Петрова. Цитирую по книге Коржакова «Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие»: «Какую администрацию президента создал Петров, хорошо известно. По бюрократизму она переплюнула аппарат ЦК КПСС и Совмина СССР вместе взятых, а по коэффициенту полезного действия могла сравниться разве что с паровозом отца и сына Черепановых. Настало время подыскать ему новое место «государевой» службы. Этой синекурой оказалась Госинкор — Государственная инвестиционная корпорация. Юрий Владимирович опять красочно расписал преимущества задуманной им структуры и пришел к Ельцину за подписью с готовым текстом указа. Их я обнаружил вдвоем в задней комнате президента. Они выглядели «сильно уставшими» от крепкой выпивки. Заметив меня, Петров поднялся из-за стола и затарахтел: «Пойдемте скорее, Борис Николаевич, подпишем». Сказали, что он притащил проект указа, согласно которому правительство должно было выделить Госинкору, то есть Петрову, миллиард (!) долларов. Шеф с трудом встал и, шатаясь, перешел в кабинет, плюхнулся в кресло с российским гербом и чуть слышно слюняво пробурчал: «Давай бумагу». Петров молниеносно подsunул документ и ручку. Заглянув через плечо

шефа в указ и увидев эту запредельную цифру, я не выдержал: «Борис Николаевич, указ очень серьезный, прошу вас, не стоит сейчас подписывать. Здесь не все визы. Надо хотя бы проконсультроваться с экспертами». Петров забеспокоился: «Нет-нет, Борис Николаевич, время не терпит, надо сейчас, немедленно». Я подтянул бумагу к себе. «Борис Николаевич, я вас прошу, подождите, не подписывайте». Тогда президент России пьяным движением откинул мою руку, задумался на несколько секунд, разглядывая текст, и пробормотал: «Не-ет, миллиард многовато будет». Зачеркнул эту цифру и сверху написал другую сумму — 500 миллионов»¹.

Этот эпизод, описанный в книге Коржакова, ярко характеризует стиль принятия решений в то время. Нет никаких оснований предполагать, что решения по другим вопросам экономики, в том числе и по приватизации, принимались как-то иначе. Надо отметить, кстати, что сумма в миллиард долларов и сейчас грандиозная, в то время значила гораздо больше, позволяла значительно шире участвовать в экономической жизни и в процессах приватизации. Она была равнозначна, наверное, нескольким миллиардам долларов сегодня. Столь большие средства скапливались далеко не у всех структур. С учетом этого и следует оценивать дар, полученный Петровым. В результате Госинкор активно участвовал в процессах распределения собственности, и впоследствии из этой структуры выросли «Гута-банк» и группа «Гута», летом 2004 года оказавшаяся банкротом, приобретенная государственным Внешторгбанком за 700 млн долларов и вернувшаяся в государственную собственность. Несложный расчет показывает, что деятельность Петрова нанесла государству прямой ущерб более чем в миллиард долларов. На примере Петрова можно видеть произошед-

¹ Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. Послесловие. — М.: Детектив-Пресс, 2004. С. 347.

шую за 13 лет эволюцию номенклатуры в сфере контроля над собственностью (а он был одним из представителей как раз реакционной части номенклатуры и 19 августа 1991 года, что символично, возглавил новую «демократическую» администрацию Ельцина).

Коммерческая деятельность некоммерческих организаций: звенья механизма перераспределения

Вернемся к 1994 году. Кроме системы уполномоченных банков и внедрения нового индивидуального подхода к деятельности предприятий (в основном в финансовой сфере), третьей важной приметой того времени является создание различного рода организаций и фондов, которые наделялись льготами и возможностями для обогащения и играли роль перераспределительных механизмов. Мы уже говорили о на шумевшем в 1993 году фонде «Возрождение» с Руцким во главе, который был тесно связан с «Себеко групп», возглавляемой Борисом Бирнштейном. Этот фонд уже тогда пользовался огромными льготами и мог таким образом обходить налоговую систему, систему таможенного регулирования, получал разного рода кредиты, дотации, субсидии и т.д.

Впоследствии возник еще один известный фонд, так называемый Национальный фонд спорта, получивший массу льгот по импорту алкоголя и табака, якобы для поддержки спорта. Что случилось в результате деятельности этого фонда, хорошо известно: деньги, аккумулированные в основном в банке «Национальный кредит», возглавляемом тогдашним олигархом Олегом Бойко, исчезли.

Впоследствии шеф Фонда спорта Борис Федоров вступил в конфликт с начальником службы безопасности президента

Коржаковым, директором ФСБ Барсуковым и личным советником президента Шамилем Тарпишевым, и в результате этого конфликта Фонд спорта развалился, судьба аккумулярованных там значительных сумм до сих пор неизвестна, Борис Федоров спустя какое-то время скончался. Одно можно сказать определенно — в течение нескольких лет Национальный фонд спорта был организацией, фактически монополизировавшей потребительский импорт в Россию. А каковы были обороты такого импорта, когда на внутреннем рынке отсутствовали товары российского происхождения, нетрудно представить.

Существовали и другие такого рода организации — субъекты всяческих льгот: прежде всего, общества слепых, глухих, общества ветеранов войны в Афганистане, служившие каналами для масштабных манипуляций, ухода от таможенных и налоговых платежей, перераспределения значительных сумм. С руководителями этих организаций нередко потом расправлялись, криминальная хроника полна такими сообщениями; все знают, например, о так называемой войне «афганцев» в Фонде ветеранов Афганистана, которая вылилась во взрыв на Котляковском кладбище и убийство нескольких руководителей афганских фондов; подобное происходило и с руководителями обществ глухих, слепых и т.д. Скорее всего, исполнителей часто ликвидировали после того, как значительные суммы проводились через эти организации.

Госструктуры в эстафете «крышевания»

Надо отметить, что к этому времени уже возникла устойчивая система «крышевания» — еще одна отличительная особенность того времени: государственные структуры на-

чали «крышевать» различного рода коммерческие организации. Если поначалу, в 1991 – 1992 годах, эти функции выполняли бандиты и организованные преступные группировки, то постепенно контроль над коммерческими структурами и их «крышевание» переходили к органам государственной безопасности, Министерству внутренних дел, службе безопасности президента, Администрации президента и правительства, к местным руководителям регионов. И вся сложившаяся льготно-распределительная система была тесно связана с «крышующими» организациями, очень жестко разделившими все пути обогащения в новой российской экономике, практически полностью исключив возможность появления в этой экономике по-настоящему независимых предпринимателей, людей, которые могли бы действительно заниматься бизнесом.

Российская экономика вновь была превращена в распределитель, руководимый исключительно бюрократами, чиновниками по индивидуальным, личным приоритетам на основе фаворитизма, «дворцовых» интриг, в тесном сотрудничестве с «крышующими» организациями. Вот что представляла собой в тот момент российская экономика, которую называли, причем не только на Западе, рыночной и либеральной.

Перераспределение через банки

Другим важным каналом перераспределения в период перегруппировки явилось перераспределение через банковскую систему. Уполномоченные банки обладали реальной экономической властью и возможностями очень серьезных манипуляций и злоупотреблений как в финансовой сфере через выпуск разного рода ничем не обеспеченных ценных

бумаг, так и через манипуляции в сфере налогового обложения. Далеко не все схемы, кстати, были известны даже специалистам, занимающимся исследованиями проблем экономической безопасности или теневой экономики, работникам правоохранительных органов, поскольку они создавались фактически на ходу. А впоследствии, когда работники правоохранительных органов разгадали эти схемы, они уже зачастую «крышевали» те или иные структуры, поэтому не пытались пресечь их работу.

Центрами махинаций и криминала стали банки, и перераспределительный маховик действовал в основном через банковскую систему. Это выразилось в банковском кризисе 1995 года, а до этого как первый звонок в 1994 году просигналил «черный вторник»: в этот момент впервые стало ясно, как легко может государство с помощью игры на валютном рынке или, наоборот, устранившись от контроля за ним, быстро запустить перераспределительные механизмы, прежде всего в банковском секторе.

Поэтому те, кто способен был контролировать деятельность Центробанка и Минфина, благодаря «близости к телу» и «дворцовым» интригам, могли в любой момент спровоцировать либо кризис неплатежей, либо кризис доверия, либо резкий скачок валютного курса и в этой обстановке вызвать банкротство структур, которые не были столь близки к власти, и из-за недостатка информации, отсутствия соответствующего влияния и возможностей оперативно действовать оказывались в худшем положении.

Вторые вынуждены были подчиняться первым, превращаться в их филиалы, работать уже в другом статусе. В противном случае им грозило разорение. Поэтому перераспределительные процессы происходили и на банковском рынке. Иногда они приводили к исчезновению довольно крупных банков, например «Тверьуниверсалбанка». Приблизительно в это же время обанкротился банк «Нацио-

нальный кредит», занимавший одно из первых мест среди вновь созданных олигархических группировок, которые в этот момент уже всерьез влияли на политику и экономику в стране. Достаточно сказать, что руководитель банка «Национальный кредит» Олег Бойко в 1994 году стал вторым человеком после Егора Гайдара в партии «Демократический выбор России».

Пирамидостроение

Кроме перераспределительных механизмов, в ходе реализации которых банки умышленно приводили друг друга к банкротству и постепенно создавалось сообщество все более и более сильных финансовых структур, все помнят бурное развитие пирамид, явившихся еще одним характерным штрихом эпохи перегруппировки. Пирамиды возникли где-то в конце 1993 года и продолжили существование и в 1994, и в 1995 году. Когда они стали поочередно лопаться, прокатилась череда огромных скандалов. В общем-то ущерб, нанесенный пирамидами сбережениям населения, можно даже сопоставить с уничтожением вкладов в Сбербанке в 1992 году.

Через пирамиды деньги потеряли те, у кого они еще оставались. Если в 1992 году в основном были обобраны целиком и полностью люди, которые не могли восстановить свои позиции, то есть пенсионеры, люди достаточно преклонного возраста, которые долго работали, то через пирамиды произошло обворовывание уже людей более молодых и социально активных, имевших доходы. Естественно, все частные пирамиды действовали в сговоре с «крышующими» организациями и под четким контролем правительства. Тот факт, что им было позволено осуществить масштабные рекламные и те-

левизионные кампании и создать сеть пунктов для приема денег, показывает их тесную связь с правительственными структурами и государственными органами, которые должны были этому противодействовать. Тогда же впервые обратило на себя внимание телевидение как мощное орудие для наращивания экономического и политического влияния.

Итак, пирамиды были созданы, они собрали огромные средства, и эти средства были украдены. Никакого наказания фактически за это никто не понес, кроме самих пирамидостроителей, да и то лишь некоторых, а в российском правительстве ни один человек за это не ответил.

Это наталкивает на мысль о том, что таким образом была проведена еще одна хорошо спланированная операция по выкачиванию средств из населения и перераспределению их в пользу новых структур. Прежде всего это были те финансовые структуры, которые могли эти средства аккумулировать на своих счетах и которые, не участвуя формально в этой деятельности, наблюдая за пирамидами и их руководителями со стороны, скорее всего, и были инициаторами их создания.

Очевидно, что каждая пирамида была связана с той или иной финансовой группой. Проследить непосредственную связь в каждом случае, может быть, затруднительно, но, конечно, те финансовые группы, те банки, которые были совершенно легальны и не занимались «пирамидостроительством», могли через подставные структуры создать и «раскрутить» пирамиды, с тем чтобы через некоторое время уничтожить их и аккумулировать у себя полученные ими средства. Так что связь пирамид с верхушкой банковского финансового мира, на мой взгляд, не вызывает никаких сомнений. Очевидно, что для раскрутки этих организаций нужны были, во-первых, мощные финансовые средства для рекламы, во-вторых, достаточно серьезная «крыша» (как правило, государственная, тесно связанная с перекачанными в финансовые группы средствами) и, кроме того, для

этого должны были быть технические возможности, помещения для одновременного открытия большого количества пунктов приема денег.

Все это было под силу уже действующим финансовым группам, и никакие аутсайдеры на таком уровне в этот момент уже появиться не могли. Маловероятно, что в этот момент могли вдруг всплыть новые бизнесмены. Так что, скорее всего, пирамиды представляли собой нелегальную, теневую часть деятельности легальных, формально процветающих банковских структур и позволили добиться еще одного перераспределения.

Экономика чеченской войны

Для того чтобы окончательно разобраться в событиях этого периода, необходимо, естественно, остановиться на начавшейся войне в Чечне, в какой-то степени также входившей в число перераспределительных каналов, которые действовали в этот момент перегруппировки сил в рамках позиционного маневрирования в условиях первичного раздела политической, экономической власти и необходимости подготовиться к окончательному ее разделу. Поэтому можно отметить также еще и чеченский перераспределительный канал.

Дело в том, что в результате начала боевых действий в Чечне и последующего восстановления Чеченской Республики у ряда группировок, которые в большей степени были связаны с чеченской проблематикой, появились каналы политического влияния. В первую очередь тут следует назвать Бориса Абрамовича Березовского, но, естественно, в контроле над политическими группировками в Чечне, торговле оружием, связях с «армейскими коммерсантами» были замешаны и другие финансовые группировки.

Естественно, параллельно формировались и собственно экономические рычаги, поскольку Чечня постепенно превратилась в гигантский насос по откачиванию ресурсов, финансовых средств как на ведение войны (эти ресурсы должны были идти по каналам Министерства обороны), так и на восстановление Чеченской Республики, на обеспечение политического влияния в ней (по каналам других ведомств), то есть Чечня постепенно превратилась из мухи в слона и резко усилила роль некоторых финансовых группировок политически и экономически.

Одновременно наращивали себе мускулы региональные коммерческие и политические группировки. В некоторых регионах, прежде всего в таких, как Татария и Башкирия, исключительно местная власть осуществила захваты политических и экономических рычагов влияния. Власть сконцентрировалась и создала режимы, похожие на восточные, которые полностью ушли из-под контроля Центра и в принципе составляли еще один вид финансовых групп наряду с действующими на федеральном уровне. Это был достаточно устойчивый вид финансовых группировок, которые были заинтересованы в войне с Чечней, поскольку она не давала центральной власти всерьез заниматься вопросами налогообложения этих регионов. Фактически, таким образом, в 1994–1995 годах уже заявляли о себе олигархи, фигурировавшие во всех этих перераспределительных каналах как главные действующие лица.

«Выходят на арену силачи...»

Летом 1994 года на политической авансцене появился Березовский. Об этом возвестил взрыв его «Мерседеса», который связывают с началом вражды Березовского с Гусин-с-

ким, тоже к тому времени прочно вставшим на ноги: с одной стороны, он являлся уполномоченным банкиром московского правительства, а с другой — смог создать мощное лобби рядом с президентом Ельциным, в результате чего ему был передан канал НТВ. Впоследствии конфликт этих двух бизнесменов во многом определит панораму политических событий в России на долгие годы. Березовский к концу 1994 — началу 1995 года уже начал акционировать ОРТ.

Внедрение олигархов в средства массовой информации, прежде всего в телевидение, обострение борьбы между ними ознаменовало убийство Листьева. Оно явилось толчком к усилению влияния ближнего круга президента Ельцина на процесс принятия решений и в то же время активизировало борьбу внутри его ближайшего окружения накануне выборов 1996 года. Здесь надо отметить такие первые конфликты, как появление статьи «Падает снег»¹ и «наезд» на Гусинского в декабре 1994 года, его бегство из России. В этом конфликте на стороне Березовского действовала служба безопасности президента, возглавляемая Коржаковым. Кроме того, после убийства Листьева возник резкий конфликт с московским мэром Лужковым, а Гусинский как раз был на его стороне. Начал заявлять о себе и Владимир Потанин; банк которого в этот момент тоже уже вошел в число главных уполномоченных банков на федеральном уровне, сосредоточив счета таких предприятий, как «Норильский никель», который он впоследствии приватизирует, а также таможенные и иные платежи.

Быстро развивался «Альфа-банк», возглавляемый министром гайдаровского правительства Петром Авеном и его партнером Михаилом Фридманом. И среди других олигархов можно отметить Михаила Ходорковского, впоследствии узника «Матросской тишины», который уже тогда входил в

¹ Российская газета. 1994. 19 ноября.

высшую элиту государственной власти, а также банкиров Смоленского (банк «Столичный»), Олега Бойко, получившего известность в результате истории с Национальным фондом спорта и упомянутого скандального банкротства «Национального кредита» в 1995–1996 годах.

Кроме того, в элиту входили такие банки, как «Инкомбанк» Виноградова, исчезнувший после дефолта 1998 года, и «Империал» во главе с Родионовым — банк, близкий к «Газпрому» и газпромовской группировке, которая, кстати, являлась одной из мощнейших благодаря свободе установления тарифов, неограниченному монополизму, уникальному экспортному потенциалу. Эта группировка имела своим представителем премьер-министра страны Виктора Степановича Черномырдина, а его правая рука — Рем Иванович Вяхирев — по сути дела, стал олигархом из олигархов.

Сообщающиеся сосуды

Усиление исполнительной власти в конце 1993—начале 1994 года ознаменовалось одновременным усилением народившихся уже к тому моменту так называемых бизнес-структур — коммерческих структур, которые в значительной мере в новой властной группировке курировал Анатолий Борисович Чубайс. Дело в том, что значительная часть этих структур создавалась в результате проводимой им приватизации и поэтому сам народившийся так называемый российский бизнес с самого начала был связан исключительно с Чубайсом.

Чубайс и его партнеры-бизнесмены успешно играли в 1992–1993 годах на противоречиях между Ельциным и Верховным Советом с помощью заклинания «Коммунисты рвутся к власти». Успех игры «Ельцин против коммунист-

тов», придуманной Чубайсом и Гайдаром в принципе и обеспечил усиление позиций самого Чубайса и связанных с ним нуворишей, появившихся в 1992—1993 годах в результате раздела собственности. Дело в том, что связь Ельцина с коммунистами, а также четкая взаимосвязь усиления Гайдара и Чубайса и поведения коммунистов не вызывает никаких сомнений. Каждый раз чем сильнее были так называемые коммунистические выступления, тем сильнее становилось влияние Чубайса и Гайдара. Так было и в 1991, и в 1992, и в 1993 годах, так будет и в 1995, и в 1996 годах.

Все время усиление коммунистической партии (КП РФ) и ее наступление вызывало встречное движение — появление на политической сцене радикальных демократов. Они поднимали шум об угрозе демократической революции и тем самым отвлекали внимание от обнищания людей, создавали тревожную и напряженную обстановку в обществе и в результате получали карт-бланш для проведения очередных непопулярных действий вне всякого контроля, поскольку в условиях войны, конечно, спрашивать с тех, кто бросается на амбразуру, о какой-то конкретике не полагается.

Таким образом, постоянное манипулирование общественным мнением с помощью имитации борьбы с коммунистами позволяло оправдать любые действия пришедшей под демократическим флагом к власти самой реакционной и «отстойной» части коммунистического аппарата. Жупел борьбы с коммунизмом использовался для укрепления власти той самой партийной номенклатуры, которая вроде бы от власти давно уже была отстранена. Получалась интересная схема: партийная номенклатура отстранена, бороться с ней взялись как раз ее прямые ставленники, которые дискредитировали демократические лозунги, под их прикрытием отстранив настоящих демократов, захватив власть в стране и получив карт-бланш на присвоение собственности. И она

была присвоена через превращение из общенародной в частную той самой партийной номенклатурой, которая уже 70 лет распоряжалась этой собственностью.

Вместе с тем партийная номенклатура могла через распространение в обществе коммунистической идеологии (а это была естественная реакция на проведение столь безобразных реформ, как «шоковая терапия» и приватизация) все время раскручивать угрозу «реставрации» коммунизма, запугивая людей возвратом в кровавый 1937 год. Такая схема позволяла номенклатуре еще больше укреплять свою власть, используя радикал-демократов и коммунистов, как две руки или же как два сообщающихся сосуда: чем больше было в одном, тем больше должен был наполниться и другой.

Бизнес-сообщество

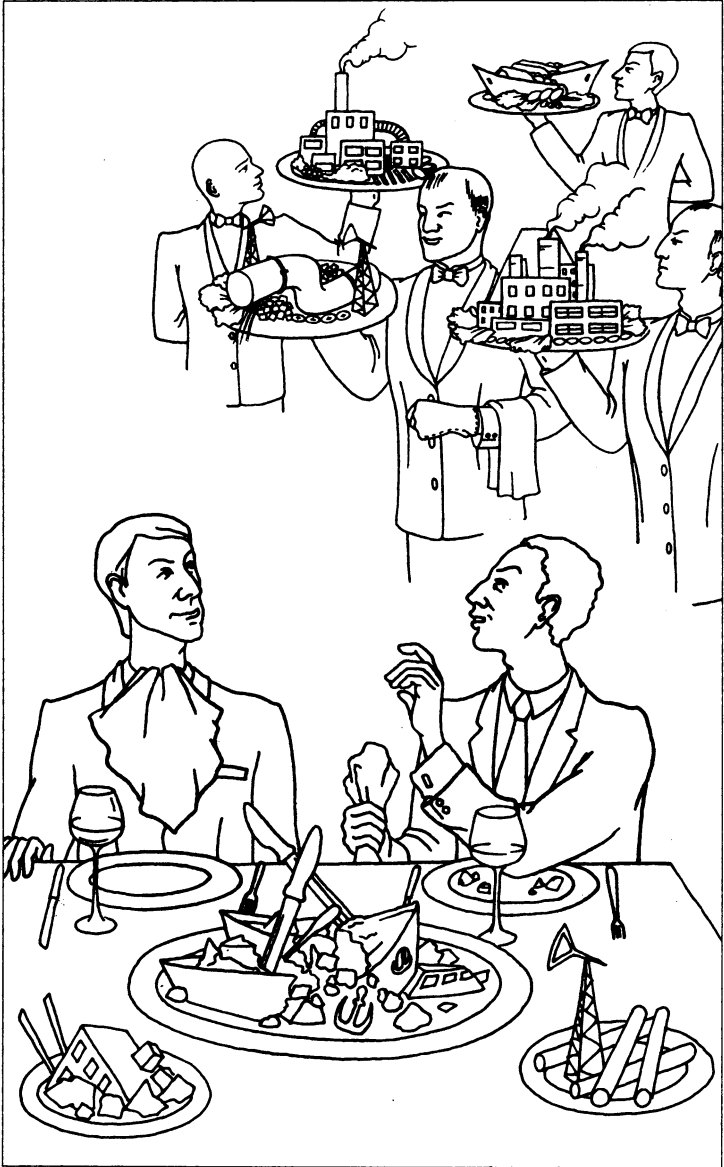
Бизнес-сообщество, координируемое главой Госкомимущества Чубайсом, состояло из лиц, осуществивших захват власти в результате номенклатурно-директорской приватизации и предшествовавшего ей накачиванию своих счетов путем финансовых (в основном кредитно-бюджетных) спекуляций. Этот паразитический капитал, наследник паразитической части номенклатуры, представленный своими лидерами и тесно связанный с местными комитетами по управлению имуществом и с Госкомимущества, в общем-то и был в тот момент основой ельцинского режима и очень хорошо усилил свои позиции за счет противоборства Ельцина с Верховным Советом России.

Все эти структуры получили возможность вымогать у Ельцина дополнительные льготы и преимущества в награду за оказанную ему поддержку. Таким образом, за победу так на-

зываемой демократической революции он должен был еще заплатить этим группам обеспечением им монопольного права распоряжаться ресурсами, фондами, кредитами, возможностью за бесценок приватизировать привлекательные объекты, предоставлением разного рода льгот и других возможностей для обогащения. Поэтому близкие к исполнительной власти дельцы, координируемые в основном Чубайсом, к тому времени очень сильно «накачали мускулы».

Стоящие у трона...

В результате сформировалась система фаворитизма; других механизмов политической власти уже не было, и «победившая демократия», которая являлась на самом деле крайней формой монархии, оперировала в основном дворцовыми методами руководства, включающими дворцовые интриги, систему фаворитов, вассалов, феодалов (предоставление в пользование наделов в обмен на лояльность), иногда — создание опричнины (если необходимо ограничивать некие элитные группировки). Все определялось теперь близостью к «трону», и поэтому следующий этап борьбы должен был разгореться уже за близость к «трону».

ЭТАП ЧЕТВЕРТЫЙ. ЗАКРЕПЛЕНИЕ НА ПОЗИЦИЯХ

ВЛАСТЬ ОЛИГАРХОВ

**Двойная конвертация:
власть – собственность – власть**

После завершения массовой приватизации и процесса перераспределения, в ходе которого постепенно была осуществлена масштабная перегруппировка и из народившихся в 1991 году финансовых групп выкристаллизовались самые мощные. Для окончательного закрепления своего господства этим группам требовалось прибрать к рукам оставшиеся, самые «вкусные» куски государственной собственности, и осуществить еще одну конвертацию, переведя собственность обратно во властные полномочия. Если первоначальная конвертация заключалась в трансформации власти партийной номенклатуры в собственность, в финансовые ресурсы, то теперь уже собственность и финансовые ресурсы требовалось вторично конвертиро-

вать в новую власть, которая должна была обслуживать структуры, оформившиеся в результате первой конвертации.

В целом этот этап закрепления власти олигархов можно назвать этапом залоговых аукционов «семибанкирщины» и выборов президента 1996 года. Результатом его было тесное сращивание новых, или, если так можно выразиться, новых старых группировок с властью, которая фактически их породила, и впоследствии прямая интеграция выдвиженцев новых старых группировок в правящую элиту и получение некоторыми из них руководящих постов.

Залоговые аукционы: аппетит приходит во время еды

Сама идея залоговых аукционов была высказана на заседании правительства тогда еще не очень хорошо известным банкиром Потаниным, президентом «ОНЭКСИМ Банка», где-то в марте 1995 года. Эта нехитрая идея заключалась в том, что правительство якобы нуждается в деньгах и банкиры могли бы предоставить ему кредит под залог акций крупнейших государственных предприятий. Все это выглядело бы вполне привлекательно, если бы не несколько «но».

Во-первых, непонятно, почему правительство, если ему не хватало денег, не могло занять их другим способом. Сумма, которую якобы могли предоставить банкиры, была невелика — речь шла всего о шестистах-семистах миллионах долларов, эту сумму можно было получить несколькими способами. Очевидно было, что кредитоспособность российского правительства не вызывает сомнений, поэтому оно могло легко получить необходимые суммы у западных банков без какого-либо залога крупнейших государственных предпри-

ятий. Учитывая, что к тому времени долг России измерялся сотнями миллиардов долларов, занять еще один миллиард не представляло большого труда. Второй возможностью занять деньги был рынок ГКО. Каждую неделю правительство продавало ГКО на сумму около миллиарда долларов, и поэтому занять ту незначительную сумму, о которой говорил Потанин, ему в то время ничего не стоило.

И наконец, еще один момент. Банкиры при всем своем величии в 1995 году не были столь богаты, чтобы давать кредиты на такие большие суммы, у них просто не было такой возможности. Это потом уже, через несколько лет у них появились огромные суммы, а в тот момент даже 600–700 млн долларов для них было довольно-таки много. Естественно, дать такую сумму они могли только на кабальных условиях, поэтому, как ни смотреть на это предложение, оно со всех сторон выглядело очень странно.

Тем не менее правительство, прежде всего в лице Черномырдина и, естественно, Чубайса, быстро согласилось с предложением Потанина и начало проработку залоговых аукционов, чтобы побыстрее их осуществить. К этому времени Госкомимущества возглавлял Альфред Кох, непосредственно кураторство осуществлялось вице-премьером правительства Анатолием Борисовичем Чубайсом, а во главе правительства, как уже говорилось, стоял Виктор Степанович Черномырдин.

Осенью-зимой 1995 года все эти залоговые аукционы состоялись. В результате под предлогом предоставления кредитов под залог акций таких предприятий, как «Норильский никель», «Сибнефть», «ЮКОС» и другие, банкиры получили контрольные пакеты акций этих предприятий. Забегая вперед, скажем, что никакие займы правительство отдавать не собиралось и не отдало и постепенно эти акции окончательно перешли в собственность банкиров-заимодавцев. Это произошло позже. Но уже в тот момент было ясно, что

правительство не собирается отдавать эти деньги, хотя такие деньги, конечно, у него были и тогда и, разумеется, потом, что позволяло в любой момент вернуться к управлению этими высокоприбыльными, лучшими предприятиями России.

Естественно, аукционами происшедшее назвать можно было с большой натяжкой, поскольку заранее было известно, кто окажется победителем этого аукциона и никакой интриги в этом процессе практически не существовало. Вся интрига заключалась только в том, к какому закулисному договору придут выходящие на аукцион группировки. Поскольку у них было негласное соглашение, то они могли иногда только спорить по незначительному поводу, а так в принципе каждый аукцион предназначался для определенной финансовой группировки, которая взамен обязывалась не вступать в конфликт с другими группировками на других аукционах. Таким образом, это был своего рода раздел сфер влияния. Естественно, когда аукционы проводились, цена устанавливалась совершенно произвольно, она абсолютно не соответствовала реальной рыночной стоимости, которую никто и не желал выяснять. Цены и суммы, фигурировавшие на аукционах, были просто смехотворны.

Но и это еще не все. Даже эти незначительные деньги, которые финансовые группировки все-таки якобы заплатили за заложенные акции предприятий и отдали правительству, на самом деле не были их деньгами. Самое смешное заключалось в том, что деньги, которые финансисты передали правительству, уже и так принадлежали государству. Банки-«заимодавцы», как уже говорилось, почти всегда являлись уполномоченными банками правительства, в которых размещались депозиты Министерства финансов, и правительство фактически хранило там свои деньги.

Размещение счета Госкомимущества, на который должны были поступить деньги, полученные в результате залогово-

го аукциона, в том же самом банке, располагавшем депозитом Минфина, позволяло просто переместить эти деньги с одного счета, то есть со счета Минфина, на другой счет, а именно — на счет Госкомимущества и таким образом просто за счет элементарной учетной внутрибанковской операции завладеть колоссальным государственным имуществом, не вкладывая ни копейки. Вот такая интересная схема была придумана Потаниным для «пополнения бюджета»!

О прямой связи залоговых аукционов с выборами президента 1996 года свидетельствует тот факт, что именно банкиры, победившие на залоговых аукционах, вскоре, спустя несколько месяцев, вошли в негласный пул банкиров, поддерживавших на выборах президента Ельцина. Неудивительно, что этот пул был создан Чубайсом, поскольку именно Чубайс курировал залоговые аукционы и был наряду с Потаниным их главным организатором. И в этот пул опять-таки вошли Потанин, Березовский, Гусинский, Смоленский, Ходорковский, Фридман и Авен, те самые семь банкиров, которые чуть позже в одном интервью были названы «семибанкирщиной». А немногим ранее эти группы оказались с легкой руки Чубайса, Коха и Потанина владельцами лучшей государственной собственности, приносящей многомиллиардные доходы каждый год.

Любое из предприятий, которые были переданы в форме залога за эти незначительные суммы, приносило в год в десятки раз больше, чем сумма «займа», что конечно же демонстрировало абсурдность всей этой затеи и явную ее направленность на обогащение заинтересованных группировок.

Естественно, залоговые аукционы сопровождались очередной вакханалией в прессе, в ходе которой доказывалась их полезность и необходимость с их помощью пополнить бюджет. Разобраться в этом постороннему человеку было очень и очень сложно, и даже посвященные люди не могли понять,

что происходит, поскольку абсурдность происходящего потрясала. В голове не укладывалось, как можно отдавать предприятия, которые стоят десятки миллиардов долларов, за гроши, да еще даже и эти гроши не получая, а перекладывая из кармана в карман, фактически из кармана Министерства финансов в карман Госкомимущества. От этого даже посвященные люди, специалисты и профессионалы впали в какой-то ступор. Они даже не могли как следует дать отпор нахрапистым дельцам, потому что все происходящее уже окончательно превратилось в полнейший фарс.

Даешь приватизацию любой ценой!

Если идея ваучерной приватизации была изначально подтасована Чубайсом, и под ее вывеской он осуществил банальную передачу собственности нужным людям по наиболее легкому и безболезненному для них сценарию, то здесь уже началось форменное сумасшествие. Действительно, аппетит приходит во время еды! После того как захват собственности удалось осуществить с такой легкостью, приватизаторы, похоже, вошли во вкус. Они уверились в полной своей безнаказанности, потеряли всякий стыд и совесть и решили не останавливаться на достигнутом. Они каждый год принимали всевозможные программы приватизации, Чубайс и его подручные с высоких трибун все время вещали о том, что необходимо приватизировать как можно больше объектов, озвучивались все более масштабные задания приватизировать столько-то и столько-то предприятий.

Это превратилось в некую кампанию, которая проходила каждый год, и в обществе насаждалось такое мнение, что чем больше будет приватизировано чего бы то ни было, тем лучше. Это ставилось в заслугу правительству, причем со-

вершено независимо от того, получило ли оно от этого какую-то выгоду, передало ли оно предприятия в надежные руки, которые могут эффективно распорядиться собственностью, повысить производительность труда и дать предприятию возможность заработать больше денег, заплатить налоги, пополнить бюджет, — это все абсолютно игнорировалось. Главное было приватизировать, приватизировать и еще раз приватизировать. Приватизаторы спешили все сильнее, сопровождая свои торопливые действия истеричными выкриками о необратимости перемен, об опасности «реставрации» тоталитаризма, о важности своей исторической миссии и о прогрессивности своих деяний.

В преддверии выборов 1996 года: «Все на борьбу с коммунистической угрозой! Демократия в опасности!»

Поскольку простые люди не понимали, что происходит, а специалисты, хотя и понимали, но от такого беззастенчивого грабежа оторопели, дать отпор зарвавшимся мерзавцам было некому. Тем более что в тот момент уже встал вопрос о президентских выборах 1996 года — о выборах Ельцина на второй срок. И тут Чубайс снова завел свою антикоммунистическую шарманку. Вместе со своими новыми друзьями, которым были розданы лучшие предприятия и которые таким образом сконцентрировали контрольный пакет всей экономики России, получив власть, наверное, большую, чем имело политбюро в самые свои лучшие застойные годы, он опять развернул антикоммунистическую пропаганду.

Поскольку к этому времени НТВ и ОРТ стали собственностью олигархов Гусинского и Березовского, а кроме того, олигархи стали фактическими владельцами всех крупней-

ших предприятий в России, им нужно было запугать Ельцина настолько, чтобы он и дальше подтверждал все имевшиеся договоренности и не пытался изменить залоговые схемы, по которым эта собственность оказалась у банкиров. Как минимум, необходимо было добиться, чтобы правительство не вернуло кредиты в 1997 году, поскольку речь шла о выдаче кредитов под залог акций на два года.

В связи с этим олигархи и Чубайс заранее стали раскручивать коммунистов, чтобы создать мощную угрозу для Ельцина. Сам Ельцин, конечно, не хотел, чтобы его рейтинг понижали до нуля и создавали ему мощную оппозицию, но к тому времени он лично уже утратил контроль над происходящим. После того как он санкционировал сначала «шоковую терапию», а потом и приватизацию «по Чубайсу», позволил Чубайсу создать мощную финансовую империю, деятельность которой он координировал, взять совместно с Березовским и Гусинским под свой контроль средства массовой информации, дальнейшее было лишь делом техники. Оставалось запугать Ельцина коммунистической угрозой, что и было сделано.

Во всех средствах массовой информации коммунисты раскручивались до такой степени, что они и сами были, по моему, удивлены своими успехами, и к весне 1996 года некоторые даже поверили всерьез в то, что смогут выиграть выборы. Когда Зюганов отправился в Давос на очередной экономической форум, мировая капиталистическая элита встречала его так, будто бы приехал будущий президент России. Интересно, что туда же, в Давос, съехались Чубайс и вся компания олигархов, и именно там, в Давосе, по одной легенде, было принято «историческое решение» о поддержке ими Ельцина на выборах и о борьбе против Зюганова, который тут же, в Давосе, уже выступал в качестве потенциального президента. Забавно, что это происходило в одном и том же месте, и это наводит на мысль о взаимосвя-

зи двух процессов, о том, что раскрутка Зюганова изначально предпринималась для того, чтобы впоследствии как можно больше выкачать прав и полномочий у Ельцина за решение такой трудной задачи, как победа над Зюгановым на выборах. Это вполне могло быть задумкой Чубайса. Мы ведь знаем, каким образом Чубайс осуществлял в свое время приватизацию, фактически выполнив план по передаче самой реакционной части коммунистической номенклатуры собственности и финансов. Именно он и его радикальная демократическая группировка всегда извлекали максимум пользы из стычек с коммунистами и получали карт-бланш на все свои авантюрные действия во время их наступлений.

Поэтому неудивительно, что и в данном случае опять-таки всплыл Чубайс, хотя партия «Демократический выбор России», которую он курировал, не прошла в Государственную Думу в декабре 1995 года, и сам он в январе был отставлен со своего поста вице-премьера, причем Ельцин сделал свое историческое заявление о том, что во всем виноват Чубайс. Но, как оказалось, это было лишь временным виражом ельцинской политики. Фактически Чубайс просто ушел на второй план, продолжая закулисно руководить избирательным штабом Ельцина, и сразу же после его победы занял второй по значимости в стране пост руководителя Администрации президента. Так этот деятель, умудряющийся и по сей день руководить РАО «ЕЭС России», в очередной раз доказал, что он непотопляем и Ельцин находится в полной зависимости от него.

Как «съели» Коржакова

В конце 1995 года Ельцин провел несколько кадровых перестановок, носивших положительный характер. Во-пер-

вых, потерял свой пост Андрей Козырев, при котором Россия оказалась полностью дискредитирована на международной арене. Человек этот, случайно занесенный на пост министра иностранных дел, абсолютно этой должности не соответствовал, как и многие члены первого правительства реформаторов, и он осуществил в своей области приблизительно то же самое, что в своих областях сделали Гайдар с Чубайсом, будучи приблизительно таким же профессионалом во внешней политике, как и они в своих областях, а основой его деятельности были уступки Западу по всем направлениям и подыгрывание американскому Госдепартаменту.

Слава богу, в момент своего ослабления Ельцин вынужден был заменить Козырева и назначить на его место Евгения Максимовича Примакова, который впоследствии в течение нескольких лет сумел поднять престиж России, добиться определенных успехов во внешней политике. Следует также отметить избрание на пост председателя уже укрепленного, составленного из глав регионов, Совета Федерации Егора Строева (вместо Шумейко) и отставку Сергея Филатова с поста руководителя Администрации президента.

Таким образом, политика несколько изменилась. Чубайс в тот момент ушел в тень, олигархи были вроде бы не видны, хотя они продолжали через свои средства массовой информации активно раскручивать коммунистов, но во главе предвыборного штаба президента стоял Олег Сосковец, ставленник начальника службы безопасности Коржакова и его партнера — директора ФСБ Барсукова. Итак, можно отметить, что развивалось одновременно два процесса.

Дело в том, что к тому времени группа Коржакова, Барсукова, Сосковца, которая кроме этого имела и других представителей в структурах власти, оказалась в оппозиции тайной группе олигархов, координируемой, несмотря на недавнюю отставку со своего поста, Чубайсом. Коржаков в

какой-то степени мешал олигархам полностью командовать, проявлял строптивость.

Правда, не стоит забывать, что это Коржаков допустил появление самого Березовского у президента, свел президента с этим сомнительным деятелем. Это была его серьезная ошибка, серьезное упущение.

Так вот, к этому времени Коржаков перестал устраивать камарилью, так как ей требовался более простой путь к президентскому уху, она не хотела считаться уже и с самим президентом и вообще допускать, чтобы кто-либо хоть каким-то образом пытался отследить ее деятельность. Камарилья в составе группы олигархов, Чубайса и некоторых основных деятелей НТВ, а также руководителей некоторых других средств массовой информации хотела абсолютной власти. Она хотела полностью манипулировать Ельциным, ей нужна была лишь кукла, чтобы периодически выводить ее на люди, а на самом деле просто править от ее имени, то есть взять факсимиле с подписью и шлепать указы, постановления, нужные шайке, окопавшейся в ближайшем круге президента.

В этой схеме Коржакову не было места, и поэтому начал возникать серьезный конфликт между его командой и этой камарильей, которая в тот момент была уже достаточно сильна. Козырем камарильи являлся как раз низкий рейтинг президента. Получив из его рук средства массовой информации, деньги и лучшие предприятия страны, они тем не менее обливали его же грязью, создавали ему оппозицию, чтобы, запугав его, расправиться с последней оппозицией в его ближнем круге, а именно с группой Коржакова, и полностью захватить власть в свои руки.

Нагнетая всю эту истерию, они добились своего. Дело в том, что через дочь президента Татьяну Дьяченко эта группа начала формировать у испуганного и больного Ельцина мнение, что надо отделаться от Коржакова, поскольку с ним

он проиграет выборы, а какой ужас ожидает его после этого, не надо было даже объяснять. Коржаков не смог ничего противопоставить этой хорошо спланированной комбинации по раскрутке коммунистов и последующему захвату власти группировкой в составе ее главных руководителей Чубайса, Березовского, Юмашева и других участников олигархической коалиции, а также дочери президента.

Коржаков лишь предлагал Ельцину перенести выборы. Это было, очевидно, сложным способом решения вопроса, потому что предусматривало нарушение всех формальных демократических процедур. Но тут надо учитывать всю анекдотичность существовавшей демократии, и уж кто как не Коржаков отлично это понимал! Он прекрасно знал, каким образом функционирует эта политическая система, и поэтому столь пренебрежительно относился к демократии в России.

В этой связи можно вспомнить эпизод из книги Коржакова о том, как обсуждались возможные действия против Верховного Совета России в 1993 году. Это показывает, как Ельцин вообще относился к демократическим институтам.

«Итак, Верховный Совет в 1993 году 20 марта. Ельцин выступает с первой попыткой разогнать Верховный Совет России и, выступив по телевидению, говорит, что он подготовил указ об особом порядке управления в стране. Верховный Совет резко протестует против этого указа, и через несколько дней, 26 марта, открывается внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР, который должен был решать вопрос об импичменте. Двадцать второго марта Ельцин вызвал генерала Барсукова: «Надо быть готовыми к худшему, Михаил Иванович. Продумайте план действий, если вдруг придется арестовывать съезд». «Сколько у меня времени?» — поинтересовался генерал. — «Два дня максимум». Президент получил план спустя сутки. Суть его сводилась к выдворению депутатов из зала заседания, за-

тем уже из Кремля. По плану указ о роспуске съезда в случае импичмента должен был находиться запечатанным в конверте. После окончания работы счетной комиссии, если бы импичмент все-таки состоялся, по громкой связи из кабины переводчиков офицеру с поставленным и решительным голосом предстояло зачитать текст указа. С кабиной постоянную связь должен был поддерживать Барсуков, которому раньше всех стало бы известно о результате подсчета голосов. И если бы депутаты после оглашения текста отказались выполнить волю президента, им бы тут же отключили свет, воду, тепло, канализацию, словом, все то, что только можно отключить. На случай сидячих забастовок в темноте и холоде было предусмотрено «выкуривание» народных избранников из помещения. На балконах решили разместить, расставить канистры с хлорпикрином, химическим веществом раздражающего действия. Это средство обычно применяют на учениях личного состава вооруженных сил для проверки, подгонки противогазов в камере окуривания. Окажись в противогазе хоть малюсенькая дырочка, испытатель выскакивает из помещения быстрее, чем пробка из бутылки с шампанским. Офицеры, занявшие места на балконах, готовы были по команде разлить раздражающее вещество, и, естественно, ни один избранник ни о какой забастовке уже не помышлял бы. Ельцину процедура выкуривания после возможной процедуры импичмента показалась вдвойне привлекательной. Способ гарантировал стопроцентную надежность, ведь противогазов у парламентариев не было. Каждый офицер, принимавший участие в операции, знал заранее, с какого места и какого депутата он возьмет под руки и вынесет из зала. На улице их поджидали бы комфортабельные автобусы. Борис Николаевич утвердил план без колебания».

Таким образом, можно получить представление о том, как понимал демократию Борис Николаевич Ельцин и почему предложения его верного стража Коржакова о переносе

выборов без учета действующей Конституции в принципе не должны были вызвать особых сомнений у Бориса Николаевича. Действительно, если уж обсуждалась возможность таких событий, ничего особенного в предложении просто перенести выборы не было.

Однако в 1996 году ситуация была несколько иной. Дело в том, что идея переноса выборов, с которой выступал Коржаков, была для него лишь способом уцелеть в той политической схватке, в которую с ним вступила группировка Чубайса и Березовского. И в этой схватке группа Коржакова решила поставить на перенос выборов, думая, что Ельцин все-таки больше доверится ей и таким образом окажется в зависимости от нее. Они не рассчитали силу группы Чубайса, Березовского, Гусинского и не понимали, что ситуация изменилась в связи с включением через Юмашева в игру дочери президента Татьяны Дьяченко, а также что окрепшие за это время олигархи со своими мощными финансовыми ресурсами представляют серьезную силу. И поэтому, выступив с попыткой переноса выборов, Коржаков сыграл ва-банк и проиграл.

Где-то в апреле 1996 года действительно была кульминация противостояния и, кажется, даже по приказу Коржакова и Барсукова в воскресные дни была атакована Государственная Дума, чтобы найти какие-то тайные документы о возможной связи коммунистов с Чубайсом и Березовским, и я не исключаю, что ее можно было легко доказать.

Одновременно Коржаков, как он сам же подтверждает, вступил в переговоры с представителем коммунистов В. Зоркальцевым, обсудил идею переноса выборов и, в общем-то, получил его согласие, поскольку коммунисты знали, какими методами действуют Ельцин и его окружение, какая «демократия» в нашей стране существует, и предполагали, что в случае, если они будут сильно настаивать на проведении выборов, их просто в очередной раз разгонят и

лишат даже возможности собираться в Государственной Думе. Это, кстати, очередная иллюстрация, подтверждающая контакты ельцинского окружения с коммунистами.

Но еще более интересно, что с коммунистами, скорее всего, имела контакты не только группа Коржакова и Сосковца, но и группа Чубайса и Березовского, просто по другим каналам. По некоторым сведениям, она действовала через заместителя Зюганова В. Купцова. Вот такая весной 1996 года шла интересная игра, в которой были завязаны обе группы ельцинских фаворитов, обе «дворцовые» группировки, а также верхушка коммунистов и все олигархи.

В итоге все-таки Коржаков не смог спровоцировать Ельцина на силовые действия в апреле, поскольку ему не удалось обеспечить участие в этом всех правоохранительных органов (в частности, отказался участвовать министр внутренних дел А. Куликов). Кроме того, к олигархической чубайсовской группировке примкнул Виктор Степанович Черномырдин, группа которого имела также огромное влияние. Противодействие идеям переноса выборов оказывала и влиятельная московская группировка во главе с мэром Москвы Лужковым. То есть налицо была всеобщая заинтересованность правящей элиты в том, чтобы выборы все-таки состоялись в срок, чтобы были соблюдены формальные процедуры. Просто эти формальные процедуры позволяли Лужкову баллотироваться второй раз на пост мэра Москвы, Виктору Степановичу Черномырдину — сохранить пост премьер-министра, Чубайсу — вернуться на пост руководителя Администрации президента, олигархам — закрепить свой контроль над предприятиями и устроить так, чтобы государство не вернуло им заем, обеспеченный захваченными в результате залоговых аукционов предприятиями, а также получить новый доступ к управлению государством, финансами и собственностью. Это и было сделано сразу же после выборов через назначение Потанина вице-премьером, а Бере-

зовского — заместителем секретаря Совета безопасности. Так что в этой схватке у Коржакова не было никаких шансов. Руководитель группы олигархов Березовский открыто похвалялся своими успехами и постепенно стал выходить на политическую арену. Он сосредоточил в своих руках действительно серьезную власть, поскольку и контролировал ОРТ, и выступал от имени олигархов, и появлялся все время на переговорах с различными политическими силами, а впоследствии, после выборов, стал заниматься еще и чеченской проблематикой. И чтобы закрепить свою победу, группа олигархов решила добить Коржакова и сделала это в промежутке между двумя турами выборов.

В первом туре Ельцин набрал чуть больше голосов, чем Зюганов, но для решающей победы этого было недостаточно. Кроме того, группировка Чубайса и олигархов оказалась в этот момент значительно сильнее еще и в связи с тем, что раскрутила и выдвинула на третье место до этого мало кому известного генерала А. Лебеда. Лебедь получил возможность в тот момент между турами диктовать Ельцину свои условия, что он и сделал, пообещав «передать свои голоса» в обмен на должность секретаря Совета безопасности и назначение министром обороны Игоря Родионова. Ельцину пришлось и на это пойти.

Но, кроме того, в это же время был разыгран спектакль с захватом деятелей предвыборного штаба Евстафьева, помощника Чубайса, до недавнего времени директора «Мосэнерго», и Лисовского, известного шоумена, ныне предпринимателя, занимающегося разведением кур. На выходе из Белого дома А. Евстафьев и С. Лисовский с пресловутой коробкой из-под ксерокса, в которой лежало 500 тыс. долларов, были ненадолго задержаны работниками службы безопасности президента под руководством Коржакова.

Этот случай, который неоднократно описан журналистами, на следующий день повлек за собой отставку Коржакова,

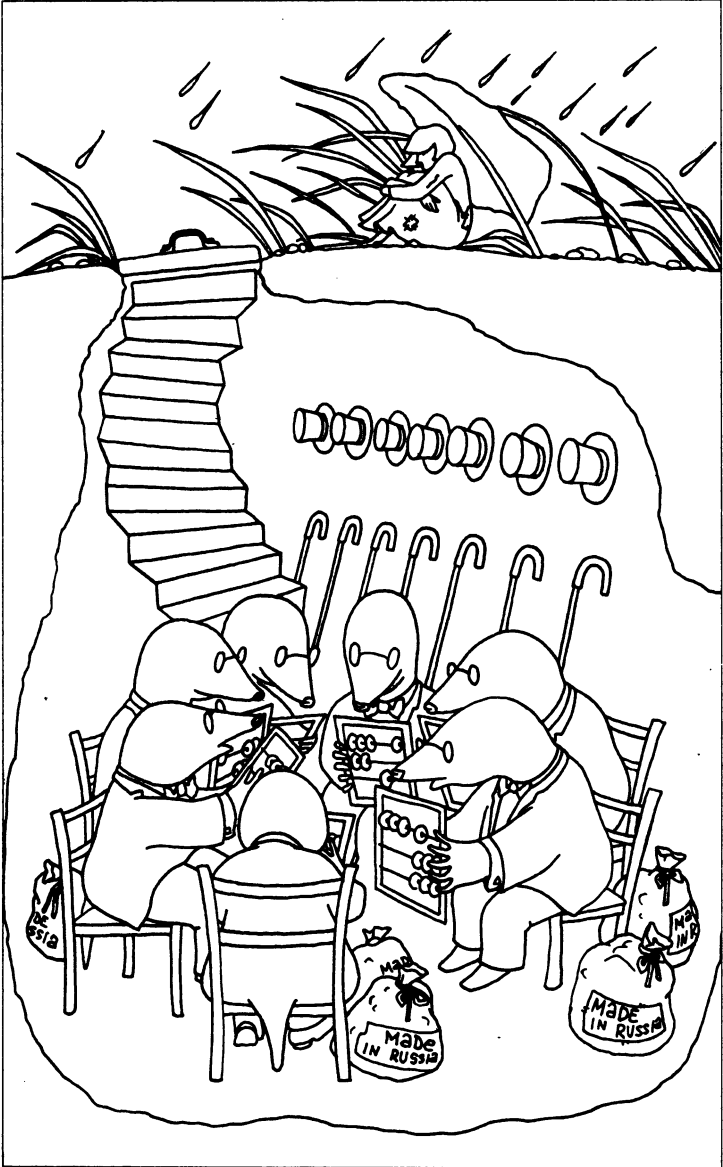
Барсукова и Сосковца, поскольку контролируемые олигархами телеканалы подняли истерию, что выборы могут быть сорваны и против демократии замышлена страшная провокация. Непонятно, правда, в чем состояла провокация, поскольку в проверке того, почему какие-то люди выносят полмиллиона долларов в коробке из-под ксерокса, по-моему, никакой провокации не было. Кроме того, они задержаны были службой безопасности самого президента, при этом с ведома ее прямых руководителей. Тем не менее была развязана истерия, которая помогла убедить Ельцина все-таки уволить этих людей со своих постов и таким образом расчистить политическое поле окончательно.

С момента избрания Ельцина на второй срок власть окончательно и бесповоротно перешла в руки этой группы олигархов и координатора реализованного проекта Анатолия Борисовича Чубайса. И посредниками, точнее исполнителями, при проведении нужного курса являлись с самого начала Татьяна Дьяченко и ее верный оруженосец, а впоследствии и муж Валентин Юмашев, после Чубайса ставший главой Администрации президента.

Эта группа лиц окончательно пришла к руководству страной на долгие годы со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями. Характерной чертой системы власти, которая складывалась в это время, явилось абсолютное пренебрежение к реальным нуждам и интересам общества. Тем людям, которые в тот момент оказались во главе государства, не было совершенно никакого дела до того, как реально обстоят дела в стране, как вывести ее из кризиса и решить те или иные государственные проблемы. К сожалению, эти люди изначально пришли во власть с одной целью — еще больше заработать с ее помощью, еще больше забрать у государства, поделить еще что-либо в своих интересах, укрепить свою монополию, и без того уже настолько мощную, что она стала тормозом развития всего го-

сударства. И действительно, «семибанкирщина» представляет собой самый печальный этап в эволюции российского государства. Через все пертурбации, через все кризисы и невзгоды, через все эти волны демагогии, лживые заявления, перехват лозунгов со стороны псевдодемократов, а на самом деле ставленников бывшей реакционной части коммунистов, произошел постепенный переход власти к малочисленной группе людей, которые совершенно этому положению не соответствовали и по своему менталитету не должны были даже близко допускаться до столь серьезного уровня принятия решений.

В советской системе, которую они заменили, несмотря на все ее недостатки, люди подобного сорта все же не допускались к высшим должностям и не пользовались настолько неограниченной властью и бесконтрольностью. Поэтому проникновение подобного сорта личностей в Кремль и получение ими неограниченных полномочий от лица уже ничего не воспринимавшего президента Ельцина просто потрясает воображение.

НЕСЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ ОЛИГАРХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Итак, перечислим основные черты, проявившиеся и закрепившиеся в результате залоговых аукционов 1995 года, выборов президента 1996 года, а также окончательной победы одного из кланов в «дворцовой» борьбе в Кремле — основные черты олигархической системы.

«Семибанкирщина»

Прежде всего, предельный монополизм в экономике и предельный тоталитаризм в политике. Это система, о возникновении которой возвестил Борис Абрамович Березовский в своем интервью, когда заявил, что семь банкиров контролируют по сути дела большую часть экономики России. И этим он бахвалился не где-нибудь, а в одной из крупнейших западных газет, что не преминули разнести другие западные средства массовой информации по всему миру.

Так вот, эта семерка обеспечила совершенно беспрецедентный монополизм в экономике России. В этот момент уже стало совершенно ясно, что никакие процессы нормального экономического развития в России невозможны. В условиях, когда естественные монополии имели возможность устанавливать любые цены и тарифы на свои услуги, когда вся экономика оказалась в руках семи банковских групп, монополизм приобрел столь грандиозные масштабы, что, по сути, закрывал любые возможности для экономического роста, так как существуют в экономике определенные ограничения даже для монополистов. При таком монополизме,

который сложился в экономике России, никакие изменения уже не могли происходить, поскольку динамика экономических процессов была подорвана всерьез и надолго, и уже нельзя было ничего исправить с помощью каких-то отдельных мер без слома всей этой системы. Но система стала настолько мощной, что о сломе ее тогда еще невозможно было не то что говорить, а даже и думать. При этом она и в политике нуждалась в тоталитарной диктатуре для обеспечения власти монополистов.

И в общем, такой тоталитаризм усиливался при формальном существовании различного рода политических институтов. Огромная концентрация финансовых ресурсов в руках нескольких лиц позволяла им тратить средства таким образом, чтобы обеспечить полнейшее бездействие всех государственных органов, в случае когда это им было необходимо, или же поставить их себе на службу. Поэтому реально все государственные органы: и представительные органы власти, и судебные, и исполнительная власть всех направлений полностью контролировались олигархами, которые сделали все эти ветви власти финансово зависимыми и в результате приобрели буквально тоталитарное влияние на все процессы, не говоря уже о средствах массовой информации, которые к этому времени финансировались опять-таки этой группировкой.

Не дальше собственного носа

Вторая черта олигархической системы — это полное отсутствие стратегических и абсолютное доминирование текущих интересов. Группировки, получившие политическое и экономическое господство, в этот период были полностью лишены стратегического видения будущего страны. Они не интересовались ничем, что выходило за их узкий горизонт

мышления, поскольку им просто не интересно было рассчитывать свои действия на десять или двадцать лет вперед, что составляет суть государственного и общественного управления в западных капиталистических странах. От разработки концепции развития, от стратегического видения, долгосрочного планирования и прогнозирования экономических процессов зависит судьба страны, конкурентоспособность ее экономики и возможности ее эволюции, место страны в международном разделении труда и в научно-техническом прогрессе. Поэтому полнейшее пренебрежение этим со стороны олигархов и увлеченность текущими проблемами находилась в чудовищном противоречии с потребностями общества в целом. Олигархи по самой своей сути не способны думать о будущем, оно их не интересует, их интересует только настоящее, поскольку именно в настоящем они являются олигархами и могут обеспечивать присвоение огромных прибылей, не считаясь с интересами общества, народа и государства. Поэтому пренебрежение стратегическими интересами является характерной чертой олигархии.

КПД паровоза

Третья черта олигархической системы — это абсолютная неэффективность олигархических групп. Созданные по волюнтаристскому принципу, эти нахватавшие собственности группировки не были способны эффективно управлять тем, чем они завладели. Они зачастую просто не понимали, что делать с полученными предприятиями, развивая только те из них, которые непосредственно сразу могли дать какую-то прибыль, оставляя без внимания те, к развитию которых нужно было приложить какие-либо усилия. Или же они торопились продать эти предприятия, иногда даже прямым иностранным конкурентам, которые просто их закрывали,

или же оставляли эти предприятия простаивать до лучших времен, пока они не разваливались, или же продавали их просто как недвижимость. Это касается прежде всего предприятий научно-технической сферы, сферы высоких технологий, военно-промышленного комплекса, приватизация которых осуществлялась без учета стоимости нематериальных активов.

Но и это еще не все формы неэффективного управления. Часто сначала присвоение предприятий, захват их в результате номенклатурной приватизации, а затем создание банковско-финансовых спекулятивных групп происходило совершенно случайным образом, и предприятия объединялись без учета их взаимных интересов. При нормальной приватизации, нормальных инвестициях они могли быть состыкованы таким образом, чтобы созданный из них единый производственный комплекс действительно развивался и приносил доходы. Но когда они были растащены по различным финансовым группам, по отдельности они просто загнивали, не давая никакого дохода и не имея никаких перспектив развития. Это была еще одна форма неэффективного управления.

Так что, в общем и целом, можно отметить, что олигархические группы были абсолютно неэффективны: Они извлекали только доход, который прямо лежал на поверхности. Сделать что-нибудь более сложное для них не представлялось возможным, особенно в тех отраслях, которые напрямую не могли принести доход немедленно. Это касается прежде всего таких производств, как машиностроение, где, допустим, владельцы предприятий даже не помышляли наладить выпуск высококачественной продукции в силу полной своей неспособности и неумения делать это, недалекости, а использовали эти предприятия чаще всего как недвижимость под склады или просто как территорию под строительство чего-нибудь другого, зачастую невыгодного не то что с народно-хозяйственной или региональной, но да-

же с точки зрения самого производственного комплекса, в который входило это предприятие. Это, например, относится в значительной степени к группе машиностроительных заводов, которые контролировал Каха Бендукидзе.

Мысль несозвучная есть ложь

Наконец, четвертая черта олигархической системы — это склонность к подавлению инакомыслия. Действительно, в эти годы, как ни странно, создался такой режим функционирования средств массовой информации, который, по сути, предусматривал подавление любого инакомыслия, причем в настолько жесткой форме, которая была нетипична даже для последних лет советской власти. Все достижения гласности времен Горбачева были утрачены. Теперь любой человек, который стремился сказать правду об олигархической системе, отсекался еще на подступах, и если все-таки кто-то из авторитетных людей пытался выступать с критикой системы, против него применялись всевозможные методы подавления: заведение уголовных дел силами подкупленных представителей правоохранительных органов, дискредитация с помощью черного пиара в контролируемой олигархами прессе и другие способы — вплоть до физического устранения, которое тоже стало практиковаться достаточно часто. Не случайно прогремела череда убийств различного рода неугодных людей.

Высшая каста, или Вещь в себе

Пятая черта олигархической системы — ее полная закрытость. Сформировалась абсолютно закрытая для посторон-

них каста неприкасаемых, которые не контактировали с остальной массой не то что населения, но даже и предпринимателей. Они жили в роскошных особняках, ездили в специальные места отдыхать, общались исключительно друг с другом и превратились в абсолютно замкнутую касту, которая переплюнула по своей закрытости Политбюро ЦК КПСС. Они имели дело только с нанятыми ими высшими чиновниками, и даже для некоторых чиновников очень высокого ранга доступ в эту касту был закрыт, настолько недосыгаемыми считали себя ее члены. Эта группировка могла легко манипулировать тяжело больным Ельциным, его недальновидной дочерью и Юмашевым, который явно не соответствовал роли руководителя Администрации президента, был смешон в этой роли, поскольку никакими необходимыми для этого поста качествами не обладал. Имея в своих рядах фактического координатора всех политических и экономических процессов в стране — Анатолия Борисовича Чубайса и второго «серого кардинала» — Березовского, эта группа настолько оторвалась от всех остальных, что уже стала забывать о том, что эти самые «остальные» еще существуют. Так что она действительно была предельно закрытой.

Экспортеры капиталов

Шестая особенность олигархической системы — это вывоз капитала, который осуществлялся по всем каналам этой абсолютно закрытой группы, вышедшей из-под контроля и нацеленной исключительно на то, чтобы вывозить капитал. Поскольку группа, несмотря на свой предельный отрыв от общества, понимала, что когда-нибудь ей придется ответить за все, что она делает, она по всем каналам старалась вывезти нажитое из России и разместить в других странах. Там, в других странах, эти люди чувствовали себя гораздо уверен-

нее, потому что они думали таким образом легализоваться, и вкладывать какие-то деньги в Россию в их кругу было совершенно не принято. Что касается захваченных ими предприятий, то одни из них они придерживали, чтобы вновь перепродать, желательно также иностранному капиталу, что и было впоследствии сделано после некоторой неудачной эксплуатации, а в другие вкладывалось ровно столько, чтобы они не развалились, не встали. Делался какой-то текущий ремонт, иногда обновлялось оборудование, но в целом износ производственных фондов — и моральный, и физический — был огромным. На это не обращали внимания, а уж никаких новых предприятий и подавно никто не строил, потому что все капиталы старались вывезти, и поскольку в этот момент был нарушен финансовый, налоговый контроль, то никаких препятствий для этого у олигархов в принципе не было.

В долгах, как в шелках

Следующей, седьмой, чертой является резкое увеличение долгов России. Несмотря на то что осуществлялся вывоз капитала, долги России не уменьшались. Как потом оказалось, в значительной степени управление долгом России также находилось в зависимости от олигархов. Они затыкали дыры в бюджете за счет займов на Западе и внутренней пирамиды ГКО, манипулируя с внутренним и внешним долгом России, вывозили из нее свои капиталы.

«Нам скрывать нечего!»

Восьмая особенность олигархической системы — исключительный цинизм и разврат, бытовавший среди ее главарей.

Достаточно прочитать интервью одного из создателей этой системы Альфреда Коха¹, который курировал залоговые аукционы, впоследствии занимал кресло вице-преьера правительства, председателя Госкомимущества почти два года до того момента, когда надо было выкупать заложенные предприятия, чего он, естественно, не сделал, фактически организовав передачу олигархам нужных им предприятий.

В своем шумевшем интервью он пренебрежительно отзывался о России, будучи в недавнем прошлом чиновником высокого ранга, говорил о том, что зарабатывает по 60 миллионов долларов в месяц, и делал другие скандальные заявления. Так же нахально вел себя и Березовский, публично заявлявший, что олигархи должны взять в руки всю власть в стране. Не менее энергично ему вторил Гусинский, а другой деятель той поры, А. Вавилов, курировавший залоговые аукционы со стороны Министерства финансов, был известен по различного рода скандалам, многие из которых были связаны с его женой, которой он делал многомиллионные в долларовом исчислении подарки, не заботясь о том, что о нем подумают. То есть все эти люди чувствовали абсолютную безнаказанность, неуязвимость.

Кроме того, к проблемам страны социального характера они относились совершенно цинично, то есть абсолютно не считались ни с какими нуждами населения, презирали тех людей, все-таки встречавшихся иногда в некоторых министерствах и ведомствах и среди местных руководителей, которые пытались все же каким-то образом осуществить преобразования. Поэтому в этой среде моральные нормы были совсем другими, и эти моральные нормы в тот момент стали доминирующими.

¹ Новая газета. 1998. 2 ноября.

Рокфеллеры, поезда и начальники станций

Один из самых устойчивых мифов, постоянно навязываемых общественному сознанию, это образ олигархов как талантливых предпринимателей, в поте лица и благодаря своему экономическому таланту, если не гениальности, с риском для жизни заработавших свои первоначальные капиталы, а теперь, «повзрослев», решивших жить уже по западным, цивилизованным правилам. Некоторым из них нравятся более романтические легенды, например, про Рокфеллера. Так, в своих интервью Михаил Ходорковский часто упоминал последнего в качестве фигуры, которой он хотел бы подражать. Ему чрезвычайно импонировало, что однажды в Гарварде на какой-то конференции один американский профессор, указывая на него, сказал, что Ходорковский это одновременно и современный Рокфеллер, и сын Рокфеллера, и даже внук.

Чем же так приглянулось Ходорковскому это сравнение? «Я хочу уложиться в собственную жизнь», — признается он в интервью «Коммерсанту»¹, имея в виду, что Рокфеллер, сколотивший, как известно, первоначальный капитал, безжалостно подавляя конкурентов, «отмылся» только в третьем поколении, почти через сто лет. По мнению бывшего олигарха, в попытке сделать это за одну жизнь нет ничего сверхъестественного: «Вас же не удивляет, что путь от лошади до железной дороги занял тысячелетия, а от железной дороги до космического корабля — столетие. То же самое и с проблемой Рокфеллеров».

Прогресс, действительно, имеет место. А в случае российских олигархов он просто огромный: ведь их состояния основаны не на подвижническом трудовом героизме основателя династии — дедушки Рокфеллера: героизм российских

¹ Коммерсант. 2005. 1 июня.

олигархов особой, «номенклатурной» природы. Они словно герои каких-то новых вестернов, которые уже даже не грабят поезда, поскольку начальник железнодорожной станции сам отбирает и отгоняет для них самые ценные составы на запасной путь, в тупик, где передает их доморощенным авантюристам в полное распоряжение под расписочку.

«Рокфеллеру было намного тяжелее, — признается олигарх. — Тогда готовых правил не было. Столетие создавалась этика в бизнесе. У них это заняло три поколения».

Однако назначенцы-олигархи в силу природы своих миллиардов не имеют возможности «отмыться». Как едко замечает Юрий Афанасьев, комментируя события вокруг «ЮКОСА»: «Наша власть сравнительно быстро и вполне убедительно им показала: на страницах «Форбс» вы, может, и самые богатые люди, и преуспевающие бизнесмены, а здесь, в России, вы холопы, и ваше место всегда то ли в прихожей, то ли вовсе «у параша», то ли еще где — там, где укажет государь»¹.

Если одни горели наивным желанием как можно скорее, «в собственную жизнь», «отмыть» свои капиталы, то другие воспевали таланты друзей по части выдумки способов откачки бюджетных денег.

Юлий Дубов, гендиректор ЛогоВАЗа, соратник Березовского, в настоящее время проживающий в качестве политического беженца в Великобритании под крылом Березовского, описывает в книге «Последняя пайка», по которой был снят нашумевший фильм «Олигарх», один из «гениальных» механизмов выкачивания денег из бюджета, так называемую «Мельницу». В предисловии автор «Пайки» уверяет: ни одно из описанных в книге событий не придумано и

¹ Афанасьев Ю. Россия — несвоевременная страна? — Свободная мысль. 2004. №11. С. 5.

представленная в книге «Мельница» успешно работала в жизни. Можно, конечно, сказать, что это все литературный вымысел, который совсем не обязательно переносить на личную жизнь автора. Но в том, что восхищение автора книги талантом изобретателя «Мельницы» — подлинное, сомневаться не приходится. Это явный симптом тяжелой болезни новейшего российского «бизнеса», кичащегося технологиями, которые поражают своей примитивностью и цинизмом и заведомо не имеют никакого отношения к экономике.

В приводимом ниже описании «Мельницы» речь идет о способе ухода от уплаты таможенных налогов при вывозе отечественных автомашин за границу, который придумал Платон — один из главных героев, прообразом которого послужил Борис Березовский.

Приводимый мной эпизод относится ко времени, когда отменили таможенные льготы для разного рода благотворительных фондов и организаций, которыми пользовались торговые фирмы для уклонения от уплаты таможенных пошлин. Платон только что закончил телефонный разговор с каким-то чиновником из Министерства финансов:

«— Я с Ним согласовал, — сообщил Платон... — Тут нужен будет всего лишь документ, утвержденный Министерством финансов. Он обещал, что сделает без проблем. Значит, идея такая. Президентский указ гласит, что он обеспечивает поддержку всяким там... объединениям и фондам. Так вот... Освобождение от таможенных платежей — это не годится. Абсолютно! И отсрочка тоже. Это все противозаконно. Надо что сделать... Выбираем банк. Там открываются такие счета: спецсчет Минфина, счет Таможенного комитета, счета всех льготников. <...> Льготнику поступил товар. Он тут же со своего счета оплачивает таможду. В полном объеме, без всяких льгот и отсрочек. Это понятно. Деньги за пять минут поступают на таможенный счет... пото-

му что все в одном банке... тут же с него списываются и по-
ступают на спецсчет Минфина. Здесь же. Вот и все.

— Я что-то не понял, — нахмурил лоб полковник Беленький. — А где же... — он пошевелил пальцами.

— Ах да, — огорчился Платон, — забыл совсем. Льготники для оплаты таможи берут в этом же банке кредит. Под очень низкий процент. Практически бесплатно. Им-то и расплачиваются с таможней.

— Где же ты такой банк найдешь? — иронически спросил полковник. — Который даст дешевый кредит, да без обеспечения, да еще и безвозвратный?

— Почему это без обеспечения! — обиделся Платон. — Я же объясняю, что президент хочет обеспечить государственную поддержку инвалидам и малому бизнесу... Вот пусть Минфин и прогарантирует возврат кредитов. На один день. А если через день льготники не вернут банку кредит, то Минфин как гарант рассчитывается с банком со своего спецсчета.

Полковник уставился на Платона как на возникшего из ниоткуда инопланетянина.

— Что-то я не врубился, — признался он. — Переведи.

— Еще раз объясняю, — терпеливо сказал Платон.

<...>

— Все равно не понял, — объявил он (*полковник Беленький — А.Б.*) наконец. — Выходит, мы платим за таможню? Так или нет?

— Так, — согласился Платон. — Кредитными деньгами. Потом эти деньги проходят по цепочке, попадают в Минфин, Минфин за тебя рассчитывается с банком. Уловил?

Полковник уловил, потому что глаза его вдруг заблестели.

— Ну ты голова! — восторженно сказал он. — Башка! А твой интерес где будет?

— Не переживай, — рассмеялся Платон. — Себя я не обижу. Просто банк, через который будет идти вся работа, назову я. И маленький, ма-а-аленький такой процент по кредиту — он и будет моим интересом. Но зато сразу со всех льготников. Именно это, кстати говоря, я только что согласовывал.

Только поражение всегда остается сиротой, а у победы много отцов. Видоизмененная «Мельница» вошла в новейшую историю российского бизнеса и была наречена в честь заместителя министра финансов, который впоследствии использовал эту же схему, но в интересах совсем других людей. И другого банка»¹.

Рынок должностей

Девятая особенность олигархической системы — это тотальная торговля должностями, которая в этот период расцвела пышным цветом, использование государственных институтов для воплощения своих замыслов, иногда — в качестве «крыши». Все должности стали продаваться и покупаться: министры, заместители министров, руководители подразделений — да кто угодно не мог быть назначен без согласования с различного рода олигархами, без их прямого финансового участия; государственные органы стали использоваться для прямых манипуляций. Характерный пример — Совет безопасности, которым во времена И. Рыбкина фактически руководил Борис Березовский, а Рыбкин выполнял роль зиц-председателя Фунта и, по сути, не влиял на работу этого органа. Так же действовал Березовский в «Аэрофлоте», где он для начала расставил своих

¹ Дубов Ю. Большая пайка. — М.: Вагриус, 2000.

менеджеров и таким образом без всякой приватизации контролировал государственную компанию. Эта схема применялась очень часто, поэтому иногда даже формально демократические институты, как, например Государственная Дума или Совет Федерации, также использовались для манипуляций, то есть олигархам не было нужды менять эти формальные структуры, поэтому Государственная Дума в какой-то момент оказалась также приватизирована этой группой. Фактически фракции, несмотря на разницу их позиций, в общем и целом были скуплены олигархами на корню, и именно они, а вовсе не лидеры депутатских групп и объединений, решали, что и как делать в той или иной политической ситуации.

Патриотизм не в моде

Следующий, десятый пункт — это полнейшее вытеснение патриотов, государственников, людей, которые действительно интересовались судьбой страны, людей дела из структур власти. Олигархи всячески вычищали из органов власти всех людей, которые мыслили по-государственному, хотели работать честно, пытались каким-то образом действительно помогать стране и не брали взятку. Такие люди были не нужны, и поэтому они тотально вычищались и выжигались каленым железом, чтобы и духу их не было в высших эшелонах власти.

Одиннадцатый пункт — это преклонение перед Западом. Поскольку Запад являлся «крышей» для олигархов, они видели в нем единственное спасение в случае краха своего преступного режима, и, как оказалось, так и вышло, учитывая последние перемещения всех олигархов, а именно Березовского, Гусинского, Абрамовича и других на Запад. Олигархи изначально все ползали на коленях перед запад-

ными лидерами, пытаясь заручиться их поддержкой, поскольку понимали, что никакой опоры внутри страны у них нет, и видели в поддержке Запада основу своего дальнейшего процветания. Ну и, кроме того, очевидно, что все деньги у них находились на Западе, так как своего народа они боялись, ненавидели его и хищнически обирали. Поэтому, все вывозя на Запад, они, естественно, были влюблены во все западное, пресмыкались перед Западом, хотя на самом Западе их воспринимали как никчемных нуворишей и презирали как ублюдков, разоривших собственную страну, глумившихся над собственным народом, а теперь приехавших на Запад и кичащихся каким-то наворованным богатством. Поэтому они никем не воспринимались всерьез и не воспринимаются до сих пор.

Смирно! Равнение на Запад!

Запад был «крышей» олигархов, и они полностью зависели от мнения западных лидеров, с одной стороны, и от поведения западных финансистов — с другой. Поскольку наши нувориши размещали средства по каналам своих западных партнеров, западные финансовые институты, западные банкиры фактически могли диктовать им свою волю. Например, в Швейцарии очень хорошо известно, что значительные объемы капиталов в швейцарских банках ввезены из России, и швейцарские банкиры в любой момент могут организовать судебные процессы, инициировать процедуру замораживания этих капиталов для проверки законности их происхождения. Проверка может затянуться и привести к тому, что эти капиталы будут признаны не совсем чистыми. Вероятность такого развития событий увеличится в случае возбуждения в России уголовных дел по поводу происхождения этих капиталов.

И если этого не происходит, хотя такие идеи порой высказывают швейцарские финансисты и представители правящей элиты, это означает лишь то, что они имеют определенный механизм влияния на наших олигархов, хранящих деньги в их банках, и в каком-то смысле удовлетворены этим влиянием. То же самое можно сказать и о других странах, где сосредоточены вывезенные из России огромные деньги, например об Англии или Франции. Сомнительное происхождение этих сумм позволяет платить внесшим их лицам гораздо меньшие проценты, если вообще платить, навязывать им кабальные условия договоров, например запрещающие в течение длительного времени забирать деньги. Поступить так со своими западными партнерами ни швейцарские, ни английские финансисты, естественно, не могут.

Им очень выгоден этот процесс, а нашим нуворишам ни в коем случае нельзя ссориться с западными партнерами, и поэтому они идут на все. Кстати, с этим связаны постоянные попытки передать управление захваченными компаниями иностранцам, иностранным менеджерам, что мы видели в нефтяном секторе, в том же «ЮКОСе», а также в «Тюменской нефтяной компании» и в других, когда после захвата предприятия там появляются еще и иностранные менеджеры. Это, с одной стороны, своего рода страховка олигархов, пытающихся таким образом защититься от возможных перемен политической конъюнктуры внутри страны, а с другой — проявление зависимости от Запада, где находятся их капиталы. В силу этой зависимости западные финансовые группы могут влиять на своих партнеров — российских олигархов и предлагать им назначать на ключевые должности своих представителей.

Такая схема, кстати, использовалась и самими олигархами для захвата крупнейших государственных предприятий. Сначала они в лице уполномоченных банков брали на себя

их финансовое обслуживание. Так было в случае с «Норильским никелем» и группой «ОНЭКСИМ», когда эта группа сначала выполняла расчетные функции для «Норильского никеля», а потом, сосредоточив его финансовые потоки (не только легальные, но и скрытые), постепенно добилась отстранения прежнего руководства и в результате залоговых аукционов и деятельности Альфреда Коха полностью захватила предприятия «Норильского никеля» и до сих пор ими управляет.

А деятельность швейцарских или английских банкиров по продвижению своих интересов не очень сильно отличалась от деятельности группы «ОНЭКСИМ» по захвату «Норильского никеля», поэтому не исключено, что в дальнейшем какая-нибудь швейцарская или английская финансовая группировка может подобным образом поступить с тем же Владимиром Потаниным. Сперва сконцентрировав все расчеты на Западе и осуществляя их через свою финансовую структуру, она может потом продиктовать ослабленному российскому олигарху любые условия, в том числе может потребовать осуществить кадровые и организационные изменения в самой группе.

Естественно, пример с Потаниным является выборочным. То же самое можно сказать и о других бизнесменах из этой группы.

«Облико морале», или По закону джунглей

Наконец, следующая важнейшая черта олигархической системы — это насаждение чуждых культурных ценностей и всеобщей аморальности среди населения. Для того чтобы осуществлять свое господство, эта система нуждается в создании специфической идеологии, идеологии полного пренеб-

режения к нормам закона, морали, нравственности, в разрушении веры в справедливость, в поощрении действий по принципам «кто успел, тот и съел», «схватил — беги», в распространении психологии приматов, биовыживательной психологии, психологии игнорирования всех нужд коллектива, общества, доминирования животных потребностей индивида, которые должны удовлетворяться любыми способами, в том числе криминальными. Такая аморальная обстановка устраивает олигархов, более того, она отвечает их интересам, она им необходима. Для этого они распространили в нашей стране через средства массовой информации чуждые нам культурные ценности. Изначально даже в условиях советской идеологии в России господствовали нормальные взгляды на жизнь, и российский народ отличался доброжелательностью, уважительным отношением друг к другу, коллективизмом, взаимовыручкой и другими положительными качествами. Но это мешало олигархам. Чтобы господствовать, им нужно было убедить всех в том, что главная цель в жизни — деньги любой ценой, купание в роскоши, при этом другие люди представляют собой угрозу или обузу, поэтому надо стравить их между собой. А воспользовавшись всеобщей враждой, войной всех против всех, проще сохранить свое господство.

Хорошее государство — слабое государство

Наконец, еще две черты, которые замыкают наш список характерных признаков олигархической системы. Первая из них, а в общем перечне тринадцатая — это кумовство во всех формах, местничество, опора во всем на региональных «князьков», курс на распад России. При этом чеченская тема использовалась как таран. Чечня является сугубо олигархическим порождением, не случайно куратором этих регионов всегда выступал Борис Абрамович Березовский.

Другие региональные деятели ведут себя совсем иначе, они не так активно участвуют в борьбе с Центром, однако осуществляют скрытую деятельность, которая находится в полном соответствии с олигархическими планами. Ведь благодаря слабости центральной власти и наличию большого количества региональных «князьков» происходит усиление финансово-олигархических групп на федеральном уровне. При этом Чечня, используемая как рычаг, как пугало, как средство политических манипуляций и финансовых махинаций, необходима и олигархам, чтобы давить на центральную власть, и региональным «князькам», чтобы не платить Центру лишних денег и держать его в узде.

Местничество и доминирование местных интересов над общенациональными не встречает противодействия, а кумовство пышным цветом цветет во многих регионах, где невооруженным глазом заметно участие родственников высших руководителей в бизнесе и полнейшая личная уния руководства политического и соответствующих бизнес-структур.

Кумовство активно насаждается и в регионах, и в Центре, в чем олигархи, как идеологи системы, заинтересованы. Создаваемая таким образом круговая порука, «замазанность» руководителей связями с коммерческими структурами обеспечивают еще большую закрытость системы. Создается безопасная обстановка для действия олигархических групп, поскольку любой, кто в этой системе отклонится от установленного олигархами курса, будет немедленно раздавлен: его бизнес-интересы будут обнародованы, либо на него будут направлены государственные органы, прежде всего правоохранительные, контролируемые олигархами и президентской администрацией.

Это роднит олигархическую систему с советской номенклатурной системой, в которой существовал точно такой же порядок: иногда в определенных масштабах (в некоторых областях, регионах, отраслях) допускались воровство и взя-

точничество, коррупция и теневая экономика. Это делалось для того, чтобы держать людей под колпаком, в страхе и в любой нужный момент взяться за них жестко и показать, кто в доме хозяин. Таков был универсальный метод управления в советских условиях.

Олигархическая «кухня»: слоеный пирог

И наконец, еще одна особенность олигархической системы, возникшей в то время, — это ее иерархический характер. Эта система напоминала некий многослойный пирог.

Первый ее слой возник еще в эпоху массовой приватизации, когда «красные директора» стараниями Чубайса и комитетов по управлению имуществом превращались в собственников, осуществлялась номенклатурная, директорская приватизация. Захватившие контрольные пакеты акций группы директоров либо приближенных к ним лиц составили основную политическую и экономическую базу новой системы.

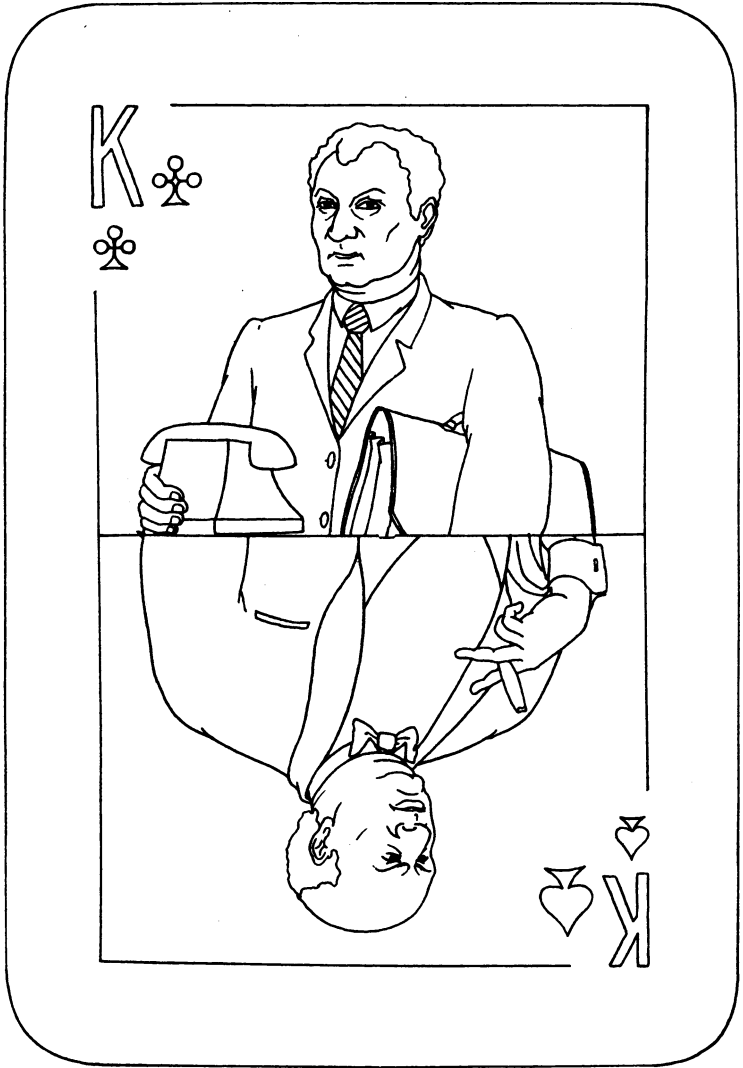
Затем, спустя некоторое время, через разного рода перераспределительные механизмы и борьбу друг с другом выделились более жизнеспособные в этих условиях банковские группы и местные «князьки». Это были так называемые уполномоченные банки и освобожденные от уплаты налогов регионы, образовавшие второй слой. Этот слой все-таки был еще отделен от «двора».

«Двор», то есть те, кто находился непосредственно вокруг «трона», являлся третьим слоем. Это были фавориты и «дворцовые» интриганы, чуть позже их сократившийся круг, а именно Таня, Валя, Боря и Рома (то есть Дьяченко, Юмашев, Березовский и Абрамович), и, естественно, контролирующая эту группу «семибанкирщина» во главе с ее

координатором Анатолием Борисовичем Чубайсом, приобрел название «семья».

Вот такой иерархический характер носила эта система, очень сильно напоминающая Политбюро ЦК КПСС, а также партийные органы на местах. Что характерно: многие прежние партийные и советские руководители перекочевали в эту новую систему, а если даже и не они, то их ближайшие родственники или дружественные им структуры. Они постепенно влились в эту иерархию, которая, по сути, была воспроизведена с конца советского периода и абсолютно не подверглась положительным изменениям, которые в конце 80-х годов все-таки происходили в экономике. Их не затронули ни активизация предпринимательства, ни улучшение работы предприятий через внедрение новых форм хозяйствования, ни усовершенствование хозяйственного механизма, хозрасчета, аренды, ни организация кооперативов и совместных предприятий, центров научно-технического творчества молодежи.

Все это было к тому времени забыто, а некоторые из участников этой деятельности были постепенно интегрированы в жесткую иерархическую трехслойную систему политико-экономического контроля, который сосредоточился в руках новой номенклатурной элиты, абсолютно не функциональной, не способной к решению каких-либо государственных задач. Для того чтобы избавиться от таких руководителей, по большому счету, и затеяны были Горбачевым в свое время все реформы, задача которых была — привести к управлению государством инициативных, достойных и честных людей. Эта задача не только не была решена, но все положительное, что в рамках реформ Горбачева было достигнуто, полностью забылось. В результате сложилась трехслойная тоталитарная монополистическая пирамида политико-экономической власти. «Золото партии» окончательно преобразилось и теперь выражало себя в этой олигархической пирамиде.

ОЛИГАРХИ И ПАРТИЙНАЯ НОМЕНКЛАТУРА. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Существовали ли какие-то отличия новой, сложившейся в середине 90-х годов, системы от старого политбюро? Несмотря на большое сходство с тем, что было, особенно до начала каких-либо реформ, до момента, когда начались какие-то изменения в политике и в экономике во время перестройки, несмотря на сходство с периодом конца брежневского застоя с его разгулом коррупции и фактическим беспределом, отличия имелись. И первое отличие — это полное отсутствие ответственности олигархической верхушки за судьбу страны.

В ответе за судьбы страны и народа, или Кузнецы собственного счастья

Политбюро все-таки осуществляло, пусть не совсем в правильной форме, функции государственного управления, пусть иногда допуская ошибки, но все-таки постоянно следило за тем, чтобы наше государство хоть каким-то образом соответствовало параметрам развитого государства в условиях холодной войны и противостояния двух систем. Олигархи, окончательно пришедшие к руководству страной в середине 90-х годов, несколько не были озабочены тем, что российское государство потерпело тяжелое поражение в холодной войне и оказалось отброшено назад. Это произошло по вине как раз тех политических и экономических

сил, которые в 1991 году остановили нормальные экономические и политические реформы и осуществили захват власти, извратив лозунги и идеи, перехваченные у тех, кто на самом деле думал о судьбе страны. Олигархи являлись порождением системы, основы которой были заложены в 1992 году Гайдаром. Затем через чубайсовскую приватизацию, через залоговые аукционы произошел захват политической власти группой «дворцовых» интриганов, фаворитов, субсидируемых из нескольких финансовых источников.

Вот приблизительная картина эволюции российской власти в это время. Эти пришедшие к руководству группы вообще никоим образом не думали о процветании страны, о том, чтобы как-то заботиться о поддержании международного положения России. И на это были веские причины, поскольку они зависели полностью от Запада и рассчитывали на Запад в борьбе с собственным народом, который ненавидел и продолжает ненавидеть шайку, захватившую общенародную собственность, присвоившую ее и при этом, прикрываясь лживой и лицемерной демагогией, еще объявившую себя либералами, демократами и реформаторами. Естественно, эти люди боятся своего народа и могут положиться лишь на западных лидеров (которые заинтересованы в развале России и ее постепенной деградации), поэтому они и не хотят развивать российское государство.

А кроме того, слабое государство помогает им воровать и дальше, поэтому они не заинтересованы в его усилении. Свое будущее они видят за границей, а политбюро видело свое будущее внутри страны, так как не могли члены политбюро эмигрировать за рубеж и там пожинать плоды своего правления, и это их сдерживало. Они вынуждены были все-таки думать о престиже, о влиянии советского государства, о его положении в мире в условиях противостояния двух систем, и это все-таки рождало некоторую ответственность.

Государственные интересы российскими олигархами вообще не учитывались, и родилась даже теория (сначала она выражалась в работах Гайдара, затем в наиболее наглой форме пропагандировалась Березовским), суть которой сводилась к тому, что государство либо вообще не нужно, либо оно должно обслуживать «семибанкиршину», кучку дорвавшихся до власти псевдобизнесменов, которые произросли исключительно из застойной партийной номенклатуры.

Коррупция по-коммунистически и по-олигархически

Еще одно отличие этой олигархической группы от политбюро. Экономику периода ее господства в целом характеризовала тотальная коррумпированность. В отличие от системы советской власти, когда коррупция хотя и существовала, но не охватывала все общество, поскольку действовала своего рода система сдержек и противовесов, здесь каких либо структурных ограничений не было вообще. В Политбюро ЦК и в партийном аппарате соотношение взяточников и честных людей составляло примерно 50 на 50, поскольку ряд аппаратчиков делал карьеру нормальным образом, они просто хотели получить квартиру, машину, привилегии, доступ к закрытому распределителю, а взятки брать боялись. В советской системе можно было сделать карьеру без прямого участия в коррумпированной структуре, чего не скажешь об олигархической системе. В развитой олигархической системе надо было уже непосредственно состоять в какой-либо группировке, в какой-либо шайке и лично участвовать в хищениях средств, поскольку в противном случае человек был не лоялен к группировке, и она не мог-

ла допустить выдвижение таких людей на более высокие уровни иерархической лестницы.

В советской же системе не обязательно было напрямую участвовать в хищениях. Руководители номенклатуры были достаточно дальновидны и понимали, что нельзя, чтобы в высших эшелонах власти коррупция охватывала всех поголовно, поскольку тогда будет очень сложно осуществлять управление: при всеобщем подкупе людей руководитель теряет возможность маневра. Он уже не может так легко проводить свою линию, как в ситуации, когда взятки берет лишь часть его подчиненных. Поэтому всегда допускалось и наличие перспективы для других людей, которые могли добиться всего если не за счет инициативы или деловой сметки, то за счет подхалимажа, лизоблюдства или же просто за счет того, что сидели тихо и не обращали на себя внимания. Допускалось существование большой группы людей, не вовлеченных непосредственно в коррупционную деятельность, но занимающих достаточно высокое положение в обществе. Дача, персональная машина, квартира в элитном «цэковском» доме, паек или распределитель по тем временам являлись настолько большой наградой для номенклатурщика, что и стимула-то участвовать в коррупционной деятельности у него не было.

Коррупционная деятельность была достаточно опасной, ею занимались не все люди, а лишь часть, и она иногда преследовалась: периодически происходили чистки, возбуждались уголовные дела, правда, они имели регионально-отраслевой характер, но все равно иногда какой-то регион или какая-то отрасль подпадали под удар. То есть при советской власти, во-первых, коррупционерам грозила большая опасность и, во-вторых, существовали и иные пути продвижения, помимо коррупции, иные способы достичь очень высокого статуса. Иметь много денег было опасно, да и не всегда нужно.

В олигархической системе честно заработать можно было только жалкие гроши и, наоборот, можно было фантастически обогатиться нечестным путем. Поведение таких чиновников, как Кох и Вавилов, демонстрирующих свою полную независимость от закона, показало, что можно использовать свое влияние для того, чтобы получить большие деньги и потом их расходовать, что можно иметь денег сколько угодно и, наконец, что коррупционерам ничего не грозит. Чрезвычайно малое число взяточников, привлеченных к ответственности, наводило каждого чиновника на мысль, что надо именно так и поступать, то есть хватать все, что ни попадя, пока есть такая возможность. Такая модель поведения стала в олигархической системе не просто доминирующей, а всеобъемлющей, поскольку другого подхода просто не было. Тотальная коррупция опасна тем, что она перекрывает дорогу людям другого плана, не коррупционерам.

Коррупционеры заинтересованы в том, чтобы все вокруг были повязаны, чтобы существовала круговая порука: создается ситуация, когда все должны брать взятки, все до одного, иначе человек не имеет никаких шансов продвинуться в этой системе. Что же касается советской системы, то мы видим, что даже в политбюро были разные веяния, и даже на уровне самой верхушки рядом с Брежневым действовали разные кланы. Один клан, скажем, возглавляемый Щелоковым, Чурбановым, Рашидовым, был нацелен на хищения, коррупцию, подкуп. Существовала развитая система коррупции, в которую были вовлечены многие области, регионы, отрасли. Но параллельно в политбюро и ниже, в аппарате ЦК, в местных комитетах партии была достаточно большая прослойка людей, непосредственно не замешанных ни в каких махинациях, людей типа уже упоминавшегося нами Сулова, по поводу скромности которого ходили анекдоты; людей типа Андропова, который также был в основном сосредоточен на карьере, а не на материальных до-

ходах. Нельзя сказать, что они представляли лучшую часть общества, зачастую их воля к власти была просто больше, чем у людей другого плана, и они готовы были отказаться от материальных благ, чтобы прорваться к власти. Это обуславливалось не их положительными качествами, а просто тем, что прорваться к власти в той системе можно было и без прямого участия в коррупции. Это могли быть люди с явно деспотическими наклонностями, тоталитарным мышлением, зачастую идеологически чрезмерно ортодоксальные, нетерпимые к любым новациям, реформам, попыткам изменить социалистическое общество, преобразовать его в более современное, но тем не менее взяток они не брали.

С другой стороны, продвижение номенклатурщиков в административно-командной системе, которая предусматривала сильное теневое влияние, обычно было связано с их взаимоотношениями по поводу теневых факторов. Номенклатурщик или партократ мог сделать хорошую партийную карьеру и своими действиями косвенно способствовать определенным хозяйственным руководителям или определенному бюрократическому клану или просто своей политической линией создавать благоприятные возможности для решения тех или иных хозяйственных и зачастую коррупционных задач. Об этом он мог и не догадываться, потому что он-то делал карьеру, старался продвинуться, а каким образом пользовались этим на более низких иерархических этапах, ступенях бюрократической лестницы, этот человек не всегда мог себе представлять. И поэтому тот факт, что он непосредственно не был связан с теневыми дельцами, еще ни о чем не говорит. Он мог точно так же быть интегрирован в административно-командную систему и теневую экономику, просто играть в этой системе определенную роль, потому что в этой системе все играли свои роли, и далеко не каждому было необходимо вступать в коррупционные связи. Человек мог реализоваться и по-другому.

Другое дело олигархическая система. Здесь произошло, к сожалению, самое худшее — все должности действительно стали продаваться, все экономические решения стали кому-то выгодны, носили конъюнктурный характер и принимались под влиянием только сиюминутных, чаще всего корыстных соображений, и это повлекло, конечно, очень серьезную деформацию в кадровом потенциале, в управленческих структурах. По сути дела, это породило хаос и неуправляемость. Даже верхушка общества в такой коррумпированной машине не могла уже четко отслеживать, что происходит, и сама становилась заложником вот этих хаотических корыстных криминальных действий.

И каждый, кто пытался хоть чем-то противиться этой системе, немедленно устранялся — подавлялся и вышвыривался из этой новой олигархической номенклатуры, поскольку там не допускалась уже никакая форма честности. Вот, на мой взгляд, важное, очень серьезное отличие коррупции старой, советской, партokratической от коррупции новой, демократической и олигархической.

Достойные наследники

В итоге мы можем при взгляде на эту сложившуюся олигархическую систему отметить три важнейшие черты сходства, бросающиеся в глаза при сопоставлении ее с советской бюрократией, с советской номенклатурной системой, с системой теневой экономики и черного рынка, господствовавшей в конце 80-х и просуществовавшей до начала 90-х годов. Отличия от этой системы мы уже перечислили, но все же в основе лежало то, что эти системы были очень и очень похожи.

Во-первых, в обеих присутствовали те же самые люди. Те же самые люди, которые верховодили в номенклатуре в

конце 80-х—начале 90-х годов, большая часть которых должна была быть отстранена от руководства страной и отойти на второй план, к сожалению, в результате перехвата демократических лозунгов и извращения экономических реформ оказались у руля и заняли еще более высокое положение. Таким образом, те же самые лица через пять-семь лет снова стали доминирующей, руководящей и направляющей силой нашего общества. Это несколько тысяч людей, которые фактически разделили всю собственность и власть между собой. Причем не всегда это были те же самые люди в буквальном смысле. Это могли быть их родственники.

Не надо, наверное, доказывать факт участия родственников бывших партийных и хозяйственных руководителей в крупных коммерческих структурах, постоянное возникновение новых коммерческих структур на основе родственных связей. Не всегда это были прямые родственники, потому что кто-то был более боязлив и осторожен, кто-то менее, но обычно создавались необходимые условия для родственников или же для дружественных, зависимых людей. Чаще всего это были номинальные владельцы, которые постепенно, по мере дальнейшего развития отодвигались на второй план, хотя иногда бывало и так, что номинальные владельцы вдруг проявляли прыть и им удавалось вытребовать себе достаточно большую долю, а то и потеснить прежних хозяев на вторые роли. Но это не имеет серьезного значения для процесса в целом, потому что даже если кто-то кого-то в процессе отеснил, сути это не меняет. Все равно это была та же самая структура, те же люди или их представители, родственники.

Тут надо добавить, что часть изменений в составе номенклатуры после 1990—1991 годов была связана с возрастной ротацией. И в старой системе, даже если бы она продолжала существовать, руководители уходили бы на пенсию, потому что существовал все-таки возрастной фактор и естественная ротация должна была произойти. Поэтому замену и

появление новых лиц можно просто списать на выбытие из состава номенклатуры ее части по возрасту или по причине смерти. Так что часть тех новых людей, которые влились в структуры власти, оказалась бы там при любом раскладе. Они просто должны были появиться как новое поколение номенклатуры, хотя они и назывались бы несколько иначе в той системе. Так что в целом можно сказать, что участники олигархической и советской номенклатурной системы — это были те же самые люди.

Назад в будущее, или Пирог по дедушкиному рецепту

Во-вторых, форма и структура власти сохранилась с советских времен. Это был трехслойный пирог, трехуровневая иерархическая пирамида, основу которой составляли бывшие «красные директора», превратившиеся в собственников, второй слой — отраслевые и региональные финансовые группы, в которые фактически была перекачана власть отраслевых и региональных руководителей, и над ними — олигархические группы «семибанкирщины». По сути дела, это было «второе издание» вертикали, существовавшей в советские времена, а именно: местные партийные комитеты, ЦК КПСС и Политбюро ЦК. Приблизительно совпадали и количественные показатели: политбюро — десять человек, ЦК — 500 человек и местные комитеты — несколько тысяч. В принципе при количественном и качественном анализе мы видим, что структура абсолютно та же самая. Более того, эти люди зачастую использовали те же самые средства связи, сидели в тех же кабинетах, то есть во многих случаях не происходило даже территориального или технического изменения.

К каждому — индивидуальный подход, или «Чего изволите?»

Наконец, третья черта сходства. Олигархическая система использовала те же методы правления, которыми пользовалась ее предшественница, — административно-командная, бюрократическая, номенклатурная система. Во-первых, все делалось в форме запретов и разрешений. То есть наличие запретов было главным элементом этой системы. Запреты надо было обходить либо отменять, поэтому возникали разрешения, поэтому в центре внимания находились те, кто мог запрещать или разрешать. Опять распространение получили льготы, всяческие индивидуальные нормативы и показатели.

Название «индивидуальные нормативы» не использовалось, но фактически они существовали, поскольку в сфере и налогообложения, и таможенного регулирования к каждому предприятию применялся абсолютно индивидуальный подход. И реальные затраты предприятия формировались на основе личных неформальных соглашений между руководителями разного рода группировок. Поэтому в конечном счете это были те же самые системы индивидуальных нормативов, от которых мы, казалось бы, ушли в конце 80-х годов. Восстановилась полностью так называемая система неформальных управленческих взаимодействий, опять расцвели пышным цветом «административная валюта», «бюрократический бартер», «телефонное право».

Ученики, превзошедшие учителей

Все эти явления снова стали сутью нашей экономической системы, и на новой основе они возникли даже в более вы-

пуклой и откровенной форме. Государство несло серьезные убытки, интересы общества полностью игнорировались; олигархическая система в этом смысле пошла гораздо дальше бюрократической номенклатурной системы. То, что могли позволить себе ее руководители в плане установления индивидуальных нормативов, раздачи льгот, создания абсолютно неравных условий для участников экономического процесса, этого, конечно, не могли позволить себе даже руководители в эпоху советской власти. Новые «хозяева жизни» пошли гораздо дальше своих прародителей из политбюро.

Таким образом, произошла реставрация, но на гораздо худшей основе, реставрация на основе сохранения всех самых худших черт социализма и впитывания самых худших черт капитализма, притом, что все лучшие черты и социализма, и капитализма как раз остались за бортом. Лучшие черты социализма — социальные гарантии и возможность обеспечить планомерное развитие общества и лучшее, что есть у капитализма — рыночная экономика, конкуренция, свобода и демократия, — все это было отброшено. К недостаткам социализма добавились все так называемые родимые пятна и язвы капитализма, которые так бичевали в свое время коммунистические идеологи.

Элитариат как могильщик

Реставрация режима оказалась гораздо хуже изначально существовавшего режима, и отсюда эта политическая ностальгия большой массы людей по прошлому, уверенность в том, что во времена социализма, при советской власти было хорошо, хотя, может быть, были и недостатки. Люди инстинктивно чувствовали, что система, которую олигархи

построили в стране, полностью повторяет старую систему, которая была у нас, которая должна была быть деформирована и реформирована в конце 80-х годов. Она полностью сохранена, но на худшей основе. Теперь уже нувориши и главари новой системы были избавлены от необходимости нести ответственность за социальные проблемы. Им уже было все равно, что будет с населением, поэтому они взяли курс на фактическое выживание людей, то есть добивались того, чтобы по возможности вымерло как можно больше пожилых людей, о которых надо все-таки каким-то образом заботиться. А молодежь, по их мнению, должна была о себе позаботиться сама. И она действительно старалась о себе позаботиться, в том числе в форме создания новых бандитских группировок и иного криминала. Творцы олигархической системы уверены, что так и надо устраивать общественную жизнь. Людей социально незащищенных они считают лишними, а молодежь каким-то образом прокормится, поскольку будет выполнять задания «хозяев жизни», в том числе уничтожать и грабить остальную часть населения, добывая тех, кто еще пытается сделать что-то для страны — какого-нибудь научного работника, который хочет сделать что-нибудь полезное в институте; какого-нибудь директора предприятия, если он пытается выпускать нормальную продукцию, конкурировать с предприятиями олигархов. К числу заданий, которые можно дать молодым, относится, скажем, разгром магазина конкурентов, не имеющих мощной «крыши», и так далее. Для решения этих задач нужны боевики, люди с соответствующими моральными принципами, поэтому их воспроизводство олигархическая система поощряет. А остальных она приговорила к смерти. Такая сверхжестокая система конечно же гораздо хуже той, от которой она отпочковалась и эволюционировала. При советской власти такие люди, как Березовский и Чубайс, не смогли бы проникнуть на ключевые посты, поскольку там все-таки существовала какая-то система фильтрации и подобным лю-

дям ставились заслоны еще на подходе. Вряд ли Березовский или Абрамович смогли бы вертеть политбюро. Может быть, старая система отсекала и достойных и инициативных людей, поскольку они вызывали тревогу у номенклатуры, но все-таки очевидных жуликов, явных мошенников, людей, опасных для общества, она тоже отсекала, особенно после Сталина, в эпоху которого опасные люди проникли на самые высшие посты в номенклатуре и начали саму же номенклатуру истреблять. Номенклатура хорошо это запомнила, поэтому номенклатурщики все-таки нутром чувствовали, что нельзя допускать сверхаморальных личностей на командные высоты в экономике и политике.

ЭТАП ПЯТЫЙ. ПОЛНАЯ И ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА ОЛИГАРХИИ

ПОКОЙ И БЛАГОДАТЬ

После завершения в 1996 году процесса становления олигархической системы наступил этап, когда ничто уже не угрожало олигархам. Они фактически аккумулировали всю власть в государстве в результате событий конца 1995 года, когда через залоговые аукционы были захвачены и поставлены под контроль все финансовые потоки, вся собственность, а затем в результате выборов президента в 1996 году все произошедшее было узаконено и проявилось в новых назначениях. Чубайс получил пост в Администрации президента, Потанин был делегирован олигархами в правительство, стал вице-премьером, курирующим финансы, и, наконец, Борис Березовский стал заместителем секретаря Совета безопасности, где занимался очень выгодным политически и экономически чеченским направлением. Группировка, представлявшая высшую власть в стране, полностью оформилась.

Покой нам только снится

Но почти сразу после оформления этой группировки начали происходить некоторые стычки между ее членами, поскольку они все-таки еще не до конца определились с удельным весом своего влияния на президента Ельцина, на его дочь, на Администрацию президента. Эти стычки в основном принимали форму борьбы за назначение и разыгрывались между участниками, сосредоточившими очень мощные ресурсы, например, подконтрольные телеканалы (у таких, как Березовский и Гусинский), огромные финансовые потоки и собственность (у таких, как Потанин). Прежде всего сформировалось новое противостояние в правительстве, где к группировке Черномырдина Ельцин в присущей ему манере создания противобесов приставил двух молодых реформаторов — Чубайса и Немцова. К этому времени Чубайс ушел из Администрации президента, а на его место пришел будущий муж Татьяны Дьяченко Валентин Юмашев, который окончательно превратил Администрацию президента в механизм для компостирования нужных узкой группе олигархов политических решений, в каком виде она и существовала при следующих руководителях администрации, прежде всего при Волошине.

Но в это время Юмашев только начинал свою деятельность, а в правительстве, как уже говорилось, возникло две группы. К весне 1997 года из состава правительства вышел Владимир Потанин. Запутавшись в интригах между группами Черномырдина и Чубайса, он вынужден был вернуться в свой бизнес, правда, прихватив изрядное количество финансовых средств, в связи с чем другой олигарх, банкир Смоленский, даже сострил, перефразируя известную реплику из фильма «Кавказская пленница», что Потанин перепутал своих баранов с государственными.

В результате возникли новые конфликты, и прежде всего они касались, естественно, укрепления контроля олигархи-

ческих групп над теми предприятиями, которыми они завладели в результате залоговых аукционов, поскольку проходило время, когда кредит должен был быть возвращен правительством, и, естественно, правительство, как всегда, не могло найти эти деньги. Хотя совершенно ясно было, что эти деньги есть, поскольку каждый понедельник происходили торги ГКО и набрать на них до миллиарда долларов было нетрудно. Но, однако же, вернуть себе лучшие предприятия правительство почему-то не попыталось, несмотря на явно существовавшую для этого возможность.

В основном олигархи боролись за контроль над Министерством государственного имущества, поскольку предполагали, что он поможет им не возвращать государству заложенные акции и постепенно концентрировать у себя дополнительные (им же обычно продавались и следующие пакеты акций, и все это представлялось как величайшее достижение на пути приватизации).

«Кому я должен — всем прощаю»

Мало того что в 1995 году на залоговых аукционах банкиры за мизерные суммы фактически скупили лучшие предприятия, мало того что они даже эти суммы заплатили не своими деньгами, а деньгами правительства, которые находились в их банках (эти 600 млн долларов были на счетах бюджета в уполномоченных банках-организаторах и участниках аукциона, а не в Банке России), но дело в том, что организаторы аукционов были одновременно их участниками и победителями, организация аукционов поручалась банкам-залогодержателям, что являлось форменным абсурдом. Совершенно очевидно, что при таком распределении ролей даже теоретической возможности вернуть деньги у правитель-

ства не оставалось. Как выяснили впоследствии несколько комиссий Государственной Думы, такая возможность исключалась уже в самих кредитных договорах.

В федеральном бюджете на 1996 год просто не было предусмотрено средств на погашение кредитов, то есть взяв в долг 600 млн долларов, правительство позаботилось, чтобы в федеральном бюджете даже не были предусмотрены эти суммы. Таким образом, в самих договорах кредита уже был заложен невозврат правительством заемных сумм, то есть фактически это была прямая передача собственности. Попытки вернуться к этому вопросу в 1996–1997 годах сразу же приводили к договорам о предоставлении кредита под залог, подписанным в 1995 году от лица правительства Альфредом Кохом. До 1997 года он продолжал возглавлять Госкомимущества, даже повысив свой статус, кроме короткого периода, когда Чубайс был уволен из правительства и занимался выборами президента Ельцина. Но за это время Кох также не потерял своих позиций, находясь на посту первого зама руководителя Госкомимущества. Поэтому договоры были подготовлены полностью в интересах банков-залогодержателей.

Все было сделано таким образом, что любые попытки правительства отменить итоги проведенных торгов, к примеру по «Норильскому никелю», влекли бы за собой судебное разбирательство. Но вероятность, что такие попытки будут предприняты, была близка к нулю. Конечно, если бы на посту руководителя Госкомимущества оказался не Альфред Кох, а другой человек, который принципиально встал бы на защиту государственной собственности, естественно, он в условиях возможного судебного разбирательства добился бы справедливости. Но сроки возврата проходили, на посту находился тот же самый человек, который с самого начала курировал аукционы, и ожидать, что он будет что-то менять в этой системе, не приходилось.

Отнимаем и умножаем

Получив акции в залог, олигархи, фактически ставшие таким путем владельцами предприятий, имели исключительную возможность впоследствии увеличить свои пакеты акций, докупая небольшие пакеты, которые все время выставлялись на аукционы Госкомимуществом (при этом постоянно рассказывались басни о том, какие большие доходы это приносит в бюджет). Доходы действительно извлекались, поскольку эти пакеты акций продавались уже по более высоким ценам. Другое дело, что деньги на приобретение этих акций олигархи получили за счет того, что они пришли к управлению этими предприятиями, уменьшили выплату налогов в бюджет, скрыли доходы этих предприятий, а потом частично возвращали их в форме скупки пакетов акций, постепенно обращая предприятия в полную свою собственность. Почему олигархи не сделали крупных взносов с самого начала? Они намеревались сперва получить доступ к управлению, после чего можно было вывозить средства из России и через некоторое время их же вкладывать через новые торги, организуемые Госкомимущества, таким образом увеличивая свою долю.

При этом маловероятно, что кто-то стал бы с ними конкурировать: тот, кто уже владел большим пакетом акций, сильнее, чем кто-либо другой, стремится купить акции этой же компании, ведь покупать акции, не получая при этом возможности влиять на деятельность предприятия, никто не будет. Это делается очень редко и в незначительных размерах. Поэтому, как правило, те же самые лица докупали небольшие пакеты и постепенно сосредоточили в своих руках и заложенные акции, которые не выкупило государство, и те, которые они приобрели впоследствии; в целом они скупили все акции этих предприятий.

Одновременно они начали выходить на международный финансовый рынок и повышать капитализацию своих компаний, стремились к тому, чтобы котировать акции своих компаний на бирже. Особенно в этом усердствовал Михаил Ходорковский. Впоследствии они собирались получить эту капитализацию, а капитализация на международном рынке может в сотню раз превышать капитализацию на рынке внутреннем. То есть государство за свои же деньги передавало акции дельцам, чтобы потом они капитализировали их на международном рынке.

Две музы: любовь к телеискусству и дело писателей

Между тем в системе власти «дворцовый элемент» только усиливался, фаворитизм доминировал, и в выигрыше оказывался тот, кто ближе находится к уху президента. Ближе чаще всего оказывался Анатолий Борисович Чубайс, а иногда и Борис Абрамович Березовский. Разыгралась борьба за руководство Госкомимущества, в результате которой был убит глава питерского комитета имущества М. Маневич, собиравшийся выехать в Москву, чтобы занять пост в Госкомимущества. Это произошло в августе 1997 года. К этому моменту был все-таки смещен Альфред Кох за осуществление новых продаж в пользу Владимира Потанина, который к этому времени ушел из правительства, но в результате деятельности Альфреда Коха еще прихватил напоследок изрядное количество собственности в виде «Связьинвеста» и «Норильского никеля», окончательно перешедшего к нему. За это Кох все-таки был снят, поскольку даже с точки зрения неписаных правил игры для олигархов его поведение было недопустимым. Другие оли-

гархи вынуждены были выступить против него, прежде всего это сделали Березовский и Гусинский, обладавшие возможностью воздействия на телеканалы.

Последовавшая схватка в конечном счете привела к «делу писателей», в результате которого были сняты с должностей уже все «приватизаторы» во главе с Максимом Бойко, сразу после Коха возглавившим ведомство государственного имущества. Еле-еле уцелел Чубайс, и в очередной раз было продемонстрировано, что Ельцин не может жить без Чубайса, что они составляют единое целое. Что-то очень серьезное связывало Ельцина с Чубайсом, и Ельцин не смог уволить его даже в той ситуации, когда его отставка была явно необходима. Тем не менее Чубайс сохранил свой пост и продолжал свою деятельность.

Причины, вызвавшие к жизни «дело писателей», были подробно рассмотрены различными авторами. В основном они сводились к конфликту групп Березовского, Гусинского и Потанина, которого в то время поддерживали Чубайс и Немцов. Группы эти конфликтовали по всему спектру из-за назначения чиновников, например, по поводу назначения руководителя Внешэкономбанка. Это был важный пост, поскольку он давал доступ к рычагам управления внешним долгом России, что представляло собой очень лакомый кусок для олигархов, возможность извлекать сверхдоходы.

Еще более ожесточенный поединок вызвал аукцион по «Связьинвесту». Гусинский и Березовский хотели купить «Связьинвест», для того чтобы полностью контролировать обстановку в стране. Дело в том, что телеканалы сами по себе убыточны, поскольку они не в состоянии окупить затраты на распространение сигнала, но если бы телекоммуникации окончательно оказались в руках Березовского и Гусинского, они смогли бы сами себе продавать сигнал, а президент был бы лишен даже такого рычага воздействия на телевидение, как возможность поднять тарифы связи и таким образом на-

помнить олигархам, откуда они получили свои телеканалы и почему им позволено владеть ими. Ведь приватизация средств массовой информации была еще одним абсурдом: никаких денег государству она не принесла, зато повлекла за собой убийство Листьева и криминализацию телевизионного бизнеса, приход в него людей явно криминальной направленности, преследующих свои цели. Они не могли даже оплатить издержки, себестоимость процесса вещания. Стоило бы только поинтересоваться, сколько они платят государству за распространение, раскрылась бы их убыточность. Поэтому они все время брали в различных банках кредиты, что и стало причиной краха НТВ (похожая ситуация была и на ОРТ). Овладение «Связьинвестом» было очень важно для Березовского и Гусинского, поскольку таким образом они бы полностью отделились от государства и могли бы действовать без оглядки на правительство.

Поэтому Чубайс и Немцов вдруг наконец вспомнили о государстве, неожиданно стали такими государственниками и продали «Связьинвест» Потанину. Логика, конечно, была здесь потрясающая: только для того, чтобы Березовский и Гусинский не смогли этого сделать, мы сделаем по-другому, передадим желанный объект другой группе, чтобы не допустить концентрации власти в одних руках. Так объяснял Чубайс передачу «Связьинвеста» Потанину. Они с Немцовым, оказывается, хотели разорвать пути зависимости от усилившихся олигархов, перейти, по их выражению, «к цивилизованным отношениям между властью и бизнесом», добиться «равноудаленности олигархов» и т. д. И когда Березовский и Гусинский организовали против них травлю, это было представлено так, что теперь-то стало ясно, для чего они приобрели средства массовой информации: чтобы фактически управлять политической властью.

Но на самом-то деле совершенно не обязательно было вообще кому-либо передавать «Связьинвест». Вообще, как

правило, предприятия связи нет смысла передавать частным собственникам, тут надо действовать очень осторожно. Совершенно непонятно, почему все-таки опять была взята на вооружение идея продажи, маниакально продавливаемая реформаторами. И если уж ощущалась опасность, что олигархи намереваются овладеть предприятиями связи для использования их в качестве рычага в политической борьбе, то можно было вообще остановить их продажу, оставить их у государства. Но опять в который раз с Чубайсом никто почему-то не стал спорить. Точно так же Чубайс говорил и ранее. Он доказывал, что якобы в 1995 году ни у кого не было денег, чтобы заплатить за предприятия, и поэтому можно было установить сумму залога не более 600 млн долларов фактически за все лучшие предприятия России, а именно «Норильский никель», «ЮКОС», «Сибнефть» и т. д. Потом он почему-то проговорился, что к нему обращались некие братья Черные, которые хотели купить «Норильский никель» дороже, чем Потанин. Но Чубайс, по его собственным словам, задумался в тот момент — хотел бы он, чтобы компания, представляемая братьями Черными («Трансволгрупп»), завладела «Норильским никелем», пусть даже за большие деньги? И он понял, что этого нельзя допустить, поэтому владельцем «Норильского никеля» стал Потанин, хотя совершенно не ясно, почему вообще кто-то должен был стать его владельцем. Ведь могло и государство остаться собственником предприятия, извлекать из него большие доходы и финансировать социальные программы. Но такая возможность почему-то не рассматривалась. Людей убеждали в том, что предприятия, сменившие собственников в результате аукционов, существенно повысили эффективность работы, что у них очень хорошо поставлен бизнес, налажено управление, проведена реструктуризация, прекрасно осуществляются различного рода социальные программы и т. д.

То есть людей отвлекали от понимания того, что же происходит на самом деле. Чубайс каждый раз говорил: надо продать обязательно. При этом, для того чтобы в роли покупателя оказалась наиболее близкая ему структура, в ход обязательно пускались какие-нибудь страшилки. Обычно роль пугала у Чубайса играли коммунисты, но в данном случае за неимением коммунистов страшать Чубайсу пришлось своими вчерашними друзьями — олигархами.

Поэтому в итоге разгоревшейся схватки, когда выяснились неблагоприятные поступки группы «писателей», многие из них поплатились должностями. Позиции Чубайса были ослаблены, правда и Березовский приблизительно в это же время (накануне этих событий) был снят с должности, что наводит на мысль о прямой взаимосвязи всего происходившего. То есть, по сути, кланы обменялись ударами. В результате и Березовский вынужден был отойти на дистанцию, и Чубайс был несколько ослаблен и не мог вернуть политическое влияние, которое было у него в период выборов 1996 года.

Госимущество как стабилизатор

После окончательного отстранения людей Чубайса в ноябре 1997 года от руководства Госкомимущества и ослабления группы Березовского стало ясно, что больше никаких серьезных изменений в олигархической структуре не произойдет. Больше уже олигархи друг с другом практически не ссорились, будто придерживаясь своеобразного пакта о ненападении; корректировались лишь некоторые частности. Что-то немножко прикупал один, что-то докупал другой, но это все касалось небольших изменений. Владение собственностью и контроль над финансовыми потоками

представляли собой каркас, который был заложен и полностью сформировался уже в 1995–1996 годах и полностью закрепился в 1997 году. Поэтому дальше пришедшие к руководству Госкомимущества люди, прежде всего министр Газизулин, просуществовали в этом ведомстве почти семь лет, вообще не предпринимая никаких резких действий, а просто поддерживая сложившуюся систему. Это была страшная, опасная для страны система, которая высасывала все и не давала развиваться экономике, однако задачей ведомства государственного имущества с момента отхода Чубайса от прямого руководства им стало лишь поддержание той структуры, которая сложилась к тому времени. Она и сейчас мало изменилась.

В думах о судьбах страны

Но самая важная проблема, которая возникла также в 1997 году одновременно с окончанием острых схваток между олигархами, — это проблема дальнейшей судьбы Российского государства, а именно вопрос: кто мог бы заменить Бориса Николаевича Ельцина в случае его ухода, поскольку было ясно, что физически он уже не в состоянии руководить страной и маловероятно, что сможет еще раз выдержать предвыборный марафон. Поэтому в стране постепенно возникло несколько групп, начавших размышлять о постъельцинском периоде.

Дело в том, что при той системе власти, которая была построена к этому времени, и утвердившейся структуре собственности выборы президента являлись не просто чрезвычайно важными, а абсолютно определяющими для всех участников этого процесса. Все решения замыкались на «двор», на «трон», на малочисленную группу прибли-

женных дельцов, которые полностью коррумпировали весь аппарат и фактически правили через подконтрольную им администрацию, штамповали указы и постановления, которые им были выгодны, периодически выясняя отношения друг с другом. В этой системе роль первого лица, конечно, была значительно важнее, чем, допустим, роль первого лица в США, где президент не в состоянии оказывать столь мощное воздействие на экономическую и политическую жизнь. Поэтому ставка была очень высока. И естественно, группы стали приглядываться, кто может быть кандидатом на пост президента, что им предпринять, на кого делать ставку.

Несостоявшиеся президенты.

Три карты, три карты, три карты...

В этот момент просматривались несколько возможных кандидатур. Одним из явных кандидатов являлся мэр Москвы Лужков, который был, во-первых, хорошо раскручен, имел достаточную популярность, только недавно выиграл выборы мэра Москвы с блестящим результатом — 90% москвичей проголосовали за него.

У Лужкова был еще один козырь: руководя мегаполисом, он создал очень мощную финансовую, организационную и политическую структуру. Москва является настолько мощным источником налоговых поступлений в федеральный бюджет (не менее трети доходов поступает туда от Москвы), что, по сути, представляет собой государство в государстве, в Москве расположены все крупнейшие компании, огромную цену имеет московская земля и иная недвижимость. Весь бизнес концентрируется вокруг Москвы, и управление таким сложным, мощным комплексом давало Лужкову осно-

вания претендовать на высший пост в государстве. За долгие годы он сумел создать достаточную базу для своего продвижения. В этот момент, особенно после впечатляющего по размаху празднования 850-летия Москвы, Лужков мог считаться едва ли не главным кандидатом на пост будущего президента.

Другим возможным кандидатом мог быть Виктор Степанович Черномырдин. Он очень долго находился в тени Бориса Ельцина, однако сумел сосредоточить в своих руках все рычаги экономического и финансового влияния, пользовался поддержкой такой корпорации, как «Газпром», тоже своего рода государства в государстве, которое в чем-то могло соперничать по влиянию даже с московским правительством. Кроме того, это был не просто «Газпром», а «Газпром», развившийся в результате более чем пятилетнего руководства Черномырдина правительством, корпорация, которая более пяти лет получала прямую поддержку премьер-министра. Так что у этой группы были основания претендовать на первенство в российской политике.

Кроме того, Черномырдина поддерживал Запад; он устраивал и американский истеблишмент, и большинство олигархов (в отличие, кстати, от Лужкова, который устраивал лишь некоторых из них).

Кроме того, перспективной политической фигурой в тот момент считался генерал Лебедь. Сам по себе он не имел ни финансов, ни организационной структуры, но в силу раскрученности образа мог быть использован олигархами как человек, с помощью которого можно было бы овладеть Кремлем, и они доказали это на выборах 1996 года, когда с нуля добыли для Лебеда 15%. Совершенно ясно, что они могли сделать ставку на Лебеда и на будущих выборах президента России. После увольнения с поста секретаря Совета безопасности, на который он был назначен еще в 1996 году после избрания Ельцина и на котором он долго не

задержался, Лебедь некоторое время побыл в запасе, а уже в 1998 году выдвинулся на пост руководителя Красноярского края, оказался в фокусе общественного внимания и опять стал рассматриваться как один из кандидатов на высший государственный пост.

На тот момент других возможных кандидатов фактически не было, а если и были, то свои амбиции они не афишировали. Через год после назначения Евгения Максимовича Примакова он окажется возможным кандидатом на пост президента, но это произойдет лишь после августа 1998 года. В тот момент, когда только что окончились последние олигархические схватки, Примаков держался несколько в тени, не заявлял о своих амбициях и не рассматривался значительной частью общества как возможный претендент на главный пост страны.

Первые три претендента явно фокусировали на себе общественное внимание. Но понятно, что события, происходившие в 1997 году, вовсе не являлись гарантией того, что впоследствии эти люди смогут реализовать планы, которые у них были на тот период. Судьба распорядилась совсем по-другому, и те противоречия, которые возникли у этих людей друг с другом, а также с другими политическими силами в принципе были заложены уже тогда, в 1997 году. Если рассмотреть каждого из них подробно, можно показать, почему именно он не мог стать президентом России, почему оказывался неугоден достаточно влиятельным группам, имевшим, как минимум, возможность помешать избранию данного человека на высший государственный пост. Выдвижение каждого из троих нарушало или же создавало сверхновый, непредсказуемый баланс группировок. Это, и только это являлось главным препятствием к тому, чтобы эти люди в дальнейшем реализовали свои планы. А планы у них были, впоследствии они подтвердят это своей политической деятельностью, стремлением занять первое место, место руководителя.

Поэтому можно сказать, что войны олигархов и окончание конфликтов между ними лишь только высветили общую панораму и диспозицию перед боем, но пока что было совершенно не ясно, кто и каким образом окажется победителем в этой схватке. Были только предварительные прикидки, предположения, гадания, предчувствия.

Проводы Черномырдина

Итак, в 1998 год страна вступала уже беременная президентскими выборами, которые должны были состояться через два года, и фактически все дальнейшие экономические и политические события были так или иначе связаны с предстоящими в конце 1999 года президентскими выборами. Начало 1998 года сразу же ознаменовалось отставкой Черномырдина, что прозвучало как гром среди ясного неба. Дело в том, что Черномырдин был достаточно лояльной к Ельцину фигурой. Он пришел на пост премьера в конце 1992 года на смену Егору Гайдару, когда уже отпала необходимость в Гайдаре как в фиговом листке, прикрытии для осуществления авторитарных и бесконтрольных действий по захвату и передаче финансов и собственности самой неэффективной и реакционной частью партийной номенклатуры. Такое прикрытия уже не было нужно, поэтому правительство в конце 1992 года возглавил Виктор Степанович Черномырдин, человек явно из директорского корпуса, притом из «Газпрома», то есть самой, так сказать, преуспевшей в условиях «шоковой терапии» отрасли. «Шоковая терапия» была выгодна как раз отраслям, имевшим высокий экспортный потенциал и являвшимся монополистами. Они могли бесконечно повышать цену на свою продукцию, и «Газпром» как раз был таким вот технологически заинтересованным в «шоковой терапии» монстром. И, выиграв

больше всех от «шоковой терапии», он закрепил свою победу, победив и в борьбе за пост премьер-министра. Впоследствии Виктор Степанович Черномырдин очень верно служил Ельцину, по сути, нащупывая и разделяя его позицию во всех бесконечных противостояниях президента то с Верховным Советом России, то с коммунистической Государственной Думой, то на выборах 1996 года с коммунистами и даже потом в борьбе с бывшими его соратниками Коржаковым, Барсуковым и Сосковцом. Поэтому известие об отставке Черномырдина было неожиданностью. К этому времени многие расценивали его как возможного участника президентской кампании в случае, если Ельцин захочет плавно передать власть второму лицу в государстве. Никаких предпосылок, в общем-то, для отставки не было. Как потом оказалось, Черномырдин не устраивал группу ельцинской «семьи», которая видела в нем человека хотя и лояльного и в какой-то степени связанного корпоративными узами личной унии с «семьей», но все-таки имеющего за собой слишком серьезный клан со своими политическими и финансово-экономическими интересами. И поэтому семейная группа считала, что дергать за ниточки, в случае если Черномырдин придет к власти, ей будет все-таки сложно. Она решила поискать кого-то совсем лишенного поддержки какого бы то ни было финансового, политического клана и выдвинуть фигуру другого типа. То есть инициаторами отставки Черномырдина наверняка были лица из ближайшего окружения Ельцина, которые просто считали, что передавать власть Черномырдину неинтересно, что надо подороже продать монопольное положение около дряхлого президента и возможность подписывать от его имени любые указы. В этой ситуации им казалось, что если они устранят Черномырдина, поле станет совсем пустым, и тем самым они развяжут себе руки для дальнейших действий. Однако эти деятели не учли того, что Черномырдин хоть и не был конечно же экономическим гением и стратегом, но

все-таки обеспечивал, хорошо ли, плохо ли, в целом сносное функционирование экономики России. И как только его не стало, это довольно шаткое равновесие, установившееся в экономике, нарушилось.

Премьер-комсорг и лечение дефолтом

Это проявилось впоследствии в крахе пирамиды ГКО, который фактически был предопределен. Дело в том, что вместе с уходом Черномырдина в какой-то степени разрушилась управляемость экономики в целом, особенно когда на его место был назначен вопреки фактически всем политическим силам в стране человек абсолютно некомпетентный, бездарный, неизвестно откуда взявшийся и никаким образом не соответствующий занимаемой должности, типичный молодой реформатор новой волны, отдаленно напоминающий молодых реформаторов 1991 года. Своей безответственностью и дурацкой лучезарной улыбкой, которую он излучал до самого своего краха 17 августа 1998 года, он напоминал комсомольского работника времен застоя, из тех, что вечно рапортовали об успехах, и стиль бесконечной трескотни и словоблудия отдавал до боли знакомым комсомольским прошлым.

Конечно, после того как правительство возглавил такой человек, регионы сразу же вышли из повиновения. Увидев во главе правительства такую фигуру, лидеры регионов, которые были достаточно сильны, перестали обращать внимание на такой карикатурный Центр, и в какой-то степени они даже были удовлетворены отсутствием нормального премьер-министра. Поэтому для них возникла хорошая ситуация, прежде всего для тех регионов, которые обеспечивали доходную часть бюджета, для регионов-доноров. Раздолье на-

чалось и для олигархических групп, которые при Черномырдине все-таки соблюдали какие-то правила игры, какую-то договоренность с Черномырдиным, поскольку он через «Газпром» мог сильно воздействовать на их хозяйственную деятельность. Теперь они уже ничего не стеснялись и совсем распоясались.

Наконец, очень важным обстоятельством явилось то, что вместе с Черномырдиным не был отставлен Анатолий Борисович Чубайс. Нет, формально он тоже отправился в отставку, но реально перекочевал в РАО «ЕЭС России» на заранее подготовленный «аэродром» и фактически таким образом все-таки остался во властных структурах, сохранил прямой доступ к уху Ельцина и в значительной степени возможность определять деятельность той администрации, которая по своим каким-то непонятным соображениям спихнула Черномырдина. Так что его позиции, может быть, несколько ослабли, но ненамного, совершенно не в той пропорции, в которой ослабили позиции Черномырдина. Кроме того, в правительстве остался Немцов в роли первого зама, и другой первый зам — Христенко был также близок к Чубайсу.

То, что Кириенко был явным молодым реформатором и в его подчинении также находились два молодых реформатора приблизительно того же направления, наводило на мысль, что на страну надвигается новый этап экономических реформ, а что бывает в результате этого, люди уже хорошо знали.

И они не ошиблись. Всего пять месяцев потребовалось этому кабинету, чтобы окончательно добить экономику страны. При этом, конечно, версию о том, что все было бы точно так же, если бы правительство продолжал возглавлять Черномырдин, можно отметить сразу. Не для того его устраняла семейная группировка. Если бы она действительно предполагала, что обрушится пирамида ГКО и будет такой крах, она

прекрасно могла бы рассчитать, что Черномырдину представится великолепный шанс снова вернуться в политику, а кроме того, положение Ельцина сильно пошатнется, и тогда в политику рванутся куда более опасные для него силы, чем Виктор Степанович Черномырдин. Поэтому, конечно, никто не предполагал такого варианта, и идея о том, что это было как-то спланировано, не выдерживает критики.

Дело в том, что при грамотном управлении, если бы пирамида ГКО в конце концов и обрушилась, то произошло бы это совсем в других формах. Возможно, все произошло бы не так внезапно, может быть, частично обязательства были бы выкуплены, может быть, каким-то образом был бы произведен какой-нибудь внутренний заем, во всяком случае, был бы избран, конечно, вариант не такой шоковый, который обычно выбирают реформаторы. Реформаторы всегда идут по варианту максимального шока, правда, считая, что таким образом они осуществляют какую-то терапию, но чаще всего бывает так, что шок происходит без терапии. Шок есть, а терапии, наоборот, нет, и больной умирает в результате этого шока.

То есть, если бы не появился Кириенко, возможно, экономика бы развивалась совсем по-другому, но в тот момент, когда он появился, конечно, многим из тех, кто занимался рынком ГКО, уже было ясно, чем это закончится. Поэтому более дальновидные Джордж Сорос, например, и другие американские инвесторы ушли с рынка ГКО сразу в тот момент, когда появился во главе правительства такой деятель. Но и олигархи вложили в ГКО немалые средства, и им было невыгодно, чтобы на рынке ГКО создалась паника и чтобы пирамида лопнула до того, как они смогут сбегать все свои обязательства и извлечь максимальные доходы. Они и так уже получили на ГКО огромный доход за предыдущие годы, но вовсе не хотели напоследок терять хоть одну копейку, поэтому была разыграна очень интересная комбинация. Когда после появ-

ления Кириенко стало ясно, что пирамида ГКО разваливается, в дело вмешался, как всегда, Анатолий Борисович Чубайс, чтобы временно поддержать эту пирамиду и спасти деньги олигархов, подчеркиваю — именно деньги олигархов, дать им возможность в который раз обворовать всех остальных, уничтожить тот самый народившийся средний класс, мелких предпринимателей, которые появились все-таки за эти годы. Для того чтобы добить их, Чубайс вместе с олигархами придумал новую комбинацию. Он выдвинул идею о том, что он поедет в Международный валютный фонд (МВФ) и возьмет там 4,8 млрд долларов, а если надо, то и 15, и 20 млрд долларов. Это была очередная побасенка реформаторов. Они и в 1992 году обещали привезти какие-то миллиарды долларов, но так и не привезли. И в этот момент снова Чубайс отправился куда-то в Вашингтон и добился выделения пресловутого транша МВФ, что позволило поддержать пирамиду еще на несколько месяцев. Таким образом, знающие о реальной судьбе пирамиды олигархи получили возможность быстренько продать ГКО. Более того, транши МВФ были отчасти израсходованы на выкуп этих самых ГКО у олигархов, то есть получается, что они, уже зная о том, что пирамида обрушилась, взяли у МВФ деньги якобы на какие-то структурные преобразования в российской экономике, тут же перевели их в различные западные банки, подложив в казну вместо денег свои ГКО, а после этого уже объявили о банкротстве, чтобы узнали все остальные. Таким образом, Чубайс протянул время — два месяца. Пока он летал, пока объявлял о том, что взял кредит, пока действительно появился транш, пока он перечислялся, пока олигархи сумели полностью разобрать его, разворовать и отдать вместо него бумажки, и, таким образом, у них уже ГКО на руках не оставалось совсем, к этому времени можно было вместе с Кириенко объявлять руководству Центрального банка и Министерства финансов, во главе которых тогда стояли В. Дубинин и М. Задорнов, о том, что в стране уже ничего нет, и

поэтому она не может платить вообще ничего ни по каким обязательствам. Самым печальным в этом было то, что дефолт уничтожил, прежде всего, хоть какой-то образовавшийся за годы реформ небольшой класс средних и мелких предпринимателей, тех, которые реально создавали хоть какую-то рыночную экономику. Потому что кроме олигархов, номенклатурного капитала, который, как мы уже показали, фактически правил страной, все-таки и этой системе требовалось какое-то количество менеджеров, специалистов, инициативных, предприимчивых людей. Такие люди накопили к тому времени какие-то средства, пускай небольшие, пускай это были не огромные капиталы олигархов и номенклатурных дельцов, но все-таки их было достаточно много, этих людей, работавших в банковском секторе, в торговле, в недвижимости, с ценными бумагами.

И вот в тот момент именно их подрубили. Подрубили с помощью дефолта, полностью уничтожили их сбережения, поскольку дефолт по цепочке повлек полное банкротство банковской системы. Естественно, были уничтожены опять, во второй уже раз, вклады в банках. И если первая реформа Гайдара сводилась к тому, что ограбили бедных, то есть ограбили весь народ, то второй этап реформ свелся к тому, что ограбили богатых, то есть ту часть, которая еще оставалась.

Таким образом, Кириенко выполнил очистительную функцию после Гайдара. Если Гайдар отчистил от средств к существованию основную массу людей, то Кириенко спустя шесть лет подчистил все, что еще сохранилось, забрав оставшиеся деньги у тех, кто все-таки смог уцелеть в 1992 году или каким-то образом накопил их с помощью своих усилий за эти шесть лет.

Это был страшный удар не только для экономики, это был моральный удар по слою людей, которые искренне верили в то, что они живут в демократическом рыночном государстве.

Они фактически являлись политической опорой молодых реформаторов и псевдодемократических организаций, заморочивших людям голову. Основную массу этих людей, имевших деньги, реформаторы сумели убедить в том, что они осуществляют демократические и экономические преобразования. В этот момент они лишились даже социальной базы, уничтожили ее, то есть они наплевали даже на собственную политическую базу, которую возвращали, о которой много говорил Чубайс в 1992—1993 годах, твердил Гайдар как об инициативных, активных, энергичных и с предпринимательской жилкой людях. Со стариками-то реформаторы уже давно разобрались, покончили с ними еще в 1992 году, им согласно гайдари-чубайсовским реформам вообще не надо было существовать на свете. А молодежь, которая все-таки боролась за существование, каким-то образом зарабатывала деньги, действительно верила в эти идеологические бредни, насаждаемые через все телеканалы, через издание специальной литературы, массы книг, с помощью целой толпы подручных писак, которые в различных газетах доказывали то же самое. Эти люди верили «демократам», так те даже и с ними расправились в присущей им манере.

Поэтому, когда Чубайс сказал на одном из съездов «Союза правых сил», что ему не хватает наглости, он, конечно, грешил против истины. Уж с этим-то у него все было в порядке. Умудриться нанести удар даже тем, кого длительное время пытались привлечь на свою сторону в качестве политических союзников и опоры, не пощадить даже их... А людей этих действительно жалко, как, в общем, и тех, кто пострадал в 1992 году. Они не были ни в чем виноваты, кроме того что искренне верили в реформы, но им показали, что же на самом деле происходит.

Поэтому сейчас, когда те же лица опять в который раз заводят песню про либерализм, демократию, реформы и так далее, они уже не пользуются успехом даже среди молоде-

жи, потому что даже молодежь, люди нового поколения успели увидеть их во всем блеске и запомнили все их реальные действия на руководящих постах. Так что дефолт имел еще кроме экономического очень мощное моральное, психологическое, идеологическое и политическое значение. Он означал полнейшее банкротство той группировки, которая стояла у власти во главе с Ельциным, ее полную неспособность управлять. Ибо всего лишь за три дня до дефолта, 14 августа, Ельцин клялся по телевизору, что ничего не случится. Совершенно точно известно, что в этот момент его подручные уже знали, что произойдет через три дня, а первое лицо в стране даже не представляло, что происходит, и продолжало заверять, что никакого дефолта не будет. Это показало, что Ельцин и те, на кого он опирается, не имеют никакого влияния в обществе и ничем не управляют.

Естественно, это снова оживило споры о том, кто же будет преемником Ельцина. Потому что, как только стало ясно, что эта группировка, по сути, ничем не может управлять (у нее хватило сил только на то, чтобы расправиться с Черномырдиным и очистить место премьер-министра, но совершенно не было никаких возможностей управлять страной), сразу возник вопрос: кто же сможет?

Пробы на роль премьера продолжаются

Снова появился Виктор Степанович Черномырдин, и ему даже почти удалось снова стать премьер-министром, но в этот момент возникла некая политическая коллизия: одновременно попытку продвинуться на пост премьер-министра предпринял Юрий Михайлович Лужков, который сумел затормозить утверждение Черномырдина. В этот

момент компромиссной фигурой оказался Евгений Максимович Примаков, который и стал премьер-министром, но весь вышеописанный процесс показывает, что практически Ельцин и семейная группа в этом принимали очень скромное участие, поскольку реально переговоры шли на уровне других групп влияния. Это прежде всего группа Черномырдина, которая в тот момент поддерживалась достаточно большим числом олигархов, группа Лужкова, которая тогда считалась одной из мощнейших, группа Примакова. Последний имел, в общем-то, хорошие позиции в российском истеблишменте, прежде всего во внешней разведке, а внешняя разведка исторически была мощной структурой (особенно если учитывать тайный вывоз капитала из России и необходимость для олигархов, которые его осуществляли, считаться с силовыми структурами); кроме того, у Примакова имелся опыт работы в МИДе, международные связи. И наконец, четвертая группа, участвовавшая в переговорах о кандидатуре премьера в тот момент, — коммунисты, которые тоже пытались выдвигать своих людей в правительство, и даже рассматривался вопрос о назначении премьер-министром Ю. Маслюкова, но реально в результате интриг коммунистов-зюгановцев он стал первым замом Примакова. Я намеренно использую термин «коммунисты-зюгановцы» (поскольку, как мы видели, коммунистами были и пришедшие под флагом Ельцина функционеры-аппаратчики), тут я имею в виду Коммунистическую партию Российской Федерации, этот отряд, который с помощью интриг вклинился в разборки, происходившие между Лужковым, Черномырдиным и Примаковым под наблюдением Ельцина, находившегося в состоянии, близком к анабиозу. Бегая туда-сюда между Черномырдиным и Лужковым, коммунисты «выбежали» себе место первого вице-премьера для Маслюкова, бывшего председателя Госплана, который снова оказался вторым человеком в правительстве, спустя семь лет после

аналогичного пребывания в правительстве во времена Валентина Сергеевича Павлова.

Правительство, сформированное Примаковым, просуществовало не очень долго — восемь месяцев, но зато весь период деятельности этого кабинета ознаменовался серьезной борьбой олигархов как между собой (за влияние), так и борьбой с самим Примаковым. С самого начала олигархи почувствовали опасность, так как Примаков не входил в их круг, кроме того, он не подчинялся «семье», группе Тани, Вали, Ромы и Бори, и в связи с этим, конечно, на него пошел накат. Олигархи чувствовали, что он попытается скрутить их в бараний рог, и начали предпринимать какие-то меры. Особую активность развязал Борис Абрамович Березовский, как всегда, со своей неумной энергией. Другие члены «семьи» вели себя тише, но также были фактически на его стороне. В то же время стала усиливаться группа Лужкова. Формально она уже вступила в борьбу за президентское кресло, то есть Лужков организовал свою партию, постепенно формализовал свое влияние, открыто стал заявлять претензии на главную роль в стране и на тот момент пользовался достаточно большим авторитетом среди региональных лидеров, которые уже готовились присягнуть кому-то на верность и, естественно, торопились засвидетельствовать свое почтение либо Лужкову, либо Примакову, который тоже в этот момент мог расцениваться как потенциальный лидер. Естественно, продолжал числиться в кандидатах Виктор Степанович Черномырдин; постепенно отходил на второй план, несмотря на губернаторство в Красноярске, генерал Лебедь. Довольно-таки проблематичной оказывалась его переброска в Москву, поэтому эта идея постепенно начинала забываться.

Но в борьбе с «семьей» Примаков все-таки потерпел фиаско. К сожалению, он не рассчитал свои силы, и «семья» смогла помешать ему в осуществлении его планов.

В «семье» в тот момент задавал тон уже Роман Абрамович (Березовский был несколько отдален, Юмашев также несколько отдалился, его место перешло к Волошину). В этот момент удалось Примакова все-таки скинуть и назначить на пост премьер-министра Степашина, навязав ему при этом почти весь кабинет. При этом ходили слухи, что каждый кандидат на пост министра должен был выдержать собеседование с Романом Абрамовичем, который лично должен был утверждать каждого на должность. В результате этих собеседований сформировался очень странный кабинет, в котором, кстати, кроме Степашина командовал Николай Аксененко, который также в тот момент фактически претендовал на пост премьера, а впоследствии по понятным причинам мог расцениваться как кандидат на пост президента.

Всем памятен тот эпизод в Государственной Думе: когда была внесена фамилия Степашина, Селезнев сказал, что за час до этого ему позвонили и сказали, что будет внесена фамилия Аксененко. Это показывает, насколько легко в тот момент принимались такие исторические, эпохальные решения. По слухам, благодаря Чубайсу весы склонились в пользу Степашина, однако всего лишь через три месяца и эти решения все были пересмотрены, Степашин также был отправлен в отставку, и, окончательно запутавшись в интригах, «семья» допустила, что премьером и впоследствии президентом стал Владимир Владимирович Путин.

- Единственное, что успела сделать «семья» — это окружить его своими ставленниками. Это прежде всего руководитель администрации Волошин и премьер Касьянов (его звезда, кстати, зажглась тоже приблизительно в тот момент, когда был отставлен Примаков и назначен Степашин, он тогда занял пост министра финансов, как оказалось, послуживший хорошим трамплином для прыжка вверх). Кроме того, «семья» сумела обеспечить занятие хороших позиций таки-

ми «левосторонниками», как Сергей Шойгу, Михаил Ресин, министр иностранных дел Иванов. Так что в какой-то степени семейная группа выполнила свою задачу, во всяком случае, если считать мерилом эффективности ее работы не успехи страны, а личный успех и обогащение ее участников. С помощью этих «дворцовых» интриг они обеспечили значительную конвертацию (уже знакомую нам по 90-м годам) власти в собственность, политического влияния — в экономические привилегии, в финансы, имущество. В этом группировка преуспела, свидетельства чего мы получаем до сих пор в виде приобретений различного рода, совершаемых представителями этого крыла на Западе.

Но в 1998 году эти люди думали только о том, каким образом остаться поближе к Кремлю. Поэтому задачей было стравливать политических деятелей между собой, по возможности устранять тех из них, кто проявлял независимость, и добиться прихода к руководству людей, которые не могли сразу же привести с собой команду.

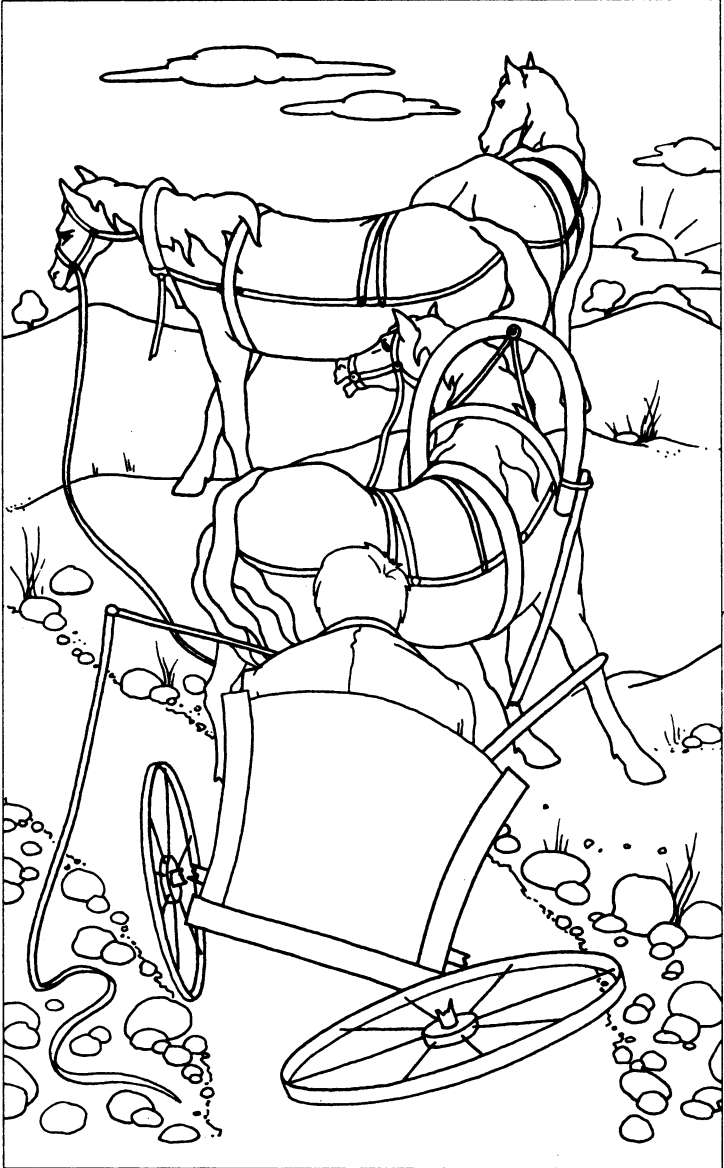
Как и любая инерционная косная система, олигархическая криминальная система эпохи позднего Ельцина в вопросах своего выживания являлась успешной. Что касается собственного выживания, такого рода системы действуют намного эффективнее систем демократических, намного эффективнее тех организаций, которые нацелены на экономический рост, рост производительности труда. Они, напротив, направляют всю свою энергию на поддержание своей власти, своего положения и зачастую более четко отслеживают и обеспечивают свои частные корыстные интересы. Поэтому они в значительной степени более способны к адаптации даже в изменившихся условиях. Так устроена в целом экономическая и политическая жизнь. Поэтому насколько эта группа была не способна реально управлять обществом (а это показал дефолт), настолько она была способна к выживанию, к борьбе за существова-

ние, к овладению богатствами, финансами, ресурсами, собственностью.

Все события периода 1998–1999 годов, все, что происходило в борьбе за власть, скандал с прокурором Скуратовым, странные истории, связанные с деятельностью семейных представителей в эшелонах власти, ярко иллюстрируют нравы, которые царили в тот момент, показывают, насколько эти люди не соответствовали тому уровню, на котором оказались. Это можно понять по всему их поведению, по их взглядам на жизнь, по их пониманию своих задач, своей роли в обществе, абсолютному пренебрежению интересами государства, неспособностью работать на какое-то благое дело. Они даже потеряли ощущение, что в стране есть и другие люди, помимо личностей с полным отсутствием гражданской позиции, разложившихся и деградировавших, которым в былые времена вход в Кремль был бы заказан.

Но в результате ротации кадров, которую обеспечила победившая в середине 90-х годов криминальная олигархическая бюрократическая система, только такие личности и могли попасть на вершину власти, поскольку эта система выдвигала людей по принципу их профнепригодности и некомпетентности. Чем менее был человек способен осуществлять свои функции, тем легче он вытаскивался на поверхность, поскольку был обязан полностью тем силам, которые проплатили его продвижение и вытолкнули его в высшие эшелоны.

ПАРАДОКС ПУТИНА

НАКАНУНЕ, ИЛИ «СЕМЬЯ» НА РАСПУТЬЕ

Итак, почему Путин, выдержав сложную схватку в верхах, которая велась на протяжении 1997–1999 годов, все-таки оказался избранником «семьи» и стал впоследствии президентом? До своего назначения на пост премьер-министра в августе 1999 года Путин не пользовался в стране широкой известностью. В 90-х годах он работал первым заместителем Анатолия Собчака. Потом, после поражения Собчака на выборах в 1996 году, когда бюрократия под руководством Центра организовала смещение Собчака и поставила на его место «хозяйственника» Яковлева, Путин ушел из питерских органов власти в Управление делами Президента РФ. Там он поработал некоторое время и был назначен в Администрацию президента, сначала в контрольное управление, а потом — первым заместителем руководителя администрации, впоследствии — директором ФСБ, секретарем Совета безопасности и, наконец, премьер-министром. Если учесть, что в структуре московской власти он появился всего лишь осенью 1996 года, такая стремительная карьера означает, что в основе этого продвижения лежали какие-то серьезные обстоятельства. Дело в том, что продвижение Путина происходило на фоне все более и более обостряющейся борьбы кланов на самом верху.

Лебедь, рак и щуки...

Действительно, наиболее мощные кланы уже открыто претендовали на господство в постъельцинский период. Прежде всего это была группа Лужкова, которая, как уже говорилось, представляла собой мощную финансово-политическую группировку. И во главе ее стоял достаточно харизматичный лидер, проявивший себя неплохим руководителем за долгое время пребывания на посту мэра Москвы, а Москва являлась и является сердцевиной всей макроэкономики, финансовой и политической жизни страны.

Кроме того, существовало мощное топливно-энергетическое лобби, прежде всего газпромовское, которое представлял Виктор Степанович Черномырдин, в то время имевший серьезную поддержку как в России (со стороны ряда олигархов), так и за рубежом (в первую очередь со стороны США).

Наконец, в 1998 году после дефолта резко выросла популярность Евгения Максимовича Примакова, который пришел во власть в сложный для страны момент и сумел остановить кризисные явления, навести некоторый порядок после трагических событий августа 1998 года, когда миллионы людей были разорены в одночасье.

Примакову приходилось действовать в условиях тяжелой политической борьбы. Он был не в самых лучших отношениях с «семьей», особенно с Березовским и другими олигархами, и испытывал давление со стороны коммунистического лобби, которое в значительной степени являлось его опорой в правительстве. Вспомним, что в результате сложной политической интриги коммунисты-зюгановцы очень усилили свои позиции в августе 1998 года. Играя на противоречиях, возникших между Лужковым и Черномырдиным, они сумели выдвинуть в правительство Маслюкова, могли контролировать Государственную Думу, во главе которой

стоял Селезнев, и были способны влиять на принятие политических решений, так как в этот момент Примаков вынужден был опираться на «левый» парламент.

Тем не менее Примаков пользовался достаточно большой популярностью и также мог претендовать на высший пост в государстве, поскольку имел большой авторитет в мире, внутри страны, хорошие связи и опору в спецслужбах, силовых структурах. Так что он представлял еще одну мощную финансовую, даже скорее административную, политическую группу влияния.

И наконец, популярен был в тот момент генерал Лебедь, которого расценивали как харизматичного лидера. Многие считали, что олигархи могут совместными усилиями обеспечить ему мощную пиар-кампанию: поддержку в прессе и на всех телеканалах. Довольно раскрученный образ бравого генерала, правдуба и человека из народа мог бы обеспечить Лебедю значительное количество голосов избирателей, если бы олигархи все-таки решили поставить на него. И он мог в определенном смысле их устроить, поскольку не имел ни малейшего представления о политических и экономических процессах в стране, ни собственной команды, ни специальных знаний, требующихся для управления, то есть был бы идеальной ширмой для дельцов олигархической группы. Так что у него тоже были неплохие шансы: стремление олигархов поставить на президентский пост человека, полностью неспособного к управлению страной, могло сделать его подходящей фигурой.

Однако все названные люди по различным причинам не устранили семейный клан, а он, по сути дела, являлся главной из всех боровшихся в тот момент на политической арене сил, поскольку располагал огромным козырем: он уже был в Кремле, а находясь в Кремле, гораздо легче защищать свою власть, чем пытаться занять Кремль извне — оборонительный бой вести намного проще, чем наступательный, он требует гораздо меньше усилий.

Поэтому у «семейных» было огромное преимущество. Они уже находились в кабинетах, и им надо было только отстоять их, разменяв свое влияние на схемы, с помощью которых они могли бы остаться пускай не в этих кабинетах, но где-то рядом с ними. И об этом они начали думать уже за пару лет до надвигающихся выборов. В связи с этим они предпринимали различные шаги, например, добились отставки Черномырдина, что, однако, повлекло серьезное ослабление этих сил, так как встречная волна чуть было не смела в августе 1998 года Ельцина и могла вообще свести влияние «семьи» к нулю. Тем не менее им удалось удержаться, и через некоторое время, укрепившись, они снова перешли в наступление. В результате с поста премьера был смещен Примаков, а Степашину, попытавшемуся было играть какую-то самостоятельную роль, состав кабинета был навязан, продиктован «семейной» группировкой. Таким образом, «семья» была главным игроком на этом поле, но, несмотря на это, положение ее было в тот момент далеко не блестящим. Причиной такой ситуации был тяжелейший кадровый и интеллектуальный кризис, который разразился в Кремле в то время.

Парадоксы кузницы кадров

Как мы уже говорили, олигархическая система стимулирует продвижение наверх людей, во-первых, аморальных и совершенно беспринципных, во-вторых, связанных с разного рода коммерческими структурами и не только чуждых каких-то государственных интересов, но даже не имеющих личных воззрений на ход развития страны. То есть требуются люди, которые полностью полагаются на решения своих спонсоров. И наконец, в-третьих, в основном системе необходимы люди неэффективные, несостоятельные в

профессиональном плане. Олигархическая система, выросшая из советской системы и впитавшая ее худшие черты, не требует высоких профессиональных качеств. Их наличие иногда даже опасно для тех, кто пытается «рулить» политическим и финансовым процессом, поскольку у выдвигаемого человека создается впечатление, что он лично заслужил продвижение. Такой человек не будет так предан выдвинувшим его структурам, не будет так верно им служить, и напротив, человек некомпетентный, а в лучшем случае еще и запачкавшийся, будет преданно отрабатывать свое продвижение.

Таким образом, наверх выдвигались все больше и больше люди беспринципные, несостоятельные профессионально, находящиеся на содержании коммерческих структур либо сами являющиеся их участниками, активными коммерсантами. И наконец, замаранные чем-то, то есть на них был компромат и они боялись, что в любой момент, как только они отклонятся от того курса, который потребуют проводить кукловоды, они будут немедленно уничтожены морально, а возможно, и физически.

В результате «семья» попала в ловушку, сама себя загнала в тупик. Она прекрасно понимала, какие люди ее окружают, им ни в коей мере нельзя было верить, в большинстве своем это были порождения олигархической системы.

Между тем Ельцин в людях разбирался неплохо и очень силен был в области политического выживания, чего не скажешь о его способностях в сфере государственного управления и управления обществом, создания в обществе чего-либо позитивного. Зато в плане личного политического выживания Ельцин был искушен, многолетний опыт работы в партийном аппарате приучил его чувствовать ситуацию заблаговременно. Поэтому, несмотря на свою физическую слабость, он все-таки мог понять, что за компания сложилась вокруг него и как опасно передавать власть

этим людям. Необходимо было найти человека, который хотя бы в какой-то степени отличался от этой массы. Действительно, передай «семья» власть человеку беспринципному, находящемуся полностью на содержании у какого-либо финансового клана, или же абсолютно некомпетентному, наконец, просто человеку, на которого у каких-либо финансовых группировок имелся компромат, — и господство «семьи» могло быть подорвано, потому что неизвестно, как бы повел себя этот человек впоследствии.

Если бы на выдвигенца имелся компромат у какого-либо финансового клана либо он находился у этого клана на содержании, этот клан получил бы рычаги влияния на будущего президента и «семья» уже не могла бы полностью быть уверена в своем влиянии на кандидата. Таким образом, с самого начала «семье» не удалось бы «рулить» после его прихода к власти.

А его полная некомпетентность и неспособность к каким-либо самостоятельным действиям, которая в условиях олигархической системы была хорошим фактором для продвижения по бюрократической лестнице и давала возможность пробиться к «трону», тут становилась недостатком, поскольку не позволяла удержать власть. «Семья» и в этом случае оказалась бы в сложной ситуации, поскольку после того как она произвела в стране такие серьезные изменения в области собственности, надо было отстоять и удержать то, что завоевано нелегким трудом. Человек, абсолютно неспособный управлять страной, был бы опасен. Он мог немедленно растерять политическое влияние, стать причиной кризиса и перехвата власти теми группами, которые, например, привлекли бы «семью» к уголовной ответственности и решили бы разом все проблемы, в том числе обеспечить бы передел собственности. Так что выдвижение никчемного человека тоже было опасно.

Очевидно, невозможным было продвижение аморального и беспринципного человека — он мог надуть «семью»: воспользоваться ее услугами, а затем, став президентом, покончить с ней, чтобы отделаться от ее влияния. Вот такая вырисовывается сложная картина.

Учитывая, что практически все люди в высших эшелонах власти в тот момент соответствовали этому описанию, то есть они были и некомпетентны, и беспринципны, и контролировались различного рода олигархическими криминальными группировками, имевшими на них компрометирующие сведения и дергавшими за ниточки, как кукловоды, найти кого-либо подходящего было очень сложно.

С другой стороны, «семья» не могла пойти по пути признания какой-то на самом деле достойной фигуры вроде Лужкова, Примакова или Черномырдина, за которыми были и реальный политический вес, и финансовая база, и хорошие связи внутри страны и на международном уровне. В этом случае «семья» не могла бы извлечь максимальной пользы из своего влияния: передача власти любой из этих фигур автоматически означала бы уход «семьи» с политической и экономической арены. У всех этих фигур был один важный недостаток в глазах «семьи» — они опирались на достаточно большое число людей, на мощную социальную, политическую и финансовую базу, обладали кадрами и инфраструктурой влияния и поэтому могли быть абсолютно независимыми, хотя и подходили по другим критериям. Они могли бы обеспечить нормальное, эффективное управление государством, то есть в стране был бы порядок. Они не были полностью ориентированы на какие-либо клановые интересы, и отдельным олигархам не удалось бы дергать их за ниточки. Эти фигуры представляли достаточно крупные слои нашего общества, за каждым стояла так называемая партия интересов.

Они подходили и по критерию личных качеств, поскольку не стали бы, конечно, сводить счеты. Но «семью» они не уст-

раивали, поскольку в таком случае ее политическая роль резко сужалась бы. Бразды правления полностью перешли бы к одной из этих группировок, а хотелось все-таки поставить во главе государства человека, который максимально учел бы их интересы.

...И парадокс Путина

И тут возник парадокс Путина. Не будучи человеком «семьи», не будучи вообще представителем этой олигархической системы, являясь нетипичным явлением для нее, он просто оказался в зоне обозрения Ельцина, и тот инстинктивно почувствовал, что это один из немногих честных людей, которые вообще находятся в сфере его внимания. Ведь власть построена таким образом, что в ее закрытости заложена серьезнейшая проблема. Эта закрытость, которая является как бы защитной капсулой, оберегает от всего остального общества, создает очень серьезный кадровый голод и подчас лишает руководителя возможности выбора. Приток новых лиц невозможен, а те, кто есть, входят в касту, быстро создают разного рода объединения, сходятся друг с другом, обмениваются услугами и, по сути, блокируют информацию, создают совершенно извращенное информационное поле, что мы и видим в эпоху позднего Ельцина.

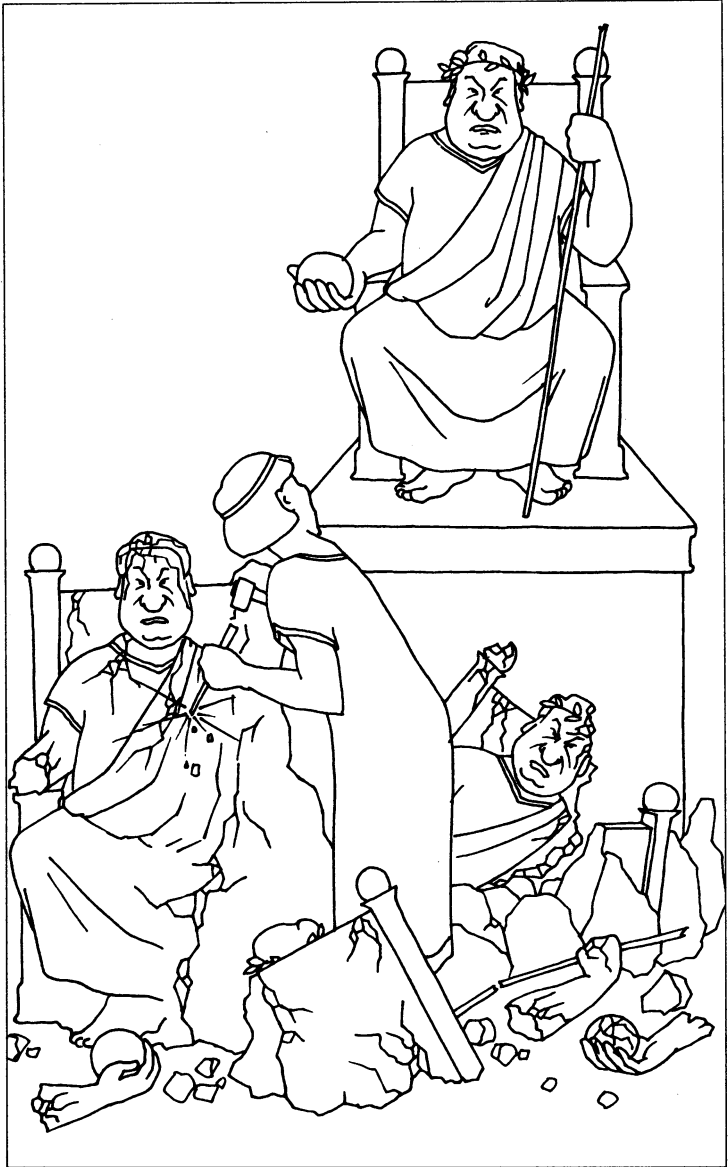
Поздний Ельцин в вакууме

Сложившаяся каста выдвиженцев олигархического капитала монополизировала процесс принятия решений и через дочь президента и руководителя администрации Юмашева

обеспечивала подписание любых бумаг и осуществление любых действий. Реального выбора в проведении политики у Ельцина уже в этот момент не было. Из-за своего физического состояния он не мог часто встречаться с разными людьми, был ограничен в выборе круга общения. Вокруг него был создан некий вакуум. В принципе это происходит во всех иерархических системах, где многое зависит от первого лица, процесс принятия решения замкнут на одного человека, персонифицирован.

Так что наличие в окружении Ельцина хотя бы одного человека, который не являлся представителем какой-то группы, не был негодяем и при этом был профессионален, было для него огромной удачей, даже несмотря на то, что этот человек не был сильно обязан «семье» в материальном плане, не был явно зависимым в отличие от некоторых других возможных кандидатов, которые, может быть, и были явно зависимыми и потому казались привлекательнее, зато вызвали большие сомнения по другим критериям.

Прежде всего вызывала сомнения возможность их самостоятельного «плавания» в роли руководителя огромной страны, вызывали сомнения их личные и моральные качества, а также все-таки они могли оказаться в зависимости не только от «семьи», но и от кого-то еще.

САМООТРИЦАНИЕ СИСТЕМЫ

Отвергнув представителей крупных социально-политических группировок, таких, как Лужков, Примаков и Черномырдин, и не имея практически никаких подходящих кандидатур в своем окружении, «семья» окончательно запуталась в своем выборе. И то, что рядом оказался Путин, явилось огромной удачей для «семьи» и, как мы увидим впоследствии, для страны в целом. Получилось, что олигархическая система, как это ни странно, в данном случае отрицала саму себя, свои принципы внутренней кадровой ротации.

В начале

Получилось, что на вершине оказался человек не той породы, которая была в то время выведена в высших эшелонах власти, что впоследствии позволило ему, в свою очередь, начать постепенное изменение всей системы, сохраняя при этом гармонию и баланс интересов уходящих кланов, которых беспокоила потеря влияния, и обновляющегося личного кадрового состава высших органов власти. Путин представлял собой золотую середину. «Семья» нарушила принцип кадровой ротации олигархического капитала и сде-

лала ставку на человека, который не был полностью связан с ними, но при этом был честным и профессиональным. И за счет своей честности он соблюдал политические договоренности, существовавшие между ним и «семьей» (весь первый срок президентства Путин в основном придерживался этих договоренностей), а в силу своей профессиональности он сумел обеспечить управляемость страны. И мы видим, что Путин достаточно грамотно выстроил политическую линию и усилил свою власть.

Исход

В это время не было сколько-нибудь мощных потрясений, но в силу своей честности и профессионализма этот человек начал незаметно менять систему, во главе которой он оказался. И мы видим, что через некоторое время страну покинул Борис Абрамович Березовский, который поначалу пытался создать впечатление, что Путин является его марионеткой. Березовский всегда, уже со времен Ельцина, привык выдавать все происходящее в стране, даже не имевшее к нему никакого отношения, за дело своих рук. В данном случае это ему удавалось недолго, и поэтому он был выдвинут из страны и продолжил попытки бороться с Путиным уже из Лондона, но в силу своей абсолютной непопулярности в массах серьезным соперником для Владимира Владимировича он не стал. Более того, он в каком-то смысле даже оттенял Путина. Наличие столь однозной, отталкивающей личности, оппонирующей президенту, в какой-то степени даже повышало президентский рейтинг, а нежелание Путина подчиняться олигархам укрепляло доверие к нему людей. Одновременно пришлось выехать и другому олигарху, банкиру Гусинскому, и средства массовой информации снова постепенно начали переходить под государственный контроль.

Без «семьи»

Кроме того, под конец первого путинского президентского срока был арестован олигарх из олигархов Ходорковский, который укрепился настолько серьезно, что уже стал претендовать на мощное политическое влияние и пытался на практике воплотить идею Березовского о том, что олигархи должны напрямую управлять государством. Этого им Путин не позволил. Постепенные изменения в сфере политического влияния сопровождались параллельными изменениями в кадровой политике. В органах власти начали все-таки появляться люди, не скомпрометированные связями с олигархическими группами и выдвинутые не по принципам торговли должностями и сделок между олигархами, в ходе которых происходил обмен назначениями высших чиновников и оказываемыми ими услугами. Понемногу все же сформировался некий слой совершенно новых людей, которые не являлись непосредственным порождением олигархической системы. Не все из них были в достаточной степени профессиональны, но все-таки это было значительно лучше, чем то, что существовало в позднюю ельцинскую эпоху. Поэтому тот факт, что Владимир Владимирович Путин был назначен Ельциным, никоим образом не означает, что он унаследовал ту систему методов управления, которая использовалась во времена Ельцина.

Он лишь обеспечил спокойный уход этой группировки от управления страной, тем самым предотвратив возможные эксцессы, схватки, которые могли бы привести к печальным последствиям для страны, поскольку передравшиеся в борьбе за собственность, власть и финансы олигархи могли снова начать осуществлять действия наподобие различных путчей, обстрелов Белого дома и тому подобных. Тем более, что похожие действия в виде взрывов домов в момент предвыборной кампании в Москве имели место и могли со значительной степенью вероятности быть связаны не только

с чеченской темой, но и с борьбой за политическое влияние, поскольку ясно, что Чечня является мощным каналом политического и финансового влияния на исход президентских выборов. Те, кто контролировал чеченское направление и параллельно средства массовой информации (Березовский и компания) могли в значительной степени влиять не только на ход выборов, но и на последующее распределение должностей и действия кабинета, сформированного по итогам выборов.

Так что все-таки появление на высшем посту Владимира Путина избавило страну от возможных кровавых баталий, в ходе которых обезумевшие олигархи могли от информационных войн перейти к настоящим войнам друг с другом на улицах городов. А каждый из них к тому времени обладал фактически собственной армией. Каждая группировка имела службу безопасности, в структуру которой входили тысячи хорошо вооруженных и специально обученных людей (в большинстве своем из числа лучших бойцов специальных подразделений); была окружена значительным количеством криминальных группировок, которые она контролировала; имела прочные связи в силовых структурах и правоохранительных органах. Поэтому схватки между ними могли принять ожесточенный характер. Службы безопасности этих структур представляли собой хорошо подготовленные военизированные формирования и могли быть очень опасны. Бой между подразделениями бывших спецназовцев, тысячами лучших бойцов спецподразделений на улицах Москвы был бы равносильен схватке дивизий, так как война спецподразделений значительно сложнее обычных боевых действий. В том, что этого не произошло, — заслуга Путина.

Кроме того, он позволил, пусть медленно и постепенно, отойти от власти представителям старых бюрократических кланов, шаг за шагом внедряя в структуры управления но-

вых людей и создавая возможность уменьшения влияния олигархических группировок, что на самом деле было очень непросто.

Терапия или хирургия

Можно, конечно, критиковать Путина за недостаточную скорость этого процесса, но положи руку на сердце, надо отметить, что, наверное, проводить какие-то преобразования быстрее было просто невозможно. Олигархи накопили огромные капиталы, сопоставимые с бюджетом России, хранившиеся в основном на Западе, и контролировали всю собственность в стране в результате многих этапов приватизации. У них сложилась мощная структура коррупционных связей, заразивших весь управленческий аппарат. Кроме того, олигархи полностью контролировали вопросы внешнего долга России и пользовались поддержкой западных стран, так как обеспечивали перелив капитала в их экономику, поддерживая там неэффективные отрасли. Западные страны понимали, что олигархи наносят стратегический урон России, поэтому полезны вдвойне. Так что Путин не был конечно же в состоянии вступить в поединок одновременно и с международным сообществом, и с владельцами крупнейших предприятий, прикрывшимися разного рода бумагами, подписанными Ельциным и Чубайсом, и создавшими во всех структурах власти мощнейшее лобби, которое в любую секунду либо явно вставало на защиту их интересов, либо тихо саботировало деятельность, могущую помешать олигархам. В таких условиях вряд ли было возможно немедленно приступить к созданию новой экономики и новой политической системы.

Поэтому Путин в тот момент делал все возможное и создавал хоть какой-то фундамент, ростки новой жизни. Важно,

во всяком случае, что закончилась эволюция олигархической системы, ее воспроизведение. Фактически крупнейшие олигархические группы уже не воспроизводились, они дорабатывали свой ресурс и заходили в тупик. На сегодняшний день можно отметить, что их влияние уже несопоставимо с тем, которое было всего лишь несколько лет назад. А после недавних изменений в правительстве и в Администрации президента это влияние, скорее всего, практически сойдет на нет.

В то же время Путин конечно же не будет создавать никаких новых олигархов, поскольку они в принципе ему не нужны, так как олигархическая система могла возникнуть только в условиях ельцинского господства, когда модель руководства предусматривала наличие малочисленной группы, своего рода олигархического политбюро, принимающего все решения. Думаю, даже Ельцин, если бы он оставался здоровым и дееспособным, не пошел бы, наверное, на создание олигархических групп, настолько неэффективным было это решение и в политическом, и в экономическом плане. Он не мог не понимать, что в экономическом плане это привело к формированию монополий, к загниванию экономики; сузились и возможности политического маневра со стороны первого лица государства. Скорее всего, уже в момент захвата власти олигархами Ельцин не поддерживал этот план, поскольку чувствовал, что превращается в английскую королеву при олигархах, которые через его дочь и ее будущего мужа Юмашева коррумпируют его «двор», вертят им и могут позволить себе осуществить любые преобразования.

Если бы Ельцин не был болен, он вряд ли допустил бы концентрацию власти в руках этих людей. Но его ближайшие сподвижники Чубайс и Березовский были явными сторонниками этой системы, они, по сути дела, принудили Ельцина отказаться от любых противовесов этой системе. Разогнав оставшихся ее противников в лице Коржакова,

с 1996 года они уже правили страной за Ельцина, прикрываясь его именем.

Для создания такой системы Путиным какие-либо предпосылки отсутствуют. И состояние его совсем не такое, как у Ельцина в середине 90-х годов, и авторитет внутри страны достаточно высок, и, кроме того, нет полной зависимости от коммерсантов, которые могут в обмен на свои услуги вынуждать принимать выгодные им решения (вспомним, как Березовский и Гусинский сначала завладели телеканалами, а потом во время президентских выборов фактически обменивали их работу на дальнейшее политическое влияние, то есть, получив незаконно телевизионные каналы, потом с их помощью они хотели получить и все остальное, отстранив утратившего идеологические рычаги Ельцина от остатков власти). В эпоху Путина, естественно, этого нет, и поэтому появление новых олигархов очень сомнительно.

Скорее всего, власть будет создавать достаточно большое количество финансово-промышленных групп, может быть, 50, а может быть, 100 различных групп, в каком-то смысле поддерживать их и поощрять конкуренцию между этими структурами, чтобы оживить экономику и в то же время не дать ни одной из групп доминировать в политической жизни. Это весьма вероятный сценарий развития событий. Поэтому олигархическая система, никаким образом не соответствующая потребностям общества в целом, не может уже рассматриваться как единственная возможность для развития страны.

Олигархи-правозащитники

Это не означает, что устранение олигархических групп из политической и экономической жизни происходит безболез-

ненно. Естественно, они ведут тайную игру против Путина и в значительной степени пытаются объединяться, создавая своеобразные блоки, чтобы помешать изменить эту систему. При этом их деятельность по противодействию реформам Путина носит очень изворотливый и хорошо законспирированный характер. Во-первых, деятельность эта прежде всего ведется под красивыми лозунгами, то есть, поскольку на сегодняшний день некоторые действия Путина могут выглядеть как ограничение демократии, олигархи взяли на себя функции защитников демократии и представляют борьбу против них как нападение на либерализм, свободу и рыночные реформы. Так в сознание людей внедряется мысль, что Путин якобы пытается установить авторитарный режим, а олигархи и их система, напротив, являются основой стабильности таких институтов общества, как собственность и представительная демократия.

Такое видение событий насаждается в средствах массовой информации, которые все-таки в значительной мере находятся под влиянием олигархов, которые, придавая своим интересам такой оттенок, могут задавать определенный фон для деятельности Путина. Конечно, внутри страны им все-таки сложно обмануть население, которое понимает, какая «демократия», какие «реформы» скрываются за словоблудием лиц, которым сейчас приходится защищаться. Но на международной арене им удается действовать на общественное мнение. Во многом это объясняется тем, что западные круги в принципе заинтересованы в дальнейшем существовании олигархической системы, поскольку она полностью устраивала международное экономическое, политическое и финансовое сообщество, позволяя западным странам решать какие-то внутренние задачи, в том числе задачу стратегического, экономического сдерживания России, удержания ее на коротком поводке с помощью разного рода кредитов МВФ, Всемирного банка, контроля над ее финансово-экономической политикой через постоянные

вмешательства. И эта система начинает рушиться вместе с обрушением олигархической системы. Поэтому на Западе олигархи получают поддержку и выступают там как защитники демократии, либерализма и свободы, что у них не получается внутри страны, поскольку их либерализм и приверженность демократии миллионы россиян ощутили на своей собственной шкуре, на своем собственном кармане.

Саботажники и провокаторы

Что же касается других форм противодействия деятельности Путина, олигархи имеют еще и хорошие стартовые возможности, чтобы саботировать, незаметно мешать деятельности президента. Они наводнили государственные структуры своими людьми, многие из которых могут замаскироваться, как в разведке, когда резидент на время затихает и не работает напрямую на ту спецслужбу, которая его заслала. А поскольку открытое лоббирование в отличие от позднеельцинской эпохи уже опасно, за это можно поплатиться, многие перевертыши — выдвиженцы олигархов могут сделать вид, что они с олигархами не связаны, олигархи же могут им в этом подыгрывать. Однако незримая связь между ними, возможно, будет все равно существовать, и это позволит олигархам создать глубоко законспирированную подрывную сеть внутри аппарата, целью которой будет усыпить бдительность Путина и создавать ему неожиданные трудности. Например, подстроить какой-нибудь финансовый крах и создать «пятую колонну» в случае контрнаступления олигархов, которое надо еще подготовить и создать для него условия. Деятельность по формированию «пятой колонны», системы «кротов» во всех министерствах и ведомствах, которые будут ждать часа X, чтобы вместе выступить против Пути-

на, ударить по нему, по народу, опять устроить какую-нибудь финансовую катастрофу и немедленно подключить к этому международные сообщества, которые объявят о своей поддержке всей этой структуры, вполне возможно, уже ведется. Это не исключено.

Законспирировавшиеся «кроты», тайные союзники олигархического капитала в аппарате могут использовать тактику, в свое время применявшуюся будущими гэкачепистами в отношении Горбачева, когда разного рода неблагоприятная деятельность, направленная на развал Союза (например, штурм телецентра в Вильнюсе или провокации в Тбилиси), выдавалась за деятельность Михаила Сергеевича. Это удавалось, поскольку реакционные силы в политбюро, понимавшие, что реформы Горбачева представляют для них угрозу, все-таки продолжали контролировать массу структур. Под видом деятельности Горбачева они осуществляли разного рода непопулярные меры, тем самым снижая его рейтинг, подрывая доверие к нему людей. А в это время Ельцин, который уже тогда предполагал пойти на прямой сговор с реакционной частью политбюро, прежде всего с будущей группой ГКЧП, набирал очки.

Союз Ельцина с ГКЧП был абсолютно явным, совершенно ясно было, что они действуют в одном направлении. Даже в момент подписания союзного договора, предшествующего непосредственно августовскому путчу, по сведениям Гавриила Харитоновича Попова (а его осведомленность не вызывает сомнений, поскольку он был в то время мэром Москвы, одним из ключевых людей в стране, и знал очень многое), Ельцину предлагали возглавить вместо Горбачева съезд, стать Президентом СССР на Съезде народных депутатов. И если бы он согласился, ГКЧП выдвинул бы его своим лидером. Вот до чего мог дойти демократ Ельцин. И фактически он все равно сделал все то же самое, только немного по-другому, более скрытно.

Все равно под его руководством пришли к власти те же силы. А что мешает применить ту же самую модель олигархам? Олигархи представляют собой сейчас полную аналогию политбюро, а именно его реакционной части. Они тоже считают себя наряду с президентом хозяевами страны, они тоже, как члены политбюро, контролируют целые сферы нашего общества, обладают финансово-организационными и политическими ресурсами, кадрами. И в связи с угрозой своему положению они могут так же, уже третьим способом противодействовать Владимиру Владимировичу Путину, пытаться осуществить какие-нибудь действия против него, ссылаясь на него же, на его политику, так, чтобы народ не мог распознать истинных авторов этих действий. Может быть, под видом каких-то очередных реформ, очередных проектов они попытаются пропихнуть то, что навредит Путину, и за это время раскрутить какую-нибудь оппозирующую фигуру, которая могла бы сыграть как раз на этих созданных трудностях.

Поэтому не все то, что будет происходить и уже происходит под флагом Путина, надо обязательно приписывать Владимиру Владимировичу. Многое может исходить из разных источников, тем более что в его окружении по-прежнему сохраняются разные силы, не все из них являются его стратегическими сторонниками. Поэтому, как говорил Козьма Прутков, «если на клетке слона увидишь надпись «Буйвол», не верь глазам своим».

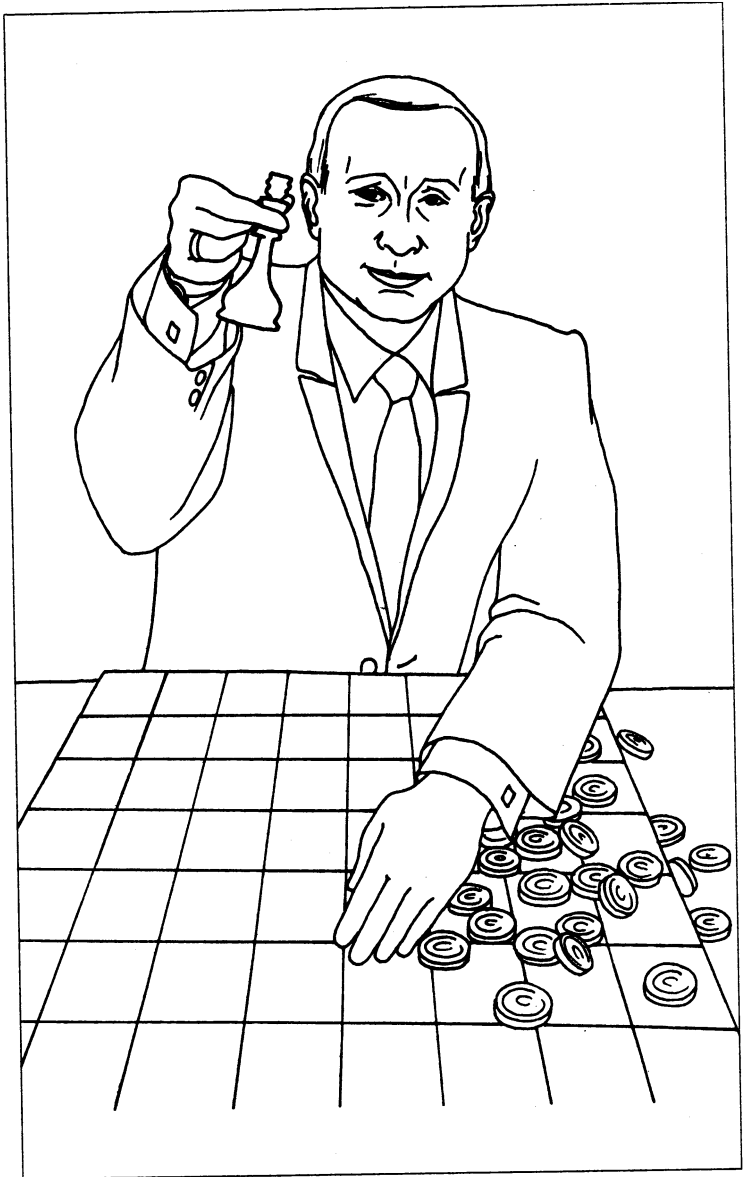
Ко всему, что происходит и будет происходить на политической и экономической арене в ближайшее время, надо относиться с подозрением и очень внимательно, задавая себе вопросы: а нет ли здесь скрытого противодействия? нет ли здесь попыток приписать Путину те меры, которые на самом деле ему не нужны? нет ли здесь какой-то «пятой колонны», и не действуют ли это те законспирировавшиеся силы, которые в час X совместно должны выступить и смес-

тить Путина с поста президента, чтобы восстановить олигархическую форму правления в стране? Надо это все внимательно отслеживать. Наконец, надо задавать себе вопрос: а что значат те или иные слова, когда они употребляются разного рода политическими деятелями, какую именно демократию имеют в виду защитники демократии сегодня, какие именно экономические реформы они считают успешными и какие завоевания считают необходимым защищать? Надо к этому относиться очень осторожно, поскольку сейчас эта фразеология может использоваться с противоположными целями, то есть защитники демократии, реформ и свободы вполне могут таковыми не являться, а реально у них просто удобная позиция для использования этих лозунгов.

Тут возможна аналогия с событиями 1993 года. Верховный Совет России состоял из крайне реакционной части номенклатуры, которая фактически и должна была до этого уйти с политической арены, но вместо этого она вытолкнула Ельцина на авансцену и его руками расправилась с прогрессивными силами. Эта часть затем попыталась воздействовать на Ельцина, но у нее не получилось, вот тогда-то, поскольку Ельцин не хотел и впредь считаться со своими прародителями, а начал свою игру, и произошел раскол в высших эшелонах власти. Так вот, Верховный Совет России в тот момент тоже оседлал правильные и хорошие лозунги. Он говорил о защите Конституции, о демократии, и тут произошла парадоксальная вещь. Правильные вроде бы лозунги должны были привести к печальным результатам, потому что, если действовать по Конституции, Ельцин должен был быть отстранен от власти, и в точном соответствии с буквой закона власть должна была перейти к Верховному Совету России, что было гораздо хуже Ельцина, поскольку там находились самые «отстойные» силы реакционной номенклатуры. Их приход к власти был чреват полнейшей деградацией Российского государства, поскольку они были еще хуже

Ельцина. И слава богу, что этого не произошло. А использовали они хорошие, правильные слова «конституция» и «демократия».

Правда, произносившие их забыли, что они не придерживались Конституции и демократии, когда всего лишь за пару лет до этого упраздняли Советский Союз и изгоняли из Кремля Горбачева. Тогда почему-то их не интересовала Конституция. Но в 1993 году силы, действовавшие через Верховный Совет России, выступали под правильными лозунгами. Поэтому и сейчас тем группам, которые отстраняются от высших эшелонов власти, отходят на другие позиции и фактически не могут рассматриваться как участники будущего политического и экономического процесса, ничто не мешает применить ту же тактику. Они могут произносить очень правильные фразы о разделении полномочий, о представительных органах власти, о необходимости определенного соотношения между Центром и регионами; говорить о борьбе власти с гласностью и свободой слова, хотя очевидно, что свобода слова, которую они защищают, была свободой высказывать только одну точку зрения, а именно ту, которую пропагандировали Чубайс и его единомышленники и которая, как уже было показано, являлась доминирующей идеологической конструкцией, обеспечивающей бесперебойное функционирование механизмов отъема собственности и денег у всего остального населения. Та же самая тактика может быть применена и сейчас. В этой связи Путин в своем противостоянии олигархам в какой-то степени напоминает Горбачева в его противостоянии реакционной части политбюро.

ПЕРЕПИСЫВАЯ ЗА НОВО

Чем дальше Путин будет идти по пути развития конкуренции и проведения действительных экономических реформ, тем острее будет его конфликт с олигархами, так как они так же, как и их прародители — реакционеры политбюро, то есть паразитическая часть номенклатуры, не заинтересованы в каких-либо переменах. Их задача — сохранить контроль над теми же отраслями и предприятиями, что и в 1991 году. По сути, в той мере, в какой Путин борется с олигархами, он воспроизводит модель Горбачева, его поединки с политбюро. Интересно, что Путин вообще на самом деле имеет дело с теми же силами, которые просто трансформировались и эволюционировали 1989–1999 годы. Именно многократная передача власти по цепочке от реакционной части аппарата Ельцину, «шокотерапевтам» и приватизаторам, а затем олигархам привела к тому, что теперь Путин заново должен начинать реальные реформы. Конфликт Горбачева с реакционной частью политбюро, который был подробно исследован и находился в центре внимания отечественной и мировой общественности в конце 80-х годов, воспроизводится на новом этапе, причем в еще более острой форме. Все проблемы страны за это время только обострились, страна оказалась еще гораздо более ослабленной, и возникшая олигархическая система еще более уродлива, чем существовавшая при власти политбюро и централизованном

руководстве экономикой в условиях административно-командной системы.

При наличии огромного количества неэффективных черт и недостатков, которые, естественно, были у советской системы, у нее все-таки были и некоторые преимущества по сравнению с капиталистическим обществом за счет возможностей внеэкономического принуждения, идеологической обработки населения, возможности мобилизовать значительные ресурсы на крупные инвестиционные проекты, а иногда и на развитие научно-технического потенциала. Олигархическая же система, как мы видели, вообще лишена каких-либо достоинств. Она не может похвастаться даже теми преимуществами, которые были у системы политбюро, потому что в отличие от нее олигархическая система представляет собой просто запущенный маховик изъятия огромных средств из бюджета страны и перераспределения их в интересах узкой группы людей, перекачки этих капиталов на Запад. При этом все возможности для инвестирования, решения социальных программ, прогнозирования и планирования, для того чтобы обеспечить народно-хозяйственные приоритеты и долгосрочные интересы общества, оказались утеряны.

В результате Путину приходится начинать снова экономические реформы и политические преобразования в гораздо худших условиях, чем были у Горбачева в конце 80-х годов, поскольку за это время выросла гигантская коррумпированная и абсолютно косная машина. При этом сама культура экономики отсталая, она не соответствует мировому уровню, оборудование изношено, производственный потенциал подорван, а политически эта система еще более реакционна, чем существовавшая ранее. Она воспроизвелась в ухудшенном виде.

Добавились новые проблемы и недостатки, а старые достоинства исчезли. Таким образом, преобразование этой вос-

произведенной системы представляет гораздо более трудную задачу. В этом и состоит историческая миссия Владимира Владимировича Путина — ему суждено остановить процесс развала, деградации экономики страны и вернуть жизнь в ее политический и социальный организм, поскольку экономический крах сопровождается сегодня и тяжелейшим идеологическим банкротством в связи с тем, что произошла дезориентация основной массы населения, скомпрометированы многие идеи и начинания. Энергия масс, которая была на стороне Горбачева в конце 80-х годов и способствовала переменам, сейчас недоступна Владимиру Владимировичу Путину, поскольку за это время людей задавили бытовыми проблемами, многократно обобрали разнообразными способами через отъем сбережений, «шоковую терапию» и либерализацию цен, через псевдоприватизацию и ваучеры, банковские кризисы и махинации с валютными курсами, пирамиды, дефолт. Получая на протяжении десяти лет столь жестокие удары, люди впали в такое состояние, когда они уже ни на что не обращают внимания, не верят ни в какие позитивные изменения и в этом смысле достаточно пассивны.

Поэтому мобилизовать их на новое начинание и как-то оживить жизнь в стране стало гораздо труднее, чем было в конце 80-х годов. Это еще одно печальное наследство, доставшееся Владимиру Владимировичу Путину, — тяжелейший идеологический, идейный, моральный кризис, утрата обществом моральных ценностей и ориентиров. Вместе с развалом экономики все это составляет единое целое, вливаясь в общий кризис, который возник в стране в результате реставрации, по сути, ухудшенного варианта советской системы в виде олигархического криминального капитализма. Поэтому преобразовать что-либо в такой системе не так просто, это требует гораздо большей изобретательности, дальновидности, поскольку надо продумать, как будут реагировать на то или иное действие многочисленные группы влияния и про-

гнивший аппарат, который в значительной степени затаился и готовится в какой-то момент обрушить возможные экономические реформы. При этом нельзя не учитывать международную изоляцию России и ослабление ее внешнеполитических позиций в результате неэффективных действий прежнего руководства и проводимой им бездарной политики односторонней ориентации на западные страны.

Как уже говорилось, западные страны не являются конечно же врагом России и в принципе не заинтересованы в ее распаде и дезинтеграции, но, с другой стороны, США и Европа в то же время не заинтересованы, чтобы Россия превращалась в самостоятельный центр влияния, в самостоятельного игрока на международной политической и экономической арене. США и Европа готовы поддерживать Россию как противовес таким странам, как Китай и Япония, чтобы не допустить их слишком серьезного усиления, готовы терпеть интересы России на территории СНГ только в том объеме, в каком это необходимо для поддержания международной стабильности в целом.

Кроме того, тяжким наследством для Владимира Владимировича Путина является, конечно, противодействие регионов, возникшее в эпоху Ельцина. Исторически Ельцин пришел к руководству страной в результате распада СССР, и одним из направлений его деструктивной деятельности было апеллирование к лидерам союзных республик и обещание им свободы, если они совместно с ним выступят против Горбачева и Центра. На этом строилась игра реакционной номенклатуры и ее приспешников на местах, «царьков», выигравших впоследствии больше всего, когда во многих странах СНГ к руководству пришли бюрократические и финансовые кланы, оседлавшие идею независимости. Они, кстати, дополняли в этом смысле интересы западных стран, потому что западные страны также были заинтересованы в распаде Советского Союза.

Лидеров регионов, прежде всего автономных национальных республик, пытались использовать в борьбе против Ельцина, в свою очередь пугая его распадом России, но этого не случилось. Запад не был заинтересован в полном распаде России и боялся такого процесса. Но лидеры регионов вошли во вкус, они уже привыкли жить в условиях противостояния Горбачева и Ельцина, им это понравилось. После того как Ельцин пришел к власти, он вынужден был заплатить за эту власть так называемым суверенитетом.

Все помнят его историческую фразу: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». И естественно, они взяли. Они взяли прежде всего суверенитет в части свободы от выплаты налогов в бюджет. Поэтому некоторые регионы полностью вышли из-под финансового контроля Центра, в первую очередь такие, как Татария и Башкирия. Какие-то процессы дезинтеграции начались на Северном Кавказе. Некоторые лидеры могли разыграть карту независимости для того, чтобы выбивать дотации из Центра, вынуждая его платить за политическую лояльность этих регионов. Усиление регионального влияния прослеживается всю ельцинскую эпоху. Совместно с олигархами региональные группировки составили ядро ельцинской системы, они получили очень мощные рычаги влияния, и в конечном счете совместное творчество олигархов и представителей регионов привело к появлению такого нарыва на теле российского общества, как Чечня, в чем в принципе были заинтересованы как те, так и другие.

Чеченская Республика предоставляла идеальную возможность для того, чтобы вынести на международный уровень проблему независимости национальных республик. Кроме того, она давала возможность давить на Ельцина, принуждать его к определенным политическим решениям. При этом политические и экономические группировки, действовавшие в этой области, получали возможность не только беско-

контрольно распоряжаться средствами, но и извлекать значительную косвенную выгоду от продвижения нужных им людей на все посты в силовых и хозяйственных структурах и таким образом занимать все более прочное положение в иерархии создаваемого нового российского государства.

Так что и противоречие с регионами также является характерной чертой той политики, которую проводит Владимир Владимирович Путин. Естественно, расставаться с этой региональной вольницей многим не хочется. Еще со времен борьбы Горбачева и Ельцина лидеры регионов привыкли выторговывать себе какие-то дополнительные возможности, а впоследствии взаимоотношения с самим Ельциным приучили их к тому, что можно получить всевозможные индивидуальные указы и постановления правительства, либо освобождающие их от налогов, либо дающие им огромные дотации, либо предоставляющие им таможенные льготы и еще какие-нибудь привилегии. Они успешно занимались интригами на выборах 1996 года, продвигая своих людей в обстановке противостояния Ельцина и коммунистов, обменивая свое политическое влияние на экономические преференции.

В эпоху Путина начался обратный процесс, и он не может не вызывать противодействия. По сути, это процесс собирания российских земель, укрепления российской государственности, аналогичный тому, что происходило, возможно, в России во времена феодальной раздробленности, когда после татаро-монгольского ига ослабленная Русь восстанавливала свои силы, происходило собирание русских земель, единого российского государства, которое могло бы противостоять как орде, так и угрозе с Запада. Путин является продолжателем этого дела, и в этом также состоит его миссия.

Еще раз подчеркнем: Владимиру Владимировичу Путину приходится иметь дело сразу со многими опасностями. Это

и прикрывающиеся либеральной фразеологией и красивыми фразами уходящие от власти олигархи, аналог реакционной части политбюро, которая рядится в демократические реформаторские одежды. Это и затаившаяся часть их ставленников в аппарате, то есть «пятая колонна», которая в любой момент готова выступить и ждет часа X. Это и провокаторы, которые готовы подставлять Владимира Владимировича и мешать ему выполнять свои функции, компрометируя его. Это и региональные «бароны», которые не хотят терять контроль над своими территориями и заинтересованы в сохранении былой вольницы; им нужен слабый президент. Вот это пестрое сообщество и является тем полем, на котором вынужден осуществлять свои преобразования сегодняшний Президент России. И его деятельность в этом направлении вызывает уважение и нуждается во всеобщей поддержке.

При этом можно сказать лишь одно: другого пути у России нет.

Приложение

СТАТЬИ

Иллюзии и реальность*

Пришло время говорить правду, избавиться от иллюзий, мифов и догм. Нашей стране нужны новая политика, новая экономическая теория, новые цели и способы их достижения. Мы застряли в бесконечном перемалывании одних и тех же идей, бессмысленных спорах ни о чем, обсуждении уже давно надоевших всем идей. Как в известном фильме «День сурка» мы каждый день просыпаемся в одной и той же ситуации, одни и те же политические персонажи говорят одно и то же.

Либерализм

Либеральный фундаментализм, банкротство которого всем очевидно, очень прост: рынок сам все отрегулирует, государство не нужно и оно должно, по возможности, быстрее исчезнуть из экономической жизни. Эта утопия, к сожалению, легко прижилась на российской почве, т.к. крупнейшие монополии, в результате приватизации оказавшиеся в частных руках, решили использовать эту теорию в своих интересах и теперь сами фактически выполняют функции государства. Это «государство» избавилось от необходимости нести социальные расходы и, получив юридически частный статус, может назначать теперь любые цены на свои товары. Ограничены эти монополии лишь платежеспособным спросом, т.е. они могут извлекать любые доходы, невзирая на положение дел в стране. Для тех, кто торгует нефтью, газом и электроэнергией, либерализм — это действительно свобода, потому что они могут делать все, что угодно, и с ними сделать ничего нельзя. Поэтому как-то незаметно полу-

* Известия. 2004. 22 декабря.

чилось, что у нас все лидеры либералов — это и есть главные монополисты либо их представители — что само по себе является абсурдом, поскольку либерал-монополист понятие несуществующее, эти слова несовместимы.

Таким образом, мы имеем дело с бюрократическим и олигархическим монополизмом, прикрытым либеральной фразеологией. Характерно, что настоящие предприниматели хорошо понимают это положение и всегда выступали против такого «либерализма», но их голоса не были услышаны. То, что происходило у нас в экономике в 90-е годы, никакого отношения к либерализму не имеет. Глупо обвинять либеральные идеи, которые реально вообще не были воплощены, а под их знаменами на самом деле действовали бюрократы и олигархи.

Но в любом случае, даже в своей «очищенной» форме, либерализм не должен доводиться до крайности и, в свою очередь, он нуждается в применении инструментов государственного регулирования. На Западе со времен Кейнса существуют механизмы коррекции экономических процессов со стороны государства, которые, однако, не противостоят фундаментальным основам рыночной экономики и свободе предпринимательства.

Приватизация

Проблема собственности является основной проблемой экономической реформы. Без решения вопроса о собственности экономика не может развиваться. В основном все противоречия приватизации касаются группы самых крупных предприятий — не более 100, вокруг которых больше всего споров. Приватизация этих предприятий была лишь номинально платной, а фактически они были переданы новым собственникам за символическую плату. За

короткий период осени 1995 года все лучшие предприятия страны с капитализацией более 100 млрд долларов оказались заложены за 600 млн долларов (!) — смехотворную сумму, которую можно было легко занять на внешнем или внутреннем рынке. Кроме того, приватизация крупнейших предприятий зачастую вообще была не нужна. Во всем мире монополии такого рода являются государственными (газ, нефть, электроэнергия, транспорт и связь). Именно здесь приватизация не достигла своих главных целей, заключающихся в пополнении бюджета (через продажу акций и затем сбор налогов), повышении эффективности и привлечении инвестиций. Стратегически важные объекты нередко приватизировались волонтаристским путем на основе «штучных» указов и постановлений, иногда с нарушением законодательства и всегда с нарушением законов конкуренции, в отдельных случаях даже без формального конкурса или аукциона. Зачастую собственники не просто получали предприятие, а получали его на определенных условиях, связанных с решением социальных вопросов (касающихся целых регионов), а также на основе различных соглашений и инвестиционных контрактов. Такие соглашения и контракты являлись частью приватизационной сделки, но впоследствии не выполнялись. Бывали случаи, когда предприятия после приватизации либо закрывались, либо перепрофилировались с нарушением обязательств. Иногда это делалось специально, в ущерб интересам безопасности государства — так, например многие предприятия, скупленные иностранными конкурентами, затем ликвидировались.

Фактически произошла приватизация доходов, а расходы остались государственными. Все доходные статьи бюджета перешли под контроль частного капитала — естественно, что у государства не осталось средств на социальные программы, а так же армию и безопасность.

Государство передало новым собственникам монопольные сверхдоходы, отказалось в пользу этих собственников от абсолютной и дифференциальной ренты и прибыли от экспортно-импортных операций, при этом вовсе не увеличило, а даже сократило налогообложение этих предприятий (что наглядно демонстрирует ЮКОС — 14 млрд долларов неуплаченных налогов сопоставимы с бюджетом России!).

Когда идеологи реформ заявляют, что государство не должно интересоваться судьбой бывшего государственного имущества, за этим чаще всего стоит желание скрыть разрушительные последствия сделок, их негативные стороны. Причиной конфликтной ситуации вокруг приватизации крупнейших предприятий является социальная несправедливость этих сделок, их очевидное неприятие обществом и вызванная этим правовая шаткость новой олигархической собственности. Дело в том, что право не существует само по себе, отдельно от морали, от общественного признания и согласия. Но и с юридической точки зрения крупнейшие собственники получили свое право на весьма спорных основаниях. Все это ведет в дальнейшем к разрушительным для всей экономики последствиям.

Большинство сделок по крупнейшим предприятиям были фиктивными, притворными, мнимыми. В результате в России сложился худший тип собственника — неуверенный, тревожный собственник. Такие собственники не инвестируют в производство, не работают на перспективу, а стараются выкачать из предприятия все, что можно, и перевести деньги за рубеж. Более того, практика хозяйственной экономической жизни все время подтверждает их правоту. Мы то и дело видим, как эти предприятия становятся предметом споров, ареной ожесточенных столкновений с участием силовых структур, судов, как только баланс между властными структурами нарушается. Получается, что прежний собственник был прав, если разорил предприятие и вывел

активы за рубеж — ему что-то останется. Если бы он развивал производство — то остался бы в дураках. В итоге мы имеем псевдособственников, временщиков, которые, сменяя друг друга, проводят одну и ту же хищническую политику. Ждать, пока у таких владельцев проснется чувство собственника, можно еще очень и очень долго. А до тех пор каждый год 20—25 млрд долларов будут уводиться за рубеж. Такой путь не приемлем — порядок надо наводить сейчас, срочно, пока еще не полностью подорван производственный потенциал.

Олигархи

Еще Ленин писал, что монополистический капитализм вплотную подводит нас к социализму и диктатуре пролетариата, доводя до предела противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Создание в России олигархии явилось прямо противоположным процессом: от общественного характера производства — к частному присвоению. Но если в создании олигархии не было экономического смысла, значит, был — политический. Этот смысл состоял в необходимости осуществить конвертацию политической власти: политбюро начала 90-х — в экономическую и финансовую власть олигархии середины 90-х. Еще во времена Горбачева верхушка коммунистической партии озаботилась тем, как сохранить в условиях надвигающегося капитализма свое господство. Тогда прогремели все эти истории про «золото партии». Но настоящее золото партии — это система влияния на ключевые решения: от кадровых назначений, силового прессинга и до прямого указания провести ту или иную коммерческую операцию. Именно эту систему влияния надо было трансформировать в некое подобие капиталистической системы. И номенклатура быстро приня-

лась за дело: накачав в 1991 — 1992 годах с помощью административных рычагов первоначальные капиталы, быстро провела массовую приватизацию, при которой все лучшие предприятия достались руководителям («директорская» приватизация), а когда возникла необходимость еще прочнее закрепить достигнутое финансовое положение и контроль над собственностью, были придуманы залоговые аукционы и олигархические группы. Если «директорская» приватизация создала некий новый ЦК, то олигархи — это новое политбюро.

Олигархические группы вредны для экономики, но они необходимы для сохранения и удержания власти тех группировок, которые под видом демократии пришли к управлению страной в 1991 году. Они — продолжение власти бывшей партноменклатуры, бюрократического аппарата, новое воплощение административно-командной системы на современном этапе. Это — своего рода частный распределитель, в отличие от государственного распределителя советского времени. Но если распределитель при социализме хотя бы помогал обеспечить плановое развитие, то частный распределитель не заинтересован ни в каком плановом механизме обеспечения интересов государства: ни в сфере обеспечения безопасности, ни в решении социальных вопросов. Взаимоотношения государства и олигархов — это взаимоотношения внутри власти, борьба разных группировок за власть. Это вовсе не конфликт бизнеса и власти, как пытаются иногда представить. Между олигархией и предпринимательством нет ничего общего, олигархи гораздо ближе к бюрократии, аппарату. Фактически олигарх — это назначенный чиновник, который только юридически является собственником, а на самом деле — назначенец. Если же между олигархом и властью возникают трения, то это соперничество групп влияния, различных кланов — такое соперничество всегда существовало даже в едином с виду политбюро.

Перспективы

Нас настойчиво убеждают, что Россия превращается в отсталую страну, что ей надо догонять уже не США и Англию, а Португалию. Конечно, положение в нашей экономике очень тяжелое. России необходима ускоренная модернизация, технологическое обновление, изменение отраслевой структуры. Однако нет оснований и для панических настроений.

Во-первых, все неутешительные для России прогнозы построены на основе линейной динамики и не учитывают возможности качественных изменений, технологических сдвигов и прорывов. В современной экономике действуют уже нелинейные закономерности, а при кардинальном изменении технологий стоимостные затраты могут колебаться в сотни раз.

Во-вторых, все модели роста рассчитаны, исходя из навязанных стандартов потребления, которые весьма условны. Производственный потенциал развитых стран также завышен, причем во много раз. Практически не учитываются факторы, которые в современной экономике являются решающими — человеческий капитал и его развитие.

В-третьих, сегодня экономический рост не является единственным приоритетом — важна структура роста, такие понятия как оптимальный рост, равновесие и т.п. Иногда положительным является даже отсутствие всякого роста — в идеально сбалансированной экономике рост вообще не нужен. В любом случае значимы не только абсолютные показатели роста, но также качество роста. В силу этих причин Россия вовсе не является такой уж безнадежно отсталой страной без перспектив. Пессимистические сценарии развития событий отнюдь не predeterminedены и единственно серьезной проблемой России является наличие внутренних механизмов консервации, которые можно

назвать силами торможения. Это те силы, которые не хотят нормального экономического развития. Они привыкли за эти 12 лет ловить рыбку в мутной воде и способны существовать только в условиях слабого государства и страны в целом. Эти силы торможения заинтересованы в стагнации, сохранения статуса «кво», а не в ускоренной модернизации, поскольку извлекают свои доходы только за счет воровства, хищений, паразитируют на трудностях и недостатках нашей экономики.

Силы торможения сильны среди олигархов, губернаторов, прочны их позиции среди части «либерально» настроенной интеллигенции и в некоторых СМИ. Они являются опорой реальной оппозиции Путину, в отличие от оппозиции явной, но недееспособной. От того, что эту оппозицию не видно, она не становится слабее, а наоборот, становится сильнее. Это конспиративная оппозиция, основу которой составляет часть крупного бизнеса, чиновничества, региональных руководителей. Когда действует конспиративная оппозиция, то все вроде бы «за», но на самом деле «против», и это опасно.

Никакая видимость авторитаризма не должна убаюкивать власть — как раз слишком централизованная система может быть выведена из строя малейшей дестабилизацией. В ближайшее время России необходим прорыв, радикальные действия в экономике, которые потребуют наступления на очень серьезные финансовые и политические интересы. Но другого пути у нас нет. Я уверен, что В.В. Путин предпринимает необходимые меры и сделает решительные шаги — по-другому не может произойти, т.к. в противном случае не будет России, а это невозможно.

Новый курс или бархатная революция*

Когда Михаил Горбачев начал перестройку, он был очень популярен. Люди почувствовали ветер перемен и поверили молодому (на фоне кремлевских старцев) лидеру. Но в какой-то момент Горбачев упустил шанс воспользоваться народной поддержкой, слишком цеплялся за ЦК КПСС и политбюро, номенклатуру, а в итоге — растерял былой авторитет из-за нерешительности, неспособности принимать жесткие решения.

В 1999 году Владимир Путин тоже набрал свою популярность как молодой (на фоне дряхлого Ельцина) лидер и тоже на волне народных ожиданий. Правда, ожидания были уже другими: остановить беспредел 90-х, обнищание людей, унять зарвавшихся олигархов и коррупционеров. Но опять-таки, как и в случае с Горбачевым, Путин пока опирается прежде всего на народ, на свой высокий рейтинг. И как перед Горбачевым 15 лет назад, перед ним выбор между опорой на аппарат и на народное доверие. Сегодня ясно, что аппарат играет против Путина. Прогнивший и коррумпированный аппарат, контролируемый олигархическими группами, гораздо больше устраивает Касьянов — это их лидер, человек, близкий по духу, Миша, «два процента».

Поэтому аппарат исподволь готовит заговор против президента, это видно по истории с монетизацией льгот (явная провокация против Путина, финансово бессмысленная, но политически опасная), видно это и по истории с Украиной, где Путина специально подставляли. Это видно и по пове-

* Комментарий Андрея Бунича на сайте www.polit.ru 27 февраля 2005 года

дению так называемых либералов в правительстве и в администрации, которые в наглой форме пытаются диктовать ультимативную модель развития для России — никаких инвестиций, все деньги на выплаты долгов, захваченная олигархами собственность священна, любое отклонение от примитивного монетаризма — недопустимо.

Но в этой ситуации Путин должен сделать выбор. Одна альтернатива — новый курс. Этот новый курс-решительно заявить программу по модернизации российской экономики, которая включает в себя такие меры, как реструктуризация промышленности, отказ от ускоренных выплат внешнего долга и использование накопленных от экспорта нефти финансовых ресурсов на технологический прорыв и государственные инвестиции в приоритетные проекты, борьба с олигархами, монополиями и обеспечение конкуренции, поддержание малого и среднего бизнеса, отмена наиболее вопиющих незаконных приватизационных сделок, а именно залоговых аукционов 1995 года, по которым через полгода истекает срок давности, переориентация экономической политики на социальные нужды и как начало — отмену монетизации. При этом все вышеперечисленное можно осуществить лишь на основе кадровой революции — народ ждет, чтобы президент поганой метлой разогнал зарвавшихся коррупционеров, олигархическую обслугу. Именно такого Путина страна хочет видеть и только провозгласив этот новый курс, Путин получит мощный народный импульс для своего второго срока.

Но есть и другая альтернатива. Попытка продолжать так называемый либеральный курс — ничего не трогать или делать лишь косметический ремонт в доме, который может рухнуть. В этом случае Путин может повторить судьбу Горбачева, он может потерять главное — доверие людей. И тогда он окажется полностью в руках аппарата, состоящего из людей, которые привыкли за последние 12 лет ловить рыб-

ку в мутной воде, которым любое ослабление президента на руку. Дальше смещение президента становится делом техники — предательство олигархических ставленников в аппарате, быстрая раскрутка российского Ющенко — Касьянова, при поддержке Запада и вот уже на дворе бархатная революция.

И действительно, если Путин уволил Касьянова, но продолжает касьяновский курс, то Касьянов в какой-то степени прав, критикуя его; действительно, он проводил олигархический либеральный курс в течение 4-х лет гораздо лучше — тогда и незачем было начинать историю с ЮКОСом. Поэтому, теперь, через год после отставки Касьянова и после его заявления о возможности своего выдвижения в президенты — логический шаг Путина объявить новый курс и тогда отставка Касьянова понятна и оправданна. Решится ли президент на смену курса или нас ждет бархатная революция, возможно, мы узнаем очень скоро.

С ДВОЕМЫСЛИЕМ НАПЕРЕВЕС*

Умственная жизнь современной России ознаменована примечательным феноменом, который, используя известный образ Джорджа Оруэлла, можно было бы назвать «квази-либеральным двоемыслием».

В неувядающем романе «1984» Оруэлл определил двоемыслие как способность держаться разом двух противоположных убеждений. Это теорема. Вывод из нее: «Говорить заведомую ложь и одновременно в нее верить, забыть любой факт, ставший неудобным, и извлечь его из забвения, едва он опять понадобился, отрицать существование объективной действительности и учитывать действительность, которую отрицаешь, — все это абсолютно необходимо».

Российский либерализм занял сейчас пикантную позу: политически и идеологически он находится как бы в оппозиции, не будучи окончательно чужд даже улицы, а административно и персонально — как бы во власти.

Из такого положения либерализма вытекает его субъективное позиционирование, способ мышления и речи. Либералы, с одной стороны, вынуждены, дабы не нарушать нормы политкорректности, следовать официальному мнению по «делу ЮКОСа», которое независимо от своей политической подоплеки выявило истинное — неприглядное — экономическое лицо отечественной олигархии. Но с другой стороны, всячески подталкивать президента РФ к «приватизационной амнистии», тотальному отпущению грехов по залоговым аукционам середины 90-х годов, которые породили олигархию, и ставить последней в заслугу экономический подъем России в начале XXI века.

* Литературная газета. 2005. 6 июня

В роли поборника «либерального двоемыслия» выступило не столько даже политико-идеологическое течение («узок их круг»), сколько идеологическое веяние, подкрепленное организационным уклоном «либерального фундаментализма».

Либеральный фундаментализм очень незамысловат. Вот его главные догматы. Рынок сам все отрегулирует. Государства не нужно, и ему надлежит по возможности быстрее уйти из экономической жизни. Эта догматика, каковую на Западе никто всерьез не принимает, к сожалению, легко прижилась на российской почве.

И ясно почему: крупнейшие монополии, в результате приватизации оказавшиеся в частных руках и теперь фактически выполняющие функции государства, решили использовать эту теорию в своих интересах. Для них либерализм — действительно свобода, ибо они могут делать все, что угодно, а с ними поделаться ничего нельзя.

Потому как-то получилось, что все лидеры либералов либо главные монополисты, либо их представители. Само по себе это абсурд, поскольку «либерал-монополист» — понятие несуществующее, так как эти термины несовместимы. Мы имеем дело с бюрократическим и олигархическим монополизмом, прикрытым либеральной фразеологией.

Настоящие предприниматели хорошо понимают это положение и всегда выступали против такого «либерализма», но их голоса не были слышны. Происходившее у нас в экономике в 90-е годы никакого отношения к либерализму не имеет.

Даже в «очищенной» форме либерализм далек от любых крайностей и требует одновременного применения инструментов государственного регулирования.

Заместитель директора Центра Дэвиса по изучению России и Евразии при Гарвардском университете М. Голдман заявил: «Накопив и капитал, и тактический опыт на черном рынке и других нелегальных предприятиях, эти умные и амбициозные люди знали, как действовать в обществе дефицита. Применяя нелегальные методы работы с капиталом и кредитами, многие олигархи учреждали банки, использовали прибыль для эксплуатации реформаторской ваучерной системы и скупали ресурсы страны. Они вынесли свою подпольную тактику на поверхность. Они получили преимущество. Более того, для достижения своих целей они использовали обман, угрозы и насилие».

«Создав дефектный фундамент, строители должны жить в постоянном ожидании того, что их здание приватизации будет периодически трясти, а то оно и вовсе разрушится». Неутешителен вывод Голдмана: «Это — дамоклов меч, занесенный над головами предпринимателей. Где гарантии, что Путин или его преемник, или кто-то еще не скажет: вы заплатили лишь сто миллионов долларов за имущество, цена которого миллиард, сделка была нечестной, и мы сажаем вас в тюрьму. Такое может быть не только в Москве, но и в провинции, и не только с олигархами, но и с «маленькими» людьми. Именно поэтому я столь резко критикую ваши реформы, потому что такие деятели, как Анатолий Чубайс и его американские советники, сотворили монстра».

Парадоксы российской приватизации, собственно, и составляют главную причину квазилиберального двоемыслия.

Парадокс первый

Приватизация на всех трех ее стадиях (их символами являются ваучер, «красный директор» и залоговый аукцион)

проводилась под знаменем создания эффективного частного собственника, который сумеет рационально распорядиться «бесхозным» национальным богатством. А ее итогом стало формирование сословия «собак на сене», которые толком не ведают, что им делать со свалившейся на них собственностью (если не считать таким делом ее разграбление).

Считается, что частный предприниматель, как правило, значительно лучше хозяйствует, чем чиновник-бюрократ. Но в России во многих случаях, особенно на крупнейших предприятиях, повышения эффективности не произошло. Это связано со многими факторами и прежде всего с отмеченной Голдманом неуверенностью собственников в том, что они получили эти предприятия навсегда, с юридической сомнительностью приватизационных сделок.

Искус паразитировать на уникальном положении этих предприятий и извлекать ренту, а также сверхприбыль от экспортно-импортных операций тоже снижают стимулы к эффективности. Не произошло реального улучшения в работе этих предприятий, внедрения новых технологий производства, изобретений и ноу-хау, новых форм организации и управления. Не оправдались надежды на привлечение инвестиций: чем крупнее приватизированное предприятие, тем меньше объем привлеченных инвестиций относительно активов капитализации предприятия.

Доходы от крупных приватизационных сделок не играли серьезной роли для бюджета. А во многих случаях, например на залоговых аукционах, суммы, полученные государством, были смехотворны. При этом даже эти суммы фактически были проплачены государством, т.е. переложены из одного кармана в другой.

Увеличение сбора налогов от приватизированных предприятий действительно имеет место при приватизации малых и средних предприятий, которые стали приносить больше налогов в бюджет. Но это с лихвой «компенсировалось» не-

уплатой налогов крупнейшими налогоплательщиками: они недоплатили в казну за 10 лет столько, что успешная работа всех остальных все равно не может помочь залатать бюджетные дыры.

Яркое свидетельство неэффективности приватизации — случайное распределение собственности по принципу «кто был ближе в момент распределения». Причина — отсутствие продуманной стратегии приватизации, ее политизированность и игнорирование структурных реформ.

Парадокс второй

Одной из важнейших задач приватизации и экономической реформы было обеспечение конкуренции, развитие предпринимательства и частной инициативы. Но из недр преобразований на свет божий появилась гидра олигархического монополизма, который душит конкуренцию, малый и средний бизнес.

Радикальные реформаторы полностью отошли от целей создания конкурентной среды и неожиданно стали делать прямо противоположное — передавать в руки частным компаниям естественные монополии, которые после залоговых аукционов сохранили исключительное положение на рынке и стали беззастенчиво эксплуатировать полученные возможности извлечения монопольных сверхдоходов.

Монополистические тенденции после приватизации не только не исчезли, но даже усилились. Это относится как к естественным монополиям, так и к приватизации в виде акционирования госпредприятий с сохранением за ними определенной доли рынка, доступа к кредитам, преференций, позволяющих единовластно контролировать сегмент рынка.

Парадокс третий

Радикальные реформаторы клялись и божились своим горячим стремлением уйти от Госплана и Госснаба, но фактически учинили новый гигантский распределитель, отнюдь не лучше советского.

Когда после приватизации развеялся реформаторский туман обещаний и посулов, оказалось, что вместо свободы рынка налицо сохранение распределительных тенденций в экономике. Крупнейшие акционерные общества наяву предстали обыкновенными бюрократическими и распределительными конторами. Произошло воспроизводство отношений административно-командной системы в новых исторических условиях. Пышным цветом расцвели такие явления, как «бюрократический бартер», «административная валюта», «телефонное право», то есть внеэкономические, внерыночные механизмы и взаимоотношения.

Возникла порочная система оценки работы предприятий. Ведь именно переход к объективным показателям был одной из главных целей реформ. А вышло так, что в новой российской экономике работа предприятий оценивается исключительно субъективно и индивидуально. Практически у всех крупных предприятий — индивидуальные условия налогообложения, кредитования, доступа к ресурсам, уровень тарифов и т. д. Чиновники научились распределять по-капиталистически. Снова у нас коммерческие результаты зависят не от предприимчивости, а от близости к телу.

Парадокс четвертый

Важной частью реформ было создание новой системы интересов, стимулов и мотиваций участников экономической деятельности, которая была бы нацелена на создание, рост, процветание, инновации. В натуре же была запущена раз-

рушительная для экономики система мотиваций под условным названием «игра с нулевой суммой».

При такой системе стимулов, когда кто-то выигрывает — другой обязательно проигрывает. Никто из участников экономических процессов не заинтересован ныне в развитии и создании нового, увеличении национального богатства, все заботятся о перераспределении — захватить, отнять, поделить. Пирог все меньше, а ожесточение, с которым бьются за его куски, — все ожесточеннее. Постепенно «игра с нулевой суммой» становится «игрой с убывающей суммой».

Участникам процесса не важно, как работают предприятия, у них нет интереса развивать бизнес. Их цель — урвать что-то или удержать захваченное. При такой системе мотивации участников невозможно нормальное функционирование как отдельных предприятий, так и экономики в целом. Те, кто преуспевает в условиях постоянного передела и захвата, чаще всего по своему складу не способны на нормальную работу, у них нет профессионализма, навыков, желания — это совершенно другой слой людей, просто лишенных чести и совести.

При самоедском строении экономики не срабатывают законы эволюции: они могут действовать с точностью до наоборот. Выигрывают не сильные, а слабые, так как слабые в эволюционном отношении индивиды могут оказаться сильнее в этой простой деятельности, а сложные функции остаются невостребованными.

Слабые объединяются в группы. Это возможно лишь потому, что система не является замкнутой, изолированной, иначе она вообще разрушилась бы. Поскольку система связана с другими крупными системами — с мировой экономикой, постольку сильные в эволюционном смысле индивиды, приспособленные для выполнения сложных функций, вытесняются из системы через эмиграцию на Запад, где как раз востребованы их способности.

Парадокс пятый

Крупнейшим ориентиром демократических преобразований было устранение недееспособной коррумпированной номенклатуры, приход к командным позициям в государстве и экономике новых компетентных людей, налаживание эффективных механизмов ротации кадров. Но на деле была воссоздана иерархическая вертикаль, делами в стране рулит новая номенклатура и слегка освеженная бюрократия, олигархия едва не подмяла под себя окончательно государство. В пору «семибанкирщины» Россия была на грани этого. Кадровой революции, на которую надеялись энтузиасты перемен на рубеже 80—90-х годов, так и не случилось.

Бюрократия оправилась от шока, приспособилась к переменам и даже научилась контролировать бизнес и предпринимательство. Для начала государственные ведомства просто стали переименовывать в акционерные общества и называть частными. Приватизация производилась по большей части в интересах воссоздания старой советской иерархии и политически имела смысл конвертировать властные полномочия старой советской номенклатуры в контроль над собственностью и финансовыми потоками.

Вначале были воссозданы ЦК КПСС — через директорскую «прихватизацию» с ее лозунгом «Даешь каждому директору по заводу!». Так весь слой партократов-назначенцев ЦК КПСС (несколько тысяч человек на ключевых должностях) превратился в капиталистов-собственников. В ходе директорской «прихватизации» горе-директора, нерадивые хозяева, неумехи, люди, не знающие ни производства, ни бизнеса, но поднаторевшие в интригах и знающие, как потрафить бездельникам на своем предприятии, — такие вот директора стали собственниками.

А дальше, раз есть ЦК КПСС, то необходимо политбюро, которое и было реанимировано через залоговые аукционы

1995 года, политическим смыслом которых было возвращение олигархии.

Олигархи — это назначенные чиновниками персоны, «уполномоченные» в свое время стать миллиардерами. В итоге была восстановлена вся советская вертикаль как на местном уровне, так и в каждой отрасли.

Парадокс шестой

Принципиальным доводом в пользу приватизации была нехватка инвестиций в экономику, и как раз в этой области мы видим колоссальный провал: сегодня инвестиций в крупные объекты практически нет.

Более того, тут возникает худший тип собственника — собственник тревожный, нервный, все время ждущий отъема и экспроприации. Такой собственник значительно хуже государства, так как в отличие от государства он не несет никакой ответственности на перспективу, а в сравнении с настоящим собственником — не заинтересован развивать предприятие.

Наоборот, происходят хищническое разворовывание предприятия и ничем не контролируемый вывоз капитала, которые убивают нашу экономику уже 12 лет. Инвестиционный цикл на крупных предприятиях подорван.

Это является яркой иллюстрацией того, что приватизация многих крупнейших предприятий (газ, нефть, электроэнергия, транспорт, связь) в наших условиях не имеет смысла. 90% проблем вокруг приватизации, нарушений, споров, скандалов дали именно эти сделки. Прежде всего по причине отсутствия инвестиций, причем не только дополнительных, а даже тех, которые не состоялись из-за оттока ресурсов.

Парадокс седьмой

Создание правового государства и действующей «по правилам честной игры» экономики было приоритетом реформ, однако строители нового правового государства сделали столько юридических нарушений при построении новой экономики, что дискредитировали наше экономическое законодательство и торпедировали дальнейшее хозяйственное развитие страны.

Оказалась невозможной нормальная капитализация акций крупных предприятий. В результате фиктивных, притворных, мнимых, ничтожных сделок создавались акционерные общества, чьи акции заведомо не могли стоить дорого на Западе: действительно, не может же дорого стоить краденое!

Другие распространенные нарушения были связаны с превышением полномочий участниками сделок. Прежде всего, это касается указов «прямого действия», когда президент Ельцин, забыв про Конституцию, напрямую, минуя правительство, раздавал собственность, акции, здания, кредиты, делал взносы в уставные фонды и т. д.

Все это может быть легко отменено или оспорено, причем не только постановлением российского суда, но в случае международных споров — иностранными судами.

Постоянно превышали свои полномочия и местные власти, губернаторы, которые раздавали не принадлежащие им объекты федерального подчинения. Повсеместной являлась практика, когда приватизированные предприятия брали на себя обязательства при приватизации, а затем их не выполняли — это касается как инвестиционных контрактов, так и соглашений о развитии и содержании социальной сферы целых регионов.

Очень часто обходились план и программа приватизации, запретительные списки, зачастую приватизировались стра-

тегически важные объекты, что ставило под угрозу обороноспособность и безопасность страны.

Однако вершиной правового беспредела все же определенно можно назвать залоговые аукционы 1995 года. Ситуация с ними не имеет вообще никакого логического объяснения, правительству вдруг понадобились 650 млн долларов. Их можно было легко занять — либо на рынке ГКО (хотя это и не очень красиво), либо на внешнем рынке. Относительно общего долга в 150 млрд долларов это крохи.

Но тут не правительство, а Потанин — тогда еще банкир, высказал «идею», что надо заложить акции крупнейших объектов с суммарной капитализацией 100 млрд долларов. И это было сделано. Причем еще более странно, что спустя два года государство и не подумало вернуть себе утраченное за бесценное имущество: оно из заложенного стало собственностью залогодержателей.

Парадокс восьмой

Изначально приватизация должна была обеспечить социальную справедливость, но ее итогом стало невиданное в мире расслоение общества на кучку сверхбогачей и большинство населения, живущее на грани бедности или за ней.

У нас все имущество было общим, принадлежало всему народу. Официально больших денег для платной приватизации на тот момент ни у кого быть не могло. Поэтому через бесплатную — ваучерную — приватизацию социальное напряжение предполагалось снять, обеспечив ее народной поддержкой. Идея была простой: частная собственность должна быть честной. Почему было так важно обеспечить приятие обществом результатов приватизации? Дело в том, что право не является абстрактным

понятием. Оно тесно связано с моралью, и право собственности не исключение.

Поэтому, если при передаче собственности возникли противоречия, если у людей появилось ощущение несправедливости, это означало, что правило бал лишь право сильного. Но когда кто-то становится мощнее сильного, он может оспорить его право, что и происходит сейчас. Общество же не будет защищать и признавать такое право.

Чудовищная социальная несправедливость, фарс ваучеризации, явный обман привели к очень сомнительной легитимности крупнейших собственников (речь идет именно о крупных предприятиях, так как приватизация остальных признана обществом). Возникло усеченное, чисто формальное право, не обеспеченное социально. Все это породило чудовищное отторжение людей, духовный кризис.

Приватизация не только отстранила население от дележа ранее общенародной собственности. Это еще полбеды. В довершение мытарств населения оказалось, что произошла лишь приватизация доходов олигархами, а расходы остались на государстве. Оно не только не дало держателям ваучеров кусочек собственности (пресловутые две «Волги»), но и отняло у себя самого те источники дохода, которые позволяли финансировать социальные программы!

Парадокс девятый

Практически все лидеры реформ — западники, но построенные ими государство и экономика весьма отдаленно напоминают западную демократию, почти не источает дух предпринимательства, свободы и конкуренции.

Вместо вестернизации мы получили архаизацию. В нашем случае это своего рода «неофеодализм». Специфические черты этого строя — господство бюрократа и олигарха, а

точнее — их нерушимый союз, аналогичный союзу коммунистов и беспартийных в советскую эпоху. Подобно феодалам олигархи получили от президента в подарок лучшие куски собственности, и совместно с бюрократами они жестко контролируют экономические процессы.

Настоящие механизмы внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции не работают, не существует реального ценообразования путем соотношения спроса с предложением, не соответствуют экономическим законам макроэкономические параметры, доминирует административный диктат, а не свободный рынок.

Произошла подмена понятий, социальная мимикрия, когда под новой, уже капиталистической оболочкой воссоздаются иногда либо элементы советско-номенклатурной системы, либо даже феодальные элементы, что-то из эпохи царского и помещичьего строя.

Подобная смена вывесок в политике и экономике привела к полному отчуждению населения от экономической, предпринимательской деятельности, сделав большинство людей, причем как просто наемных работников, так и менеджеров, а также малых предпринимателей лишь винтиками в гигантской бюрократическо-олигархической машине, лишенными возможности реализовать свой личностный, творческий, предпринимательский потенциал. Олигархический капитализм по своей внутренней природе тоталитарен.

Парадокс десятый

Новая демократическая и рыночная Россия должна была стать более современной, готовой к внутренним и внешним вызовам, к глубокой трансформации и эволюции. Но построенная за 12 лет экономическая система и сопутствующая ей политико-идеологическая конструкция не обладают чер-

тами реальной устойчивости, а постоянно репродуцируют системный кризис.

Экономика, которая сложилась у нас, объективно и неумолимо ведет к кризисным явлениям: кризисы для нее естественны. Несмотря на то, что после гайдаровской шоковой терапии и дефолта Кириенко всем казалось, что серьезные потрясения уже позади, это далеко не так. Пока сложившаяся в нашей экономике олигархическая, бюрократическая, криминальная структура не поменялась, кризис не только возможен, он неизбежен. Олигархическая структура неконкурентоспособна, не в состоянии обеспечить рост ВВП.

2005 год станет поворотным пунктом. Или президент пойдет по пути серьезных экономических реформ, смены политической парадигмы, отказа от провалившихся либеральных концепций и приступит к разрушению олигархического строя и разумному, гибкому государственному регулированию, поощрению малого и среднего бизнеса, экономической свободы и настоящего предпринимательства или нас может ожидать период стагнации, усиления негативных тенденций, а может — бархатная революция.

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

www.bunich.ru

«ПРИВАТИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ»

Информационно-аналитический портал

www.bunich.ru

отражает позицию и деятельность
известного российского экономиста,
автора книги «Осень олигархов»

Андрея Бунича

Портал **www.bunich.ru** предлагает последние новости

в области приватизации и национализации;

тенденций финансовых рынков;

прогнозов рынков сырья;

вопросов налогообложения и пр.

Читайте также актуальные комментарии
на основные события экономической жизни
в России и за рубежом

В портале размещены

публикации и интервью Андрея Бунича.

Представленные в портале мнения
ведущих российских экономистов, политиков
и людей, «делающих экономику» нашей страны,
помогут посетителям портала разобраться

в происходящих в стране экономических процессах
и сформировать собственную позицию

Портал www.bunich.ru
приглашает к сотрудничеству
СМИ, организации и частных лиц —
всех, кому небезразличны вопросы
экономического развития
и будущего России

Книга «Осень олигархов» —
первая в книжной серии
«Приватизация и национализация».
В 2005–2006 годах в рамках серии
планируется издать
новые книги Андрея Бунича
«Будущее российской экономики» и
«Экономическая реальность»

Андрей Бунич
ОСЕНЬ ОЛИГАРХОВ
ИСТОРИЯ ПРИХВАТИЗАЦИИ И БУДУЩЕЕ РОССИИ

Редактор *А. Парамонов*
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *О. Бондарева*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к.5
Тел.: (095) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16.
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.08.2005.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 1842.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Бунич Андрей Павлович — известный российский экономист. Кандидат экономических наук, специалист в области российской и мировой экономики, автор нескольких книг и учебных пособий. Андрей Бунич руководит работой Международного фонда содействия предпринимательству, возглавляет Союз предпринимателей и арендаторов России.

Убежденный сторонник развития частного предпринимательства, ведет активную работу по налаживанию государственного регулирования в стратегически важных областях экономики России, главный идеолог пересмотра результатов залоговых аукционов 1995 года.

«Наше включение в мировое сообщество требует не ослабления государственного регулирования вообще, а ослабления его административного воздействия. Что же касается экономического воздействия государства, косвенного регулирования, то оно обязательно должно усилиться, параллельно, разумеется, с децентрализацией торгово-хозяйственных связей».

Андрей Бунич. "Лазеры за бутерброды". Газета "Труд", 5 июня 1990 г.

«Новые хозяева предприятий не вкладывают деньги в производство, они выкачивают деньги из страны. Так как собственность приобреталась преступным путем, она рассматривается как временное имущество, находящееся в недолгосрочном пользовании. Соответственно такие хозяева думают лишь о том, чтобы, не вкладывая ни копейки, получить какую-то прибыль в настоящем и побыстрее перевести ее за рубеж».

Интервью Андрея Бунича телеканалу "Россия" 1 марта 1995 г.

«Если мы не ответим на вопрос "Что делать?". В России произвели утратили преимущества социализма, приобрели преимуществ капитала».

Пресс-конференция Андрея Бунича в РИА "Новости" 13 апреля 1995 г.

Имя: Andrei Pavlovich
Фамилия: Bunich
Имя отчество: Andrei Pavlovich
Описание: Osen sligarkhov istoria prikhvatizatsii

15387 Distributed by A2087001
EAST VIEW PUBLICATIONS, INC.
eastview@eastview.com
Fax: (763) 559-2931
www.eastview.com